UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00295392 5

СИМЕОНЪ ПОЛОЦКІЙ

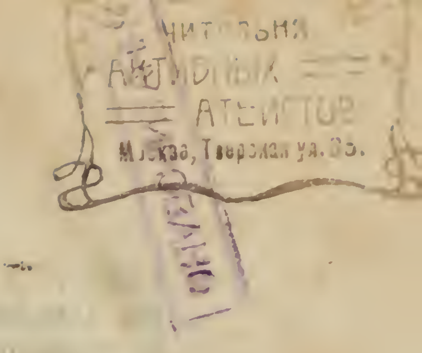
(ЕГО ЖИЗНЬ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ)

Опытъ изслѣдованія изъ исторіи просвѣщенія и внутренней церковной жизни во вторую половину XVII вѣка.

Іероѳея Татарскаго.

МОСКВА.
Типографія М. Г. Волчанинова (бывшая М. Н. Лаврова и Ко.),
Леонтьевскій переулокъ, домъ Лаврова.
1886.

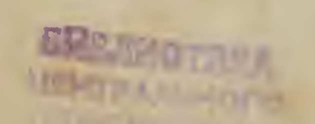
Печатано по опредѣленію Совѣта Московской Духовной Академіи.
Ректоръ Академіи Архим. *Христофоръ*.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Введеніе.

Стран.



ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Симеонъ Полоцкій.

Введеніе.

Общее историческое положеніе личности Симеона Полоцкаго.

Личность Симеона Полоцкаго въ исторіи тѣсно связана съ тѣмъ просвѣтительнымъ движеніемъ, которое съ особенною силою открылось въ Московской Руси со второй половины XVII вѣка. Грубое невѣжество, исторически унаслѣдованное отъ прежнихъ временъ, стояло теперь въ совершенномъ противорѣчіи съ новыми требованіями жизни и пробудило въ сознаніи лучшихъ людей эпохи мысль о необходимости поворота. На встрѣчу открывшейся потребности въ просвѣщеніи появилось здѣсь въ это время не малое число почтенныхъ и ревностныхъ дѣятелей, и между ними Симеону Полоцкому принадлежитъ едва ли не самое выдающееся значеніе. Такимъ образомъ, чтобы опредѣлить историческое положеніе личности Симеона Полоцкаго и удобнѣе соразмѣрить впослѣдствіи его просвѣтительныя заслуги, необходимо бросить общій взглядъ на исторически сложившуюся картину этого невѣжества, которое обширностію своихъ размѣровъ и притязаній условливало общее направленіе жизни и дѣятельности этого замѣчательнаго человѣка.

Не имѣвъ возможности, вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ историческихъ условій, развить самобытные источники просвѣщенія, Русь Московская издревле, по преданію, получала его отъ Византіи; но, съ политическимъ упадкомъ Греціи, этотъ и прежде уже слабый токъ просвѣщенія почти совершенно прекратился. Съ другой стороны, усвоенное ею византійское начало удаляло ее отъ всякаго сближенія съ латинскимъ западомъ и, въ особенности, устраняло приходившія оттуда всякаго рода знанія и науки. Отсюда, въ области просвѣщенія, до просвѣтительныхъ начинаній XVII вѣка, здѣсь образовался полный застой, совершенная исключительность, основанная на ревнивомъ оберeганіи древнихъ преданій, занесенныхъ сюда изъ Византіи.

Въ Москвѣ, до самаго учрежденія при патріархѣ Филаретѣ греко-латинской школы уже около половины XVII вѣка, не было въ собственномъ смыслѣ школъ, въ которыхъ преподавались бы какія либо науки. Главными разсадниками грамотности и нѣкотораго книжнаго просвѣщенія были до того времени лишь монастыри. Здѣсь сосредоточивались и сохранялись дошедшія до нашего времени обширныя библіотеки по древней письменности; здѣсь же, преимущественно, получали свое образованіе и тѣ немногія лица изъ духовной іерархіи русскаго происхожденія, которыя извѣстны какъ замѣчательные дѣятели въ исторіи нашего древняго просвѣщенія. Но монастырское образованіе было, всетаки, слишкомъ не высоко; оно состояло, большею частію, только въ одной начитанности, въ простомъ умѣньи читать и переписывать книги, и даже въ такомъ своемъ видѣ распространялось не на многихъ. Поэтому, даже монашеское духовенство въ древней Руси составляло разрядъ людей, большею частію, невѣже-

ственныхъ, и на ученыхъ монаховъ того времени, достигавшихъ иногда большаго умственнаго превосходства путемъ самообразованія, должно смотрѣть только какъ на замѣчательныя и весьма рѣдкія исключенія.

Лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить то обстоятельство, что даже высшія іерархическія должности въ Московской Руси были занимаемы лицами, хотя и выходившими почти исключительно изъ монастырей, но не всегда съ достаточнымъ для того образованіемъ. Въ шестнадцатомъ вѣкѣ о епископѣ Тверскомъ Акакіи, въ сказаніи о приходѣ на Русь Максима Грека, говорится, что онъ „*мало ученъ бѣ грамотѣ*". [1]) А Флетчеръ изъ того же времени объ одномъ епископѣ нашемъ въ Вологдѣ передаетъ слѣдующій, почти невѣроятный въ этомъ отношеніи фактъ: прочитавъ, по предложенію этого иностранца, первую главу Евангелія отъ Матѳея, епископъ не могъ ему отвѣчать—какую часть Евангелія составляетъ то, что онъ сейчасъ читалъ. Спрошенный о числѣ Евангелистовъ, онъ отвѣчалъ: „не знаю". На вопросъ: зачѣмъ онъ поступилъ въ монахи, сказалъ: „чтобы ѣсть хлѣбъ въ покоѣ" [2]). Олеарій даже о патріархѣ Филаретѣ отзывается, что онъ былъ не очень свѣдущъ въ дѣлахъ вѣры и не могъ спорить съ иностранцами [3]); и дѣйствительно изъ печальной исторіи преподобнаго Діонисія, по поводу исправленія Потребника, мы знаемъ, что даже къ такому вопросу, какова прибавка въ молитвѣ во-

---

[1]) Опис. рук. Синод. библ. 2. II. 580 стр.

[2]) Рущинскій: Религіозный бытъ русскихъ у иностранцевъ XVI и XVII вв. Чтенія общ. ист. и древн. росс. 1871 г. кн. 3, 170 стр.

[3]) Тамъ же.

доосвященія—*и огнемъ*, онъ не могъ отнестись самостоятельно, а долженъ былъ испрашивать объ этомъ особую грамоту отъ восточныхъ патріарховъ. О преемникѣ Филарета, патріархѣ Іосифѣ, извѣстно, что, заботясь о распространеніи въ Россіи церковныхъ книгъ, по возможности, въ исправнѣйшемъ изданіи, онъ, по недостатку надлежащаго научнаго просвѣщенія къ тому, довѣрилъ завѣдываніе этимъ дѣломъ протопопу Аввакуму съ его единомышленниками, и тѣ наполнили книги преднамѣренными ошибками и заблужденіями, ставшими съ тѣхъ поръ краеугольнымъ камнемъ для всѣхъ послѣдующихъ расколо-учителей.

Если въ столь неблагопріятномъ свѣтѣ представляется образованность лицъ, выходившихъ изъ монастырей даже на высшія іерархическія должности, то легко представить себѣ, что оставалось въ самыхъ монастыряхъ, и каково, вообще, было просвѣщеніе простаго монашескаго духовенства. По свидѣтельству Поссевина, нѣкоторые монахи наши не знали даже, какой у нихъ въ употребленіи монашескій уставъ [1]). А Петрей объ умственныхъ качествахъ нашихъ монаховъ дѣлаетъ слѣдующій рѣзкій отзывъ: „монахи ужасно неприличны, неучены и не умѣютъ ничего отвѣтить, если спросить что нибудь изъ Библіи или отцевъ, объ ихъ вѣрѣ, уставѣ и образѣ жизни; они простосердечно говорятъ, что не въ состояніи отвѣтить на эти вопросы, потому что содержатъ себя въ простотѣ и невѣдѣніи, не умѣютъ ни читать, ни писать“ [2]). Конечно, не всѣ были таковы. И въ средѣ простаго монашескаго

---

[1]) Рущинскій. Чт. общ ист. и древн. росс. 1871 г. кн. 3, 172 стр

[2]) Тамъ же.

духовенства въ старину часто находились люди, отличавшіеся обширною начитанностію въ Божественныхъ писаніяхъ; но, лишенные научнаго образованія, они, всетаки, составляли большею частію, разрядъ такихъ книжниковъ, о которыхъ еще Максимъ Грекъ отзывался, что, *„не навыкнувъ по сущему тайны священныя философіи богословцевъ, они по чернилу точію проходятъ... сего ради и множайшими согрѣшаютъ“* [1]). Мало того: многіе изъ нихъ, считая начитанность самодовлѣющею мудростію, даже прямо отрицали всякое книжное ученіе; отчего здѣсь происходило уже не простое только невѣжество, но и невѣжество самоувѣренное, надмѣвающееся. Таковъ былъ, напримѣръ, Логинъ, который *„хитрость грамматическую и философство книжное называлъ еретичествомъ“* [2]). Таковые же были и всѣ вообще обличители преподобнаго Діонисія, которые, принимаясь разсуждать о столь важномъ дѣлѣ, какъ исправленіе книгъ, сами, по отзыву Арсенія Глухаго, *„едва азбукѣ умѣютъ, не знаютъ, кои въ азбукѣ письмена гласныя, и согласныя, и двоегласныя; а еже осьмъ частей слова разумѣти и къ симъ пристоящая, сирѣчь роды, и числа, и время, и лица, званія же и залоги, то имъ ниже на разумъ всхаживало. Священная же философія и въ рукахъ не бывала“* [3]).—Такъ было въ монастыряхъ, въ которыхъ, по свидѣтельству иностранцевъ [4]), всетаки, были низшія школы, и которые, по характернымъ особенностямъ въ духовномъ настроеніи древней

---

[1]) Соч. Максима Грека. Т. III 70 стр.
[2]) Житіе преп. Діонисія 21—22 стр.
[3]) Рукоп. Моск. Дух. Акад. № 177-й л. 427.
[4]) Рущинскій. Чт. об. ист. и древн. росс. 1871 г. т. 3, 176 стр.

Руси, по преобладанію въ ней религіознонравственной письменности, были, вообще, тогда центрами просвѣщенія.

Внѣ монастырей, въ средѣ бѣлаго духовенства и міранъ состояніе просвѣщенія въ Московской Руси было еще печальнѣе. Здѣсь даже простая грамотность была чрезвычайною рѣдкостію; потому что вовсе не было необходимыхъ для распространенія оной правильно организованныхъ школъ. — Къ началу XVI вѣка на Руси было такъ мало просто грамотныхъ людей, что даже некого было ставить на низшія церковныя должности, и св. Геннадій, архіепископъ Новгородскій, въ посланіи къ тогдашнему митрополиту Симону, слѣдующимъ образомъ изображаетъ свое затруднительное положеніе въ этомъ отношеніи: „приведутъ ко мнѣ мужика, и я велю ему апостолъ дати чести, а онъ и ступить не умѣетъ; я ему велю псалтырь дати, а онъ и потому едва бредетъ; и я его отреку, а они извѣтъ творятъ: *земля, господине, такова, не можемъ добыти, кто гораздъ грамотѣ*“ [1]). Во избѣжаніе крайности — ставить на священнослужительскія должности совершенныхъ неучей, св. Геннадій обращается къ митрополиту съ просьбою „*печаловаться*“ предъ государемъ, Іоанномъ III, о заведеніи, по крайней мѣрѣ, низшихъ школъ грамотности для обученія духовенства. Въ предполагаемыхъ училищахъ онъ предлагаетъ учить: „первое азбука граница истолкована совсѣмъ, да и подтительныя слова, да Псалтыря съ слѣдованіемъ на крѣпко; а какъ то изучатъ, могутъ послѣ того, проучивая, и канонархати и чести всякія книги“ [2]). Но открытіе училищъ и съ такимъ даже

---

[1]) Акты историч. I, т. № 104.
[2]) Тамъ же.

не притязательнымъ курсомъ ученія едва ли осуществилось на самомъ дѣлѣ; потому что чрезъ пятьдесятъ слишкомъ лѣтъ Стоглавъ въ 25 главѣ своей снова говоритъ о ставленникахъ: „ставленники, хотящіе въ діаконы и попы ставиться, мало грамотѣ умѣютъ; поставить ихъ святителямъ—противно священнымъ правиламъ, а не поставить—святыя церкви будутъ безъ пѣнія, православные христіане начнутъ умирать безъ покаянія“. Съ своей стороны, Стоглавъ также дѣлаетъ распоряженіе объ учрежденіи первоначальныхъ училищъ для образованія духовенства, постановивъ въ 26 главѣ своей: „выбрать во всѣхъ городахъ добрыхъ священниковъ и діаконовъ и въ ихъ домахъ учинить училища для обученія пѣнію, чтенію и кононарханію“. Но, сдѣлавъ такое постановленіе, отцы Стоглаваго собора не позаботились, однако же, оградить фактическое осуществленіе онаго какими нибудь опредѣленными матеріальными гарантіями, а предоставили все дѣло на добрую волю частныхъ духовныхъ лицъ; поэтому, какъ ни силенъ былъ авторитетъ этого собора въ тогдашнемъ обществѣ, это постановленіе его едва ли имѣло большое значеніе на практикѣ, и печальное состояніе просвѣщенія того времени едва ли имъ было подвинуто впередъ. По крайней мѣрѣ, объ этомъ можно судить изъ того, что соборъ Вселенскихъ Патріарховъ, утвердившій въ 1593 г. патріаршество въ Россіи, снова предлагаетъ и даже постановляетъ правиломъ заводить въ Россіи училища, возлагая въ 7-й главѣ своихъ опредѣленій главное попеченіе объ этомъ на епископовъ [1]). Съ этимъ вполнѣ согласуются и извѣстія иностранцевъ. Іоаннъ

---

[1]) Дѣянія этого собора напечатаны въ «*Скрижали*», изданной патр. Никономъ въ 1656 г.

Кобенцель (1575) сообщаетъ, что „во всей Московіи нѣтъ школъ и другихъ способовъ къ изученію наукъ, кромѣ того, чему можно научиться въ монастыряхъ“ [1]). А Маржеретъ (1600—1606) пишетъ: „народъ русскій не знаетъ ни школъ, ни университетовъ. Одни священники наставляютъ юношество чтенію и письму, чѣмъ, впрочемъ, не многіе занимаются“ [2]).

При столь полномъ отсутствіи правильно организованныхъ способовъ просвѣщенія, даже въ самыхъ первоначальныхъ его основаніяхъ, и образовался въ древней Руси особый родъ профессіи вольнонаемныхъ учителей, такъ называемыхъ „*мастеровъ*“, которые за извѣстную плату могли обучать желающихъ чтенію и письму. Эти мастера и были здѣсь, такимъ образомъ, главными носителями просвѣщенія; и если въ лѣтописяхъ и житіяхъ встрѣчаются иногда о нѣкоторыхъ лицахъ замѣтки въ родѣ: „*возраста достигшу, вданъ бываетъ родителеми книгамъ учитеся* (о митр. Петрѣ)“, то ихъ со всею вѣроятностію и должно относить къ этимъ, именно, учителямъ—мастерамъ. Объ этихъ мастерахъ совершенно опредѣленнымъ образомъ говоритъ св. Геннадій въ томъ же посланіи своемъ къ митрополиту Симону, жалуясь на ихъ излишніе поборы съ своихъ учениковъ. О нихъ же упоминается и въ Стоглавѣ, гдѣ плохо приготовленные ставленники говорятъ святителямъ: „*мы учимся у своихъ отцевъ или у своихъ мастеровъ, а больше намъ учится негдѣ*“ [3]). Но каково

---

1) Starczewsk. histor. Ruthen. scriptres exteri Ioan. Cobencel. II. 15 p.

2) Сказанія современн. Самозванца ч. III. 27 стр.

3) Стоглавъ гл. 25. Были даже особые мастера, обучавшіе церковному пѣнію, такъ назыв. „роспѣвщики и творцы“, которые, подобно древнимъ рапсодамъ, путешествовали съ

было просвѣщеніе, распространяемое подобными учителями—мастерами, это само по себѣ очевидно. Св. Геннадій жалуется, что ученикъ „какъ отойдетъ отъ мастера, то ничего не умѣетъ, только по книгѣ бредетъ, а церковнаго устава ничего не знаетъ“; въ Стоглавѣ же прямо говорится, что „мастеры эти и сами мало грамотѣ умѣютъ и силы въ Божественномъ Писаніи не разумѣютъ“.

Правда, кромѣ этихъ учителей мастеровъ, въ Московской Руси нельзя, также, совершенно отрицать и бытіе частныхъ школъ. Существованіе этихъ школъ, особенно къ концу XVI вѣка, можно со всею вѣроятностію предполагать при нѣкоторыхъ приходскихъ церквахъ; ихъ, такъ же могли устраивать отъ себя и желающіе міряне. Но этихъ школъ было, всетаки, такъ мало, что ихъ недостаточно было даже для образованія духовенства, и получаемое въ нихъ образованіе мало чѣмъ возвышалось надъ изученіемъ букваря [1]).

Такой недостатокъ образовательныхъ средствъ и учрежденій въ Московской Руси естественно породилъ въ ней недостатокъ просвѣщенія, или, лучше сказать, оба эти явленія были такъ тѣсно и органически связаны здѣсь между собою, что одно обу-

---

этою цѣлью по разнымъ городамъ и странамъ русскимъ. Такъ, въ статьѣ „откуду и отъ коего времени начася быти въ Рустѣй земли осмогласное пѣніе“, относящейся къ концу XVI, или къ началу XVII в., говорится: „Иванъ Носъ, да Христіанинъ (знаменитые пѣвцы) были во царство благочестиваго царя Ивана Васильевича. И были у него съ нимъ въ любимомъ его селѣ, въ слободѣ Александровѣ; а Стефанъ Голышъ тутъ не былъ, ходилъ по градомъ и училъ Усольскую страну“ (Ундольскій: ст. о церк. пѣніи въ Россіи; 22) стр.

[1]) С. Смирновъ: Исторія Моск. Славяно-греко-латинской Академіи, 4 стр.

словливалось другимъ, одно необходимо вытекало изъ другаго. Недостатокъ просвѣщенія въ русскомъ обществѣ XVI и XVII в. распространялся на всѣ сословія и былъ, во всякомъ случаѣ, еще сильнѣе того, какой мы уже наблюдали въ монастыряхъ. Даже высшіе слои общества, князья и бояре, въ отношеніи образованія своего, мало чѣмъ отличались отъ общей массы невѣжества. Въ XVI в. часто встрѣчаются записи и грамоты, гдѣ замѣчено, что князья и дѣти боярскіе потому не приложили къ нимъ рукъ своихъ, что „*грамотѣ не умѣютъ*“ [1]). Въ самомъ „Домостроѣ“, представляющемъ собою собраніе всѣхъ необходимѣйшихъ правилъ жизни и, можно сказать, полный кругъ понятій русскаго человѣка конца XVI вѣка, вовсе не находится увѣщанія отцамъ учить своихъ дѣтей грамотѣ, которая признается здѣсь необходимостію только для людей приказныхъ и духовенства! По этому-то, когда въ 1581 году Поссевинъ предлагалъ Грозному: „послать (въ Римъ) на время нѣкоторыхъ людей, хотя изъ младыхъ, которые умѣли бы читать и писать, а тамъ ихъ самъ обѣщаетъ вѣрно въ вѣрѣ греческой у старыхъ отцевъ учити съ иными, которые въ Римъ съ Востока присланы“, царь Иванъ Васильевичъ, конечно, единственно изъ осторожности, но и не безъ основанія отвѣчалъ ему: „невозможно избрать такихъ людей, которые бы къ такому дѣлу были годны, а какъ такіе люди обраны будутъ, и впредь такихъ людей къ папѣ пришлютъ“ [2]). Даже въ XVII вѣкѣ сынъ одного изъ самыхъ образованныхъ тогдашнихъ вельможъ, князя В. В. Голицына, Алексѣй, ѣздилъ уже въ походы за государемъ, подавалъ чело-

[1]) С. Соловьевъ: Ист. Росс. 7 т. 240. стр.
[2]) Древн. Росс. Вивл. VI. 97, 101 стр.

битныя о земляхъ и въ это самое время начиналъ только писать склады [1]).

Духовенство, по самому характеру служенія своего призванное къ относительному превосходству предъ мірянами, по крайней мѣрѣ, со стороны своего религіознаго образованія, на самомъ дѣлѣ вовсе почти не проявляло такого превосходства. Возникая изъ среды тѣхъ же міряпъ и преимущественно даже изъ низшихъ классовъ народа, оно если и возвышалось нѣсколько надъ темнымъ невѣжествомъ этого послѣдняго, то скорѣе количествомъ грамотныхъ людей, чѣмъ качествами своего образованія. Объ образованіи его въ XVI столѣтіи можно уже судить въ извѣстной степени по вышеприведеннымъ характеристикамъ архіеп. Геннадія и Стоглава: тоже самое свидѣтельствуютъ и бывшіе тогда въ Россіи иностранцы. Бернштейнъ (1579 г.) въ средѣ бѣлаго духовенства нашего не могъ найти ни одного человѣка, который былъ бы въ состояніи объяснить ему различіе между католичествомъ и православіемъ [2]). Поссевинъ (1581 г.) удивляется крайнему невѣжеству нашего духовенства, не знавшаго, по его словамъ, даже основныхъ началъ грамоты [3]). А. Флетчеръ (1588 г.) сообщаетъ, что священники наши, поставляемые безъ большаго испытанія, не могли представить ему ни одного мѣста изъ Св. Писанія въ подтвержденіе православнаго ученія о Троицѣ [4]). Въ XVII вѣкѣ, несмотря на просвѣтительныя начинанія предшествующаго времени, просвѣщеніе въ средѣ бѣлаго духовенства нашего едва ли подвинулось впередъ.

---

[1]) Соловьевъ: Ист. Росс. XIII т. 162 стр.

[2]) Рущинскій: Чт. общ. ист. и древн. росс. 1871 г. т. III. 173 стр.

[3]) Тамъ же 171 стр.

[4]) Тамъ же.

Старецъ Арсеній Глухой, обличая невѣжество своихъ противниковъ, въ числѣ которыхъ находились и лица изъ бѣлаго духовенства, съ полною увѣренностію предполагаетъ, что даже лучшіе изъ нападавшихъ на него священниковъ едва ли въ состояніи объяснить слова Богородична: „*не во двою лицу раздѣляемъ, но во двою естеству не смѣстно познаваемъ*",—справедливо заключая отсюда, что въ дѣлѣ пониманія истинъ вѣры они „*ничимже разнствуютъ невѣжду и поселянина*" [1]). Мало того: изъ архіерейскаго служебника митрополита Ростовскаго Іоны, гдѣ находится любопытное замѣчаніе архидіакону, чтобы онъ, во время чтенія Апостола, предварительно прочитывалъ свое Евангеліе, — можно усматривать, что и въ это время, даже лица участвовавшія въ архіерейскомъ Богослуженіи, не всегда были настолько тверды въ грамотѣ, чтобы прочитывать нужныя мѣста изъ Св. Писанія безъ предварительнаго приготовленія [2]). Вотъ почему даже отдаленный по времени соборъ 1667 года постановляетъ, чтобы священники, по крайней мѣрѣ, сами учили дѣтей своихъ и, такимъ образомъ, приготовляли бы ихъ на свои мѣста; чтобы они не допускали поставляться во священство сельскимъ невѣждамъ, изъ которыхъ иные „*ниже скоты пасти умѣютъ, колмы паче людей*" [3]).

При недостаткѣ просвѣщенія въ высшихъ, руководящихъ слояхъ общества, при невѣжествѣ духовенства, въ средѣ котораго, по выраженію Максима

---

[1]) Рукоп. М. Д. Ак. № 177, л. 427.

[2]) Опис. рук. синод. библ. отд. III. I, т. 96 стр. На ростовской каѳедрѣ въ XVII в. было два митрополита Іоны: одинъ около 1604 г., другой—отъ 1652 до 1691. г. См. тамъ же, 92 стр.

[3]) Дополн. къ актамъ историч. V т. 473 стр.

Грека, „*нѣсть ни единъ учай прилѣжнь*“ [1]), ничего уже и говорить о простомъ народѣ, просвѣщеніе котораго, при данныхъ условіяхъ, явилось бы, очевидно, чѣмъ то совершенно исключительнымъ. Крайнее невѣжество его, со всѣми вытекающими отсюда суевѣріями, заблужденіями и пороками, составляетъ преобладающую тему древне-русской обличительной литературы. Въ чувствѣ удивленія къ нему согласуются всѣ бывшіе въ Россіи иностранцы, изъ которыхъ Олеарій полагаетъ даже, что развѣ только особенное наитіе Божіе изведетъ изъ тьмы его русскій народъ [2]). Книжная премудрость, которой причастенъ былъ, по свидѣтельству иностранцевъ, едва одинъ изъ тысячи народа [3]), была въ глазахъ его чѣмъ то недосягаемо возвышеннымъ, неприступнымъ; а самая книга въ дѣтски-наивной фантазіи его возросла до какихъ-то мистически—чудовищныхъ, стихійныхъ размѣровъ:

Восходила туча сильна грозная,
Выпадала книга голубиная,
И не малая, не великая:
Долины книга сороку сажень,
Поперечины двадсяти сажень....
Никто ко книгѣ не приступится
Никто ко Божіей не пришатнется...

Ко книгѣ „доступается“ только одинъ „Премудрый царь Давидъ Евсеевичъ“, но и тотъ не въ состояніи ее прочесть!

Правда, и при господствѣ столь полнаго невѣжества во всѣхъ слояхъ древне-русскаго общества,

---

1) Сочин. Макс. Грека II т. 139 стр

2) Олеарій. Чт. общ. истор. и древн. росс. 1868 г. кн. 3.

3) Рущинскій. Чтенія об. истор. и древн. росс. 1871 г. кн. 3 176 стр.

нельзя совершенно уже отрицать бытіе въ немъ сравнительно просвѣщенныхъ людей. И здѣсь, какъ въ монастыряхъ, были, конечно, люди болѣе или менѣе возвышавшіеся надъ общимъ уровнемъ невѣжества, сознавшіе это зло и даже стремившіеся, по возможности, устранить его причины, или же ослабить слѣдствія. Тотъ же самый соборъ (1667 г.), который столь рѣзко осудилъ невѣжество сельскаго духовенства, не умѣвшаго, по его выраженію, и скоты пасти не только людей,—замѣчаетъ, всетаки, „что ему извѣстно сотворится, яко въ Россійстѣмъ народѣ обрѣтаются священницы и діаконы, имущіи разумъ Божественныхъ Писаній“ [1]). Но дѣло въ томъ, что такіе люди, составляя, безсомнѣнія, ничтожное меньшинство, и сами въ себѣ, по большей части, вовсе не соединяли свойствъ истиннаго просвѣщенія. „По русски философскихъ ученій съ давнихъ лѣтъ не бывало“ [2]): это значитъ, что въ древне-русскомъ обществѣ, въ сущности, никогда не было науки, а отсюда, не могло быть въ немъ и истиннаго просвѣщенія. Какъ и въ монастыряхъ, въ немъ были одни только книжники, но вовсе не было ученыхъ; и если нѣкоторые изъ этихъ книжниковъ пріобрѣтали начитанность въ Божественныхъ Писаніяхъ, при данныхъ условіяхъ, по истинѣ изумительную, то огромное большинство ихъ не только было совершенно чуждо наукѣ, но и относилось къ ней съ полнымъ пренебреженіемъ. Вотъ что пишетъ, напримѣръ, одинъ изъ такихъ книжниковъ въ XVI вѣкѣ: „братіе, не высокомудрствуйте, но во смиреніи пребывайте, по сему же и прочая разумѣвайте.

---

[1]) Дополн. къ акт. истор. V т. 493 стр.

[2]) Ак. истор. т. III, № 293. См. А. Смирновъ. Патр. Филаретъ Никитичъ 114 стр.

Аще кто ти речетъ: вѣси ли всю философію? И ты ему рцы: Еллинскихъ борзостей не текохъ, ни риторскихъ астрономъ не читахъ, ни съ мудрыми философы въ бесѣдѣ не бывахъ; учуся книгамъ благодатнаго закона. аще бы мощно моя грѣшная душа очистити отъ грѣхъ" [1]). Что такое презрѣніе къ наукѣ было весьма распространеннымъ въ тогдашнемъ обществѣ русскомъ, объ этомъ сохранилось свидѣтельство Курбскаго, жившаго въ Польской Руси и сочувствовавшаго просвѣщенію: „Бога ради не потакаемъ безумнымъ", пишетъ онъ, „паче же лукавымъ, мнящимся быти учительми, паче же прелестникомъ: яко самъ азъ отъ нихъ слышахъ, еще будучи во оной русской землѣ подъ державою Московскаго Царя; глаголютъ бо они прельщающи юношъ тщаливыхъ къ науцѣ, хотящихъ навыкати писанія: не читайте книгъ многихъ; и указуютъ на тѣхъ, кто ума изступилъ; и онъ сица во книгахъ зашелся, а онъ сица въ ересь впалъ. О, бѣда! Отчего бѣсы бѣгаютъ и исчезаютъ, и чимъ еретицы обличаются, а нѣкоторые исправляются. сіе они оружіе отъемлютъ и сіе врачевство смертоноснымъ ядомъ нарицаютъ" [2]).—Не уничтожилась въ русскомъ обществѣ, если только не увеличилась подъ вліяніемъ противодѣйствія новымъ просвѣтительнымъ начинаніямъ, такая вражда и совершенное презрѣніе къ наукѣ и XVII вѣкѣ. Объ этомъ можно судить, по крайней мѣрѣ, изъ той особенной настойчивости, съ какою „мудроборцевъ" этого времени обличаетъ просвѣщенный сербъ Юрій Крижаничъ: „не знаю", говоритъ онъ, между прочимъ, „кто первый посѣялъ на Руси столь ложный предразсудокъ, или мудро-

---

1) Опис. рукоп. Румянц. музея № CCCXXVI, 463 стр.
2) Опис. рукоп. Румянц. музея № CCCLXXVI, 557 стр.

борскую ересь, по которой говорятъ: богословіе, философія и языковъ ученіе нѣсть ино, неже ересь" [1].— Но одна книжная начитанность, безъ науки, очевидно, не могла вести къ истинному просвѣщенію; путемъ ея могли быть пріобрѣтаемы только свѣдѣнія поверхностныя, отрывочныя, исполненныя разныхъ заблужденій и крайняго смѣшенія понятій. Таковы на самомъ дѣлѣ и были древне-русскіе книжники. Въ XVI вѣкѣ цѣлый соборъ этихъ книжниковъ (Стоглавъ) допустилъ такія постановленія, изъ которыхъ иныя, впослѣдствіи на соборѣ же (1666 г.), были признаны писанными „*неразсудно, простотою и невѣжествомъ*" [2]); а въ XVII столѣтіи, когда исправленіе Богослужебныхъ книгъ стало вопросомъ неотложной необходимости, московскіе книжники не могли напечатать ни одной книги, не надѣлавъ въ ней тьмы ошибокъ, не исказивъ въ текстѣ иногда самого простаго смысла, въ заключеніе прося лишь извиненія въ томъ и то только для виду.

Такимъ образомъ, какъ въ монастыряхъ, такъ и внѣ ихъ, во всѣхъ классахъ русскаго общества XVI и XVII вв. господствовалъ сильный недостатокъ просвѣщенія, граничащій съ состояніемъ самого темнаго и грубаго невѣжества.—Поставленное въ неблагопріятныя условія для своего развитія, удаленное отъ общенія съ западно-европейскими народами, оно осуждено было довольствоваться только разработкою тѣхъ началъ, которыя издавна сложились въ его собственной средѣ, и въ XVI вѣкѣ дошло въ развитіи этихъ началъ до крайняго предѣла. Подъ вліяніемъ замкнутости въ немъ образовалось преувеличенное и воз-

---

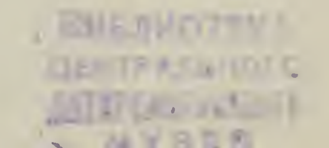
[1]) Русское Государство въ половинѣ XVII в. раздѣлъ 1-й 110 стр.

[2]) Соловьевъ: Ист. Россіи; XIII т. 147 стр.

веденное до нелѣпости уваженіе къ старинѣ, суевѣрной ужасъ предъ всякою новизною и то высокое мнѣніе о себѣ, соединенное съ полнымъ презрѣніемъ ко всему иноземному, которое характеризуется у нашего историка названіемъ „*китаизма*“ [1]). Старина, древній обычай предковъ, при отсутствіи всякихъ обновляющихъ началъ, возведены были въ идеалъ, который, деспотически господствуя надъ дѣйствительностію, нашелъ себѣ даже литературное выраженіе въ „Домостроѣ“. Печаленъ и жалокъ былъ этотъ идеалъ, осуждавшій общество на неподвижность, стремившійся втиснуть жизнь человѣка въ тѣсную рамку рутиннаго и часто совершеннаго нелѣпаго обычая, обнаруживавшій всю духовную скудость создавшей его среды и, всетаки, облеченный какой то высшей, чуть не религіозной санкціей! — Понятно, что такое настроеніе самодовольнаго невѣжества, тяготѣя страшнымъ гнетомъ надъ духовною жизнію народа, отражалось неисчислимымъ вредомъ на его умственномъ, религіозно-нравственномъ и даже матеріоальномъ состояніи. „Мы постали“, говоритъ Юрій Крыжаничъ, исчисляя вредныя слѣдствія русскаго невѣжества, — „на укореніе всѣмъ народамъ, изъ коихъ ины насъ люто обижаютъ, ины гордо презираютъ, а что всего прискорбнѣе, ругаютъ, укоряютъ, ненавидятъ насъ и зовутъ варварами. Варвары суть люди, кои содержатъ въ себѣ отмѣнное злонравіе, худобу и неправду, кои мудры на всяко зло, кои суть сильники, грабители, нещадные кровопійцы, лютые мучители, обманщики, бездушные и безбожные клятвопреступники. Варварами почитаются народы невѣжественные, кои не знаютъ ни благородныхъ наукъ, ни главныхъ промышленныхъ искусствъ, кои

---

[1]) Соловьевъ: Исторія Россіи XIII т. 196 стр.



лѣнивы, не работливы, нерадивы, не промышленны и потому убоги... Тѣхъ лихотъ причина намъ есть невѣжество"... [1]).

Государство, не желавшее отказаться отъ историческаго будущаго, очевидно, не могло навсегда оставаться въ подобномъ состояніи. Мысль о крайнемъ вредѣ невѣжества въ отношеніи къ различнымъ сторонамъ народной жизни и о необходимости образованія давно уже сознаваема была на Руси немногими ея лучшими людьми. Въ XVI вѣкѣ, въ параллель съ назрѣвшимъ невѣжествомъ, мысль эта воодушевляла цѣлый рядъ свѣтлыхъ личностей, сознательно стремившихся къ его искорененію; таковы были: архіеп. Новгородскій Геннадій, Максимъ Грекъ, кн. Курбскій и другіе. Въ половинѣ этого вѣка, на Стоглавомъ соборѣ изъ устъ самаго царя слышится порицаніе общественнаго нестроенія и глубокаго невѣжества, въ которомъ коснѣетъ русское общество и духовенство. Вмѣняя въ обязанность отцамъ собора исправить нерадѣніе, вошедшее невѣжествомъ въ русскую землю, царь Иванъ Васильевичъ, съ своей стороны, посылалъ русскихъ людей учиться заграницу. Борисъ Годуновъ такъ же снарядилъ и послалъ въ Европу для обученія различнымъ наукамъ и искусствамъ много молодыхъ людей, которые, впрочемъ, не пожелали возвратиться въ свое отечество. Онъ даже имѣлъ намѣреніе учредить на Руси нѣчто въ родѣ западнаго университета, пригласивъ для того въ Москву ученыхъ профессоровъ изъ разныхъ странъ Европы.—Но въ XVI вѣкѣ всѣ эти просвѣтительныя начинанія были слишкомъ слабы, разрознены и одиноки: они не въ силахъ были поколебать вѣко-

[1]) Русс. Госуд. въ половинѣ XVII в., раздѣлъ 7-й, 46—49 стр.

вую косность общества, въ которомъ на основаніи преданій старины живетъ еще и крѣпнетъ духъ совершенной исключительности. Такъ: намѣреніе царя Бориса завести въ Россіи университетъ не осуществилось, между прочимъ, потому, что этому воспротивилось духовенство. Оно представило царю соображеніе, что доселѣ на Руси, не смотря на ея обширное пространство, господствовало единовѣріе, единоправіе; если же настанетъ разноязычіе, то поселится раздоръ, и прежнее согласіе исчезнетъ [1]).

Тяжелыя бѣдствія должна была пережить Московская Русь, чтобы подъ давленіемъ духовной и матеріальной несостоятельности родилось въ обществѣ сознаніе неудовлетворительности прежнихъ началъ жизни и необходимости допущенія новыхъ. Смутное время самозванцевъ и междуцарствія, поставившее Русь въ рѣшительное столкновеніе съ Западомъ, яснѣе всего должно было показать ей, что превосходство Запада въ образованіи можетъ сдѣлаться роковымъ и для государства, и для церкви. „Это тяжелое испытаніе", говоритъ историкъ, „подрывая китайскій взглядъ на собственное превосходство, естественно и необходимо порождало въ живомъ народѣ стремленіе сблизиться съ тѣми народами, которые оказали свое превосходство, позаимствовать отъ нихъ то, чѣмъ они явились сильнѣе; сильнѣе западные народы оказались своимъ знаніемъ и искусствомъ, и потому надобно было у нихъ выучиться" [2]). И дѣйствительно, послѣ эпохи междуцарствія въ Москвѣ являются цѣлыя толпы иностранцевъ [3]), и при томъ уже не одни только рат-

---

[1]) Карамзинъ. Исторія Госуд. Росс. IX т. 125 стр.

[2]) Соловьевъ: Исторія Россіи XIII т. 140 стр.

[3]) Олеарій сообщаетъ, что въ его время въ Москвѣ на-

ные люди, мастера и заводчики, но и люди ученые. Призывая въ Россію ученаго голштинца Адама Олеарія, царь Михаилъ Ѳедоровичъ въ выданной ему опасной грамотѣ пишетъ: „Вѣдомо намъ учинилось, что ты гораздо наученъ и навыченъ астраломіи, и географусъ, и небеснаго бѣгу, и землемѣрію и инымъ многимъ подобнымъ мастерствамъ и мудростямъ, а намъ великому государю таковъ мастеръ годенъ" [1]).

Сама церковь, прежде исключительная ревнительница старины, въ виду бѣдствій, причиняемыхъ ей невѣжествомъ, должна была теперь присоединиться къ правительству въ его просвѣтительныхъ начинаніяхъ. Съ одной стороны, извнѣ ея, пользуясь русскимъ невѣжествомъ, правительства сосѣднихъ странъ Европы учреждали на своихъ границахъ русскія школы, чтобы совращать русскихъ людей въ иновѣріе [2]); съ другой стороны, внутри, въ ней завелись опасные мятежи и расколы, и лучшіе люди времени прямо указывали на невѣжество, какъ на ихъ общую причину [3]). И вотъ, представители церкви, подымаясь на высоту современныхъ требованій, принимаютъ теперь рѣшительныя мѣры къ просвѣщенію духовенства и общества. Патріархъ Филаретъ Никитичъ около 1633 года учреждаетъ въ Москвѣ,

---

ходилось около 1000 однихъ протестантскихъ семействъ. Рущинскій. Чт. об. ист. и древн. росс., 1871 г., т. III, 215 стр.

[1]) Соловьевъ: Исторія Россіи; IX т. 457 стр.

[2]) Это дѣлали король польскій Сигизмундъ III-й (см. Сборн. Оболенскаго, изд. 1838 года, № 7-й) и король шведскій Карлъ XI (см. Ист. Росс. іер. I т. 418—419 стр.).

[3]) Эту мысль съ особенною подробностію раскрываетъ Паисій Лигаридъ въ заключеніи своего обширнаго опроверженія челобитной Никиты, писаннаго по порученію царя Алексѣя Михайловича. См. рук. Москов. духов. Акад. № 68 (листы не нумерованы).

при Чудовомъ монастырѣ, греколатинскую школу, совмѣщавшую въ себѣ нѣкоторыя начала высшаго преподаванія [1]); а епархіальные архіереи приглашаются къ устроенію училищъ при своихъ архіерейскихъ домахъ [2]).

Когда, такимъ образомъ, ясно сознана была неотложная потребность въ ученіи, возникъ естественно здѣсь вопросъ и объ учителяхъ.—Издавна на Руси учителями являлись греки; но теперь сама жизнь, указавъ на несостоятельность однихъ византійскихъ началъ для дальнѣйшаго развитія силъ народныхъ и государственныхъ, этимъ самымъ подорвала и исключительную учительскую монополію грековъ. Жизнь, вообще, настойчиво требовала знанія и науки; но образованность западно-европейская далеко опередила собою византійскую, и уже съ XV вѣка лучшіе изъ византійскихъ ученыхъ сами обыкновенно отправлялись въ западныя школы для довершенія своего образованія. Стало очевиднымъ, что открывшейся потребности просвѣщенія на Руси могло удовлетворить только сближеніе съ Европой. Но въ дѣлѣ этого сближенія посредниками могли явиться уже не одни только греки. Югозападная Русь, силою историческихъ обстоятельствъ ранѣе вступившая на

---

1) Объ этомъ училищѣ имѣются, впрочемъ, самыя смутныя свѣдѣнія. Единственный писатель, сообщающій о немъ свѣдѣнія, Адамъ Олеарій, — бывшій въ Россіи въ 1633—1634 гг. и потомъ еще въ 1643 г.,—говоритъ только, что оно открыто „*недавно*", и что учителемъ въ немъ былъ *Арсеній Грекъ*. Но выраженіе—„*недавно*" неопредѣленно; потому что неизвѣстно въ точности отъ какого времени должно считать назадъ.—Арсеній же Грекъ прибылъ въ Россію вмѣстѣ съ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ въ 1649 г., и его, конечно, не могъ знать Олеарій, издавшій свою книгу въ 1647 году.

2) А. Смирновъ: патріархъ Филаретъ Никитичъ; 21 стр.

путь просвѣщенія, такъ же могла представить сюда контингентъ просвѣщенныхъ дѣятелей, усвоившихъ себѣ начала европейскаго образованія и имѣвшихъ, при томъ, преимущества близости и соплеменности. И вотъ, на ряду съ учителями греками, въ Москвѣ является цѣлый рядъ ученыхъ выходцевъ юго-западной Руси, открывшихъ здѣсь, не смотря па сильную оппозицію всякаго рода „мудроборцевъ", широкую просвѣтительную дѣятельность.

Уже около 1640 года Кіевскій митрополитъ Петръ Могила обращается къ царю Михаилу Θедоровичу съ просьбой: „пожалуй, царь, повели въ царствующемъ своемъ градѣ монастырь соорудить, въ которомъ бы старцы и братія Кіевскаго монастыря живучи, дѣтей боярскихъ и простаго чину грамотѣ греческой и славянской учили" [1]. Спустя немного времени, любимецъ царя Алексѣя Михайловича, бояринъ Θедоръ Михайловичъ Ртищевъ дѣйствительно основалъ въ Москвѣ, при церкви св. Андрея Стратилата, Преображенскій монастырь, въ которомъ находилось тридцать иноковъ, приглашенныхъ сюда изъ разныхъ малороссійскихъ монастырей. Для устроенной при этомъ монастырѣ Андреевской школы тѣмъ же Ртищевымъ вызваны были въ 1649 году ученые иноки Кіевопечерскаго монастыря „изящные", по современному свидѣтельству, „*во ученіи грамматики славенской и греческой, даже до риторики и философіи, хотящимъ тому ученію внимати*" [2]. Это были: Епифаній Славинецкій, Арсеній Сатановскій и Дамаскинъ Птицкій, занимавшіеся, однакожъ, болѣе переводомъ священныхъ книгъ, нежели обученіемъ юношества.

---

[1]) Акты Южн. и Западн. Россіи, т. Ш, № 33-й.

[2]) Житіе Θедора Ртищева: Древн. Росс. Вивл. т. XVIII, 401 стр.

Такимъ образомъ, ко второй половинѣ XVII вѣка въ Московской Руси образовалось положеніе, имѣвшее совершенно исключительный характеръ и полное высокаго историческаго значенія. Это — ожесточенная борьба двухъ совершенно противоположныхъ направленій въ общественномъ сознаніи, борьба старыхъ идей съ новыми, традиціонныхъ началъ образованія и жизни съ пришлыми, возникшими подъ вліяніемъ западно-европейской образованности. Съ одной стороны здѣсь являются пробужденные отъ вѣковаго усыпленія невѣжественные приверженцы старины и отеческаго преданія, фанатическіе „мудроборцы“, съ ужасомъ взиравшіе на неудержимый притокъ всякаго рода „новшествъ“ и имѣвшіе своимъ девизомъ: „до насъ положено, лежи оно такъ во вѣки вѣковъ“ [1]); съ другой — навстрѣчу имъ выступаетъ имѣвшее поддержку въ правительственныхъ сферахъ государства и церкви образованное меньшинство, избравшее для себя новый путь, стремившееся къ ниспроверженію вѣками сложившагося невѣжества и постоянно подкрѣпляемое въ борьбѣ приливомъ новыхъ людей, получившихъ свое образованіе въ школахъ юго-западной Руси.

Среди такой обстановки и при томъ въ самомъ средоточіи этихъ общественныхъ отношеній и явился въ Москвѣ, во второй половинѣ XVII вѣка, Симеонъ Полоцкій, ревностный дѣятель просвѣщенія и самая характеристическая личность эпохи.—Симеонъ Полоцкій былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся представителей открывшагося на Руси просвѣтительнаго движенія. Борьба съ невѣжествомъ въ самыхъ разнообразныхъ его проявленіяхъ, положительные просвѣтительные труды и начинанія составляли главную

---

[1]) Житіе протопопа Аввакума: Соловьевъ; Исторія Росс. XIII т. 217 стр.

задачу въ жизни этого замѣчательнаго человѣка, давали общій тонъ и направленіе всей его многосторонней и энергической дѣятельности. Къ ниспроверженію невѣжества направлена была значительная часть его многочисленныхъ литературныхъ произведеній, этой же цѣли сознательно была посвящена вся его многотрудная педагогическая дѣятельность,— и уже одно то характеризуетъ важность заслуги Симеона въ этомъ отношеніи, что, заставъ на Руси лишь нѣкоторые зачатки высшаго образованія, онъ, по смерти своей, оставилъ для нея проектъ высшаго училища, организованнаго по образцу западныхъ университетовъ.

Съ другой стороны, стоя на стражѣ интересовъ просвѣщенія, Симеонъ Полоцкій рѣшительнѣе всѣхъ современниковъ своихъ стремился къ утвержденію его на Руси, именно, на началахъ западно-европейской образованности. Этимъ прямымъ и рѣзкимъ направленіемъ своимъ къ западу Европы, Симеонъ сталъ въ противорѣчіе не только съ фанатическими поклонниками старины, но и съ тѣми замѣчательными современниками своими, которые, принимая участіе въ просвѣтительномъ движеніи, желали, однако же, совершить оное на началахъ византійскаго образованія. Отсюда Симеонъ Полоцкій является самымъ характернымъ представителемъ своего времени, и дѣятельность его, исполненная сложныхъ отношеній, лучше всего ведетъ къ познанію того великаго броженія началъ, которое, давъ повѣрку преданіямъ русской старины и Византіи, естественно и необходимо завершилось великой реформой Петра.

Жизнь и дѣятельность Симеона Полоцкаго.

При указанномъ высокомъ значеніи личности Симеона Полоцкаго въ общей исторіи нашего просвѣщенія нѣсколько страннымъ представляется то обстоятельство, что о жизни и дѣятельности его дошли до насъ не совсѣмъ полныя, а иногда и вовсе неудовлетворительныя извѣстія. Самъ Полоцкій, нерѣдко сознававшій важность своего служенія и своихъ начинаній во многихъ отношеніяхъ, не оставилъ намъ, однако же, ничего подобнаго собственно-ручнымъ запискамъ объ обстоятельствахъ своей дѣятельности въ томъ или другомъ направленіи. Этотъ замѣчательный человѣкъ, почти всю жизнь свою вращавшійся въ свѣтскихъ общественныхъ кругахъ, очевидно, имѣлъ въ своемъ личномъ настроеніи столько скромности и смиренія, что всѣ попытки подобнаго рода могъ разсматривать какъ проявленія мірской суеты и тщеславія. Единственными источниками, откуда можно почерпать свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Симеона, являются указанія его современниковъ и тѣ отдѣльныя, отрывочныя извѣстія, какія по мѣстамъ встрѣчаются въ многочисленныхъ рукописяхъ самого Полоцкаго. Но должно замѣтить, что источники эти, и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, часто не отличаются ни надлежащей полнотой, ни совершенной опредѣленностію своихъ данныхъ. Упоминанія о немъ его современниковъ носятъ на себѣ, по большей части, совершенно случайный характеръ и сами по себѣ до такой степени общи и отрывочны, что по нимъ едва-ли можно возсоздать и

самыя общія черты его личности. — Правда, недостаточность этихъ данныхъ значительно восполняется многочисленными указаніями, сохранившимися въ бумагахъ Симеона, представляющихъ въ этомъ отношеніи сравнительно лучшій и обильнѣйшій матеріалъ. Но и находящіяся здѣсь данныя, всетаки, оставляютъ желать многаго: они рисуютъ, главнымъ образомъ, общія отношенія въ жизни Полоцкаго и только изрѣдка, какъ бы мимоходомъ, касаются ея частнѣйшихъ обстоятельствъ. При томъ данныя эти слишкомъ разрознены и не всегда опредѣленны, нуждаются иногда въ болѣе или менѣе искусномъ сопоставленіи ихъ и освѣщеніи, что, при частомъ отсутствіи какихъ бы то ни было хронологическихъ указаній, не всегда можно сдѣлать съ одинаковымъ успѣхомъ. Вотъ почему представленіе жизни и дѣятельности Симеона Полоцкаго не во всемъ можетъ быть исполнено съ надлежащею полнотою и, по той самой причинѣ, здѣсь иногда совершенно невозможно обойтись безъ предположеній.

Однако-жъ, это вовсе не означаетъ того, будто въ свѣдѣніяхъ о жизни и дѣятельности Симеона ощущается столь существенный недостатокъ, что связное и всестороннее представленіе ихъ является чѣмъ-то болѣе или менѣе гадательнымъ. Затрудненія состоятъ здѣсь не столько въ скудости имѣющихся данныхъ, сколько въ неодинаковой ихъ полнотѣ и опредѣленности,—въ томъ, между прочимъ, что при всей своей многочисленности, они иногда представляютъ значительные пробѣлы. Въ сущности же, дѣятельность Симеона Полоцкаго имѣла столь обширные размѣры и такія важныя проявленія, что не могла не отразиться соотвѣтствующимъ образомъ какъ въ собственныхъ его бумагахъ, такъ и въ современныхъ ему историческихъ памятникакъ; по-

этому при изображеніи оной, даже въ случаяхъ предположеній, всегда можно найти подходящія основанія для нихъ въ документахъ того или другаго рода.

Но то, что прежде всего и съ необходимостію открывается изъ всѣхъ этихъ документовъ, имѣетъ ближайшее отношеніе къ правильной и цѣлесообразной постановкѣ нашей задачи. По содержанію и общему характеру дошедшихъ до насъ свѣдѣній о жизни и дѣятельности Симеона является очевиднымъ, что все продолженіе ихъ, отъ начала и до конца, довольно соразмѣрно раздѣляется на три отдѣльные періода, непосредственно связанные между собою, но различающіеся одинъ отъ другаго опредѣленными специфическими чертами. Первый періодъ обнимаетъ собою жизнь и дѣятельность Симеона Полоцкаго до времени его окончательнаго переѣзда въ Москву. Это—періодъ, довольно скудный свѣдѣніями, но весьма важный въ томъ отношеніи, что въ немъ опредѣлилась духовная индивидуальность Симеона и тѣ его глубочайшія отличительныя стремленія, которымъ онъ остался вѣренъ во всю послѣдующую свою жизнь.—Второй періодъ заключаетъ въ себѣ жизнь и дѣятельность Симеона Полоцкаго въ Москвѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Періодъ этотъ, самый продолжительный и богатый данными, образуетъ средоточный и рѣшительный пунктъ во всей исторической судьбѣ Полоцкаго. Здѣсь этотъ иноземный пришелецъ, сразу попавъ на придворную службу, обнаруживаетъ разнообразную и изумительную дѣятельность, съ цѣлью снискать себѣ вліятельное и важное положеніе для нестѣсненнаго обнаруженія своихъ завѣтныхъ стремленій. — Наконецъ, третій періодъ, такъ же существенно отличительный, составляетъ жизнь и дѣятельность Симеона Полоцкаго

при царѣ Θеодорѣ Алексѣевичѣ. Это — довольно краткій періодъ, но за то самый замѣчательный обширными начинаніями, которымъ Симеонъ отдается всецѣло, не тревожимый уже никакими сомнѣніями относительно своего вліянія и важнаго общественнаго положенія. — Въ такихъ границахъ, обусловливаемыхъ самою сущностію дѣла, и будетъ вращаться все наше представленіе жизни и дѣятельности Симеона Полоцкаго.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Жизнь и дѣятельность Симеона Полоцкаго до прибытія въ Москву.

Время и мѣсто рожденія Симеона. — Разныя школы, пройденныя имъ и общій характеръ его образованія. — Принятіе имъ монашества и школьное учительство въ Полоцкомъ Богоявленскомъ монастырѣ. — Литературная дѣятельность Симеона въ Полоцкѣ: его первыя бѣлорусскія произведенія. — Встрѣча съ государемъ и начавшееся отсюда изученіе чистаго литературнаго языка. — Произведенія, писанныя Симеономъ по мѣрѣ этого изученія. — Поѣздка Симеона въ Москву и его появленіе здѣсь въ качествѣ придворнаго стихотворца. — Возвращеніе въ Полоцкъ и внѣшняя обстановка его полоцкой жизни. — Ближайшія побужденія къ окончательному переѣзду въ Москву.

Симеонъ Петровскій Ситіановичъ, прозванный вовремя жизни своей въ Москвѣ Полоцкимъ, родился въ декабрѣ 1629 года [1]). Родиной его была Бѣлоруссія; такъ какъ во многихъ раннихъ произведе-

---

[1]) Митроп. Евгеній (Слов. Истор. т. II, стр. 210), а за нимъ и всѣ курсы русской литературы такимъ годомъ считаютъ 1628-й, основываясь вѣроятно на томъ, что въ „*Рио-*

ніяхъ своихъ онъ относится къ Бѣлоруссіи какъ къ своей родной странѣ. Да и самымъ мѣстомъ рожденія Симеона долженъ быть признанъ городъ Полоцкъ или, по крайней мѣрѣ, Полоцкая область, не смотря на то, что впослѣдствіи родной братъ его, Іоаннъ выѣхалъ на службу къ царю Алексѣю Михайловичу изъ города Вильны [1]). Трудно предположить, вообще, чтобы въ Москвѣ ему усвоено было имя Полоцкаго лишь на томъ основаніи, что онъ, по окончаніи своего образованія, прожилъ въ Полоцкѣ нѣсколько лѣтъ. Патріархъ Іоакимъ прямо называетъ его „*полочаниномъ*" [2]); а въ одномъ стихотвореніи своемъ, писанномъ въ Полоцкѣ, онъ проявляетъ чувства къ этому городу, какія естественно питать только къ своему родному мѣсту [3]). — Кто были родители Полоцкаго, изъ какой среды онъ происходилъ, какое было первоначальное имя Симеона, наконецъ, чѣмъ въ раннихъ лѣтахъ окруженъ былъ онъ, все это совершенно неизвѣстно. Можно думать,

---

мологіонъ," собраніи стихотвореній, начатомъ въ 1678 г., самъ Полоцкій, въ стихотворномъ предисловіи къ нему, говоритъ: „*Днесь бо точію лѣто свершаю, еже письменемъ Нашъ (50) право считаю.*" Но, по нѣкоторымъ признакамъ, предисловіе это, какъ и многія другія стихотворенія (Риѳм. л. 628, 641, 651 и др.), внесено въ Риѳмологіонъ позднѣе, вѣроятно, въ 1679 году; поэтому оно и не можетъ стоять въ противорѣчіи съ обстоятельнымъ показаніемъ Медвѣдева, исчисляющаго не только лѣта, но и мѣсяцы, прожитые Полоцкимъ (рукоп. Синод. Библ. № 130-й, л. 141-й). При томъ, годъ собранія „*Риѳмологіона*", въ заглавіи его, выставленъ не совсѣмъ опредѣленно: отъ сотворенія міра здѣсь означенъ 7187 г. (1679); а отъ Рождества Христова, между тѣмъ, 1678-й.

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 130-й, л. 184-й.

[2]) Щитъ вѣры. Рукоп. Синод. библ. № 346, л. 153-й.

[3]) Рукоп. Синод. библ. № 288-й, л. 297-й.

однако же, что отца своего, о которомъ мы знаемъ только, что его звали Емельяномъ, Полоцкій лишился рано; такъ какъ ко времени переѣзда его въ Москву, изъ родителей его, въ живыхъ оставалась только мать [1]).

О воспитаніи Полоцкаго дошли до насъ только самыя общія и не совсѣмъ опредѣленныя указанія.— Принимая во вниманіе выставляемое имъ самимъ раздѣленіе всего періода своего образованія на семилѣтнія стадіи [2]), должно полагать, что первоначальное обученіе его началось съ семилѣтняго возраста и согласно обще распространенному обычаю тогдашняго времени, а такъ же послѣдующимъ педагогическимъ идеямъ самого Полоцкаго, — основывалось послѣ букваря, преимущественно, на изученіи Часослова и Псалтыри. — О дальнѣйшемъ образованіи своемъ самъ Полоцкій сообщаетъ только, что онъ „*негли же двѣ (седмицы лѣтъ) языкомъ учихся, даже дидаскалъ быти сподобихся*“ [3]). Но уже изъ этого можно заключить, что, по окончаніи элементарнаго образованія своего, Полоцкій учился въ высшей школѣ, удостоившись чрезъ то почетнаго званія дидаскала, — и что такою школою, судя по продолжительности означеннаго здѣсь времени ученія, повидимому, не могла быть одна. Дѣйствительно, Полоцкій учился въ разныхъ школахъ.

Первою школою, гдѣ Полоцкій получилъ начала высшаго образованія своего, была, безсомнѣнія, знаменитая въ его время Кіево-Могилянская коллегія, это средоточіе тогдашней православной учености въ юго-западной Руси, котораго онъ не могъ миновать,

---

1) Рукоп. Синод. библ. № 287-й, л. 596-й.
2) Тамъ же; л. 5-й.
3) Тамъ же

уже будучи православнымъ.—О воспитаніи Симеона въ этой коллегіи можно судить по случайному извѣстію объ этомъ знаменитаго его современника архіепископа черниговскаго Лазаря Барановича. Въ одномъ посланіи своемъ къ царю Алексѣю Михайловичу, отъ 1669 года, Лазарь называетъ Полоцкаго своимъ *ученикомъ*, прося предоставить ему, вмѣстѣ съ другими, разсмотрѣніе своего сочиненія,—„Трубы словесъ“ [1]). Но Лазарь Барановичъ въ концѣ сороковыхъ годовъ XVII вѣка былъ наставникомъ Кіево-Могиланской коллегіи и ректоромъ оной въ началѣ пятидесятыхъ,—въ періодъ времени,совершенно совпадающій съ ученическими годами Симеона Полоцкаго.—Что ученическое отношеніе Полоцкаго къ Барановичу должно пріурочивать, именно, къ Кіево-Могилянской коллегіи, объ этомъ имѣются косвенныя свидѣтельства и у самого Полоцкаго. Въ разговорѣ своемъ съ Епифаніемъ Славинецкимъ о времени пресуществленія Св. Даровъ, Полоцкій выражается: „*въ Кіевѣ наша русь ученыя тожде глаголютъ и мудрствуютъ*“ [2]). А въ заключеніи полемической бесѣды своей объ исхожденіи Св. Духа онъ прибавляетъ: „*сія изъ училища богословскаго изчерпнушася*“ [3]); но такимъ училищемъ, въ тончайшихъ силлогистическихъ пріемахъ опровергающимъ католическое ученіе о Св. Духѣ, очевидно, могла быть только знаменитая своими борцами противъ католичества Кіево-Могилянская коллегія. — На образованіе Полоцкаго въ знаменитой Кіевской коллегіи указываютъ, наконецъ, и тѣ связи, какія онъ имѣлъ между малороссійскими учеными своего времени и которыя почти исключи-

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 130, л.157-й.
[2]) Остенъ, Казань 1865 г.; 72 стр.
[3]) Рукоп. Синод. библ. № 289, л. 9-й на обор.

тельно ограничиваются лицами, имѣвшими къ ней самое близкое отношеніе. Это были: Лазарь Барановичъ, очевидно, знавшій Полоцкаго еще на ученической скамьѣ; Иннокентій Гизель, бывшій ректоромъ Кіевской коллегіи (1646—1650 г.) въ то время, когда Лазарь Барановичъ былъ въ ней наставникомъ,— и Іоанникій Голятовскій, такъ же воспитанникъ, за тѣмъ наставникъ и, впослѣдствіи, ректоръ той же коллегіи. Отношенія Симеона къ этимъ лицамъ были самыя дружественныя, и онъ дѣятельно поддерживалъ ихъ, даже, во время жизни своей въ Москвѣ.

По сопоставленію нѣкоторыхъ данныхъ можно полагать, что ученіе Полоцкаго въ Кіевской коллегіи продолжалось до двадцатилѣтняго возраста, то есть, до 1650 года. За тѣмъ въ 1656 году мы встрѣчаемъ Симеона уже въ Полоцкѣ. Періодъ времени въ жизни Полоцкаго между этими годами былъ бы совершенно пустъ, если бы не было извѣстно, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторую часть онаго онъ употребилъ на посѣщеніе польскихъ католическихъ академій. Посѣщеніе этихъ академій, съ цѣлью дополнить въ нихъ свое образованіе, вообще, было въ обычаѣ кіевскихъ воспитанниковъ тогдашняго времени, и Симеонъ не представлялъ собою въ этомъ отношеніи особеннаго исключенія.

Въ предисловіи къ „*Вертограду Многоцвѣтному*“ Полоцкій самъ, не безъ нѣкоторой даже торжественности, говоритъ о себѣ, что „онъ есть рабъ Божій, Его божественною благодатію сподобивыйся *странихъ idiоматъ пребогатоцвѣтныя вертограды видѣти посѣтити* и тѣхъ пресладостными и душеполѣзными цвѣты услажденія душеживительнаго *вкуситu*“ [1]). Вотъ почему, впослѣдствіи, противники

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 288-й л. 1-й.

Симеона въ Москвѣ и говорили о немъ, что онъ учился такъ, „якоже обычай есть полякомъ и литвякомъ, по латински и по польски" [1]). Общее направленіе образованія Полоцкаго, проявляющееся во всѣхъ его сочиненіяхъ и подавшее поводъ Рейтенфельсу отозваться о немъ, какъ о всецѣло „*пропитанномъ латинскою ученостію*" [2]), такъ же объясняется этимъ ученіемъ его въ польскихъ католическихъ учрежденіяхъ.

Между посѣщенными Полоцкимъ учеными „вертоградами странныхъ idioматъ" были, повидимому, и іезуитскіе. Объ этомъ можно заключать, по крайней мѣрѣ, изъ настойчивыхъ увѣреній тѣхъ же противниковъ Полоцкаго въ Москвѣ, съ патріархомъ Іоакимомъ во главѣ, которые при каждомъ почти упоминаніи своемъ о Полоцкомъ выставляютъ ученіе его у іезуитовъ, какъ самую основную и существенную черту, объясняющую его воззрѣнія и характеръ [3]). Конечно, такое свидѣтельство о Полоцкомъ идетъ изъ слишкомъ враждебнаго ему источника; но, съ другой стороны, едва ли могла быть завѣдомо ложною очевидная торжественность и настойчивость этихъ увѣреній, идущая отъ патріарха.

---

1) Остенъ, Казань. 1865 г. 71 стр.

2) Jacobus Reutenfels: De rebus moschoviticis, 206 p.

3) Остенъ, стр. 75,108,130; Щитъ вѣры. Рук. Синод. Библ. л. 153,224 и др.—Съ этой точки зрѣнія Рейтенфельсъ въ вышеприведенномъ нами мѣстѣ даже называетъ Симеона уніатомъ—Базиліаниномъ; ожесточенный противникъ Симеона, іером. Чудов. монастыря, Евѳимій упоминаетъ, его тоже, какъ „*уніата суща римскаго костела*" (Рукоп. Синод. библ. Неперепл. Сборн. № V, л. 366). Но эти мнѣнія совершенно не согласуются съ горячею преданностію православію, заявленною Симеономъ весьма рано въ Полоцкѣ. Въ Остенѣ и Щитѣ вѣры, куда внесена статья Евѳимія въ нѣсколько очищенномъ видѣ, въ этомъ мѣстѣ ея нѣтъ приведеннаго выраженія.

Іезуиты, дѣйствительно, пользовались въ тогдашней Польшѣ чрезвычайнымъ вліяніемъ, и самымъ главнымъ могущественнымъ средствомъ къ этому было у нихъ воспитаніе юношества. Покровительствуемые королями, пользуясь матеріальными пособіями знатнѣйшихъ и богатѣйшихъ польско-литовскихъ фамилій, они за долго еще до времени Полоцкаго имѣли свои коллегіи во всѣхъ почти важнѣйшихъ городахъ страны. Въ коренной Польшѣ учебно-воспитательное вліяніе іезуитовъ было таково, что едва не повело къ закрытію противодѣйствовавшей имъ, знаменитой Краковской академіи. Въ Литвѣ Виленская коллегія іезуитовъ, возведенная еще въ 1579 году папою Григоріемъ XIII на степень академіи, въ особенности, отличалась славою и могуществомъ. Изъ Литвы іезуиты устремились въ православныя страны бывшаго великаго княжества Литовскаго, Малороссію и Бѣлоруссію, учреждая свои коллегіи въ важнѣйшихъ мѣстностяхъ края.—Очень возможно, что, при такомъ богатствѣ учебно-воспитательныхъ средствъ у іезуитовъ, Симеонъ Полоцкій, будучи несомнѣнно православнымъ, разъ рѣшившись дополнить свое образованіе въ польскихъ католическихъ учрежденіяхъ, не миновалъ въ этомъ случаѣ и іезуитскихъ. У самого Полоцкаго, однако же, можно находить лишь самыя отдаленныя и косвенныя доказательства такого первоначальнаго отношенія его къ іезуитамъ, могущія имѣть значеніе развѣ только по совершенному отсутствію у него противоположныхъ данныхъ.

Но, такъ или иначе, совершенно ясно, что Симеонъ Полоцкій получилъ блестящее по своему времени образованіе, соединивъ въ немъ всѣ элементы, какіе только представляла ему тогдашняя западно-русская и польская образованность.—Общей

характеристической чертой этой образованности было схоластическое направленіе, значительно пошатнувшееся уже въ западныхъ странахъ Европы, но еще удержавшееся въ Польшѣ, преимущественно въ ея іезуитскихъ школахъ. Отсюда оно естественно перешло въ западно-русскія училища и, въ особенности, нашло себѣ широкое примѣненіе въ главнѣйшемъ изъ нихъ, Кіево-Могилянской коллегіи. Послѣдняя, въ интересахъ успѣшной борьбы православія съ съ католицизмомъ, была основана Петромъ Могилою, именно, по образцу польскихъ іезуитскихъ академій, а потому какъ составъ наукъ въ ней, такъ и самый методъ ихъ преподаванія въ существенномъ были здѣсь одни и тѣ же.

По духу господствовавшей схоластической системы, унаслѣдованной отъ среднихъ вѣковъ, школьное образованіе должно было имѣть энциклопедическій характеръ, то есть, не столько направляться къ подробностямъ знанія въ той или другой области научной, сколько къ его всеобщности, къ ясной, отчетливой обозримости даннаго научнаго матеріала и къ умѣнью свободно и искусно пользоваться имъ по требованіямъ минуты. Отсюда, какъ въ польскихъ, особенно іезуитскихъ школахъ, такъ точно и въ кіевской коллегіи преимущественное вниманіе было обращаемо на формальное развитіе питомцевъ. Фактическое, матеріальное содержаніе науки лежало какъ бы на заднемъ планѣ; главная задача — пріучить ученика къ находчивости, къ діалектической тонкости и изворотливости. — Сообразно съ этимъ, самый кругъ преподаваемымъ здѣсь наукъ былъ довольно не многосложенъ. Съ немногими измѣненіями и дополненіями это въ сущности были тѣ же, знаменитыя въ средніе вѣка, „*семь свободныхъ художествъ*“, которыя исчисляются еще у Данта: грамматика, риторика,

діалектика, музыка, ариѳметика, геометрія и астрономія [1]). Философія и въ особенности богословіе должны были увѣнчивать собою все зданіе научнаго знанія. Науки естественныя, унаслѣдованныя средними вѣками преимущественно отъ арабовъ, слагались тамъ въ особые сборники и въ такомъ видѣ на долго удержались въ католическихъ, особенно іезуитскихъ школахъ. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ польскихъ коллегіяхъ XVII вѣка, по образцу западныхъ университетовъ, были преподаваемы науки юридическія, откуда Полоцкій и заимствовалъ ихъ въ проектированную имъ славяно-греко-латинскую академію [2]).

Точно такъ же и преподаваніе упомянутыхъ наукъ, согласно съ духомъ той же системы, имѣло здѣсь совершенно особый характеръ. Оно стремилось не столько къ обилію и новости сообщаемыхъ свѣдѣній, сколько къ условной стройности ихъ развитія. Умѣнью защитить или опровергнуть извѣстное научное положеніе было придаваемо здѣсь первостепенное значеніе, и къ достиженію этого умѣнія направлены

---

[1]) Что, именно, эти науки были преподаваемы въ кіевской коллегіи, можно усматривать изъ оды „Геликонъ", поднесенной Петру Могилѣ учениками его вь 1632 г. въ день Воскресенія Христова. Здѣсь перечисляются слѣдующія „*осмь кореній вызволеныхъ (свободныхъ) наукъ*:" „корень умѣетности першій—граматика, вторый—реторика, третій—діалектика, четвертый—ариѳметика, пятый—музыка, шестый—геометрія, седмый—астрономія; восьмый корень и верхъ всѣхъ наукъ умѣетности (просвѣщенія)—ѳеологія."—Самъ Полоцкій въ одномъ весьма раннемъ стихотвореніи своемъ, писанномъ на польскомъ языкѣ, исчисляетъ слѣдующія: „Siedm Nauk wizwolonych:" граматика, реторика, діалектика, ариѳметика, геометрія, *астрологія*, музыка. Рукоп. Синод. библ. № 731, л. 147-й.

[2]) Привиллегія москов. академіи. Древн. Рос. Вивл. 6. кн. 402 стр.

были письменныя и словесныя упражненія въ діалектикѣ. Данныя науки служили какъ бы только средствомъ для такихъ упражненій и потому преподаваемы были по руководствамъ скуднымъ, устарѣвшимъ, по большей части, традиціонно перешедшимъ отъ среднихъ вѣковъ. — Такое чисто формальное, теоретическое направленіе образованія, правда, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало и практическимъ потребностямъ тогдашняго времени: католикамъ и особенно іезуитамъ оно было необходимо для успѣшной борьбы съ протестантами, православнымъ—для борьбы съ католиками; но это еще болѣе усиливало его исключительный характеръ.

Въ частности, изъ упомянутыхъ наукъ, грамматика была изучаема, по преимуществу, латинская. Какъ въ польскихъ училищахъ, такъ и въ Кіевской коллегіи латинскій языкъ пользовался первостепеннымъ значеніемъ: на немъ читались лекціи, писались стихи, ораціи; онъ употреблялся не только въ школьныхъ, оффиціальныхъ отношеніяхъ воспитанниковъ, но, даже, и въ частномъ ихъ обращеніи между собою. Полоцкій зналъ латинскій языкъ, какъ свой родной, и изучалъ его по пространному и лучшему въ его время руководству испанскаго іезуита Альвара [1]), употреблявшемуся, преимущественно, въ іезуитскихъ школахъ и введенному въ Кіевской коллегіи только уже въ тридцатыхъ годахъ XVII вѣка [2]). Греческаго языка, стоявшаго въ Кіевской коллегіи на заднемъ планѣ, а въ большинствѣ польскихъ

---

[1]) Эммануилъ Альваресъ: De institutione grammatica; первое изданіе было въ 1599 году.

[2]) Д. А. Толстой: Римскій Католицизмъ въ Россіи т. I; 300 стр. срав. іером. Макарій: Исторія Кіевской Академіи; 153 стр.

училищъ и вовсе не преподававшагося, Полоцкій не зналъ совершенно, чего, въ особенности, и не прощали ему впослѣдствіи представители греческаго образованія въ Москвѣ. Языкъ славянскій въ Кіевской коллегіи такъ же преподавался; но тамъ онъ представлялъ собою въ древнихъ формахъ пеструю смѣсь латинскихъ, польскихъ и южно-русскихъ реченій, и потому знаніе болѣе чистаго церковно-славянскаго языка, употреблявшагося въ литературѣ Московской Руси, Полоцкій пріобрѣлъ впослѣдствіи, путемъ самостоятельнаго изученія. Польскій языкъ, наконецъ, общераспространенный въ высшихъ слояхъ тогдашняго западно-русскаго общества, былъ для Полоцкаго вторымъ роднымъ языкомъ, и въ первые годы своей литературной дѣятельности онъ писалъ на немъ, повидимому, свободнѣе и охотнѣе, чѣмъ на всякомъ другомъ.

За грамматикой слѣдовали риторика и піитика. Ораторская рѣчь считалась тогда лучшею и употребительнѣйшею формой сочиненій, и потому какъ въ польскихъ школахъ, такъ и въ Кіевской коллегіи преподаванію риторики было придаваемо важное значеніе. Руководства ея, составленныя, большею частію, на латинскомъ языкѣ, по древнимъ классическимъ сочиненіямъ Аристотеля, Цицерона и Квинтилліана, обыкновенно раздѣлялись на двѣ части: на риторику общую и частную. Въ первой трактовалось, преимущественно, объ изобрѣтеніи и выраженіи мыслей, во второй—о родахъ прозаическихъ сочиненій. Преподаваніе риторики было сопровождаемо практическими упражненіями учениковъ въ составленіи разнаго рода *орацій:* различныя школьныя, церковныя и общественныя торжества обыкновенно доставляли ученикамъ случай выступать съ такими произведеніями и за предѣлы своего класса.—Подобный же

характеръ имѣло здѣсь и преподаваніе піитики. Поэзія въ то время разсматривалась чисто внѣшнимъ образомъ, какъ искусство слагать стихи. Старинное, классическое выраженіе Цицерона — poetae nascuntur, oratores fiunt—было забыто: господствовало воззрѣніе, что поэзіи, можно учиться. Поэтому въ курсахъ піитики того времени, составленныхъ такъ же по классическимъ образцамъ, на языкахъ латинскомъ и польскомъ, говорилось гораздо болѣе о различныхъ формахъ поэзіи до надгробной надписи включительно, чѣмъ о внутреннемъ духѣ поэтическихъ произведеній. Преподаваніе піитики и риторики сопровождалось упражненіями учащихся въ сочиненіи такъ называемыхъ *виршъ*, мелкихъ, напыщенныхъ стихотвореній, имѣвшихъ, по правиламъ литературной теоріи, преувеличенно—хвалебный тонъ. Вирши эти, какъ и ораціи, по разнымъ общественнымъ и частнымъ случаямъ, были произносимы воспитанниками и за предѣлами школъ; въ самыхъ же школахъ, кромѣ того, ими представляемы были религіозныя драмы, писанныя по случаю разныхъ торжествъ, большею частію, ихъ же наставниками.

Философія какъ въ польскихъ училищахъ, такъ и въ Кіевской коллегіи, излагалась согласно системѣ Аристотеля, перешедшаго сюда отъ среднихъ вѣковъ въ качествѣ ея исключительнаго и несокрушимаго авторитета. Курсы ея, преподававшіеся въ высшихъ классахъ коллегіи, обыкновенно раздѣлялись на три части: логику, физику и метафизику; причемъ изученію первой всегда предшествовала діалектика, какъ особая, пропедевтическая часть философіи. Діалектика эта своимъ отвлеченнымъ формалистическимъ характеромъ условливала и общее направленіе всей науки, превращая ее въ необозримое поле нескончаемыхъ схоластическихъ силлогизмовъ и диспутацій.—

Подобнымъ же характеромъ отличалось и преподаваніе Богословія, считавшагося самой важной и высшей наукой. Согласно общему настроенію того времени, отличавшагося ожесточенной борьбой различныхъ религіозныхъ исповѣданій, преподаваніе Богословія носило, по преимуществу, полемическій характеръ. Въ курсахъ его, составленныхъ на основаніи западныхъ схоластическихъ авторитетовъ: Ѳомы Аквината, Петра Ломбарда и другихъ, послѣ каждаго отдѣла обыкновенно помѣщался цѣлый рядъ возраженій и опроверженій, основанныхъ не столько на св. Писаніи и отеческихъ его толкованіяхъ, сколько на требованіяхъ отвлеченной діалектики. Вообще преподаваніе Богословія, какъ и философіи, было здѣсь направлено къ тому, чтобы образовать людей способныхъ къ искусной полемикѣ, умѣющихъ твердо защищать извѣстныя положенія науки и опровергать всѣ возможныя на нихъ возраженія. Для этой цѣли, какъ въ польскихъ, особенно іезуитскихъ школахъ, такъ и въ Кіевской коллегіи существовали особые диспуты на задаваемыя впредь темы изъ области Богословія или философіи: диспуты эти, происходившіе на латинскомъ языкѣ, практиковались не только при классномъ преподаваніи этихъ наукъ, но и составляли существенную часть публичныхъ экзаменовъ.

Такова была система образованія, полученнаго Полоцкимъ сначала въ Кіевской коллегіи, а затѣмъ дополненнаго и углубленнаго посѣщеніемъ польскихъ учебныхъ учрежденій. Нельзя, конечно, не признать того, что эта система имѣла свои слабыя стороны, частію унаслѣдованныя отъ средневѣковой схоластики, частію же образовавшіяся подъ вліяніемъ господствующаго духа времени. Это была слишкомъ крайняя и односторонняя система, направленная къ со-

вершенно исключительнымъ цѣлямъ, пригодная лишь для извѣстной общественной среды и совершенно удаленная отъ практическихъ потребностей народной жизни. Разсматриваемая даже сама по себѣ, она заключала нѣчто не совсѣмъ гармонирующее съ интересами истиннаго просвѣщенія. Смѣшеніе въ ней Аристотеля съ Богословіемъ, догматовъ вѣры съ схоластическими силлогизмами, отцевъ церкви съ языческими философами, едва ли могло быть полезно въ интересахъ самой вѣры. Пріучая умъ ученика къ хитрымъ діалектическимъ камбинаціямъ, въ особенности посредствомъ богословскихъ и философскихъ диспутовъ, она развивала въ немъ страсть къ полемикѣ, по условіямъ времени, легко переходившую въ религіозную нетерпимость и фанатизмъ. Воспитываемое ею стремленіе украшать общественныя и частныя торжества искусно составленными ораціями и виршами часто вырождалось въ низкое искательство предъ высшими, въ суетную и постыдную лесть.— Но при всемъ томъ система эта оказывала могущественное дѣйствіе на умы и въ своемъ особомъ направленіи достигала, всетаки, весьма важныхъ положительныхъ результатовъ. Подъ вліяніемъ ея возбуждался интересъ къ научному изслѣдованію, развивалась пытливость и проницательность ума, изощрялась способность свободно и легко владѣть знаніемъ. Діалектическія упражненія, если и сопровождались здѣсь чисто формальными и пустыми умозрѣніями, всетаки создавали умъ, способный быстро схватывать самую сущность предмета и судить о немъ по его существеннымъ и важнѣйшимъ основаніямъ. Любое положеніе науки имѣло здѣсь подъ собою цѣлый арсеналъ готовыхъ доказательствъ или возраженій, хотя и почерпнутыхъ иногда изъ источниковъ сомнительныхъ, но всегда веденныхъ съ за-

мѣчательнымъ мастерствомъ, въ стройной логической послѣдовательности, облегчавшей какъ запоминаніе ихъ, такъ и ихъ практическое употребленіе.

Симеонъ Полоцкій былъ всецѣло проникнутъ началами этой системы образованія со всѣми ея характеристическими достоинствами и недостатками. Въ этомъ отношеніи онъ смѣло можетъ быть поставленъ въ ряду самыхъ видныхъ ея представителей на Руси; такъ какъ всѣ разнообразныя типическія особенности оной онъ вполнѣ и съ несомнѣннымъ талантомъ отразилъ въ своей многосторонней литературной дѣятельности.—Не могло остаться безъ вліянія на характеръ Полоцкаго и нравственно-воспитательное дѣйствіе этой системы. Знаменитая дисциплина пройденныхъ Полоцкимъ школъ, ихъ суровая выдержка, основанная на взаимномъ надзорѣ и строгихъ мѣрахъ взысканія, создавали характеры сдержанные, изворотливые, жаждущіе выдающейся роли въ обществѣ и умѣющіе для того искусно поддѣлываться къ авторитетамъ предержащей власти. И въ этомъ отношеніи, какъ предъидущемъ, въ личности Полоцкаго замѣчаются характерическія особенности той среды, въ которой онъ воспитался.

Изъ обозрѣнія мѣстъ ученія Полоцкаго и значительности достигнутыхъ имъ успѣховъ въ немъ можно заключать, что образованіе его продолжалось очень долго, и что, слѣдовательно, промежутокъ времени между совершеннымъ его окончаніемъ и появленіемъ Симеона въ Полоцкѣ въ 1656 году былъ, во всякомъ случаѣ, не слишкомъ значителенъ. Лишь къ этому году относятся первыя достовѣрныя извѣстія объ общественной жизни Симеона въ Полоцкѣ, хотя по сопоставленію нѣкоторыхъ данныхъ и можно полагать, что онъ прибылъ туда гораздо ранѣе, можетъ быть вслѣдъ за окончаніемъ своего образованія.

Въ 1656 году Симеонъ принялъ монашество въ Полоцкомъ Богоявленскомъ монастырѣ на 27 году отъ рожденія: „Быхъ же азъ инокъ", говоритъ онъ въ одномъ мѣстѣ, „*въ четвертой седмицы лѣтъ моихъ токмо кромѣ единицы* [1]".—Судить о мотивахъ, руководившихъ Полоцкимъ при избраніи такого рѣшительнаго шага въ жизни, трудно съ несомнѣнною достовѣрностію; но, кромѣ общаго почетнаго положенія, какое образованнымъ людямъ того времени могло доставлять монашеское званіе, его побуждала къ тому, между прочимъ, и личная горячая преданность къ наукѣ и литературной дѣятельности. По крайней мѣрѣ, такъ можно заключать изъ слѣдующихъ строкъ въ его стихотворномъ предисловіи къ „*Риѳмологіону*":

„Трудники слова Павелъ почитаетъ,
Честь имъ сугубу дати увѣщаетъ.
Сію ми ползу дадеся познати,
По щедрой Бога жива благодати,
Въ юности веретѣ: *егда отрекохся*
Міра, и въ ризы черны облекохся".... [2])

Жизнь въ мірѣ и въ особенности жизнь семейная казалась Полоцкому совершено несовмѣстимою съ такимъ расположеніемъ. По его мнѣнію, она налагаетъ на человѣка многіе труды и обязанности рѣшительно противодѣйствующіе интересамъ научной дѣятельности:

„Человѣкъ, иже мудрость отъ Бога пріяше,
О ней же во юности труды полагаше.
Аще восхощетъ жену въ супружество взяти,
Нужду имать мудрости тщету воспріяти.
Ибо не будетъ мощно съ книгами сидѣти,

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 287-й, л. 5-й.
[2]) Тамъ же.

Удалитъ отъ нихъ жена, удалятъ и дѣти.
Епикуръ, аще лютый сластолюбецъ бяше,
Обаче женитися мудрымъ возбраняше.
И Θеофрастъ въ книзѣ си тою возбраняетъ,
Препятіе мудрости женитву вѣщаетъ.
Ей неудобно книги довольно читати,
И хотѣніе жены въ домѣ исполняти... [1])

Полоцкій былъ, именно, человѣкъ, который, въ большей или меньшей степени, „мудрость отъ Бога пріяше, о ней же во юности труды полагаше"; а потому искренность и существенность этого мотива, въ отношеніи къ нему, едва ли можетъ быть заподозрѣна, въ особенности, если представить себѣ, что вся послѣдующая жизнь этого замѣчательнаго человѣка была непрерывнымъ, неустаннымъ подвигомъ на учебномъ и учено-литературномъ поприщѣ.

По принятіи монашества съ именемъ Симеона, Полоцкій сдѣлался дидаскаломъ въ братскомъ училищѣ Полоцкаго Богоявленскаго монастыря. Патріархъ Никонъ въ грамотѣ своей отъ 1656 года къ Каллисту, тогда еще игумену Марковскому, на намѣстничество Полоцкое и Витебское, между прочимъ, повелѣваетъ: „отрочатъ, подъ тою (Полоцкою) епископіею пребывающихъ... учити и наказовати, избирая на сіе учителей во благихъ, свидѣтельствованныхъ и богобоязныхъ [2])"; назначеніе Симеона на это мѣсто показываетъ, слѣдовательно, что къ этому времени онъ уже успѣлъ снискать себѣ довѣріе и уваженіе монастырской братіи. Само братское училище, однако же, находилось еще въ это время въ очень печальномъ состояніи: по той причинѣ, что монастырь, вообще, былъ до тѣхъ поръ

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 288-й, л. 630-й.
[2]) Древн. Росс. Вивл. 3 т. 303 стр.

„отъ латинъ сильно истѣсненъ“, оно не имѣло для себя даже отдѣльнаго помѣщенія [1]).

Что касается объема и характера преподаванія Полоцкаго въ этомъ училищѣ, то по всему видно, что оно ограничивалось здѣсь размѣрами самаго элементарнаго курса. Объ этомъ можно заключать изъ самаго его званія—*дидаскалъ*, употреблявшагося преимущественно для учителей, состоявшихъ при элементарномъ школьномъ преподаваніи. При томъ, самъ Полоцкій называетъ отроковъ своего училища малыми [2]); а въ одной изъ раннихъ рукописей его сохранились слѣдующія строки, относящіяся къ педагогической практикѣ Симеона въ братской школѣ:

Symeon starci Sitnianowicz.	Hawrilowicz.
Вопросъ:	Отвѣтъ:
Что—псалтырь?	разумъ.
„ гусли?	мысли.
„ струны?	персты.
„ органъ?	гортань.
„ кимвалъ?	вѣра добра.
„ трубный гласъ?	пѣніе къ Богу [3]).

Псалтырь была, именно, книгою, неизмѣнно употреблявшеюся въ старину при элементарномъ обученіи, и приведенныя строки заключаютъ въ себѣ бывшее тогда въ ходу аллегорическое толкованіе встрѣчающихся въ ней выраженій.

Помня, однако же, традиціи пройденныхъ имъ школъ, Симеонъ постарался и здѣсь, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ внѣшнему положенію своего училища, примѣнить тѣ пріемы, которые онъ усво-

1) Древ. Росс. Вивл. 3 т. 323 стр.
2) Рукоп. Синод. библ. № 731-й, л. 288-й.
3) Рукоп. Синод. библ. № 877, на внутренней сторонѣ ея обертки.

илъ себѣ при своемъ воспитаніи. По случаю разныхъ церковныхъ и общественныхъ торжествъ, онъ имѣлъ обыкновеніе писать стихи, заставляя отроковъ своей школы произносить ихъ публично подъ своимъ личнымъ наблюденіемъ и руководствомъ. До нашего времени сохранилось большое количество стихотвореній, писанныхъ Симеономъ, именно, въ періодъ учительской дѣятельности его въ Полоцкѣ, и назначенныхъ, большею частію, для произношенія питомцами братской школы.

Стихотворенія эти, въ первые годы жизни своей въ Полоцкѣ, Симеонъ писалъ на бѣлорусскомъ нарѣчіи, будучи самъ бѣлоруссъ и имѣя предъ собою бѣлорусское общество. Къ этому времени, безсомнѣнія, и должно относить тѣ бѣлорусскія произведенія его, которыя находятся въ одной изъ раннихъ его рукописей, именно: „*Стихи на слова, яже Христосъ, распятый на крестѣ, мовилъ до Бога Отца*“ [1]), „*Стихи краесогласный въ день страданія Господа нашего І. Христа* [2])“, произнесенные въ церкви десятью отроками, и восемъ стихотвореній на *Воскресеніе Христово* [3]). Судя по языку, это были первыя произведенія Симеона; такъ какъ очевидно, что при ихъ написаніи онъ совсѣмъ еще не имѣлъ знакомства съ тѣмъ болѣе чистымъ литературнымъ языкомъ, которымъ тогда писали въ Москвѣ. Чтобы судить о характерѣ этихъ произведеній, достаточно привести образцы изъ перваго изъ нихъ, какъ наиболѣе значительнаго и характеристическаго въ этомъ родѣ. Здѣсь, по поводу словъ Христа: „*Отче отпусти имъ, не вѣдятъ бо, что творятъ*“, Симеонъ изливаетъ свои чувства слѣдующими стихами:

---

1) Рукоп. Синод. библ. № 731-й л. 17-й.
2) Рукоп. Синод. библ. № 731. л. 27-й.
3) Тамъ же; л. 52-й.

О, пеликане, о лебедю милый.
Да всихъ спасеши всихъ порушилъ силы.
Кровь свою гонѣ схотѣлнь пролити.
Абысь моглъ чада мертва оживити.
А яко лебедь жалосно спѣваешь.
Презъ тя хотящихъ спастися спасаешь.
Со сими збойца (разбойникъ) Бога тебе знаетъ.
Въ спомни мя въ царствіи своемъ возываетъ [1]).

На слово Христа: „*жажду*“, онъ размышляетъ:

О Христе Боже Боже предъ вся вѣки.
О якось много терпѣлъ для человѣки.
Былесь проданы поиманъ и вязаны.
Виннымъ осужденъ и выданъ на раны.
Зъ шаты обнаженъ въ пурпуръ одѣяно.
На посмѣхъ а къ столпу наго привязано.
Кровью сплынулесь такось катованы.
Терновымъ вѣнцемъ на смѣхъ увѣнчаны.
Горше надъ збойцу тебе осудили.
А якъ отрутне до креста прибили:
Отъ князей старецъ спроснѣ награваны.
А въ жаждѣ твоей оцтомъ напоены.
Что еще болѣ быти маетъ.
До твоей страсти чого не достаетъ [2]).

Все произведеніе это представляетъ, такимъ образомъ, родъ грустной элегіи, темою которой служатъ крестныя изреченія Спасителя: на каждое изъ этихъ изреченій приводится по два стихотворенія, изъ которыхъ иныя, при всемъ несовершенствѣ внѣшней формы своей, дышатъ силою и искренностію чувства.

Скоро, однако жъ, случилось обстоятельство, выдвинувшее литературную дѣятельность Симеона, связанную съ его учительскимъ званіемъ, далеко за

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 731-й. л. 18-й. Стихи производятся съ сохраненіемъ правописанія Полоцкаго.
[2]) Тамъ же, л. 22-й.

предѣлы полоцкой братіи и общества. Въ 1656 году, по случаю объявленія войны шведамъ, царь Алексѣй Михайловичъ выѣхалъ изъ Москвы къ войску своему, стоявшему въ Бѣлоруссіи; 5-го іюля онъ прибылъ въ Полоцкъ и, проживъ здѣсь десять дней (до 15-го іюля), выступилъ отсюда съ войскомъ въ Ливонію. Потерпѣвъ, однако жъ, пораженіе подъ Ригою, онъ къ 12-му октября снова отступилъ въ Полоцкъ и, въ ожиданіи конца переговоровъ съ поляками, происходившихъ въ Вильнѣ, пробылъ здѣсь до 2-го ноября. Тотъ и другой пріѣздъ государя ознаменованы были для жителей Полоцка торжественными встрѣчами его въ полѣ за городомъ. Игуменъ Полоцкаго Богоявленскаго монастыря Игнатій Іевлевичъ, просвѣщенный питомецъ Кіевской коллегіи, произнесъ въ обоихъ случаяхъ прекрасныя, приличныя высокому торжеству рѣчи [1]; а Симеонъ Ситіановичъ, при первой встрѣчѣ, предсталъ предъ лице государя въ качествѣ дидаскала съ двѣнадцатью „отроками“ своего училища и въ лицѣ ихъ привѣтствовалъ его торжественными стихами. Стихи эти представляютъ любопытный образецъ обычной манеры Полоцкаго, часто употребляемой имъ, при подобныхъ случаяхъ, впослѣдствіи и всецѣло заимствованной изъ практики пройденныхъ имъ школъ.

Въ началѣ этихъ стиховъ помѣщается писанный прозой „предословъ отъ малыхъ“, въ которомъ выражается сознаніе, что всѣ народы должны славить побѣдоноснаго царя, „ихъ же и мы содержати хощемъ, но немощни суще, лиру возяще, царскія пѣсни сладцѣ соплетати“; поэтому авторъ проситъ царя быть снисходительнымъ [2]. За тѣмъ слѣдуютъ са-

[1] Древн. Рос. Вивл. 3 т. 309. 316 стр.
[2] Рукоп. Синод. библ. № 731-й л. 288.

мыя стихотворенія, произнесенныя двѣнадцатью отроками непосредственно одно за другимъ и заключающія въ себѣ выраженіе радостныхъ чувствъ по случаю пришествія государя и избавленія имъ православной страны отъ долговременнаго и тяжкаго ига поляковъ, напримѣръ:

Витаемъ тя православный царю праведное солнце,
Здавна бо вѣкъ прагнули тебе души наши и сердце.
Витаемъ тя царю отъ востока къ намъ пришедшаго,
Бѣлорусскій же отнужды народъ весь свобождшаго.
Радуйся церкви наша святая и восточная,
Яже испущаетъ словеса всѣмъ медоточная.
Ибо ты первѣе духомъ святымъ начася здати,
Презъ Алексея Михайловича днесь разширяти.
Небойся земле російская и не устрашайся,
Дѣдичъ звостока пришолъ ему низко поклоняйся.
Алексей Михайловичъ всѣхъ росовъ Царь и Государь,
И иныхъ народовъ великихъ Князь такжежъ и владарь.
Который подняль за благочестіе веліи труды,
Дабы во русійской земли оттрясъ ереси всюди [1]).

Царь прибылъ въ Полоцкъ въ сопровожденіи многочисленной свиты бояръ, въ составѣ которой находился и тогдашній митрополитъ сарскій и подонскій Питиримъ; поэтому авторъ обращается здѣсь и къ нимъ съ изъявленіемъ тѣхъ-же чувствъ восторга и благодарности:

И вамъ бояромъ дастъ Господь Богъ многая лѣта,
Быстe возлюбленный Израиль новаго завѣта.
Противо новыхъ фараоновъ враговъ своихъ стасте,
Велія же труды яко той на войнѣ подъясте.
Вы есте воинове Царя росомъ избранное,
И Богомъ небеснымъ въ силѣ тежъ его посланное.
Противо народовъ свирѣпыхъ нашихъ гонителей.

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 731-й л. 290 стр.

Горделивыхъ гнѣвливыхъ а злыхъ Церкви гонителей.
Вы на тую войну бояре былисте готовы,
За вѣру змѣлостію пошли яко дѣти львовы.....
И твое святительство хвалимъ буди Питириме,
Освященный митрополите всегда и ныне.
Яже на сей войнѣ всячески потрудился еси,
Всегда утверждая воинство сладкими словесы.
Дабы не сумнѣнно ишли воевати за вѣру,
Ты же о семъ приносилъ всегда святую офѣру...[1]).

Такимъ образомъ, 1656-й годъ, вообще весьма знаменательный въ жизни Симеона, былъ отмѣченъ для него еще тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ сдѣлался лично извѣстенъ царю Алексѣю Михайловичу. Пребываніе въ Полоцкѣ, гдѣ царь, встрѣтивъ формы жизни болѣе утонченныя и развитыя, чѣмъ въ Москвѣ, вообще сопровождалось для него весьма пріятными впечатлѣніями: съ этого времени, въ особенности, начинаютъ изливаться многочисленныя милости его на жителей города Полоцка и, преимущественно, на братію Полоцкаго Богоявленскаго монастыря [2]). Молодой дидаскалъ Богоявленской школы, занимавшій въ средѣ этой братіи очень важное положеніе и выступившій предъ царемъ съ неслыханнымъ имъ дотолѣ привѣтствіемъ, естественно, долженъ былъ обратить на себя его вниманіе. Искусно составленная имъ и торжественно выраженная похвала льстила самолюбію побѣдителя, и личность ловкаго стихотворца, конечно, должна была запечатлѣться въ памяти Государя, не чуждаю личной склонности къ стихотворному искусству [3]). Правда, до нашего вре-

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 731-й л.291 стр.
[2]) Собраніе грамотъ относительно Полоцка: Древн. Росс. Вибл. 289—429. стр.
[3]) Соловьевъ: Исторія Россіи, т. XII, 346. стр.

мени не сохранилось никакихъ извѣстій объ особенныхъ милостяхъ его къ Симеону, относящихся къ этому, именно, времени; но что онѣ, вообще, могли быть, объ этомъ можно заключать изъ того, что отсюда начинается новое направленіе въ честолюбіи Полоцкаго. Нѣтъ сомнѣнія, что именно съ этого времени въ Полоцкомъ возникла мысль о возможности его переѣзда въ Москву.

Когда, съ присоединеніемъ Малороссіи, государство московское получило рѣшительный перевѣсъ надъ Польшей, изъ русскихъ областей послѣдней устремилось въ Москву не малое количество предпріимчивыхъ людей, въ видахъ болѣе широкой и прибыльной дѣятельности. Въ Москвѣ охотно принимали этихъ людей, сильно нуждаясь въ ихъ полезныхъ знаніяхъ. Но, при этомъ, приносимыя ими съ собою начала польской образованности и быта въ такой мѣрѣ казались здѣсь предосудительнымъ новшествомъ, что возбуждали сомнѣніе даже въ ихъ правовѣріи. Полоцкій, безсомнѣнія, прекрасно зналъ это; и потому, какъ только встрѣча съ государемъ открыла ему въ будущемъ широкую перспективу въ этомъ направленіи, онъ заранѣе позаботился о томъ, чтобы, по возможности, приспособиться къ этому положенію. Какъ человѣкъ, избравшій специальной профессіей своей школьное учительство, имѣющій при томъ сильную любовь и способности къ литературному труду, онъ, понятно, ближайшимъ образомъ обратилъ свое вниманіе на тотъ языкъ, которымъ до сихъ поръ писалъ и который, какъ ему хорошо было извѣстно, былъ совершенно чуждъ московскому обществу. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что вскорѣ послѣ встрѣчи своей съ государемъ, Полоцкій принялся за изученіе церковнославянскаго языка, употреблявшагося въ литературѣ Московской Руси.

Объ этомъ изученіи самъ Полоцкій слѣдующимъ образомъ сообщаетъ въ стихотворномъ предисловіи своемъ къ „*Риѳмологіону*“:

Писахъ въ началѣ по языку тому,
Иже свойственный бѣ моему дому.
Таже увидѣвъ многу пользу быти
Славенскому ся чисту учити.
Взяхъ грамматіку, прилѣжно читати.
Богъ же удобно даде ми ю знати.
Къ тому странная сущи ей подобна.
Въ знанія пользу бяше ми удобна.
Тако славенскимъ рѣчемъ приложихся,
Елико далъ Богъ знати научихся... [1]).

Грамматика, на которую указываетъ здѣсь Симеонъ какъ на главное руководство при изученіи имъ церковно-славянскаго языка, была, безсомнѣнія, „Славянская грамматика“ Мелетія Смотрицкаго, изданная въ Евю въ 1619 году: сочиненіе это показывается въ числѣ книгъ, составлявшихъ келейную библіотеку Полоцкаго и переданныхъ, впослѣдствіи, по распоряженію патріарха Адріана, въ патріаршую ризницу [2]). При этомъ, согласно указанію самого Полоцкаго, пособіями ему служили и грамматики иностранныхъ языковъ, подъ которыми въ данномъ случаѣ слѣдуетъ разумѣть, собственно, грамматики латинскія и польскія.

Въ какой мѣрѣ это изученіе Симеономъ чистаго церковно-славянскаго языка, начавшееся, повидимому, въ томъ же 1656 году, совершалось ревностно и успѣшно, это можно усматривать изъ того, что уже въ произведеніи его, писанномъ въ Полоцкѣ не позже 1658 года находятся явные слѣды этого изученія. Въ стихахъ „*на Рождество Христово*“, от-

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 287-й. л. 5-й.
[2]) Русскій Архивъ, 1864 г. 42. стр.

посящихся къ этому, именно, времени, [1]), онъ слѣдующимъ языкомъ выражаетъ свои благожеланія всему царскому семейству:

Царю всихъ вѣковъ творче всего свѣта.
Нашему царю пошли многа лѣта.
Здравіе животъ данный ти отъ Бога.
Ты дай на лѣта Алексею многа...
Тобе Марій пречистой девицы.
Падаемъ до ногъ Марій царицы.
Дай многа лѣта даждь ей здравствовати.
Даждь оной зцаремъ везде царствовати.
И царевича Россій велика.
Князя соблюди до позняго вѣка.
Царевны тебе Христе царемъ знаютъ.
Въ долгій вѣкъ тобѣ нехай работаютъ [2]).

Подобнымъ же языкомъ и, вѣроятно, около этого времени имъ были написаны стихотворныя произведенія: „*Бесѣды настускія еже о воплощеніи Господа Бога и Спаса нашего І. Христа видѣннаго ими во вертѣпѣ отъ Пречистыя Дѣвы Маріи пеленами повита и во яслѣхъ положена*“ [3]), „*Ѳронъ, истинный еже есть и блажайшемъ судіи бесѣдованіе*“ [4]) и нѣкоторыя другія, болѣе мелкія.

При посѣщеніи своемъ города Полоцка, царь Алексѣй Михайловичъ взялъ оттуда съ собою чудотворный образъ Богоматери Полоцкой и возвратилъ его обратно только уже въ 1659 году въ новомъ богатомъ украшеніи. Срѣтеніе этого образа, проис-

---

[1]) Въ стихотвореніи этомъ патр. Никонъ упоминается, какъ не оставившій еще патріаршій престолъ свой (1658 г.), а Каллистъ, возведенный въ санъ Епископа Полоцкаго и Витебскаго въ 1657 г., упоминается уже въ этомъ званіи.

[2]) Рукоп. Синод. библ. № 731-й л. 64-й.

[3]) Рукоп. Синод. библ. № 877-й. л. 9-й.

[4]) Рукоп. Синод. библ. № 731. л. 9. Сравни рукоп. № 877. л. 56—58-й.

ходившее съ необыкновенною торжественностію, послужило для Симеона поводомъ къ написанію двухъ привѣтственныхъ стихотвореній, изъ которыхъ одно произнесено было предъ иконою 31-го марта[1]), при встрѣчѣ ея въ полѣ за городомъ, а другое на слѣдующій день, 1-го апрѣля, при торжественномъ богослуженіи „въ соборной церкви Софіи Святыя". Въ томъ и другомъ случаѣ стихотворенія были произнесены восемью „отроками" училища Полоцкаго Богоявленскаго монастыря. Языкъ этихъ произведеній и въ особенности послѣдняго изъ нихъ, сказаннаго въ присутствіи русскихъ властей края, представляется почти чистымъ церковно-славянскимъ языкомъ и свидѣтельствуетъ уже о полномъ почти преуспѣяніи Полоцкаго въ этомъ отношеніи. Содержаніемъ стихотвореній служитъ выраженіе радостныхъ чувствъ по случаю возвращенія иконы Богоматери въ Полоцкъ и молитвенное обращеніе къ ней о дарованіи благоденствія и побѣды надъ врагами царю, щедро украсившему образъ:

Воста Соломонъ съ престола своего,
Егда пріиде къ нему мати его.
Одесную си изволилъ ей дати
Престолъ достоинъ, да почтится мати.
Нашъ же Соломонъ царь благочестивый,
Богородицу чтити зѣло тщивый,
Яко всѣхъ матерь, егда образъ ея
Узрѣ во градѣ державы своея,
Даде честь всяку, на мѣсто честное
Въ церковь возвелъ есть и въ жилище свое,
Украсилъ златомъ прецѣннымъ богато
Присно молися. Ты же ему за то
Изволи взаимъ царице воздати,
Украси душу златомъ благодати.
Утверди престолъ его и державу,

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 877. л. 4—7-й.

Новыми вѣнцы вѣнчай его главу.
Покори враги, за то вси познають
Яко всуе нань съ оружіемъ встають.
Онъ же ти выну хощетъ воспѣвати,
Радуйся дѣво не невѣстна мати [1]).

Съ изученіемъ церковно-славянскаго языка литературная дѣятельность Симеона пріобрѣла болѣе значительный и важный характеръ. Скоро ему представился счастливый случай побывать въ Москвѣ, и онъ воспользовался имъ, чтобы блеснуть своимъ стихотворнымъ искусствомъ при дворѣ, при томъ уже не на варварскомъ и исполненномъ провинціализмовъ языкѣ, за который онъ, при первой встрѣчѣ съ царемъ, долженъ былъ просить у него извиненія, — но на языкѣ болѣе чистомъ церковно-славянскомъ, въ немногомъ лишь уступавшемъ тому, какимъ въ то время писали московскіе книжники. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1660 года царь Алексѣй Михайловичъ созвалъ многочисленный соборъ архіереевъ и архимандритовъ разныхъ монастырей для разсужденія о дѣлѣ патріарха Никона, оставившаго престолъ патріаршій „*своею волею*“. Для участія въ этомъ соборѣ вызванъ былъ и архимандритъ (съ 1659 года) Полоцкаго Борисоглѣбскаго монастыря Игнатій Іевлевичъ, своею ученостію давно уже обратившій на себя вниманіе государя. По указу царскому, Іевлевичъ выѣхалъ изъ Полоцка въ сопровожденіи многочисленной свиты — „со братіею и сослужебники, на девяти подводахъ“ [2]); въ составѣ

---

[1]) Рукоп. Синод. библ.. № 287. л. 337-й. Нѣтъ сомнѣнія, что при внесеніи въ „*Риѳмологіонъ*“ стихотвореніе это подверглось значительному исправленію со стороны языка; тѣмъ не менѣе очевидно, что самымъ поводомъ ко внесенію его сюда изъ множества другихъ была, именно, относительная чистота его языка.

[2]) Древн. Росс. Вивл. т. 3. 364 .стр. Срав. 382. стр.

этой братіи находился и Симеонъ съ двѣнадцатью отроками Богоявленскаго братскаго училища.

19-го января прибывшая въ Москву Полоцкая братія представлялась государю. Въ ряду послѣдовавшихъ при этомъ привѣтствій [1]) выступилъ предъ государемъ и Симеонъ, привѣтствуя его, по примѣру прежняго времени, мастерски составленными панегирическими стихотвореніями. Стихотворенія эти, произнесенныя такъ же 12 отроками, представляются уже весьма значительнымъ произведеніемъ начинающей панегирической музы Полоцкаго, обнаружившей впослѣдствіи столь необычайную плодовитость. Въ потокѣ льстиваго воодушевленія Симеонъ, между прочимъ, сравниваетъ здѣсь Россію съ небомъ, уподобляя царя и его семейство различнымъ свѣтиламъ небеснымъ:

Небомъ Россію нарещи дерзаю,
Ибо планиты въ онѣй обрѣтаю.
Ты солнце; луна Марія царица,
Алексій свѣтла царевичь денница.
Его же зари пресвѣтло блистаютъ,
Его бо щастемъ врази упадаютъ...
Утро денница обыче сіяти,
О дни будущемъ благовѣствовати.
Во малѣ дастъ Богъ день пресвѣтлый будетъ,
Егда денницы свѣтлости прибудетъ.
Въ многихъ побѣдахъ на вси страны свѣта,
Точію дай Богъ многа ему лѣта [2]).

При пріемѣ полоцкой братіи, повидимому, присутствовала и женская половина царскаго семейства; потому что Симеонъ и въ отношеніи къ ней, продолжаетъ здѣсь ту же льстивую параллель:

---

[1]) Древн. Росс. Вивл. 3 т. 389 стр.
[2]) Рукоп. Синод. библ. № 287-й. л. 374-й.

Зѣло Россія въ свѣтила богата,
Якъ звѣздми небо, сице въ ней палата
Царска сіяетъ, царевнъ лѣпотами
Звѣздамъ подобныхъ всими добротами.
Спросить бы солнца аще виdѣ ровну,
Яко Ирину въ Руси Михайловну;
Ей подражаетъ благородна Анна,
Въ единыхъ стопахъ съ нею Татіана
Царя Михайла тщи Өедоровича
Царствъ многихъ и княствъ истинна дѣдича.
Что Евдокія зъ Марөою сестрою
Есть въ русскомъ свѣтѣ; аще не звѣздою.
Равнѣ Софіа имать возсіяти,
Екатерина также зъ благодати
Дателя всѣхъ благъ, твоя дщери царю.
Возрастъ пріемше по Вышняго дару
И нова свѣтлость новонарождена
Просвѣтитъ сей міръ Марія царевна.
Вси бо суть свѣтъ намъ, тѣмъ же молилъ Бога
Да соблюдетъ я на лѣта премнога [1]).

Вмѣстѣ съ этими стихотвореніями предъ государемъ были произнесены: „*Діалогъ краткій*“, гдѣ въ вопросахъ и отвѣтахъ выражалась льстивая похвала царю, царицѣ, царевичу и царевнамъ,—„*Привѣтство о новонарожденной царевнѣ Маріи*“ и „*Діалогъ краткій о государѣ царевичѣ и великомъ князѣ Алексіи Алексіевичѣ*“ [2]).

Такимъ образомъ, въ 1660 году произведеніямъ стихотворнаго искусства Симеона удалось въ первый разъ проникнуть въ палаты царскаго дворца.—При начавшемся проникновеніи въ жизнь и обстановку Московскаго двора того времени западныхъ иноземныхъ обычаевъ, явленіе наиболѣе утонченнаго и льстиваго изъ этихъ обычаевъ, панегирической придворной поэзіи, естественно должно было произвести

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 287. л. 375-й.
[2]) Рукоп. Синод. библ. № 287-й л. 376—379-й.

здѣсь весьма пріятное впечатлѣніе. По крайней мѣрѣ, объ этомъ можно заключать изъ того, что въ этомъ первомъ опытѣ Симеонъ нашелъ себѣ очевидное поощреніе и для дальнѣйшей дѣятельности своей въ томъ же направленіи. Впродолженіи этого же пребыванія въ Москвѣ имъ было написано нѣсколько стихотвореній подобнаго рода, предназначенныхъ къ украшенію различныхъ придворныхъ торжествъ, именно: „*Привѣтство благородному и благовѣрному государю царевичу и великому князю Алексѣю Алексѣевичю въ день юже во святыхъ отца нашего Алексѣя митрополита Кіевскаго и всея Россіи чюдотворца*“ [1]), „*Привѣтство благочестивѣйшему, тишайшему, самодержавнѣйшему великому Государю Царю и великому князю Алексѣю всея великія и малыя и бѣлыя росіи самодержцу въ день тезоименитаго защитника его Алексѣя Божія человѣка*“ [2]) и привѣтствіе ему же *въ день Воскресенія Христова* [3]). — Во всѣхъ случаяхъ панегирическія стихотворенія эти были произнесены тѣми же двѣнадцатью отроками Богоявленскаго братскаго училища, и обильно расточаемая въ нихъ тонкая лесть, безсомнѣнія, должна была привлечь вниманіе и милость государя къ искусному стихотворцу. — Однако же, Симеонъ не остался на этотъ разъ въ Москвѣ: 20 го сентября того же года полоцкая братія государевымъ указомъ отпущена была домой [4]); и хотя значительная часть этой братіи осталась въ Москвѣ, но Симеонъ возвратился въ Полоцкъ къ своему учительскому званію.

---

1) Рукоп. Синод. библ. № 287. л. 389-й.
2) Тамъ же л. 365-й.
3) Тамъ же л. 209-й.
4) Древн. Росс. Вивл. 3 т. 382—383 стр.

Какова, вообще, была внѣшняя обстановка жизни Симеона въ этомъ званіи, объ этомъ, по недостатку данныхъ, трудно судить съ совершенною опредѣленностію. Но, принимая во вниманіе крайне скудныя средства Полоцкой Богоявленской обители, вынуждавшія настоятеля оной обращаться къ государю съ постоянными просьбами о различныхъ „щедротахъ“, должно полагать, что она едва ли могла быть удовлетворительною. — Въ бумагахъ самого Полоцкаго не имѣется никакихъ прямыхъ указаній на это, и лишь съ большимъ ограниченіемъ сюда можно примѣнить содержаніе одного стихотворенія, находящагося въ самой ранней изъ его рукописей. Стихотвореніе это подъ заглавіемъ: „стихи утѣшный къ лицу единому“, въ слѣдующихъ комическихъ чертахъ изображаетъ личность и обстановку Симеона во время жизни его въ Полоцкѣ:

Кто хощетъ людей на свѣтѣ познати.
Изволь о умныхъ мене вопрошати...
Видите мене какъ я мужъ отраденъ.
Возрастомъ великъ и умомъ изряденъ...
Ума излишкомъ ажъ нѣгде дѣвати.
Купи кто хочетъ, а я радъ продати.
Вся глава умомъ велми ся наткана.
А мозгу мало что мѣста не стало.
Времемъ сквозь носъ разумъ вытекаетъ
Да Семенъ уменъ языкомъ пріймаетъ.
А сколько силы не можно сказати:
Лва на бумагу мощно мнѣ раздрати.
Другій то Самсонъ да нетъ скимъ побиться.
Кого вызову всякъ мене боится,
Да кто съ богатиромъ боротся посмѣетъ.
Мечемъ пистолми все Семенъ умѣетъ.
Многи видаютъ какъ сильно борюся
Когда съ рубашки въ вечеръ раздегнуся.
Не одинъ недругъ тогда погибаетъ.
А кровь отъ ногтей ажъ въ очи плискаетъ.
По такой битвѣ радъ я спочиваю.

На мяккой лавкѣ такъ трудовъ збываю.
Все мнѣ по мысли одно то въ печали:
Что злые людѣ женится не дали.
Завпсть проклята гдѣ мене полюбятъ.
Тамъ злые людѣ тотъ часъ мя разгудятъ.
Кто таковъ какъ я да щастя не многа.
Ожените мя молю васъ для Бога.
Ручайте есть съ чимъ молодецъ дороденъ.
Есть што есть и пить и велми заводенъ.
Свое полаты за печью имѣю.
А про богатство хвалиться не смѣю.
Чтобъ воръ не окралъ а стану дарити.
Кто мя изволитъ скоро оженити.
И буду ему праведно служити.
Хлѣбъ дармо ести вино добрѣ пити [1]).

Правда, произвести комическій эффектъ было предвзятою цѣлію этого произведенія; но, во всякомъ случаѣ, едва ли могла быть отрадною та дѣйствительность, которая способна была возбуждать къ себѣ подобное отношеніе.

Понятно, что такая печальная обстановка, не удовлетворяя молодому честолюбію талантливаго и образованнаго Симеона, возбуждала въ немъ стремленіе искать изъ нея выхода. Мысль о переѣздѣ въ Москву, какъ самомъ желательномъ выходѣ отсюда, возникшая въ немъ еще послѣ первой встрѣчи его съ государемъ, естественно не должна была покидать его съ тѣхъ поръ и могла только окончательно окрѣпнуть въ нёмъ послѣ посѣщенія имъ Москвы. Въ скоромъ времени переѣздъ этотъ сдѣлался для Симеона неизбѣжнымъ и неотложнымъ, вслѣдствіе происшедшей перемѣны въ политическомъ положеніи г. Полоцка.

Въ 1661 году, послѣ непродолжительнаго перемирія, снова возгорѣлась война съ Поляками, веденная на этотъ разъ для русскихъ съ перемѣннымъ успѣ-

---

1) Рукоп. Синод. библ. № 731. л. 97-й.

хомъ. Въ числѣ многихъ городовъ бѣлорусскаго края, Поляками снова занятъ былъ г. Полоцкъ, и надъ православнымъ населеніемъ его возникли теперь тѣмъ большія угнетенія, что, впродолженіе восьмилѣтняго пребыванія своего подъ державою Московскаго царя, оно пользовалось особеннымъ покровительствомъ его и чрезвычайными милостями.

Прекрасно выражаетъ Симеонъ чувства наставшаго теперь угнетеннаго состоянія православія въ своей „*плачевной молитвѣ ко Пресвятѣй Богородицѣ отъ бывшихъ въ напасти*“, сложенной имъ въ Полоцкѣ въ 1663 году, по случаю новаго перенесенія иконы Полоцкой Богоматери въ Москву:

Въ матерствѣ дѣва, и во дѣвствѣ мати,
Могшая Бога чревомъ ти объяти,
Вскую градъ Полоцкъ и его гражданы,
Оставляеши, въ сирствѣ безъ обраны;
Честный твой образъ вся ны защищаше,
Отъ всѣхъ супостатъ забрало намъ бяше.
Онъ безпомощнымъ бѣ поможеніе,
Скорбящимъ радость и утѣшеніе.
Въ нуждахъ надежда, и помощь велика,
Та бо творяше при немъ всѣхъ владыка.
Нынѣ о мати дѣво пресвятая,
Вземлется отъ насъ икона чюдная.
Тако ли въ тузѣ оставиши чада,
О мати сирыхъ буди намъ отрада!
Нынѣ есть время, нынѣ приближися,
Въ помощи скоро нынѣ прославися...
Се туга и скорбь толико стужаетъ,
Даже въ надеждѣ духъ изнемогаетъ [1])....

Подобное же чувство безпомощности православнаго населенія въ Полоцкѣ выражается и въ „*Прилогѣ къ преподобной матери Ефросиніи*“ [2]), пи-

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 288. л. 297.
[2]) Рукоп. Синод. библ. № 288. л. 297-й обор.

санномъ имъ въ томъ же году; а спустя немного времени, архимандритъ Полоцкаго Богоявленскаго монастыря Игнатій Іевлевичъ въ просительномъ письмѣ своемъ къ Павлу, митрополиту сарскому и подонскому, пишетъ: „аще бо гдѣ яко въ Полотскомъ градѣ искупуетъ время наше благочестіе, жительствующее посредѣ враговъ уніатовъ и римлянъ окрестъ обошедшихъ, не имѣя нынѣ, *разоренія ради конечнаго всѣхъ людей православныхъ*, ни откуду инуду помощи" [1]).

При такомъ положеніи вещей, особеннымъ преслѣдованіямъ со стороны поляковъ, естественно, должны были подвергнуться тѣ лица, которыя въ прежнее время не стѣснялись открыто и рѣшительно заявлять свои симпатіи къ Москвѣ. Къ числу этихъ лицъ принадлежалъ, безъ сомнѣнія, и Симеонъ. — Есть основаніе полагать, что, именно, по этой причинѣ онъ подвергнулся въ это время, со стороны неизвѣстнаго намъ врага своего, доносу, угрожавшему ему крайней опасностію. По крайней мѣрѣ, ни къ какому другому времени не можетъ быть отнесена съ наибольшею основательностію его „*молитва въ скорби сущаго и клевету терпящаго*", гдѣ онъ въ трогательныхъ выраженіяхъ изливаетъ постигшее его, по этому случаю, удрученное состояніе духа:

Господи всея твари, Боже вседержащій,
Естества благодатію родъ Адамль любящій,
Призри окомъ милости на мене скорбяща,
Отъ неправедна мужа клевету терпяща....
Ихъ же умъ мой не мыслилъ, онъ на мя клевещетъ,
А душа въ невинности отъ страха трепещетъ.
Крове моея хощетъ, пагубы желаетъ,
Но Сердце мое въ Тебѣ Боже уповаетъ [2])...

---

[1]) Древ. Росс. Вивл. т. 3. 428. стр.

[2]) Молитва эта находится въ самой ранней изъ всѣхъ

При такихъ обстоятельствахъ совершенно естественно, если Симеонъ счелъ за лучшее навсегда переѣхать въ Москву, „къ праведному солнцу востока“, не разъ уже проявившему въ отношеніи къ нему свои благодѣянія. Онъ и не замедлилъ это сдѣлать: вышеприведенная „*молитва его ко Пресвятой Богородицѣ*“ была имъ написана уже незадолго до окончательнаго его отъѣзда въ Москву, гдѣ подъ покровительствомъ склонныхъ къ просвѣщенію и благодушныхъ государей Симеонъ, при своемъ образованіи, обнаружилъ дѣятельность широкую и многозначительную, поставившую его въ рядъ первостепенныхъ дѣятелей эпохи.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Жизнь и дѣятельность Симеона Полоцкаго въ Москвѣ въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

Время прибытія Симеона Полоцкаго въ Москву и мѣсто его окончательнаго поселенія здѣсь.—Первые шаги Симеона въ Москвѣ: учительство его въ Спасской школѣ и общій характеръ послѣдней; сношенія его съ Паисіемъ Лигаридомъ; вступленіе его въ роль придворнаго стихотворца.—Соборъ 1666—1667 гг. и важное участіе въ его дѣятельности Симеона: литературная и устная полемика его съ расколомъ; составленіе имъ соборныхъ дѣяній и личное его присутствіе на соборѣ.—Установившаяся отсюда близость Симеона къ важнѣйшимъ лицамъ въ церковной іерархіи: сношенія его съ восточными патріархами и его старанія объ открытіи чрезъ нихъ высшаго училища при церкви св. Іоанна Богослова.—Отношенія Симеона къ патріарху Іоасафу.—Отношенія его къ Ѳеодосію митр. сербскому, къ Питириму митр. новгородскому и къ Илларіону архіеп. рязанскому.—Его особенная близость къ Лаврентію митр. казанскому и свіяжскому и къ Павлу митр. сарскому и подонскому.—Положеніе Симеона при дворѣ: учи-

---

рукописей Симеона (№ 731-й) и поставлена въ „*Вертоградѣ многоцвѣтномъ*“ рядомъ съ „*молитвою его ко Пресв. Богородицѣ*,“ относящейся къ 1663 году (Рукоп. Синод. Библ. № 288. л. 296-й).

тельство царскимъ дѣтямъ; его общее содержаніе и направленіе. —Придворное стихотворство Симеона: обширность и важность этого рода дѣятельности для его личнаго положенія.— Проповѣдническая дѣятельность Симеона въ связи съ его придворнымъ положеніемъ: побужденія къ ней, ея обстановка и общая задача.—Болѣе мелкіе литературные труды Симеона.— Близость отношеній Симеона къ Өеодору Михайловичу Ртищеву, къ Богдану Матвѣевичу Хитрово и къ другимъ важнѣйшимъ придворнымъ лицамъ: его стихотворство и учительство, какъ главнѣйшія къ тому средства.—Общее вліятельное положеніе Симеона въ Москвѣ, открывающееся въ особенности изъ его отношеній къ современнымъ южно-русскимъ ученымъ: Лазарю Барановичу, Инокентію Гизелю и Іоаннкію Голятовскому.— Враги Симеона Полоцкаго въ Москвѣ: отношенія къ нему расколоучителей и ихъ общій непримиримый характеръ.—Отношенія къ нему чудовскихъ ученыхъ: Епифанія Славинецкаго и ученика его инока Евөимія. Борьба латинскаго и греческаго направленія въ Москвѣ.—Явный упадокъ здѣсь „греческаго ученія" и разсмотрѣніе съ этой точки зрѣнія судьбы патріарха Никона.—Несостоятельность усилій чудовскихъ ученыхъ подорвать значеніе Симеона.—Обстановка частной жизни Симеона Полоцкаго въ Москвѣ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ.

Временемъ, когда Симеонъ Полоцкій окончательно переѣхалъ на жительство въ Москву, обыкновенно признается 1664-й годъ; но есть основанія полагать, что это случилось нѣсколько ранѣе. Можно думать, по крайней мѣрѣ, что въ іюлѣ мѣсяцѣ 1663 года, когда по доносу Романа Боборыкина возникло дѣло о клятвѣ патріарха Никона на царя и его семейство, Симеонъ уже находился въ Москвѣ. Въ числѣ лицъ, посланныхъ для разслѣдованія этого дѣла въ Воскресенскій монастырь, упоминается царскій толмачъ *Симеонъ*, переводившій предъ патріархомъ Никономъ латинь Паисія Лигарида. Это и былъ, повидимому, Симеонъ Полоцкій, въ кругъ обязанностей котораго въ первые годы жизни въ Москвѣ входило, между прочимъ, и толмачество латини Паисія Лигарида.

Такимъ образомъ, прибытіе Симеона Полоцкаго

въ Москву съ вѣроятностію должно относить приблизительно ко второй половинѣ 1663 года, съ чѣмъ вполнѣ согласуются и извѣстія, сохранившіяся въ рукописи самого Полоцкаго. Въ предисловіи къ „*Вертограду Многоцвѣтному*" Симеонъ торжественно заявляетъ, что при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ онъ „прежихъ въ царствующемъ и богоспасаемомъ градѣ Москвѣ чрезъ *лѣтъ тринадесять*" [1]). Въ стихотворномъ благодареніи царю Ѳедору Алексѣевичу за созданіе новой келіи онъ такъ же говоритъ, что при покойномъ родителѣ его онъ былъ „чрезъ *лѣтъ тринадесять* нескудо питаны" [2]). Царь Алексѣй Михайловичъ умеръ, какъ извѣстно, 30 января 1676 года: въ томъ и другомъ случаѣ свидѣтельства эти указываютъ на 1663 годъ, какъ наначальный пунктъ жизни Симеона Полоцкаго въ Москвѣ [3]).

Лично извѣстный государю, имѣвшему неоднократный случай оцѣнить его таланты, Симеонъ былъ принятъ въ Москвѣ съ очевидною благосклонностію. Вскорѣ по его пріѣздѣ послѣдовалъ особый указъ государя, опредѣлившій мѣсто жительства его въ Москвѣ „въ обители Всемилостиваго Спаса, что за Иконнымъ рядомъ" [4]), и все содержаніе его съ самаго же начала отнесено было на счетъ двора [5]).

---

1) Рукоп. Синод. библ. № 288-й л. 4-й.

2) Рукоп. Синод. библ. № 287-й л. 596-й.

3) Единственнымъ основаніемъ, по которому 1664-й годъ полагали до сихъ поръ временемъ прибытія Симеона Полоцкаго въ Москву, служитъ слѣдующее мѣсто въ его челобитной къ царю Алексѣю Михайловичу, писанной отъ 1671 года: „Живу я по твоему Великаго Государя указу на Москвѣ *семь лѣтъ*" (Рукоп. Синод. библ. № 130-й л. 181-й). Но это мѣсто челобитной нисколько не противорѣчитъ нашему заключенію, такъ какъ послѣдняя писана была въ самомъ началѣ 1671 года, что открывается изъ самаго ея содержанія.

4) Рукоп. Синод. библ. № 130-й л. 182-й.

5) Эти обстоятельства, въ сопоставленіи съ другими, по-

Не трудно напередъ угадать тѣ общія начала, на которыхъ Симеонъ Полоцкій основалъ первые шаги своей дѣятельности въ Москвѣ. Онъ былъ опытный дидаскалъ и искусный стихотворецъ: такимъ мы видѣли его въ Полоцкѣ, такимъ же онъ являлся уже и въ Москвѣ, украшая здѣсь въ лицѣ учениковъ своихъ различныя придворныя торжества искусными произведеніями своего стихотворства. Тѣ немногія свѣдѣнія, которыя относятся къ первому времени жизни Симеона Полоцкаго въ Москвѣ, показываютъ, что первоначальная дѣятельность его здѣсь совершалась въ этомъ, именно, направленіи.

Учительство Симеона Полоцкаго началось, повидимому, вскорѣ же послѣ его прибытія въ Москву. Одна уже благосклонность его пріема показываетъ, что онъ съ самаго же начала былъ разсматриваемъ здѣсь какъ человѣкъ полезный и нужный и прежде всего, конечно, въ этомъ отношеніи. И дѣйствительно, первое извѣстіе, какое мы имѣемъ объ этомъ періодѣ въ жизни Симеона, относится, именно, къ его учительству. Въ 1664 году, то есть, спустя

дали поводъ почтенному изслѣдователю русской старины предположить, что Симеонъ прибылъ въ Москву „по вызову самого царя" и, именно, для обученія *по латинямъ* царевича Алексѣя Алексѣевича (Забѣлинъ: Опыты изученія русск. древн. и исторіи. Т. I-й, стр. 198—200). Допуская учительство Симеона Полоцкаго царевичу Алексѣю, мы считаемъ, однако же, болѣе вѣроятнымъ, что онъ прибылъ въ Москву по собственному рѣшенію, побуждаемый къ тому, ближайшимъ образомъ, стѣснительными обстоятельствами послѣдней жизни своей въ Полоцкѣ. Не вдаваясь въ подробности, ведущія къ слишкомъ мелочному изслѣдованію, мы укажемъ, хотя бы, на слѣдующія слова самого Полоцкаго, въ которыхъ онъ касается этого важнаго момента своей жизни: Оставихъ азъ отечество, сродныхъ удалился, Вашей Царстей милости *волею вручихся*..... единъ кратъ *то содѣяхъ*, но тако *желаю*, да до конца жизни моея пребываю. Рукоп. Синод. библ. № 287-й л. 597-й.

лишь нѣсколько мѣсяцевъ по прибытіи, Симеонъ въ письмѣ своемъ къ Меѳодію, епископу мстиславскому и оршанскому, сообщаетъ, что по указу самого царя онъ занимается обученіемъ нѣкоторыхъ лицъ по *Альвару* [1]).

Потребность въ просвѣщеніи въ такой мѣрѣ была господствующею въ московскомъ обществѣ тогдашняго времени, что совершенно естественно, если Симеонъ Полоцкій, съ перваго же времени своего пребыванія здѣсь, направленъ былъ, именно, къ этого рода дѣятельности. Недостатокъ просвѣщенія былъ ясно сознаваемъ тогда всѣми лучшими людьми общества, и вопросъ объ учрежденіи въ немъ училищъ былъ, такъ сказать, вопросомъ дня. Подробно и краснорѣчиво развивалъ эту мысль предъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, жившій тогда въ Москвѣ митрополитъ газскій, Паисій Лигаридъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ современниковъ Симеона. Относя къ невѣжеству различныя нестроенія въ русской церкви того времени, Паисій пространно доказывалъ государю необходимость учрежденія училищъ, какъ лучшаго средства къ ихъ пресѣченію. „Премудрый нѣкто воевода Алкивіадъ", писалъ онъ между прочимъ, „отвѣтъ даде древле Аѳиномъ, яко ко благополучно—ратованію три вещи суть нужны: первая есть злато, вторая есть злато, третья злато. Азъ же вопрошенъ о санѣ церковномъ и гражданскомъ, кіи бы были столпы и завѣсы обою, реклъ быхъ: первое *училища*, второе *училища*, третье *училища* пренуждны быти. Училища суть, отнюду же духъ животный чрезъ жилы во все тѣло разливается, суть крылѣ орляя, имаже слава пролетаваетъ всю вселенную... Во училищехъ суть образотворцы искуснѣйшіи, иже написуютъ человѣка во образъ

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 40-й л. 258-й.

Бога Треблажайшаго и Величайшаго. Въ тѣхъ училищехъ исполинское укрощается дерзновеніе, циклопская восхлащается жестота, епикурское исправляется житіе. Сихъ кромѣ обрѣтенное оное сокровище обоего гражданства растлѣвается.... Ты убо, о Пресвѣтлый Царю", заключаетъ свои убѣжденія Паисій, — „подражай Ѳеодосіемъ, Юстиніаномъ, и сожизди здѣ училища ради остроумныхъ младенцевъ, ко ученію трехъ языкъ коренныхъ, наипаче: *Греческаго, Латинскаго* и *Славенскаго*. Имаши бо, о благочестивѣйшій Царю, подъ своею крѣпкою рукою толико пребогатыя митрополіи, толико преизобилующія архіепископіи, толикая величайшая монастыри. Молю, да повелиши, воеже бы кождо сихъ начальниковъ, по мѣрѣ своихъ приходовъ, толико имѣлъ питомцевъ и толико клирикъ препитати тщился, ради изученія сихъ трехъ языковъ..." [1]) Подобнаго же рода наставленіе, хотя и не въ столь распространенной и ораторской формѣ, встрѣчаемъ мы и у другаго, неизвѣстнаго намъ современника Симеона въ *поученіи отъ іерея къ дѣтемъ духовнымъ*. „Печися", говоритъ здѣсь духовный отецъ, — „всѣмъ сердцемъ, и душею, елика твоя сила увѣщавати царя, и прочыя могущыя, еже устрояти *училища* вездѣ, ради малыхъ дѣтей; сего бо ради, паче всѣхъ добродѣтелей, многихъ грѣховъ получиши оставленіе" [2]).

Понятно, что при такомъ настроеніи общества, Симеону, любившему школьныя занятія и весьма опытному въ нихъ, сразу открывалось здѣсь обширное поприще почетной и плодотворной дѣятельности. Разсчетъ на эту дѣятельность, безъ сомнѣнія, входилъ

---

[1]) Рукоп. Моск. Духов. Акад. № 68. Листы не нумерованы.

[2]) Описаніе рукоп. Синод. библ. II. 3. 816 стр. Судя по многимъ признакамъ въ изложеніи и содержаніи этого слова, оно принадлежитъ Чудовскому іеромонаху Евѳимію.

уже въ число тѣхъ побужденій, по которымъ онъ переѣхалъ въ Москву. Симеонъ не могъ, конечно, не предвидѣть, что, удовлетворяя этой назрѣвшей потребности времени, онъ легко пріобрѣталъ себѣ здѣсь почетное и прочное положеніе. Учительская дѣятельность естественно должна была привлечь къ нему вниманіе и милость государя, который, какъ мы видимъ, и распорядился Симеономъ въ этомъ, именно, направленіи. Посредствомъ ея же онъ могъ снискать себѣ симпатіи и уваженіе московскаго общества, въ лучшей части котораго господствовало тогда сознательное стремленіе къ просвѣщенію.

Изъ сопоставленія послѣдующихъ данныхъ открывается, что это обученіе Симеономъ *по Альвару* устроено было согласно волѣ государя на мѣстѣ жительства Симеона въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, и что первыми учениками его здѣсь были молодые подъячіе Приказа Тайныхъ Дѣлъ. Приказъ этотъ, какъ извѣстно, составлялъ собственную кабинетную канцелярію государя, чѣмъ и объясняется отчасти поселеніе Симеона Полоцкаго вблизи царскаго дворца и его раннее поступленіе на дворцовое содержаніе. Сначала эта школа, равно какъ и ея учитель, не имѣли для себя отдѣльнаго помѣщенія; но уже въ 1665 году отъ 15 іюля выдано было по указу государя изъ суммъ приказа 100 рублей „къ хоромному строенію, что въ Спасскомъ монастырѣ за Иконнымъ рядомъ, въ которыхъ (хоромахъ) *учитца по латинямъ* подъячимъ Приказу Тайныхъ Дѣлъ Семену Медвѣдеву да дворцовымъ Семену да Ильѣ Казанцамъ.“ Нѣсколько ранѣе, именно, 30 іюня того же года къ тому же хоромному строенію выдано было 70 рублей, при чемъ замѣчено, что въ этихъ хоромахъ „*жить для наученія* подъячему Приказа

Тайныхъ Дѣлъ"[1]). Подъячій этотъ былъ ни кто иной, какъ вышеупомянутый Семенъ Медвѣдевъ, любимый и даровитѣйшій ученикъ Полоцкаго, принявшій впослѣдствіи монашество съ именемъ Сильвестра. Патріархъ Іоакимъ, объясняя его заблужденія вліяніемъ *„устоглаголаній"* Симеона, между прочимъ, замѣчаетъ: *„купно бо съ нимъ (Симеономъ) въ единой келліи живяше"*[2]). Помѣщаясь вмѣстѣ съ Полоцкимъ въ новоустроенной школѣ, Семенъ Медвѣдевъ состоялъ распорядителемъ ея по экономической части: на его имя до 1668 года изъ суммъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ выдавалось содержаніе въ школу *„для граматическаго ученья"*[3]).

Трудно съ несомнѣнностію рѣшить, какая опредѣленная мысль руководила государемъ при учрежденіи этой школы, которой онъ состоялъ высочайшимъ покровителемъ, отпуская на содержаніе ея средства изъ собственной казны. Была ли у него ближайшая цѣль приготовить хорошихъ переводчиковъ для своей дворцовой канцеляріи [4]), или же просто онъ захотѣлъ основать это полезное учреж-

---

1) Забѣлинъ: Опыты изученія русск. древн. и исторіи, Т. І-й стр. 197-я.

2) Остенъ. Казань 1865 г. 140 стр.

3) Забѣлинъ: Опыты изуч. русск. древн. и исторіи, т. І-й стр. 197-я. Здѣсь приведена слѣдующая выписка изъ расходныхъ книгъ Приказа: 7-го декабря Семенъ Медвѣдевъ получилъ *для ученья граматики* на покупку сальныхъ свѣчь 20 алтынъ. Декабря 19, *для граматичнаго ученья* на покупку дровъ 2 рубля. 14 января 1666 г. онъ получилъ на свѣчи полтину; 19 февраля на покупку дровъ 2 рубля; 14 марта на свѣчи 20 алтынъ. Въ 1667 году октября 13, Медвѣдеву *въ школу* выдано на покупку дровъ и свѣчь 2 рубля съ полтиною. Въ 1668 году января 21 снова выдано ему же *въ школу* на дрова и свѣчи 3 рубля 20 алтынъ.

4) Митр. Макарій: Исторія русской церкви, XII т. 641 стр.

деніе, уступая инициативѣ Симеона и желая дать примѣненіе его извѣстнымъ талантамъ опытнаго дидаскала; но, такъ или иначе, школа эта какъ нельзя болѣе соотвѣтствовала духовнымъ потребностямъ своего времени и могла одинаково возникнуть изъ желанія государя расширить нѣсколько то элементарное образованіе, пріобрѣтаемое, преимущественно, путемъ чтенія, которое господствовало тогда въ московскомъ обществѣ и о неудовлетворительности котораго онъ получалъ, какъ мы видѣли, неоднократныя представленія. Очевидно, что курсъ преподаванія въ этой школѣ, не смотря на учрежденіе ея въ весьма ограниченныхъ размѣрахъ, соотвѣтствовалъ, именно, требованіямъ высшаго, или, по крайней мѣрѣ, средняго образованія. Это открывается уже изъ того, что учениками ея избраны были люди взрослые, безъ сомнѣнія, отличавшіеся уже извѣстнымъ развитіемъ и познаніями, необходимыми для службы ихъ подъячими въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ. Тоже самое должно заключать и изъ выраженій въ расходныхъ записяхъ Приказа, по свидѣтельству которыхъ школа была заведена съ тѣмъ, чтобы „учиться по латинямъ“ или „для граматичнаго ученья,“ что прямо указываетъ на начала высшаго образованія, какимъ въ то время были причастны немногіе.

Нельзя такъ же сомнѣваться и въ томъ, что уже при самомъ началѣ своей дѣятельности въ этой школѣ Симеонъ Полоцкій внесъ сюда характеристическія особенности полученнаго имъ образованія. Талантливый питомецъ Кіевской коллегіи, посѣтившій при томъ сродныя ей по духу польскія школы, онъ естественно остался вѣренъ ихъ началамъ въ содержаніи и направленіи здѣсь своего преподаванія. И вотъ мы видимъ, что главнымъ предметомъ занятій въ Спасской школѣ, точно также какъ и тамъ, бы-

ло ученіе „по латинямъ,“ производившееся при томъ по руководству Альвара, весьма распространенному тогда, именно, въ польскихъ школахъ. Греческій языкъ, бывшій въ тѣхъ школахъ большою рѣдкостью, вовсе не былъ преподаваемъ и въ Спасскомъ училищѣ, что было тѣмъ естественнѣе, что и самъ Полоцкій, по свидѣтельству его современниковъ, „греческаго писанія ничтоже знаяше“ [1]). Кромѣ изученія латини, ученики Спасской школы, согласно тѣмъ же началамъ югозападнаго образованія, обучались въ ней риторикѣ и піитикѣ, упражняясь подъ руководствомъ своего наставника въ составленіи разнаго рода виршъ и орацій. Это, какъ мы знаемъ, былъ любимый предметъ занятій самого Полоцкаго и объ успѣхахъ его преподаванія въ этомъ отношеніи можно судить уже по характеру ученика его Семена Медвѣдева, бывшаго весьма искуснымъ въ произведеніяхъ этого рода. Понятно, что богословіе, считавшееся въ то время основаніемъ всѣхъ наукъ, было изучаемо и въ Спасской школѣ; но преподаваніе его здѣсь, какъ и все прочее, запечатлѣно было рѣзкимъ характеромъ латинской учености, отличаясь тѣмъ же господствомъ схоластики и казуистическихъ тонкостей, какъ и въ пройденныхъ Полоцкимъ школахъ. „*Вѣнецъ вѣры каѳолическія*,“ важнѣйшее богословское сочиненіе Симеона, служитъ тому яркимъ доказательствомъ.

Такимъ образомъ, уже съ перваго времени своего пребыванія въ Москвѣ, Симеонъ Полоцкій заявилъ себя здѣсь какъ рѣшительный представитель исключительно латинскаго образованія; а основанная имъ Спасская школа, въ размѣрахъ хотя и не обширныхъ, явилась первою и яркою выразительницею

---

[1]) Остенъ. Казань. 1865 г. 71 стр.

особеннаго духа и направленія своего учителя, пріобрѣтеннаго имъ въ югозападныхъ школахъ. Понятно, что по тому времени это было новое и важное явленіе въ Москвѣ, которое своимъ исключительнымъ характеромъ стояло въ рѣзкой противоположности съ господствовавшими въ ней до сихъ поръ началами образованности и въ особенности съ началами бывшей здѣсь высшей школы Чудовской, во главѣ которой находился старшій современникъ Симеона, Епифаній Славинецкій. Въ этой послѣдней школѣ главнымъ предметомъ преподаванія былъ, напротивъ того, языкъ греческій, изучаемый при томъ не столько по опредѣленному руководству, сколько практически, путемъ переводовъ и настойчиваго вниканія въ смыслъ текстовъ. Равнымъ образомъ, и въ общемъ направленіи этой школы совсѣмъ отсутствовалъ тотъ отчасти свѣтскій характеръ, которымъ отличалася Спасская школа, при явномъ преобладаніи въ ней латинствующей риторики и піитики; здѣсь, напротивъ, господствовалъ характеръ строгой церковности и той серьезной и осмотрительной сосредоточенности богословствующей мысли, какая естественно возникаетъ при постоянныхъ занятіяхъ переводами изъ Свящ. Писанія и свято-отеческихъ твореній. — Такая разность началъ и направленій въ этихъ школахъ естественно породила ранній антагонизмъ между ихъ представителями, въ которомъ заключается объяснительная причина многихъ послѣдующихъ отношеній въ жизни Симеона.

Учрежденіе высшей школы въ Заиконоспасскомъ монастырѣ для лицъ, принадлежавшихъ къ дворцовому вѣдомству, поставили Симеона въ раннія, хотя и отдаленныя, отношенія ко двору; но вскорѣ отношенія эти должны были усложниться и закрѣпиться по особымъ обстоятельствамъ тогдашняго

времени. Въ то время находился въ Москвѣ митрополитъ газскій, Паисій Лигаридъ, прибывшій сюда не задолго предъ Симеономъ (въ 1662 г.), но вскорѣ своими талантами и ловкостію пріобрѣвшій здѣсь могущественное значеніе при дворѣ. Несомнѣнно, что во все время пребыванія Паисія Лигарида въ Москвѣ Симеонъ состоялъ въ ближайшихъ къ нему отношеніяхъ. При одинаковой новости для нихъ общественной обстановки въ Москвѣ, людей этихъ сближало между собою и единство ихъ образованія. Какъ тотъ, такъ и другой были воспитаны на началахъ западнаго просвѣщенія, и потому Рейтельфелсъ ставитъ ихъ рядомъ какъ единственныхъ и ученѣйшихъ представителей латинскаго образованія въ Москвѣ [1]).

Отношенія между Паисіемъ и Симеономъ начались здѣсь очень рано, повидимому, вскорѣ же послѣ пріѣзда послѣдняго въ Москву. По крайней мѣрѣ, извѣстно, что въ августѣ мѣсяцѣ 1664 года Паисій уже хорошо зналъ Симеона. Лазарь Барановичъ, посылая Паисію вновь вышедшую тогда книгу ученаго іезуита Боймы объ исхожденіи Св. Духа и о главенствѣ Папы и предлагая ему написать на нее опроверженіе, въ письмѣ своемъ (отъ 16-го августа) проситъ митрополита показать для той же цѣли книгу эту и Симеону: „Прошу“, пишетъ онъ, „сообщить книгу достопочтенному отцу Симеону Ситніановичу Петровскому, знаменитому брату моему, извѣстному ученостію своею: пусть испытаетъ на ней силу ума своего и окажетъ услугу святой церкви, *пользуясь помощію твоей святыни*“ [2]). Ясно, что Лазарь Ба-

---

[1]) Iac. Reutenfels: De rebus moschoviticis; 205—206 p.

[2]) Письма Лазаря Барановича. Пис. IX; ср. Опис. рукоп. Моск. Синод. библ. II, 2, 100—101 стр.

рановичъ зналъ уже въ это время о знакомствѣ Симеона съ Паисіемъ и знакомствѣ довольно близкомъ, если онъ считалъ для него возможнымъ, при разсмотрѣніи книги, пользоваться совѣтами ученаго митрополита. Какъ и въ другихъ случаяхъ, всѣми уважаемый русскій іерархъ, лестнымъ отзывомъ своимъ о Симеонѣ, очевидно, старается здѣсь возвысить его ученое значеніе; но въ отношеніи къ Паисію Лигариду это едва ли и было особенно нужнымъ. При частыхъ сношеніяхъ своихъ съ Симеономъ, онъ самъ прекрасно зналъ его съ этой стороны и высоко ставилъ ученыя заслуги Симеона, прямо называя его въ своихъ запискахъ *„ученѣйшимъ“* [1]).

Но одной общности въ началахъ образованія, очевидно, вовсе недостаточно для того, чтобы вполнѣ объяснить ближайшія отношенія между Симеономъ и Паисіемъ, при громадной разности ихъ общественнаго положенія. Безъ сомнѣнія, и эта общность имѣла здѣсь большое значеніе; но она служила лишь къ укрѣпленію того, что слагалось и развивалось здѣсь на другихъ, болѣе важныхъ основаніяхъ. Сопоставленіе многихъ данныхъ показываетъ намъ, что Симеонъ Полоцкій былъ не только близкимъ по образованію, но и необходимымъ человѣкомъ для Паисія.

Могущественное вліяніе этого „царскаго милостивца“ при дворѣ основывалось, собственно, на томъ, что при высокомъ образованіи своемъ, соединенномъ съ замѣчательною находчивостію и изворотливостію, онъ былъ полезенъ государю въ его затрудненіяхъ отъ различныхъ нестроеній, смущавшихъ тогда рус-

---

[1]) Паисій Лигаридъ: О соборѣ на патр. Никона. II, гл. 6. Митр. Макарій: Исторія русск. церкви; XII т. 642 стр.

скую церковь. При разладѣ своемъ съ патріархомъ Никономъ, государь во всѣхъ важныхъ случаяхъ призывалъ къ себѣ для совѣщаній Паисія и даже употреблялъ его при разслѣдованіи поступковъ патріарха какъ довѣренное и уполномоченное лицо. Когда усилившееся въ то время движеніе церковнаго раскола нашло себѣ литературное выраженіе, Паисій, по порученію государя, занимался ученымъ опроверженіемъ его заблужденій. Но при этомъ извѣстно, что Паисій Лигаридъ вовсе не зналъ русскаго языка и потому Симеонъ Полоцкій явился, его ближайшимъ посредникомъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніи.

Мы уже сдѣлали предположеніе, что Симеонъ Полоцкій былъ переводчикомъ латини Паисія Лигарида при посольствѣ его въ Воскресенскій монастырь для объясненій съ патріархомъ Никономъ. Другой подобный же случай, удостовѣряющій насъ въ первомъ, занесенъ уже самимъ Симеономъ въ одну изъ его записныхъ тетрадей: „лѣта 1664, декабря 18, въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ, Патріархъ Московскій Никонъ, который оставилъ престолъ свой, пріѣхалъ ночью на Москву, взошелъ на престолъ, а когда его не приняли, то, взявъ посохъ святаго Петра Митрополита, уѣхалъ. *Тутъ я позванъ былъ въ присутствіе его царскаго величества для перевода латини славнѣйшаго отца Паисія, Митрополита Газскаго*. Посылано къ Патріарху за посохомъ; отдалъ его“ [1]). Спустя немного времени, Паисій Лигаридъ написалъ для государя свое опроверженіе извѣстной челобитной Никиты; но самая возможность для него этого труда обусловливалась участіемъ въ немъ Симеона. Послѣдній сдѣлалъ до-

[1]) Опис. рукоп. Моск. Синод. библ. II. 2. 101—102 стр.

ступнымъ для Паисія пониманіе этой челобитной путемъ перевода ея на языкъ латинскій; а написанное имъ опроверженіе перевелъ съ латинскаго языка на русскій для представленія государю. Черновой списокъ этого перевода, писанный рукою самаго Симеона, заключается въ одной изъ раннихъ его рукописей [1].

Понятно, что столь близкія отношенія Симеона къ Паисію Лигариду, ученому и вліятельному совѣтнику государя по церковнымъ дѣламъ, должны были рѣшительнымъ образомъ отразиться на первоначальномъ положеніи его въ Москвѣ. Сотрудничество Симеона въ ученыхъ занятіяхъ Паисія, предпринятыхъ по порученію государя, безъ сомнѣнія, было хорошо извѣстно этому послѣднему. Фигурированіе же его предъ государемъ въ качествѣ ученаго переводчика Паисіевой латини повторялось, повидимому, неоднократно, при частыхъ сношеніяхъ государя съ Паисіемъ и можно думать, что вышеприведенная замѣтка объ этомъ въ бумагахъ Симеона относится лишь къ самому выдающемуся случаю этого рода. То и другое естественно обращало на него вниманіе государя и такъ или иначе дѣлало Симеона участникомъ милостей его, обильно изливавшихся на Паисія. Но, что всего важнѣе, — эти близкія отношенія Симеона къ Паисію весьма рано доставили ему въ Москвѣ видное общественное положеніе. Они сра-

---

1) Рукоп. Москов. Духов. Акад. № 68-й. Въ бумагахъ Симеона имѣются и другіе слѣды, указывающіе на существованіе близкихъ частныхъ отношеній между ними, именно: прошеніе Паисія государю по случаю покражи его имущества въ Москвѣ, прошеніе къ нему же о выдачѣ подводъ и пособія для отъѣзда въ Кіевъ и грамота патріарха Іоасафа къ Нектарію, патр. іерусалимскому о прощеніи вины Паисія (См. рукоп. Синод. библ. № 130. л. 39, 159-й).

зу поставили Симеона въ самомъ центрѣ тогдашней церковной политики, въ которой онъ какъ человѣкъ ловкій и выдающейся учености, вскорѣ же и принялъ болѣе активное и важное участіе.

Естественно, что и съ своей стороны Симеонъ употреблялъ всѣ зависящія отъ него средства, чтобы поддержать и упрочить за собой то выгодное положеніе, которое онъ занялъ съ самаго начала своей жизни въ Москвѣ въ отношеніи къ придворнымъ сферамъ. Стихотворное искуство, еще ранѣе обратившее на него вниманіе государя, явилось и здѣсь ближайшимъ и немаловажнымъ къ тому средствомъ. Въ дни важнѣйшихъ церковныхъ праздниковъ, въ тезоименитые дни различныхъ членовъ многочисленной царской семьи и по другимъ случаямъ придворныхъ торжествъ, Симеонъ обыновенно являлся во дворецъ и, при поздравленіи государя, произносилъ приличное случаю искусно составленное стихотвореніе. Скоро ему представилась возможность выступить предъ государемъ съ болѣе уже значительнымъ произведеніемъ этого рода. 23 апрѣля 1665 г., по случаю рожденія Симеона царевича, имъ была составлена и поднесена царю особая стихотворная „книжица," содержащая въ себѣ: „*Благопривѣтствованіе о ново-Богомъ — дарованномъ сынѣ, Государѣ Царевичѣ и великомъ князѣ Симеонѣ Алексѣевичѣ*;" изображеніе креста, сопровождаемое стихотворнымъ объясненіемъ подносимаго знаменія; „*Бесѣду со планеты*" и — „*Апострофъ къ Преподобному.*" При врученіи „книжицы" Симеонъ произнесъ предъ государемъ пространную и витіеватую рѣчь, заключивъ её просьбой: „приношенія не презри, а мою худость милостивымъ своимъ изволи соблюдати благоутробіемъ"[1]).

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 287-й, л. 434. Срав. Рукоп. Синод. библ. № 877-й, л. 17.

Вообще видно, что Симеонъ не пропускалъ ни одного благопріятнаго случая, чтобы обратить на себя вниманіе государя, и что, въ первое время жизни его въ Москвѣ, наилучшимъ и употребительнѣйшимъ средствомъ къ этому было его „піитическое художество." Ясно, что онъ употреблялъ это художество столько же по своей личной склонности къ нему, сколько и потому, что имъ вполнѣ достигалась его ближайшая цѣль: снискать себѣ милость и покровительство государя, въ своемъ трудномъ положеніи чужеземнаго пришельца. Личная склонность его къ стихотворному искусству счастливо совпадала въ этомъ случаѣ съ развившимся, подъ вліяніемъ западныхъ иноземныхъ обычаевъ, вкусомъ къ нему при московскомъ дворѣ, и Симеонъ съ самаго же начала усвоилъ себѣ здѣсь почетную роль придворнаго поэта, всѣми молчаливо признанную за нимъ и съ успѣхомъ имъ выполняемую до конца своей жизни.

Но не такова была натура Симеона, предпріимчивая и дѣятельная, чтобы, явившись при новой обстановкѣ въ привычной для него роли ученаго дидаскала и искуснаго стихотворца, совершенно успокоиться на этомъ. Правда, это были его любимыя занятія и склонность къ нимъ, возникшая изъ особенностей его образованія, не покидала его въ продолженіе всей жизни; тѣмъ не менѣе они представляли собою лишь ближайшія проявленія его многостороннихъ дарованій, всегда имѣвшія для него отчасти профессіональное значеніе. Тѣ же самыя особенности образованія, полученнаго Полоцкимъ въ югозападныхъ школахъ, дѣлали его съ этой стороны выдающимся человѣкомъ въ Москвѣ и необходимо влекли его на поприще болѣе широкой и плодотворной дѣятельности, при первыхъ благопріятныхъ тому

обстоятельствахъ. Такія обстоятельства открылись для Симеона съ 1666 года, при чемъ обнаруживается, что къ этому времени довѣріе и уваженіе къ его талантамъ было уже весьма распространеннымъ въ высшихъ правящихъ сферахъ Москвы.

1666-й годъ памятенъ въ исторіи русской церкви дѣятельностію большаго Московскаго собора, созваннаго стараніями царя Алексѣя Михайловича съ цѣлью умиротворенія господствовавшихъ въ ней нестроеній. Предметъ занятій на соборѣ составляли, главнымъ образомъ, три важныя дѣла: а) обличеніе и окончательное осужденіе многочисленныхъ представителей раскола, развившагося съ особенною силою въ періодъ междупатріаршества; б) судъ надъ патріархомъ Никономъ, произвольно оставившимъ престолъ свой и тѣмъ увеличившимъ церковныя смуты и — в) избраніе на его мѣсто новаго патріарха. Къ участію въ опредѣленіяхъ собора приглашены были и восточные патріархи; но еще до ихъ прибытія въ Москву, засѣданія его открылись разсмотрѣніемъ заблужденій важнѣйшихъ расколоучителей. Въ обличеніи этихъ заблужденій Симеонъ Полоцкій принималъ самое дѣятельное, хотя и подчиненное участіе и притомъ — съ самой важной литературно-полемической его стороны.

Дѣло въ томъ, что ко времени открытія собора недовольство московскихъ книжниковъ новоисправленными богослужебными книгами, изъ отрывочныхъ и довольно смутныхъ проявленій своихъ, начало слагаться въ опредѣленную и болѣе или менѣе законченную систему, имѣвшую цѣлью отстоять различныя мѣстныя уклоненія отъ древняго восточнаго обряда. Представители раскольническихъ мнѣній, суздальскій попъ Никита и романо-борисоглѣбскій попъ Лазарь, составили обширный сводъ обличеній на по-

вовведенія Никона, открыто выступая въ нихъ на борьбу съ господствующею церковію. Въ этихъ обличеніяхъ, изложенныхъ Никитою въ формѣ челобитной на имя государя, а Лазаремъ въ нѣсколькихъ свиткахъ, они разсматривали всѣ Никоновы исправленія въ богослужебныхъ книгахъ, какъ „древнихъ еретиковъ останки богохульныя“ [1]), или же, какъ приражееніе ложныхъ ученій уніатовъ, латинянъ, армянъ и даже евреевъ. Поэтому, когда собранные въ Москвѣ святители занялись изслѣдованіемъ раскольническихъ мнѣній, они, естественно, не могли оставить безъ вниманія эти „рукописанія“ Никиты и Лазаря, заключавшія въ себѣ всѣ главныя основанія раскола и служившія могущественнымъ орудіемъ для его пропаганды. Явилась, такимъ образомъ, настоятельная потребность въ ихъ литературномъ опроверженіи. Честь такого опроверженія, по волѣ царя и собора, сначала выпала на долю Паисія Лигарида, который, какъ мы видѣли, и выполнилъ данное ему порученіе при помощи Симеона. Но „*отраженія*“ Паисія (въ числѣ 31-го) касались только одной челобитной Никиты; притомъ, по незнанію славянскаго языка, онъ видимо пользовался ею лишь по тѣмъ краткимъ и общимъ извлеченіямъ изъ нея, какія для него дѣлалъ Симеонъ. Отсюда полемика Паисія по необходимости страдала общностію своего содержанія и болѣе занималась діалектическимъ опроверженіемъ общихъ мыслей въ обличеніяхъ Никиты, чѣмъ многими характерными частностями въ раскрытіи ихъ предмета.

Такъ или иначе, соборъ не призналъ сочиненія Паисія Лигарида удовлетворительнымъ для цѣли и

---

[1]) Челобитная Никиты. Матер. для исторіи раскола IV т. 3 стр.

поручилъ хорошо знакомому уже съ дѣломъ Симеону составленіе новаго опроверженія на челобитную Никиты и вмѣстѣ на свитки попа Лазаря. Такое опредѣленіе собора послѣдовало 7-го мая 1666 года [1]) и Симеонъ немедленно, съ чрезвычайною ревностію принялся за его исполненіе: по его собственному свидѣтельству, онъ началъ свой трудъ 18 мая 1666 года и окончилъ его 13-го іюля того же года, т. е. менѣе чѣмъ въ два мѣсяца [2]). Трудъ Симеона Полоцкаго былъ разсмотрѣнъ и одобренъ на соборѣ [3]) и отъ имени его изданъ подъ заглавіемъ: „*Жезлъ правленія, утвержденія, наказанія и казненія, сооруженный отъ всего освященнаго собора.... въ лѣто 7174, мѣсяца Мая, въ 7-й день*". Однакожъ, самое изданіе „*Жезла*" послѣдовало годомъ позднѣе: Павломъ, митрополитомъ сарскимъ и подонскимъ, уп-

---

[1]) Митроп. Макарій: Исторія русск. церкви, XII т. 681 стр. въ примѣчаніи.

[2]) Въ черновомъ спискѣ „Жезла Правленія", писанномъ самимъ Симеономъ польскими буквами, въ началѣ его помѣчено: naczach 1666 maii 18 и потомъ въ концѣ: finivi 1666 iulii 13. Рукоп. Дух. Акад. № 68-й.

[3]) Въ дѣяніяхъ собора (дѣяніе 9-е) 1666 года объ этомъ сказано слѣдующимъ образомъ: „Сооружи освященный соборъ новую книгу, Жезлъ Правленія именованную, въ ней же вся подробну клеветы и обличенія возобличаются: въ первой части Никитино буйствованіе отражается, во второй окаяннаго Лазаря безуміе объявляется и хулы его *Жезломъ, изъ чистаго сребра Божія слова и отъ священныхъ Писаній и праведныхъ винословій сооруженнымъ, посѣкаются. Въ томъ Жезлѣ, аще кто хощетъ видѣти же и вѣдѣти, сихъ людей суемудріе обрящетъ подробну расположенное и возобличенное*".... (Допол. къ актамъ историч. V т. 456 стр.). Правда, соборныя дѣянія писаны такъ же Симеономъ, похваляющимъ здѣсь, слѣдовательно, собственное произведеніе; но всетаки отзывъ этотъ слѣдуетъ разсматривать не иначе, какъ результатъ соборнаго разсмотрѣнія его труда.

равлявшимъ въ то время типографіей [1]), были поднесены царю и патріархамъ первые печатные экземпляры его 10 мая 1667 года [2]).—Такъ появилось первое значительное произведеніе Симеона Полоцкаго богословскаго характера, составляющее одно изъ важнѣйшихъ явленій въ нашей полемической литературѣ противъ раскола.

Но власти Московскаго собора не удовольствовались однимъ формальнымъ осужденіемъ раскола и литературнымъ обличеніемъ его заблужденій: предъ отправленіемъ въ ссылку главныхъ его вождей сдѣланы были всевозможныя попытки къ ихъ увѣщанію, вразумленію и обращенію въ лоно господствующей церкви. Съ особенною настойчивостію онѣ направлены были на энергическаго и пылкаго протопопа Аввакума, по своимъ придворнымъ связямъ и личному характеру, пользовавшагося вниманіемъ государя. Послѣ многочисленныхъ и безплодныхъ попытокъ къ его убѣжденію, царь, наконецъ, послалъ къ нему (24 августа 1667 года) ученаго и краснорѣчиваго „*философа*“ Симеона въ сопровожденіи окольничаго Артамона Сергѣевича Матвѣева. Съ этимъ „*философомъ черницомъ*“, разсказываетъ протопопъ Аввакумъ, „зѣло было стязаніе много: разошлися яко пьяни не могъ и поѣсть послѣ крику“. Весьма характерны приводимыя здѣсь Аввакумомъ выраженія, которыми закончился ихъ горячій споръ: „старецъ мнѣ говорилъ: острота, острота тѣлеснаго ума! да лихо упрямство; *а се не умѣетъ науки*“. Видно, что Симеонъ, при всей горячности спора, всетаки, отдавалъ

[1]) Митрополитъ Павелъ назначенъ былъ начальникомъ печатнаго двора незадолго предъ этимъ, въ томъ же 1667 году. См. Рукоп. Моск. Синод. типографіи № 67-й 9 стр.

[2]) Допол. къ актамъ историч. V т. 109 стр.

своему противнику справедливость, отдѣляя его природный умъ отъ тѣхъ заблужденій, въ которыхъ тотъ упорствовалъ по невѣжеству. Протопопъ же Аввакумъ могъ отвѣчать ему однимъ ожесточеніемъ: „И я въ то время плюнулъ, глаголя: сердитъ я есмь на діявола, воюющаго въ васъ, понеже со діяволомъ исповѣдуеши едину вѣру и глаголеши, яко Христосъ царствуетъ несовершенно, равно со діяволомъ и еллины исповѣдуеши во своей вѣрѣ“ [1]). Ясно, что борющіяся силы были здѣсь слишкомъ разнородны, а потому и состязаніе ихъ естественно не привело ни къ какому положительному результату.

Такимъ образомъ, Симеонъ Полоцкій, весьма рано зарекомендовавшій себя въ Москвѣ своею ученостію, былъ употребляемъ здѣсь не для одной только литературной полемики съ расколомъ, но и для живыхъ, устныхъ состязаній съ его представителями. Правда, объ этихъ состязаніяхъ его дошло до насъ лишь одно, приведенное нами, ясное историческое свидѣтельство; но что они были неоднократны и случались еще гораздо ранѣе, о томъ говоритъ уже явно выдающееся значеніе въ этомъ отношеніи Симеона, очевидно, не могшее возникнуть сразу. Тотъ-же самый протопопъ Аввакумъ, въ своей автобіографіи, свидѣтельствуетъ, что еще при первомъ возвращеніи своемъ изъ ссылки въ Даурію, онъ, живя въ Москвѣ, не разъ ходилъ къ Ѳедору Михайловичу Ртищеву и къ крутицкому митрополиту Павлу „*бранитца со отступниками*“ и здѣсь „*много шумѣлъ съ еретиками о вѣрѣ и о законѣ*“). Безъ сомнѣнія, онъ встрѣчался здѣсь и съ Симеономъ, который любилъ, какъ мы увидимъ, посѣщать эти мѣста, именно, для

---

[1]) Матер. для исторіи раскола Ѵ т. 118 стр.

[2]) Тамъ-же срав. 66, 68 и 99 стр.

ученой бесѣды. Если такъ, то и къ Симеону, между прочимъ, относятся тѣ многочисленныя выдержки противъ философіи, риторики и краснорѣчія, которыя около этого времени (въ 1664 году) собраны были Аввакумомъ изъ разныхъ отцевъ и учителей церковныхъ [1]) и которыя еще ярче выставляютъ предъ нами несовмѣстимую противоположность началъ, руководившихъ обоими противниками.

2-го ноября 1667 года прибыли въ Москву для участія въ засѣданіяхъ собора восточные патріархи, Паисій Александрійскій и Макарій Антіохійскій. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на пути ихъ слѣдованія и въ особенности при вступленіи ихъ въ Москву были устрояемы для нихъ торжественныя встрѣчи, существенную часть которыхъ составляли пышныя привѣтственныя рѣчи, произносимыя предъ патріархами представителями высылаемыхъ депутацій. Допуская, даже, предположеніе, что составителемъ этихъ рѣчей былъ Паисій Лигаридъ [2]), можно относить славянскую редакцію ихъ къ Симеону; но есть основанія полагать, что и самое авторство, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ, принадлежало, именно, этому послѣднему. Заключаясь въ бумагахъ Полоцкаго, рѣчи эти носятъ на себѣ явную печать его литературнаго изобрѣтенія и маперы [3]).—По прибытіи патріарховъ въ Москву, въ

---

[1]) Матер. для ист. раскола, I т. 480—490 стр.

[2]) Мнѣніе митр. Макарія: ист. русс. церкви. XII т. 535 стр. въ примѣчаніи.

[3]) Рукоп. Синод. библ. № 130, л. 19—29. Здѣсь находятся посланія царя Алексѣя Михайловича къ патріарху Александрійскому Паисію и Антіохійскому Макарію отъ 14 сентября и отъ 13 октября 1666 года. (Ср. Рукоп. Синод. библ. № 40 въ вплетенной сюда посторонней тетради, принадлежащей Симеону, л. 3—5); къ нимъ же посланія отъ нашихъ духовныхъ властей отъ 18 сентября и 22 октября того же

числѣ другихъ важнѣйшихъ лицъ духовенства счелъ нужнымъ представиться имъ и Симеонъ. При этомъ онъ произнесъ предъ патріархами привѣтственную рѣчь на латинскомъ языкѣ, которую тотчасъ же переводилъ для нихъ на греческій языкъ, сопровождавшій его, Паисій Лигаридъ [1]).

Съ 7 ноября 1667 года снова открылись засѣданія собора съ участіемъ въ нихъ восточныхъ патріарховъ. Совершился судъ надъ Никономъ, избранъ былъ на его мѣсто новый патріархъ, архимандритъ Троице—Сергіева монастыря Іоасафъ и, на основаніи прежнихъ соборныхъ допросовъ и обличеній, произнесена была общая анаѳема на всѣхъ послѣдователей раскола. Соборныя дѣянія эти, равно какъ и бывшія прежде, поручено было изложить Симеону Полоцкому, книга котораго „*Жезлъ Правленія*“ получила здѣсь новое одобреніе, такъ что въ нѣкоторыхъ соборныхъ постановленіяхъ па нее дѣлались прямыя ссылки [2]).

года. Рѣчи, сказанныя патріархамъ при вхожденіи ихъ въ Москву отъ іерарховъ нашихъ,—Илларіона, архіепископа рязанскаго и муромскаго, Павла, митрополита сарскаго и подонскаго, Лаврентія, митрополита казанскаго и свіяжскаго,—находятся также въ бумагахъ Симеона (Рукоп. Синод. библ. № 229, л. 451—454) и суть тѣ же самыя, что помѣщены Н. И. Субботинымъ въ изданіи описанія соборныхъ дѣяній 1666 года, сдѣланнаго Симеономъ. Между прочимъ, въ этомъ описаніи Симеонъ надъ рѣчью Илларіона не сдѣлалъ никакой замѣтки; надъ рѣчью Павла замѣтилъ: „Wypisac z ksiegi moiey“; надъ рѣчью же Лаврентія сначала сдѣлалъ такую же помѣтку, но потомъ moiey зачеркнулъ и вмѣсто того написалъ: przykazney (Рукоп Москов. Духов. Акад. № 68-й).

[1]) Паисій Лигаридъ: соборъ на патріарха Никона, II, гл. 6. См. Митроп. Макарій: Истор. русской церкви, XII т., 642 стр. Повидимому, это — та самая рѣчь, которая помѣщена въ бумагахъ Симеона на ряду съ другими, отъ лица неизвѣстнаго. См. рукоп. Синод. библ. № 229. л. 455-й.

[2]) Дѣянія собора, прав. 27 — 28. См. Допол. къ актамъ историч. V т. 472, 473 и 507 стр.

Составленіе Симеономъ описанія дѣяній собора можно относить къ концу 1667 или къ началу 1668 года. Однако же, трудъ этотъ, въ строгомъ смыслѣ, вовсе нельзя назвать описаніемъ. Это есть ничто иное, какъ общая историческая записка о соборныхъ дѣяніяхъ, составленная хотя и на основаніи подлинныхъ данныхъ, но въ выборѣ ихъ и распредѣленіи обнаруживающая совершенный произволъ автора. Въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣйствительно происходило, она не отличается ни надлежащею полнотою, ни строгой точностію. Вся дѣятельность собора излагается здѣсь Симеономъ въ 16 дѣяніяхъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ у него видъ особаго засѣданія, чего на самомъ дѣлѣ вовсе никогдя не было. При этомъ засѣданія собора распредѣляются у него не въ хронологическомъ порядкѣ, какъ они слѣдовали одно за другимъ, а по ихъ предметамъ. Правда, авторъ чрезъ это выигрываетъ удобство цѣльнаго и связнаго представленія событій, но за то много проигрываетъ въ отношеніи къ ихъ фактической основѣ: происходившее на многихъ засѣданіяхъ онъ произвольно растасовываетъ и сводитъ въ одно; одни событія, случившіяся ранѣе другихъ, ставитъ позднѣе и наоборотъ; иныя же изъ нихъ и вовсе опускаетъ. Наконецъ, что касается формы изложенія „дѣяній,“ то она въ нихъ существенно ораторская, и, слѣдуетъ замѣтить, что во многихъ мѣстахъ въ ней съ очевидностію проглядываютъ впечатлѣнія очевидца. Ясно, что Симеонъ описывалъ соборныя дѣянія преимущественно по своимъ личнымъ воспоминаніямъ, чѣмъ собственно и объясняются указанные нами недостатки его труда въ отношеніи къ фактическому содержанію. Дѣйствительно, въ важнѣйшемъ мѣстѣ этихъ „дѣяній,“ именно, въ дѣяніи „*о низложеніи съ престола бывшаго патріарха Никона,*“ Симеонъ

самъ замѣчаетъ, что онъ писалъ его *„съ своей памяти“*, и что если въ немъ окажется какой-либо недостатокъ, то надлежитъ его исправить и потребное приложить [1]).

Уже отсюда слѣдуетъ заключать, что и самъ Симеонъ лично присутствовалъ на соборѣ, принимая дѣятельное участіе въ его рѣшеніяхъ, хотя, конечно, въ роли подчиненной, второстепенной. О томъ же могутъ свидѣтельствовать и даваемыя ему порученія относительно письменной и устной полемики съ представителями раскола: очевидно, что его значеніе, какъ ученаго и ловкаго полемиста съ ними, могло выясниться съ совершенною полнотою только на соборѣ. Но, кромѣ этихъ косвенныхъ указаній, о личномъ участіи Симеона въ соборныхъ засѣданіяхъ имѣется и прямое историческое свидѣтельство. Знаменитый современникъ его сербъ Юрій Крижаничъ въ сочиненіи своемъ *„о святомъ крещеніи,“* защищая крещеніе чрезъ обливаніе водою, прибѣгаетъ къ авторитету Московскаго собора 1667 года, называя его *„полуповсуднымъ“* (полувселенскимъ). Въ доказательство послѣдняго онъ говоритъ здѣсь, между прочимъ: „полуповсуднымъ и зову, вещы бо есть отъ помистнаго: поньже на ньемъ быша два постранна, и третій домашній патріархъ. На томъ же собору быша и нине на Москве живутъ велечестни отцы, Епифаній и *Симеонъ* и ини бѣлоруски андреевскаго монастыря отцы“ [2]). Уже по тону рѣчи Юрія Крижанича можно угадывать, какую, собственно, роль игралъ на этомъ соборѣ Симеонъ: онъ присутствовалъ здѣсь, очевидно, какъ авторитетный ученый со-

---

[1]) Рукоп. Моск. Духов. Акад. № 68-й. Срав. Матер. для исторіи раск., 2 т. 175 стр.

[2]) Опис. Рукоп. Моск. Синод. библ. II; 3; 402 стр.

вѣтникъ, вмѣстѣ съ знаменитымъ Епифаніемъ и другими учеными старцами андреевскаго монастыря. Но изъ практики собора открывается еще и нѣчто другое. На соборѣ были случаи, что рѣчи восточныхъ патріарховъ переводилъ полатини Паисій Лигаридъ; но кто здѣсь переводилъ латинь Паисія на славянскій языкъ, въ соборныхъ дѣяніяхъ умалчивается: повсему видно, что это былъ никто иной, какъ самъ авторъ ихъ, Симеонъ.

Такимъ образомъ, несомнѣнно, что Симеонъ, хотя и въ роли второстепенной, принималъ важное участіе въ развивающихся событіяхъ на соборѣ. Понятно, что это участіе создало ему въ Москвѣ видное и дотолѣ не существовавшее положеніе. Вся послѣдующая судьба Симеона можетъ убѣдительно свидѣтельствовать объ этомъ; но прежде всего и съ совершенною ясностію это обнаруживается изъ тѣхъ близкихъ отношеній, въ какія вступилъ съ этого времени Симеонъ съ важнѣйшими и вліятельнѣйшими дѣятелями собора, начиная съ его отношеній къ новоприбывшимъ восточнымъ патріархамъ.

Мы уже видѣли, какъ Симеонъ представился этимъ патріархамъ въ сопровожденіи Паисія Лигарида: спустя немного времени ему удалось выступить предъ ними въ роли церковнаго оратора и этимъ снова обратить на себя ихъ вниманіе. 21-го декабря 1667 года, въ день празднованія памяти св. Петра, митрополита московскаго, Симеонъ произнесъ съ церковной каѳедры, въ присутствіи Царя и восточныхъ патріарховъ, блестящую рѣчь, въ которой, естественно, коснулся текущихъ церковныхъ событій. Выразивъ въ началѣ рѣчи увѣренность, что теперь настало время, „яко возмощи намъ крѣпко стати противу ковнемъ діавольскимъ, и вся враги наша побѣдити“,—ораторъ, обращаясь къ царю, продолжаетъ: „Его (св.

Петра) святыя молитвы возвышають рогъ христіанскій: его молитвы поспѣшествуютъ благимъ желаніемъ сердца твоего: его святыя молитвы здравы соблюдоша, и безбѣдны въ царствующій градъ приведоша сія свѣтлѣйшія начальники пастыремъ, яже нынѣ видѣши, о твоемъ многолѣтномъ здравіи и царствованіи и о всѣхъ православныхъ христіанахъ, безкровную Господеви жертву приносящыя". Затѣмъ, обращаясь уже къ самимъ патріархамъ, онъ въ теплыхъ и искреннихъ выраженіяхъ говоритъ о подвигѣ ихъ далекаго путешествія для устроенія русской Церкви: „пріяша извѣщеніе о явльшейся нѣцѣй во стадѣ Христовѣ проказѣ, абіе яко добріи пастыріе, оставльше здравыя овцы, пріидоша разсудити проказу и исцѣлити. Пріидоша, яко добріи дѣлателіе винограда Христова, еже розги не творящыя плода, отрѣзати и вонъ извергнути изъ винограда. Пріидоша, да на праздней земли насадятъ доброплодное древо, отъ него же бы алчнымъ слова Божія нескудно напитаннымъ быти. Праздная есть земля во винградѣ нашемъ, праздное архипастырскаго престола мѣсто". Въ виду такого обстоятельства проповѣдникъ заключаетъ рѣчь свою трогательною молитвою ко Христу о скорѣйшемъ избраніи для русской церкви добраго пастыря: „Даждь намъ пастыря Твоему изволенію угодна и пріятна. Вѣмы, яко самъ, о Христѣ, тщишися въ малѣ родитися вертепѣ, яко не имѣяй идѣже главы приклонити. Се у насъ мѣсто есть праздно, въ немъ изволи рожденъ быти: мы Тя любезно за пастыря пріимемъ. Но вижду нищихъ ради вертепъ виѳлеемскій есть ти годѣ; а насъ еще сиры хощеши имѣти: Поне убо, о Боже во Троицѣ единый, даждь намъ, *да внегда Троичества Твоего явленію на Іорданѣ сотворитися*, *троица Тя патріар-*

ховъ здѣ возславитъ" [1]). Однако жъ, ожиданіе проповѣдника не оправдалось на самомъ дѣлѣ: новый патріархъ былъ избранъ только уже въ генварѣ мѣсяцѣ 31 дня.

Повидимому, эта рѣчь Симеона произвела благопріятное впечатлѣніе какъ на восточныхъ патріарховъ, такъ и на мѣстныхъ московскихъ властей; или же сама личность проповѣдника была уже къ этому времени настолько значительною въ Москвѣ, что не было ничего необыкновеннаго въ томъ обстоятельствѣ, которое произошло далѣе. 25 декабря того же года, въ торжественный день празднованія Рождества Христова, Симеонъ съ церковной каѳедры произнесъ другую, столь же искусно составленную имъ рѣчь,—но уже не отъ своего имени, какъ прежде, а отъ лица самихъ восточныхъ патріарховъ, совершавшихъ богослуженіе. Рѣчь эта подробно развиваетъ мысль „*о взысканіи премудрости божественныя*" и представляетъ собою замѣчательное явленіе какъ для характеристики настроенія высшихъ, правящихъ круговъ московскаго общества тогдашняго времени, такъ и для уясненія отличительныхъ стремленій самого проповѣдника. Церковныя смуты, вызванныя расколомъ и имѣвшія, по сознанію лучшихъ людей времени, единственнымъ источникомъ своимъ невѣжество, произвели, очевидно, на всѣхъ тяжелое, удручающее впечатлѣніе, и проповѣдникъ видимо пользуется имъ, чтобы убѣдить царя и народъ въ необходимости стремиться къ просвѣщенію. „О вашемъ благоговѣинствѣ, православный роде россійскій," говоритъ онъ отъ лица восточныхъ патріарховъ, — „нѣсть намъ усумнѣніе. . . . Но не вѣмы, можетъ ли всякъ истинно о себѣ ко Богу сіе гла-

---

[1]) Вечеря душевная, 154—158 л. въ приложеніи.

голати: уста моя возглаголютъ премудрость и поученіе сердца моего разумъ: видимъ бо яко во многѣхъ отъ васъ не имѣетъ премудрость мѣста, идѣже главу приклонити. Скитается она якоже Христосъ, премудрость Божія, въ виѳлеемстѣ вертепѣ, и нѣсть взыскаяй ея . . . . Оставивше греческій языкъ и небрегуще о немъ, отъ него же имѣете просвѣщеніе ваше въ вѣрѣ православной, оставили есте и мудрость, и аки оземствовасте ю. Странніи роди и противніи вѣрѣ православной, на Западѣ обитающіи, греческій языкъ яко свѣтильникъ держатъ ради мудрости его, и училища его назидаютъ. Арапове же не хиротописаютъ и единаго не искусна суща греческому языку. И иніи роди премнози за корень премудрости, еллинскій нашъ языкъ имѣютъ и того ради Святый Боже, Херувимскую пѣснь поютъ гречески, и возгласы еллинскимъ языкомъ творятъ, якоже Грузи, Серби, Болгари, Мултанѣ и Волоси. Здѣ точію лѣности ради зѣло обезцѣнися . . . . Сице убо мы, пастыріе стада Христова сущіи, наблюдше у васъ несовершенство, молимъ, да взыщете премудрости. . . . Взыщете же ея толь тощнѣ, якоже искаху ея велиціи вселенныя учители: Василій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустый, Аѳонасій Великій, Діонисій Ареопагитъ, Іоаннъ Дамаскинъ и иніи многочисленіи свѣтильницы церкве. Ниже отрицайтеся неимѣніемъ училищъ: ибо аще взыщете, дастъ предвѣчная мудрость до сердца благочестиваго самодержца таково хотѣніе, *еже училища построити и учители стяжати въ семъ царствующемъ богоспасаемомъ градѣ Москвѣ.*" Въ заключеніи рѣчи проповѣдникъ дѣлаетъ обращеніе о томъ же къ государю: „*Положи отнынѣ въ сердцѣ твоемъ, еже училища, тако греческая, яко славенская и иная назидати; спудеовъ милостію си и благостію умножати, учи-*

тели благоискусныя взыскати, всѣхъ же честьми на трудолюбіе поощряти: то абіе узриши многи ученія тщатели, а въ малѣ времени пріимеши, дастъ Богъ плодъ стократный и полныя рукояти отъ сихъ сѣменъ. Тогда всякъ о себѣ возможетъ истинно глаголати къ Богу: уста моя возглаголютъ премудрость и поученіе сердца моего разумъ“ [1]).

Но кромѣ сейчасъ приведенныхъ нами, такъ сказать, оффиціальныхъ случаевъ, указывающихъ на отношенія Симеона къ восточнымъ патріархамъ и его почетное здѣсь положеніе, въ бумагахъ Полоцкаго сохранились слѣды и его частныхъ, ближайшихъ сношеній съ ними. Сюда относится, прежде всего, одно изъ писемъ Симеона къ архіепископу черниговскому, Лазарю Барановичу, характеризующее, собственно, его близкія отношенія къ патріарху антіохійскому Макарію. „Святѣйшій патріархъ Антіохійскій Макарій“, пишетъ здѣсь Симеонъ, „родитель мой превозлюбимый любезно, по желанію твоему, благословеніе свое архіерейское пресылаетъ и молитъ святыни твоея, да камене краснаго (иже родится, яко повѣствуютъ людіе, во епархіи вашей и употреблянъ бываетъ въ питіи отъ чревныя болѣзни и отъ удару падежнаго) частицу снискавъ, прислати изволиши. Благодать возъ благодать творити обѣщается. *И прошенію вашему о Викторѣ доблесотворити времене ожидаетъ. Азъ же его святительству о семъ стужати не престаю“* .... [2]).—Письмо это было

---

[1]) Вечеря душевная, 150—154 л. въ приложеніи.

[2]) Рукоп. Синод. библ. № 130. 84 л. Здѣсь же (57 л.) находится грамота патріарха Паисія къ Іосифу Нелюбовичу Тукальскому митрополиту кіевскому и галицкому объ освобожденіи людей великороссійскихъ, содержимыхъ въ заключеніи Дорошенкомъ,—писанная, очевидно, Симеономъ. Въ бумагахъ послѣдняго находится также рѣчь, сказанная па-

написано въ 1668 году; но въ это же самое время Симеономъ предпринято было важнѣйшее по обстоятельствамъ того времени дѣло, старанія о которомъ послужили естественнымъ поводомъ къ расширенію его частныхъ сношеній съ восточными патріархами. Это было дѣло объ учрежденіи въ Москвѣ высшаго училища при церкви св. Іоанна Богослова. Правда, относящіяся къ этому дѣлу данныя представляютъ всѣ попеченія о немъ исходящими отъ лица самыхъ прихожанъ Іоанно-Богословской церкви; но что Симеонъ принималъ въ немъ самое горячее участіе, и что ему собственно принадлежала его инціатива и общее направленіе, объ этомъ свидѣтельствуетъ уже одно то обстоятельство, что всю исторію этого дѣла можно прослѣдить по документамъ, сохранившимся единственно въ его бумагахъ.

Еще въ 1665 году „благочестивіи ктиторове, по изволенію царя и благословенію архіерейскому, сотвориша Божію человѣку Іоанну Богослову новую полату, или паче храмъ каменный во имя его, Всемогущему“ [1]). Пожелавъ обновить въ новоустроенной церкви слишкомъ старую утварь и, что гораздо важнѣе,—устроить при ней училище, они, въ 1666 году, подали государю челобитную, прося его оказать имъ свое соизволеніе на то и пособіе. Въ тоже время, они обратились съ прошеніемъ и къ царскому духовнику Андрею Савинову, убѣждая его принять церковь подъ свое покровительство и быть

тріархами при первомъ ихъ представленіи въ Москвѣ царевичу Алексѣю Алексѣевичу. См. Рукоп. Синод. библ. № 229, л. 457.

[1]) Мѣсто изъ „увѣщанія на собраніе къ созиданію храма Іоанна Богослова“, писаннаго Полоцкимъ. См. рукоп. Синод. библ., № 229, л. 440-й.

ходатаемъ предъ царемъ въ ихъ дѣлѣ: „*еще же и другую благоугодную вещь* (первая—украшеніе храма) *и православному народу полезную умысливше, сирѣчь Словенскія грамматики училища состроеніе, учителя и учениковъ пристяжаніе, написахомъ челобитную ко пресвѣтлому царскому величеству: яко да изволитъ намъ сія начинанія къ совершенію возводити*“ [1]).—Но на этомъ дѣло и остановилось, —очевидно, потому, что руководившій имъ Симеонъ былъ въ это время слишкомъ занятъ исполненіемъ различныхъ порученій по дѣламъ собора.

Тѣмъ рѣшительнѣе онъ принялся за его осуществленіе, когда окончились соборныя засѣданія, а съ церковной каѳедры уже успѣло прогремѣть его убѣдительное слово о взысканіи премудрости, подкрѣпляемое высокимъ авторитетомъ восточныхъ патріарховъ. Въ 1668 году прихожане церкви Св. Іоанна Богослова обращаются ко всѣмъ тремъ патріархамъ съ новымъ прошеніемъ объ учрежденіи при ихъ церкви училища и въ декабрѣ мѣсяцѣ того же года получаютъ на это общую ихъ разрѣшительную грамоту. „Сотворша къ намъ“, говорится здѣсь, „прилѣжное прошеніе благоговѣйніи мужіе любящіи благолѣпіе храма Господня, прихожане церкви Св. Іоанна Богослова: о еже свободно имъ быти, при томъ святомъ храмѣ *греческаго и славенскаго* языка по граматичей хитрости ученію, и на се благоугодное дѣло училище создати и учители искусныя и богобоязливыя взыскавше держати. Сему мы прошенію ихъ пастырски ушеса приклонше, разсудихомъ ничесоже не благочестно быти, паче же похвалихомъ люботщательство ихъ благоговѣйное“ [2]). Въ это же

---

1) Рукоп. Синод. библ. № 130, л. 158 обор.
2) Рукоп. Синод. библ. № 130, л. 186-й.

время поступило къ патріархамъ прошеніе о томъ же предметѣ отъ нѣкоего „благоговѣйнаго мужа“, едва ли не самого Полоцкаго [1]); въ отвѣтъ на него послѣдовали двѣ патріаршія грамоты, выданныя на имя этого мужа: одна отъ восточныхъ патріарховъ, Паисія Александрійскаго и Макарія Антіохійскаго, и другая отъ патріарха московскаго Іоасафа. Грамоты эти не только разрѣшаютъ и благословляютъ столь доброе начинаніе, но и изрекаютъ клятву на всѣхъ противящихся ему,—и имѣютъ тѣмъ важнѣйшее историческое значеніе, что, впослѣдствіи, онѣ приняты были за основаніе при учрежденіи въ Москвѣ Славяно-Греко-Латинской Академіи [2]). „Проси отъ нашего смиренія“, говорится въ первой изъ нихъ, „честный и благоговѣйный мужъ (имярекъ), да при храмѣ (имярекъ) благословимъ и повелимъ хотящимъ младенцемъ.... безвозбранно и безпакостно собиратися и воспитаніе пріимати. Мы же, Премудрости Божія раби, посланніи еже созывати съ высокимъ проповѣданіемъ на сію трапезу всякаго чина и сана люди, веліемъ возрадовахомся веселіемъ, яко толику обрѣтохомъ въ новомъ Израили ревность и любительство премудрости. Тѣмъ же неотреченное пріемше согласіе отъ благочестивѣйшаго, тишайшаго, Богомъ хранимаго, великаго Государя Царя и великаго Князя Алексія Михайловича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержца, вселюбезно и всерадостно даемъ наше архіерейское благословеніе на сіе достохвальное дѣло, еже есть на созиданіе училищъ и въ нихъ устроеніе ученія, по закону Православно-Каѳолической Церкви, во славу Божію, различны-

---

1) Рукоп. Синод. библ. № 130. 187 л. на обор.

2) См. „Привиллегію Москов. Академіи“. Древн. Вивл. ч. VI; 400, 401 стр.

ми діалекты: *Греческимъ, Словенскимъ и Латинскимъ*, при храмѣ (имярекъ), да отъ нынѣ во вся послѣдующія вѣки свободно будетъ сіе святое дѣло совершати. *А хотящимъ сему божественному дѣлу препинаніе или пакость творити, сама всемогущая десница Божія—местница въ семъ и будущемъ вѣкѣ да будетъ, и гнѣвъ Господенъ да поженетъ и во вся дни живота его, дондеже разсыпатися костемъ его при адѣ....*" [1]) Еще выразительнѣе въ этомъ отношеніи относящееся сюда мѣсто изъ грамоты патріарха московскаго Іоасафа: „къ нашему смиренію притече со прилежнымъ прошеніемъ честный и благоговѣйный мужъ (имярекъ), неотступно моля, да его Богомъ въ сердце положенному предпріятію и намѣренію пособство благословенія архипастырскаго даруемъ, еже юныхъ отрокъ люботрудіемъ сему предрагому сокровищу, по грамматичестѣй хитрости и прочіихъ свободныхъ, аки изъ нѣдръ матери всѣхъ злату, изъ различныхъ діалектовъ писаній, наипаче же *Славенскаго и Латинскаго* взыскиватися въ гимнасіи состроитися хотящемъ при храмѣ (имярекъ). Мы убо, разсудивше благолѣпное и Церкви Божіи полезное и души вѣрныхъ спасенное прошенія его дѣло быти, соизволихомъ и благословеніе дахомъ, да трудолюбивіи студеи радуются о свободѣ взысканія и свободныхъ ученій мудрости, и собираются во общее гимнасіонъ, ради изощренія разумовъ отъ благоискусныхъ дидаскаловъ въ писаніи Божерственныхъ при храмѣ (имярекъ), отъ настоящаго времени впредь во вся будущая лѣта никимъ же возбранно и пре-

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 130, л. 189. Приведенная здѣсь клятва патріарховъ съ буквальною точностію повторяется Симеономъ въ написанной имъ впослѣдствіи „Привиллегіи Академіи". См. Древ. Вивл. VI т. 420 стр.

пятно. *Аще же кто будетъ не боящся Бога и ученій ненавистникъ, завистникъ или пакоститель, препинаяй сему дѣлу Божію, чуждъ да будетъ поминовенія Божія и да не преполовитъ дній своихъ, и да трясется, яко братоубійца Каинъ, и скончаніе да пріиметъ Іудино и егову же часть въ вѣчности будущей....*" [1]) Однако жъ и на этотъ разъ предпринятое Симеономъ дѣло практически не осуществилось; около этого времени онъ былъ поставленъ Государемъ на должность воспитателя царевича Θеодора Алексѣевича и потому полезное начинаніе рушилось за отсутствіемъ въ немъ главнаго дѣятеля: по крайней мѣрѣ, до насъ не дошло никакихъ историческихъ извѣстій о фактическомъ существованіи въ Москвѣ училища при церкви Св. Іоанна Богослова.

Тѣмъ не менѣе и по изложеннымъ даннымъ можно уже судить о стремленіяхъ, занимавшихъ въ это время Симеона, равнымъ образомъ, какъ и о тѣхъ отношеніяхъ его, которыми онъ воспользовался для осуществленія этихъ стремленій.—Дѣло устроенія въ Москвѣ училищъ, съ цѣлью противодѣйствія пагубнымъ слѣдствіямъ невѣжества, составляло въ то время предметъ помышленій всѣхъ образованныхъ круговъ московскаго общества и, безъ сомнѣнія, интересовало ближайшимъ образомъ Симеона, бывшаго

---

1) Рукоп. Синод. библ. № 130. 190 л. Повидимому, и авторомъ этихъ грамотъ былъ самъ Симеонъ; по крайней мѣрѣ, въ содержаніи ихъ явно проглядываетъ его личная тенденція. Въ общей патріаршей грамотѣ разрѣшается училище „*греческаго и славенскаго* языка"; въ грамотѣ восточныхъ патріарховъ—училище съ „діалекты: Греческимъ, Славенскимъ и *Латинскимъ*; въ грамотѣ патріарха Іоасафа—училище „діалектовъ Славенскаго и Латинскаго", уже вовсе безъ греческаго.

дидаскаломъ по профессіи. Неудовлетворяемый учительской дѣятельностію своею въ Спасской школѣ, имѣвшей слишкомъ ограниченные размѣры и болѣе или менѣе частный характеръ, Семенъ стремится къ устроенію въ Москвѣ широкаго образовательнаго центра, въ надеждѣ самому стать во главѣ учрежденія. Это была его глубочайшая, завѣтная мечта, коренящаяся въ особенностяхъ его натуры, лелѣемая имъ въ продолженіи всей жизни и всегда всплывавшая на поверхность, лишь только окружавшія его обстоятельства складывались въ пользу ея осуществленія. Въ данномъ случаѣ, Симеонъ для осуществленія своего намѣренія видимо пользуется отношеніями своими къ восточнымъ патріархамъ, и тотъ фактъ, что его старанія здѣсь увѣнчались полнымъ успѣхомъ, можетъ служить новымъ доказательствомъ извѣстной близости его къ нимъ и его общаго вліятельнаго положенія.

Со вступленіемъ на престолъ патріарха Іоасафа для честолюбія Симеона открылось новое широкое поприще. Тотчасъ, по избраніи его, Симеонъ, по своему обыкновенію, написалъ обширное стихотворное „*Привѣтство новоизбранному патріарху*“ и выступилъ съ нимъ при его поздравленіи. „Привѣтство“ это, состоящее изъ двѣнадцати отдѣльныхъ стихотвореній, изъявляетъ общую радость о томъ, что „церковь россійска преста вдовствовати“ и исполнено льстиваго выраженія надежды на новое лучшее состояніе церковныхъ дѣлъ [1]).—Вскорѣ Симеонъ занялъ при патріархѣ Іоасафѣ важное и вліятельное положеніе, что легко объясняется, между прочимъ, и самою личностію этого патріарха. Наученные горькимъ примѣромъ гордаго и строптиваго

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 287, л. 410—416-й.

Никона, власти московскія избрали на его мѣсто старца скромнаго и кроткаго, но дряхлаго и немощнаго, явно клонившагося ко гробу. Понятно, что Симеонъ Полоцкій, принимавшій и до того времени непосредственное участіе въ важнѣйшихъ церковныхъ дѣлахъ, легко съумѣлъ сдѣлаться для него необходимымъ и, при своихъ дарованіяхъ, пріобрѣлъ здѣсь выдающееся значеніе первостепеннаго дѣльца. Выразительнѣйшимъ свидѣтельствомъ столь важнаго положенія Симеона при патріархѣ Іоасафѣ можетъ служить одно мѣсто изъ грамоты патріарха Іоакима къ митрополиту кіевскому Гедеону, касающееся книги Иннокентія Гизеля „*Миръ съ Богомъ*", одобренной патріархомъ Іоасафомъ, по заключающей въ себѣ, по мнѣнію Іоакима, нѣкоторыя еретическія мысли. „О книзѣ глаголемѣй Миръ съ Богомъ", говоритъ здѣсь патріархъ Іоакимъ, — „похваленной, якоже глаголете, отъ тишайшаго и благочестивѣйшаго блаженныя памяти великаго государя Алексія Михайловича, и отъ святѣйшаго патріарха блаженныя памяти киръ Іоасафа московскаго и всея Россіи, глаголемъ вамъ по всяцѣй правдѣ: яко братъ нашъ Іоасафъ блаженныя памяти московскій и всея Россіи патріархъ, бывъ уже тогда во глубочайшей старости (похвальная грамота патріарха Іоасафа на книгу „Миръ съ Богомъ" написана была 30 мая 1669 года) и недузѣхъ повседневныхъ, не токмо читати и разсмотряти подробну тоя книги, но ниже одра весьма отлучитися можаше; *но похвали ю ему Симеонъ полочанинъ, учивыйся у іезуитовъ и державый мудрствованія тѣхъ, и именемъ его писаше, еже хотяше*" [1]). Вотъ почему въ черновыхъ бумагахъ Симеона находится множество грамотъ, издан-

---

[1]) Описаніе слав. рукоп. Синод. библ. II. 3; 509 стр.

ныхъ по разнымъ случаямъ отъ лица патріарха Іоасафа и писанныхъ для него, очевидно, Симеономъ [1]). Грамоты эти относятся не только къ мѣстнымъ вопросамъ внутренней церковной жизни, но и касаются внѣшнихъ сношеній съ представителями церкви малороссійской, и этимъ разнообразіемъ своимъ прямо указываютъ на разносторонность и обширность участія Симеона въ церковной политикѣ тогдашняго времени.

Изъ другихъ высшихъ духовныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ на соборѣ 1667 года, въ близкихъ сношеніяхъ съ Симеономъ, судя по сохранившимся въ его бумагахъ документамъ, находились: Ѳеодосій митрополитъ сербскій, Питиримъ митрополитъ новгородскій, впослѣдствіи патріархъ московскій (1672—1674 г.) и Иларіонъ архіепископъ рязанскій. — Митрополитъ сербскій Ѳеодосій пріѣхалъ въ Россію въ 1654 году и былъ оставленъ здѣсь царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ для служенія въ Архангельскомъ соборѣ и „для его великаго государя дѣлъ“ [2]). Живя безвыѣздно въ Москвѣ, онъ принималъ участіе во всѣхъ важнѣйшихъ церковныхъ установленіяхъ тогдашняго времени и при этомъ, естественно, сблизился съ Симеономъ, въ особенности въ эпоху дѣятельности большаго московскаго собора. Когда въ 1667 году открыта была въ Россіи новая бѣлгородская каѳедра, Ѳеодосій былъ поставленъ первымъ митрополитомъ бѣлоградскимъ и обоянскимъ [3]); но установившіяся сношенія его съ Симеономъ, всетаки,

---

[1]) См. Рукоп. Синод. библ. №№ 130 и 229-й; такъ-же: непереплетенный сборникъ № II-й.

[2]) Рукоп. Муравьева: т. III. 854 и 859 стр. Срав. Ев. Голубинскій: Истор. Слав. Церк. 613 стр.

[3]) Древн. Росс. Вивл. т. 3. 420 стр.

не прекращались, поддерживаемыя въ иныхъ случаяхъ посредствомъ переписки. Изъ этой переписки въ бумагахъ Симеона сохранилось одно письмо его къ митрополиту Ѳеодосію, отъ 22-го ноября 1668 года, обнаруживающее какъ одинъ изъ важнѣйшихъ поводовъ къ этимъ сношеніямъ, такъ, отчасти, и ихъ общій дружественный характеръ. „Преосвященный господине отче митрополито бѣлоградкій", пишетъ здѣсь Симеонъ, „пастырю словеснаго стада Христова пребодрѣйшій, а мнѣ отче и благодѣтелю премилостивѣйшій! Радости мое сердце исполнися, егда и веліимъ разстояніемъ отъ преосвященства твоего удаленъ, незабвенъ быхъ у милости твоея, занеже посѣтилъ мя еси отеческимъ твоимъ писаніемъ, пастырское на мя изливая благословеніе. О немъ же азъ вседушно благодаренъ сый, сердцемъ и устнама цѣлую пастырскую ти десницу... А еже *повелѣ ми твое святительство написати, охотно сотворихъ и посылаю.* Точію не вѣмъ, аще лучихъ угодити потребѣ. На вящшая работанія готова мя обѣщая быти, *пастырской милости непремѣнной* вручаюся и благословенія желаю..." [1]) Письмо, очевидно, касается какой-то литературной работы, порученной Симеону митрополитомъ, и подъ нею всего естественнѣе разумѣть здѣсь церковныя поученія, которыми охотно снабжалъ Симеонъ многихъ тогдашнихъ архіереевъ, пользуясь за то различными ихъ милостями.

Отошенія Симеона къ митрополиту Питириму начались очень рано. Мы видѣли, что еще будучи въ Полоцкѣ, онъ постарался привлечь къ себѣ его вни-

---

1) Рукоп. Синод. библ. № 130. л. 85-й. Въ бумагахъ Симеона находится челобитная митр. Ѳеодосія къ государю о „подареніи" ему денегъ, внесенныхъ его крестьянами въ приказъ монастырскій. Тамъ же; л. 164-й.

маніе, сдѣлавъ обращеніе къ нему въ своемъ торжественномъ стихотворномъ привѣтствіи. Находясь въ Москвѣ, Симеонъ, во время засѣданій собора, необходимо долженъ былъ имѣть частыя сношенія съ Питиримомъ, какъ выдающимся по своему положенію іерархомъ, и понятно, дѣятельно поддерживалъ ихъ, когда послѣдній сдѣлался патріархомъ московскимъ. Въ „Остенѣ“ приведенъ одинъ случай посѣщенія Симеономъ патріарха Питирима, замѣчательный его „разглагольствованіемъ“ здѣсь съ Епифаніемъ Славинецкимъ о времени пресуществленія Св. Даровъ [1]); а въ бумагахъ самого Симеона сохранилось нѣсколько рѣчей, произнесенныхъ въ разное время и по разнымъ случаямъ Питиримомъ и, между прочимъ, духовная его, написанная Симеономъ еще въ то время, когда тотъ былъ митрополитомъ новгородскимъ [2]).

Гораздо большей близостію, судя по многимъ признакамъ, отличались отношенія Симеона къ архіепископу рязанскому Илларіону. Этотъ архіепископъ былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ іерарховъ своего времени и въ этомъ отношеніи несомнѣнно питалъ извѣстное нравственное расположеніе къ Симеону. Правда, въ направленіи своего образованія онъ, повидимому, не раздѣлялъ односторонней латинствующей тенденціи Симеона и, будучи уже на каѳедрѣ, ревностно учился греческому языку у жившаго тогда въ Москвѣ грека, архимандрита Діонисія [3]). Но какъ дѣятельнѣйшій и просвѣщенный противникъ раскола, Илларіонъ, конечно, не могъ не цѣнить высоко огромныхъ услугъ Симеона

¹) Остенъ. Казань 1865 г. 71 стр.
²) Рукоп. Синод. библ. № 229. л. 277 на обор.
³) Матеріалы для исторіи раскола. V т. 137 стр.

по части его обличенія и потому близко съ нимъ сошелся, преимущественно, въ эпоху засѣданій собора. Въ бумагахъ Полоцкаго находятся нѣкоторыя рѣчи, произнесенныя архіепископомъ Илларіономъ въ это время, а также и его духовная, очевидно, написанная для него Симеономъ [1]). Впослѣдствіи отношенія между ними поддерживались путемъ переписки и отличались такою близостію, что Симеонъ могъ оказывать свое покровительство лицамъ, нуждавшимся въ благосклонномъ вниманіи архіепископа. Такъ однажды, когда нѣкій іерей отправлялся въ Рязань на поклоненіе Св. Николаю, то Симеонъ, пользуясь случаемъ, „вождельхъ писанійце начертати“ и здѣсь, „желая здравія, долгоденствія и спасенія душевнаго его святительству“, между прочимъ, пишетъ: „купно же и мился дѣя, да къ сего писанія вручителю, яко ко искреннему моему... отеческое проявишь милосердіе, *непщуя мнѣ самому творимо быти. Еже азъ всяческима воздаянія и благодарствія одразы воздаяти должникъ имамъ быти*“ [2]). Письмо это явно проникнуто сознаніемъ собственнаго достоинства и тономъ увѣренности, очевидно, въ виду возможной и значительной полезности пишущаго для самаго архіепископа.

Но изъ всѣхъ русскихъ іерарховъ тогдашняго времени особенною близостію отличались сношенія Симеона съ Лаврентіемъ, митрополитомъ казанскимъ и свіяжскимъ, и съ Павломъ, митрополитомъ сарскимъ и подонскимъ. Это были его любимѣйшіе, наиболѣе почитаемые святители, и въ бумагахъ Симеона сохранилось множество данныхъ, по которымъ съ наибольшею полнотою можно представить харак-

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 229. л. 292-й обор.
[2]) Рукоп. Синод. библ. № 130, л. 85 на обор.

теръ и значеніе его дружественныхъ отношеній къ этимъ главнѣйшимъ его покровителямъ и благодѣтелямъ.

Отношенія Симеона къ митрополиту Лаврентію начались съ самаго начала жизни его въ Москвѣ. Во второй половинѣ 1663 года, когда прибылъ въ Москву Семеонъ Полоцкій, здѣсь находился Лаврентій, митрополитъ казанскій и свіяжскій,—и отношенія между ними не замедлили установиться, при извѣстной предпріимчивости Симеона [1]. Высокій іерархъ оказалъ, повидимому, сильное покровительство Симеону въ его новомъ положеніи и тѣмъ навсегда пріобрѣлъ себѣ его живѣйшую преданность и благодарность. Такъ можно заключать, по крайней мѣрѣ, изъ письма Симеона къ Лаврентію, писаннаго въ 1664 году, вскорѣ по возвращеніи митрополита изъ Москвы къ своей каѳедрѣ. „На твердомъ адамантѣ скрыжалей сердечныхъ", пишетъ здѣсь Симеонъ, „а не на скоро развѣваемѣй персти, аще и самъ есмь персть: ниже на безпрестанно уплывающей водѣ, аще и самъ плыву яко вода во вѣчности море, пишу *твоего преосвященства милость ко мнѣ недостойному вѣну прославляемую*. Ниже имамъ въ пеплѣ забвенія закопати ея, и внегда ми самому смертнымъ пепломъ зѣницы потрясены будутъ. Но яко въ настоящей жизни *отъ благодарнаго сердца* ко всещедрому Богу повседневныя моя молитвы о твоемъ многолѣпномъ святительстемъ здравіи и душевномъ спасеніи усердно возсылаю: тако и въ будущемъ вѣцѣ (аще ми судби Господни велятъ) не имамъ забвенію предати. Во знамя же *толика моего благодарствія*, *смиренное мое сіе вручаю тво-*

[1] См. Дворц. Разряды: 4 т. 373 стр. и далѣе. Въ первый разъ Лаврентій упоминается здѣсь подъ 19 числомъ апрѣля мѣсяца 1663 года.

ему святительству писанiице, со должнымъ благопокоренiемъ на лице земля у ногъ твоихъ пастырскихъ постилаяся и цѣлуя подножiе стопу твоею"... [1]). Къ этому же времени, повидимому, относится и другое посланiе Симеона къ митрополиту Лаврентiю, исполненное тѣхъ же выраженiй его искренней признательности за благотворенiя владыки. „За многое время разстоянiя между нами далечайшаго", пишетъ Симеонъ, *„не удалися памятъ отеческихъ твоихъ благотворенiи отъ благодарнаго сердца моего, яже на адамантовой скрижали написахъ въ моей памяти, да присно умнымъ моимъ предлагая очесемъ, ко всякому благодаренiя возбуждаюся образу.* Надѣя же ся на твое отеческое благоутробiе и неизмѣнную милость, дерзнухъ сiе смиренное написати посланiйце, желая твоему святительству здравiя, долгоденствiя и всякихъ отъ всещедраго Бога благодатей"... [2]).

Если и невозможно съ точностiю опредѣлить, въ чемъ, именно, состояли упоминаемыя здѣсь благотворенiя митрополита къ Симеону, то во всякомъ случаѣ очевидно, что они имѣли для него существенное значенiе и были вполнѣ достаточны къ тому, чтобы возбудить въ немъ совершенную готовность на услуги. Готовность эта могла имѣть наибольшее примѣненiе во время засѣданiй собора, на которомъ митрополитъ Лаврентiй естественно занималъ положенiе одного изъ выдающихся представителей церкви. Правда, слѣдовъ этихъ услугъ почти не сохранилось въ бумагахъ Симеона, и къ нимъ можетъ быть отнесена здѣсь всего лишь одна рѣчь, произнесенная митрополитомъ Лаврентiемъ при встрѣчѣ восточныхъ

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 130, л. 95-й.

[2]) Тамъ же: л. 87-й.

патріарховъ; но что онѣ были неоднократны и болѣе или менѣе значительны, это яснѣе всего открывается изъ характера ихъ послѣдующихъ отношеній. Послѣ засѣданій собора взаимная близость ихъ не только не уменьшилась, но видимо усилилась въ сравненіи съ прежнимъ временемъ и повела къ дѣятельной перепискѣ. Изъ этой переписки до насъ дошло нѣсколько писемъ Симеона къ митрополиту Лаврентію, писанныхъ частію по его собственному побужденію, частію же въ отвѣтъ на посланія къ нему митрополита.

Желая поддержать тѣ дружественныя отношенія, которыя несомнѣнно установились между ними во время дѣятельности собора, Симеонъ въ маѣ мѣсяцѣ 1669 года пишетъ къ Лаврентію: „*Премногая твоя моей худости благотворенія выну мя увѣщаютъ, еже благодарну ми быти* и въ молитвахъ моихъ иноческихъ тебе благодѣтеля моего не забывати. Тѣмъ же тепло Господу Богу мился дѣю, да благоволитъ по своему божественному благоутробію твое святительство многолѣтно въ тѣлесномъ здравіи и въ душевномъ спасеніи свободно всякихъ злоключеній соблюдати..... А твоего святительскаго милосердія молю, *да мя якоже во царствующемъ и богоспасаемомъ градѣ Москвѣ во милости си изволилъ соблюдати, тако и въ разстояніи суща отъ благодати твоея отриновена не сотвориши. Иже выну готовъ сый по твоему архипастырскому повелѣнію работати*, благословенія твоего святительскаго всесмиренно желаю“.... [1]). Получивъ на свое письмо отвѣтъ отъ митрополита, Симеонъ снова обращается къ нему съ выраженіями живѣйшей благодарности: „Благодарю всещедраго, во Троицѣ святѣй славимаго

---

[1]) Рукоп Синод. библ. № 130, л. 88-й.

Бога, *яко вложи въ сердце твое святительское толику о моей худости память и любовь, якоже и во мнозѣ разстояніи сый, не предалъ еси мя забвенію, но и писаніемъ посѣтилъ мя еси*, и благословеніе свое архіерейское препослалъ ми еси, еже азъ любезнымъ пріимъ сердцемъ, лобзаю умомъ моимъ десницу твою пастырскую и главу мою до стопъ ногу твоею преклоняю, воздая благодареніе о сотвореннѣй ми благодати"…. [1]).

Но не одно лишь простое чувство деликатности, основанное на прежнихъ услугахъ, побуждало митрополита обязательно отвѣчать на посланія къ нему Симеона. Живя вдали отъ Москвы, онъ, очевидно, имѣлъ въ лицѣ его не только дружески расположеннаго къ себѣ человѣка, вращавшагося въ высшихъ сферахъ, но и ревностнаго исполнителя различныхъ довѣряемыхъ ему порученій. Такъ можно заключать, по крайней мѣрѣ, изъ одного письма Симеона къ митрополиту Лаврентію, гдѣ онъ изъявляетъ послѣднему свою готовность служить посредникомъ при передачѣ „*писанія*" его къ архимандриту черниговскому Іоанникію Голятовскому: «Азъ Симеонъ іеромонахъ многогрѣшный, до лица земли принича, смиренно благодарствую о твоемъ милостивомъ отеческомъ посѣщеніи, яко худости моея не презрѣлъ еси писаніемъ твоимъ возвеселити и благословенія пастырскаго преслати, еже азъ любезнымъ сердцемъ пріемъ, десницу ти отеческую лобзаю…. *А еже писаніе твое преосвященство изволи ко пречестному господину отцу Голятовскому, архимандриту черниговскому послати, и то азъ вскорѣ надѣюся въ Черниговъ преслати*, аще не прекратитъ Господь Богъ живота моего….» [2]).

---

1) Рукоп. Синод. библ. № 130, л. 88 обор.
2) Тамъ же: л. 87-й.

Вотъ почему, удаленный отъ Москвы и лишенный возможности вознаграждать Симеона за услуги въ личныхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ съ нимъ, митрополитъ Лаврентій старался выразить ему свою признательность присыланіемъ различныхъ подарковъ. Въ одномъ случаѣ онъ одарилъ Симеона рыбою и за то получилъ отъ него широковѣщательное изъявленіе благодарности. «Имъ же образомъ естественніи родителіе", пишетъ по этому случаю Симеонъ, — „и далече отстоящихъ не предаютъ забвенію чадъ своихъ: тѣмъ и твое святительское благоутробіе, отецъ мой о Христѣ Господѣ милостивѣйшій, *незабвенна мя имать* хужайшаго и нижайшаго раба своего и богомольца. Се бо и нынѣ, приближающейся святѣй четыредесятницѣ, *прислалъ ми еси отеческое свое благословеніе и во показъ милости своея одарствовалъ мя еси рыбою лососьмъ.* Еже азъ со достодолжнымъ пріемъ цѣлованіемъ и лобзаніемъ умнымъ десницы твоея отеческія благословящыя мя и щедродарствующія, *одолженъ есмъ за присное благодарствія воздаяніе:* тако во недостойныхъ моихъ молитвахъ о многолѣтномъ твоемъ святительскомъ здравіи и душевномъ спасеніи творимыхъ: *якоже и во готовности на услуги, внегда аще мя твое архипастырское достигнетъ повелѣніе*"... [1]). Въ другой разъ митрополитъ прислалъ Симеону меду, о чемъ также свидѣтельствуетъ благодарственное и столь же характерное письмо къ нему Симеона: „Еще же и о томъ возвеселихся духомъ, яко твоя святительская милость не точію предаде моея худости забвенію, но толь многемъ отсутствія времени, и толь далекимъ имѣя препинаніе разстоя-

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 130, л. 89-й.

ніемъ; но со присланіемъ благословенія своего пастырскаго *благоволилъ мя еси одарствовати медомъ*, его же азъ яко сладка суща, сладцѣ и благодарнѣ пріемь, лобзаю сердцемъ, усты за разстояніе немогій, десницу пресвятости твоея"... [1]). Вообще видно, что отношенія Симеона къ митрополиту Лаврентію были самыя близкія и дружественныя. Основываясь на частыхъ услугахъ Симеона, съ одной стороны, и благотвореніяхъ за нихъ владыки, съ другой, они выразились въ дѣятельной и непрерывной перепискѣ между ними и, повидимому, продолжались до самой смерти митрополита, послѣдовавшей въ 1673 году [2]).

Подобнымъ же характеромъ искренней дружбы, основанной на солидарности въ духовныхъ стремленіяхъ и постоянно поддерживаемой разнообразными взаимными одолженіями, отличались и отношенія Симеона къ Павлу митрополиту сарскому и подонскому.— Возведенный въ санъ митрополита изъ архимандритовъ чудовскихъ въ 1664 году Павелъ до самой смерти своей жилъ почти безвыѣздно въ Москвѣ (за исключеніемъ командировокъ для временнаго управленія вакантными каѳедрами), и здѣсь, естественно, близко сошелся съ Симеономъ, вполнѣ раздѣлявшимъ его воззрѣнія по разнымъ текущимъ вопросамъ первостепенной важности. При томъ, будучи образованнѣйшимъ человѣкомъ своего времени, митрополитъ Павелъ славился какъ ревностный поборникъ просвѣщенія и, въ этомъ отношеніи, питалъ тѣмъ большую склонность къ Симеону, что и въ собственномъ образованіи былъ, повидимому, проникнутъ тѣми же

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 130, 94 л. обор. Нѣкоторыя изъ писемъ Симеона къ митрополиту Лаврентію опущены нами въ виду незначительности ихъ содержанія.

[2]) Исторія росс. іерархіи, I т. 100 стр.

началами югозападной учености. Извѣстно, что онъ обладалъ свѣдѣніями въ языкахъ латинскомъ и польскомъ, и значительную часть оставленной имъ, довольно обширной библіотеки составляютъ различныя латино-польскія изданія [1]).

Слѣды ближайшихъ отношеній Симеона къ митрополиту Павлу разсѣяны во многихъ его черновыхъ бумагахъ и по нимъ весьма не трудно заключить, что особенное дружеское сближеніе между ними послѣдовало въ эпоху засѣданій собора. Подобно Иларіону рязанскому, митрополитъ Павелъ отличался особенною ревностію въ обличеніи церковныхъ расколоучителей, и несомнѣнно, что замѣчательная дѣятельность въ томъ же направленіи Симеона проявилась, благодаря, главнымъ образомъ, его высокому покровительству. Не безъ его вліянія, конечно, состоялось порученіе Симеону написать отъ лица собора опроверженіе раскольничьихъ челобитенъ, совершилось соборное одобреніе представленнаго имъ труда, и даже самое его изданіе, которымъ онъ завѣдывалъ, будучи въ то время начальникомъ печатнаго двора. Съ своей стороны, Симеонъ, безъ сомнѣнія, не оставался въ долгу у митрополита, стараясь быть всячески полезнымъ своему покровителю: изъ частныхъ услугъ его послѣднему, относящихся къ этому времени, наибольшее значеніе могли имѣть рѣчи, произнесенныя митрополитомъ при встрѣчѣ и провожаніи восточныхъ патріарховъ и написанныя для него несомнѣнно Симеономъ [2]).

---

[1]) Ундольскій: Собраніе соч. ст: „Библіотека Павла, митрополита сарскаго“.

[2]) Рѣчи, произнесенныя нашими іерархами при встрѣчѣ восточныхъ патріарховъ, уже указаны нами въ своемъ мѣстѣ; рѣчи, произнесенныя ими при „исхожденіи ихъ изъ цар-

Послѣ засѣданій собора ближайшія отношенія Симеона къ митрополиту Павлу не прекращались, развиваясь и усложняясь на почвѣ взаимныхъ одолженій. Естественно, что со стороны Симеона одолженія эти выразились, главнымъ образомъ, въ различныхъ литературныхъ работахъ, исполняемыхъ по порученію митрополита. Особенную важность, въ этомъ отношеніи, имѣло, безъ сомнѣнія, составленіе для него Симеономъ церковныхъ поученій, повторявшееся очень часто: въ черновыхъ спискахъ „*Обѣда*“ и въ особенности „*Вечери душевной*“ находится значительное число проповѣдей съ своеручными надписями Симеона о томъ, что онѣ предназначены для произнесенія митрополитомъ Павломъ, или же написаны по его повелѣнію [1]). Кромѣ того, въ бумагахъ Симеона находится обширная, составленная въ затѣйливой ораторской формѣ духовная митрополита, написанная для него Симеономъ въ 1673 году [2]).

Понятно, что при такомъ значеніи Симеона у митрополита, между ними существовали непрерывныя частыя сношенія, слѣды которыхъ, не смотря на ихъ непосредственный характеръ, всетаки, сохранились въ бумагахъ Симеона. Въ дни важнѣйшихъ церковныхъ праздниковъ и особенно въ день имянинъ митрополита (20-го іюня) Симеонъ обыкновенно являлся къ нему съ поздравленіемъ и при этомъ произносилъ приличныя случаю, искусно составленныя привѣтствія, иногда излагаемыя имъ даже въ стихотворной формѣ. Образецъ его привѣтствій въ послѣднемъ

ствующаго града Москвы“ находятся такъ же въ бумагахъ Симеона. См. Рукоп. Синод. библ. № 229, л. 458 — 462-й.

1) Рукоп. Синод. библ. № 656; срав. №№ 657 и 658.— Срав. Опис. рукоп. Моск. Синод. библ., II. 3 л. 210—220, 837 стр.

2) Рукоп. Синод. библ. № 229. л. 282—292-й.

родѣ заключается въ „*Риѳмологіонѣ*", важнѣйшемъ стихотворномъ сборникѣ Симеона [1]),—и выражаемыя имъ здѣсь благопожеланія дышатъ силою и искренностью чувства, безъ сомнѣнія, возникшаго вслѣдствіе благорасположенія и разныхъ милостей къ нему владыки. По этой же причинѣ, когда митрополитъ Павелъ умеръ, Симеонъ произнесъ надъ гробомъ его блестящую, воодушевленную рѣчь, въ которой изображая различныя добродѣтели почившаго, касается, между прочимъ, и покровительственнаго отношенія его къ московскимъ ученымъ того времени: „*Книжнымъ сущимъ онъ бѣ отецъ, домъ его пристанище, трапеза его препитаніе, не точію же тѣлесное, но и духовное, ибо присѣдящіе тѣй толико насыщаху души си словомъ Божіимъ, елико тѣлеса брашны.* Ту бо не ины бесѣды бываху, точію разсужденія богословская о различныхъ трудностяхъ священнаго писанія, ту состязанія философская совершахуся, ту невѣдомыхъ разрѣшенія содѣвахуся, даже во правду лѣтъ бяше домъ его училище мудрости именовати, трапезу его, трапезу богословофилософскую нарицати"…. [2]). Кромѣ того, Симеономъ было изготовлено 5 эпитафій, съ цѣлью лучшею изъ нихъ украсить могилу усопшаго митрополита; и въ каждой изъ нихъ послѣдній такъ же прославляется какъ „*книжныхъ и церковныхъ въ домъ свой призватель*" [3]). Все это, очевидно, основано на личномъ опытѣ Симеона, дышетъ свѣжестію воспоминанія имъ недавно минувшей отрадной дѣйствительности и потому непосредственно изливалось изъ благодарнаго чувства его къ усопшему владыкѣ.

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 287. л. 343-й.
[2]) Опис. Рукоп. Моск. Синод. Библіот. II. 3. 217 стр.
[3]) Рукоп. Синод. библ. № 288, л. 161-й.

Такимъ образомъ мы видимъ, что почти съ самаго начала своей жизни въ Москвѣ Симеонъ находился въ ближайшихъ отношеніяхъ со всѣми выдающимися лицами въ церковной іерархіи тогдашняго времени и этимъ естественно пріобрѣлъ себѣ силу и значеніе необыкновенныя при его исключительномъ положеніи здѣсь въ качествѣ недавняго чужестраннаго выходца. Правда, обстоятельства времени какъ нельзя лучше благопріятствовали этому: занятія большаго московскаго собора привели Симеона въ соприкосновеніе съ созванными отовсюду важнѣйшими представителями русской церкви, и несомнѣнныя услуги его по нѣкоторымъ соборнымъ вопросамъ, возбуждая у всѣхъ естественное къ нему уваженіе, необходимо поставляли его въ самомъ средоточіи развивающихся церковныхъ событій. Но несомнѣнно, что весьма многое здѣсь должно относить такъ же и къ характерическимъ особенностямъ самой личности Симеона: къ его необыкновенному умѣнью пользоваться благопріятными условіями минуты и въ личныхъ сношеніяхъ своихъ поддержать и закрѣпить то, что слагалось и развивалось здѣсь въ силу естественныхъ обстоятельствъ.—Не для одного только митрополита Павла Симеонъ пускалъ въ ходъ свой талантъ блестящаго оратора и искуснаго стихотворца, чтобы снискать себѣ его расположеніе; тоже самое онъ дѣлалъ и относительно многихъ другихъ духовныхъ лицъ, съ которыми соприкасался и которыхъ находилъ для себя въ какомъ либо отношеніи полезными. Въ его бумагахъ заключается множество прозаическихъ и стихотворныхъ привѣтствій, писанныхъ по разнымъ случаямъ и означенныхъ лишь общими надписями: *„ко архіерею“*, *„ко архимандриту“*, *„ко игумену“*,—и хотя нѣкоторыя изъ нихъ, очевидно, предназначены были къ произнесенію ихъ другими,

но, несомнѣнно, что огромное большинство ихъ писано было Симеономъ собственно для себя и, конечно, было имъ произнесено при его многочисленныхъ представленіяхъ различнымъ духовнымъ особамъ [1]).

Не меньшее значеніе въ этомъ отношеніи имѣли, безъ сомнѣнія, и тѣ мелкія литературныя работы, которыми охотно и съ замѣчательною легкостію снабжалъ Симеонъ различныхъ своихъ доброхотовъ изъ высшаго церковнаго круга. Сюда относятся, прежде всего, привѣтсвенныя и поздравительныя рѣчи, писанныя для нихъ Симеономъ и произносимыя ими по случаю разныхъ придворныхъ торжествъ [2]); но особенную важность имѣло здѣсь, конечно, составленіе для нихъ церковныхъ поученій. Кромѣ приведенныхъ уже нами случаевъ, въ бумагахъ Симеона находятся явные слѣды его составленія послѣднихъ для царскаго духовника Андрея Савиновича, для архимандрита Богоявленскаго монастыря Амвросія и для Іосифа, архіепископа коломенскаго [3]).

Наконецъ, установившіяся во время засѣданій собора отношенія Симеона со многими высшими духовными лицами поддерживались впослѣдствіи еще и тѣмъ, что, живя постоянно въ Москвѣ, онъ служилъ надежнымъ исполнителемъ ихъ различныхъ порученій, въ особенности, когда послѣднія имѣли какое-либо отношеніе ко двору. Уже изъ писемъ его къ митрополиту Лаврентію можно заключить о столь важномъ значеніи для нихъ Симеона; но съ особенною ясностію оно открывается изъ посланія его къ митрополиту сибирскому и тобольскому Корнилію,

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 287, л. 95—120; 231—240. Срав. рукоп. Синод. библ. № 229, л. 21—33; 115—147-й.
[2]) Рукоп. Синод. библ. № 229, л. 11—15; 192—200-й.
[3]) Опис. рукоп. Моск. Синод. библ. II. 3. 212—213 стр.

въ которомъ онъ извѣщаетъ послѣдняго объ исполненіи имъ возложеннаго на него порученія относительно поднесенія даровъ царю Алексѣю Михайловичу, по случаю его вторичнаго брака. „Повелѣніе твое святительское“, пишетъ здѣсь Симеонъ, „еже сотвори писаніемъ си о стяжаніи и купленіи даровъ, достойныхъ благочестиваго скипетродержца и его благовѣрныя, Богомъ дарованныя супруги, готовъ бѣхъ исполнити услугою моею, и всѣми силами моими потщахся лѣпо чести твоея святительскія славу непостыдну сохранити. Но благочестивый скипетродержецъ, якоже отъ прочіихъ архіереевъ, тако и отъ твоея святыни точію святыя пріятъ іконы, прочія же дары возвратилъ есть“ [1]). Словомъ, очевидно, что Симеонъ употреблялъ всѣ зависящія отъ него средства, чтобы создать себѣ прочныя и благопріятныя отношенія въ средѣ лицъ высшаго церковнаго круга, и понятно, что эти старанія его, въ связи съ важными трудами на пользу церкви, скоро увѣнчались здѣсь полнымъ успѣхомъ и доставили ему то благосклонное вниманіе и уваженіе ихъ, которое мы наблюдали.

На возникновеніе и упроченіе этихъ связей Симеона имѣли, безъ сомнѣнія, огромное вліяніе и близкія отношенія его къ высшимъ придворнымъ сферамъ, быстро развившіяся въ это время и скоро придавшія его личности вліятельное и важное значеніе. Мы оставили здѣсь Симеона въ роли учителя Спасской школы, учрежденной „*для граматичнаго ученія*“ нѣкоторыхъ подъячихъ изъ Приказа Тайныхъ Дѣлъ; но отношеніе его къ этому Приказу, повидимому, не ограничивалось однимъ учительствомъ. Кромѣ того, что онъ былъ употребляемъ, какъ мы уже видѣли,

---

1) Рукоп. Синод. библ. № 130, л. 91-й.

для перевода государю устной и письменной латини Паисія Лигарида, есть основанія полагать, что въ случаяхъ важнѣйшихъ ему было поручаемо и составленіе нѣкоторыхъ бумагъ, подлежавшихъ вѣдѣнію этого Приказа. Понятно, что это были, главнымъ образомъ, бумаги, имѣвшія какое-либо отношеніе къ дѣламъ церковнымъ. Въ челобитныхъ Симеона къ государю съ особенною вѣскостію употребляются имъ выраженія, въ родѣ: *„состою у твоихъ Государевыхъ дѣлъ,“* или: *„всякіи твои Государевы дѣла дѣлаю“* [1]). Патріархъ Іоакимъ, такъ же, жаловался впослѣдствіи, что царь Алексѣй Михайловичъ вручалъ Симеону *„всякая церковная дѣла писати“* [2]). Сопоставленіе этихъ указаній съ тѣмъ, что заключается въ рукописяхъ Симеона, дѣлаетъ очень вѣроятнымъ предположеніе, что нѣкоторыя изъ находящихся здѣсь бумагъ, составленныхъ отъ имени государя, попали сюда, именно, потому, что онѣ были написаны для него Симеономъ. Таковы, напримѣръ, уже упомянутыя нами посланія царя Алексѣя Михайловича къ восточнымъ патріархамъ, находившимся на пути ихъ слѣдованія въ Москву, и торжественная рѣчь его, сказанная предъ патріархами при открытіи большаго московскаго собора [3]). Очевидно, что въ этихъ случаяхъ, какъ и во многихъ другихъ, государемъ высоко цѣнился ораторскій талантъ Симеона, и потому онъ прибѣгалъ къ его услугамъ тамъ, гдѣ требовалось проявить особенное краснорѣчіе.

Скоро и самое учительство Симеона нашло себѣ болѣе высокое и важное примѣненіе: изъ скромной обстановки своей въ Спасской школѣ оно перешло

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 130, л. 184-й.
[2]) Остенъ. Казань. 1865 г. 130 стр.
[3]) Рукоп. Синод. библ. № 229 л. 462-й.

въ палаты царскаго дворца, простираясь здѣсь на нѣкоторыхъ членовъ царской семьи. Мы уже встрѣчались съ мнѣніемъ, будто и самое прибытіе Симеона Полоцкаго въ Москву совершилось по вызову государя для обученія *„по латинямъ“* царевича Алексѣя Алексѣевича, — и хотя предположеніе это, по многимъ основаніямъ, принять невозможно, но самый фактъ учительства его этому царевичу можно признать почти несомнѣннымъ. Нѣтъ только опредѣленныхъ указаній на то, съ какого, именно, времени оно послѣдовало, и первое наиболѣе важное свидѣтельство объ этомъ относится лишь къ началу 1668 года. 1-го сентября этого года, когда царевичу Алексѣю исполнилось 13 лѣтъ, происходило торжественное и всенародное объявленіе его наслѣдникомъ престола. По случаю этого *„всемірно радостнаго“* событія, 7-го сентября, во дворцѣ происходилъ торжественный обѣдъ, на которомъ въ числѣ другихъ оффиціальныхъ лицъ присутствовалъ *„учитель старецъ Симеонъ,“* сидѣвшій даже *„въ особомъ столѣ“* въ близости отъ государя, по лѣвую сторону его мѣста [1]). Это былъ, безъ сомнѣнія, Симеонъ Полоцкій, и его почетное положеніе здѣсь, какъ учителя, было бы совершенно необъяснимо, если бы это учительство ограничивалось лишь Спасской школой, не имѣя прямаго отношенія къ самому виновнику происходившаго торжества. Въ заключеніе этого обѣда, Симеонъ произнесъ предъ государемъ витіеватую и блестящую различными риторическими сравненіями рѣчь *„о явленіи государя царевича Алексія Алексѣевича“* [2]), въ которой, какъ и въ привѣт-

[1]) Забѣлинъ: Опыты изученія русскихъ древностей и исторіи. I т. 199 стр.

[2]) Рукоп. Синод. библ. № 229, л. 175-й.

ственныхъ стихотвореніяхъ своихъ, сказанныхъ царю и царевичу въ самый день объявленія [1]), слегка коснулся, между прочимъ, и умственныхъ качествъ послѣдняго,—что, очевидно, такъ же, могло случиться лишь по его непосредственному къ нимъ отношенію. За эту рѣчь Симеонъ 16-го сентября получилъ отъ государя награду,—и цѣнность этой награды, по тому времени, снова показываетъ, намъ что она едва ли могла быть выдана за одни лишь его поздравительныя привѣтствія. „*Учителю старцу Семіону Полотцкому,*" значится подъ этимъ числомъ въ расходной книгѣ Казеннаго Приказа—„*10 аршинъ атласу зеленаго по двадцати по шести алтынъ по четыре деньги аршинъ; да ему жъ велѣно дать исподъ соболей въ 60 рублевъ, и ему данъ сорокъ соболей въ 60 рублевъ; а пожаловалъ государь его по своему государеву имянному указу для того: въ нынѣшнемъ во 176 году сентября въ 7 день, былъ у великаго государя у стола въ Грановитой Полатѣ и великому государю говорилъ рѣчь* [2]). Очевидно, что такая награда послѣдовала ему какъ учителю, по случаю торжественныхъ и знаменательныхъ дней для его ученика.

Объ учительствѣ Симеона царевичу Θеодору Алексѣевичу имѣются болѣе подробныя и точныя указанія; но самый фактъ его настолько несомнѣненъ, что было бы совершенно излишнимъ доказывать его путемъ сопоставленія многочисленныхъ данныхъ, разсѣянныхъ въ различныхъ бумагахъ Симеона. Достаточно сказать, что оно началось въ 1669 году и, повидимому, продолжалось до самой кончины царя Алексѣя Михайловича, послѣдовавшей 29-го января

---

1) Рукоп. Синод. библ. № 287, л. 419, 420-й.
2) Опыты изученія русск. древн. и исторіи. I т. 200 стр.

1676 года. Лазарь Барановичъ въ маѣ мѣсяцѣ 1669 года, посылая свои „*Трубы*“ для напечатанія въ московской типографіи, въ приложенномъ при этомъ письмѣ своемъ къ Симеону, между прочимъ, пишетъ: „душевно радуюсь, что и твоя пречестность *поставленъ на высокую степень приставничества* къ совершенію дѣла Божія“ [1]). Архіепископъ, именно, разумѣетъ здѣсь произшедшее не задолго предъ тѣмъ назначеніе Симеона на должность воспитателя царевича Ѳедора Алексѣевича и, по своему дружескому расположенію къ нему, привѣтствуетъ его съ этою новою почетною обязанностію. 1-го сентября 1674 года, когда происходило торжественное объявленіе церевича Ѳеодора Алексѣевича народу, Симеонъ, по примѣру прежняго времени, произнесъ предъ государемъ привѣтственную рѣчь и, какъ наставникъ, сдѣлалъ въ ней общій отзывъ объ успѣхахъ въ научныхъ занятіяхъ своего ученика. Хотя въ это время царевичу едва исполнилось 13 лѣтъ, но, по словамъ Симеона, „свѣтлолюбительна Орла птенецъ *добрѣ пріобыкъ* лучамъ солнца истиннаго, еже есть правымъ догматомъ истинныя каѳолическія вѣры“.... [2]).

Не осталось безъ вліянія Симеона и умственное развитіе замѣчательной дочери царя Алексѣя Михайловича, царевны Софіи, которая, по замѣчанію Петра, была „великаго ума и самыхъ нѣжныхъ проницательствъ, больше мужеска ума исполненная дѣва“ [3]). О вліяніи на ея образованіе Симеона можно заключать изъ слѣдующаго мѣста въ его стихотворномъ привѣтствіи, написанномъ по случаю под-

---

[1]) Письма Лазаря Барановича. Черн. 1865 г. 87 стр.

[2]) Рукоп. Синод. библ. № 229. л. 177-й.

[3]) Соловьевъ: Исторія Россіи. XIII т. 229 стр.

несенія ей „*Вѣнца вѣры каѳолическія*“, въ новомъ изящно украшенномъ спискѣ:

О благороднѣйшая царевно Софіа,
Ищеши премудрости выну небесныя.
По имени твоему жизнь твою ведеши:
Мудрая глаголеши, мудрая дѣеши.
И прилично Софіи выну мудро жити,
Да дѣло со именемъ точно можетъ быти.
А занеже во книзѣхъ мудрость божественна
Яко во сокровищѣхъ лежитъ заключенна,
Ты церковныя книги обыкла читати
И въ отеческихъ свитцѣхъ мудрости искати.
Увѣдѣвши же, яко и *книга новая*
Писася, яже Вѣнецъ вѣры реченная,
Возжелала ту еси сама созерцати
И еще въ черни бывшу прилежно читати
И познавши полезну въ духовности быти,
Велѣла еси чисту ону устроити,—
Яже велѣнію ти уже сготованна,
Со многимъ трудомъ долго читана, списана.... [1]).

Правда, самое поднесеніе этой книги происходило уже въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, но здѣсь же сказано, что царевна прилежно читала ее еще въ черновомъ ея видѣ. Книга „*Вѣнецъ вѣры каѳолическія*“ была написана Симеономъ въ 1670 году; а потому, кромѣ особеннаго вниманія къ ней, здѣсь открывается и возможность знакомства съ нею царевны Софіи еще въ то время, когда она была въ ученическихъ лѣтахъ.

Что касается вопроса о томъ, что, именно, преподаваемо было Симеономъ царскимъ дѣтямъ, то и это не трудно рѣшить по сопоставленію нѣкоторыхъ данныхъ. Первоначальное обученіе ихъ несомнѣнно не принадлежало Симеону, который собственно и цѣнился здѣсь, какъ ученый, способный вести съ

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 287, л. 395-й.

большимъ успѣхомъ преподаваніе предметовъ высшаго курса. Для обученія грамотѣ царевичи имѣли, какъ извѣстно, другихъ учителей и Симеону предоставлено было только контролированіе ихъ, а иногда и участіе въ самомъ выборѣ [1]). Самъ Симеонъ, очевидно, держалъ здѣсь только высшее преподаваніе и, безъ сомнѣнія, велъ его по тѣмъ же предметамъ и руководствамъ, которые практиковались и въ Спасской школѣ. Это были, какъ мы уже видѣли латинскій языкъ, риторика съ пiитикой и богословіе. Въ латинскомъ языкѣ особенные успѣхи оказывалъ царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ, который вообще отличался большою склонностію и прилежаніемъ къ наукамъ, такъ что и самую раннюю смерть его лѣкаря объясняли его чрезмѣрной усидчивостію въ занятіяхъ. — Преподаваніе риторики и пiитики, такъ же какъ и въ Спасской школѣ, было сопровождаемо здѣсь Симеономъ письменными упражненіями въ составленіи разнаго рода виршъ и орацій. Въ рукописяхъ Симеона находится большое число краткихъ прозаическихъ и стихотворныхъ привѣтствій, произнесенныхъ царевичами въ различные праздники предъ старшими членами своей семьи, и можно думать, что нѣкоторыя изъ нихъ были составлены ими самими, конечно, подъ руководствомъ своего наставника [2]).

---

[1]) Съ особенною ясностію это открылось впослѣдствіи при выборѣ Зотова учителемъ грамоты царевичу Петру Алексѣевичу. Въ извѣстной рукописи о зачатіи и рожденіи Петра Великаго объ этомъ сказано: „великій государь повелѣлъ Зотову писать и по писаніи честь книгу и *призвавъ Семіона Полотскаго*, мужа премудра въ Божественномъ писаніи, живущаго при великомъ государѣ, *повелѣ писаніе и чтеніе разсмотрѣть*". См. рукоп. Москов. Акад. № 45, л. 17-й.

[2]) Рукоп. Синод. библ. № 287, л. 26, 27, 44, 47, 55, 58, 84, 87. Ср. рукоп. Синод. библ. № 877. л. 69. Ср. рукоп. Синод. библ. № 229, л. 15, 37-й.

По крайней мѣрѣ, царевичъ Θеодоръ Алексѣевичъ оказалъ столь значительные успѣхи въ стихотворномъ искусствѣ, что впослѣдствіи участвовалъ даже въ стихотворномъ переводѣ Псалтыри, сдѣланномъ Симеономъ: въ „*Риθмотворной Псалтыри*", послѣдняго ему приписывается переводъ 132 и 145 псалмовъ [1]).— Богословіе, конечно, было преподаваемо здѣсь Симеономъ въ томъ же направленіи, какъ и въ Спасской школѣ, и, въ этомъ отношеніи, происхожденіе нѣкоторыхъ его богословскихъ сочиненій прямо объясняется учительскою дѣятельностію его въ царской семьѣ. „*Краткій катихизисъ*", приложенный къ „*Вѣнцу вѣры каθолическія*", очевидно, служилъ учебнымъ руководствомъ въ богословіи для младшаго возраста царевичей, точно такъ же, какъ самый „Вѣнецъ вѣры" для возраста старшаго.—Наконецъ, младшіе члены царской семьи отличались основательнымъ знаніемъ польскаго языка. Лазарь Барановичъ, посвящая въ 1672 году свои книги — „*Житія св. отецъ*" царевичу Θеодору, а „*Духовныя струны*" царевичу Іоанну, пишетъ государю: „Издахъ языкомъ Ляцкимъ: извѣстенъ бо есмь, яко царевичъ Θеодоръ Алексѣевичъ не точію нашимъ природнымъ,

---

[1]) Соловьевъ: Ист. Россіи, XIII т., 230 стр. Татищевъ въ своей запискѣ о царствованіи Θеодора Алексѣевича говоритъ: „Сей государь при отцѣ своемъ ученъ былъ въ латинскомъ языкѣ старцемъ Симіономъ Полоцкимъ, и хотя въ ономъ языкѣ не столько какъ братъ его большой царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ былъ обученъ, однако жъ чрезъ показаніе онаго учителя великое искусство въ поэзіи имѣлъ и весьма изрядные вирши складывалъ, по которой Его Величества охотѣ, Псалтирь стихотворне онымъ Полоцкимъ преложена и въ оной, какъ сказываютъ, многіе стихи, и особливо псаломъ 132 и 145 самъ Его Величество переложилъ, и послѣдней въ Церкви при немъ всегда пѣвали"…. См. тамъ же въ примѣчаніяхъ VI стр.

но и Ляцкимъ языкомъ чтетъ книги. Благовѣрному же государю царевичу Іоанну Алексѣевичу книгу „*Духовныя струны*" приписахъ, *издахъ же языкомъ Ляцкимъ, вѣмъ бо, яко и вашего пресвѣтлаго величества сиглитъ сего языка не гнушается, но чтутъ книги и исторіи Ляцкія въ сладость*" [1]. Понятно, что и въ этомъ отношеніи образованіе царскихъ дѣтей не обошлось безъ непосредственнаго вліянія Симеона, какъ самаго виднаго представителя польской учености при московскомъ дворѣ.

Ближайшія связи свои со дворомъ, естественно возникавшія изъ учительства царскимъ дѣтямъ, Симеонъ старался расширить и закрѣпить различными литературными произведеніями, имѣвшими прямое отношеніе къ лицамъ и событіямъ въ государевой семьѣ. Онъ обнаруживалъ въ этомъ отношеніи непрерывную и неутомимую дѣятельность, возбуждая у всѣхъ справедливое удивленіе къ разнообразію и плодовитости своихъ талантовъ.

Первенствующее значеніе здѣсь, какъ и слѣдовало ожидать, имѣли разнообразныя продукціи стихотворнаго искусства, которыми Симеонъ, по примѣру прежняго времени, продолжалъ украшать различныя придворныя торжества. Какъ въ первые годы жизни своей въ Москвѣ, такъ и во все послѣдующее время, онъ во всѣхъ торжественныхъ случаяхъ неизмѣнно являлся во дворецъ и произносилъ здѣсь исполненныя преувеличенной лести, краткія стихотворныя привѣтствія. Привѣтствія эти, разсѣянныя во множествѣ въ рукописяхъ Симеона, были обращаемы имъ не только къ царю и царевичамъ, но простирались и на женскую половину царской семьи: въ комнатахъ царевенъ они помѣщались въ рамкахъ на стѣнахъ, каллиграфи-

---

[1]) Соловьевъ: Истор. Россіи XIII т. 230 стр.

чески написанныя на особыхъ разцвѣченныхъ красками листахъ [1]). Риторическое воодушевленіе, направленное къ превознесенію различныхъ дарованій и добродѣтелей привѣтствуемыхъ лицъ, не мѣшало въ нихъ, однако же, и обнаруженію личныхъ, своекорыстныхъ тенденцій Симеона. Чаще всего оно смѣнялось здѣсь просьбой стихотворца объ ихъ милостивомъ расположеніи къ нему, въ подобномъ родѣ:

.... Благъ отъ Христа вѣрно Вамъ желаю,
Самъ къ ногамъ Вашимъ лицемъ припадаю.
Моля о милость, прося благодати,
Да изволите въ ней мя сохраняти.
Иже готовъ есть вѣрно Вамъ служити,
До не ли же мнѣ дастъ Богъ живу быти [2]).

Но это были лишь незначительныя и, такъ сказать, заурядныя поздравительныя стихотворенія Симеона, съ которыми онъ неопустительно фигурировалъ во дворцѣ во всѣ великіе праздники и на имянины всѣхъ членовъ многочисленной царской семьи. Въ случаяхъ же особенно важныхъ, когда здѣсь происходили торжественныя церемоніи по поводу какихъ либо выдающихся радостныхъ или печальныхъ событій, Симеонъ выступалъ съ болѣе уже значительными произведеніями этого рода Обыкновенно онъ составлялъ тогда особую, болѣе или менѣе обширную стихотворную *„книжицу“*, написанную со всею *„хитростію пiитическаго ученія“* и преподносилъ ее государю въ изящномъ спискѣ, украшенномъ различными эмблематическими изображеніями.

Мы видѣли уже, какъ Симеонъ явился предъ нимъ съ подобною книжицею въ 1665 году, по случаю рожденія царевича Симеона Алексѣевича. 1-го сентя-

---

[1]) Забѣлинъ: Домашній бытъ русскихъ царицъ. 170 стр.
[2]) Рукоп. Синод. библ. № 287, л. 26-й.

бря 1668 года, по поводу объявленія царевича Алексѣя Алексѣевича наслѣдникомъ престола, онъ, кромѣ упомянутыхъ уже нами краткихъ привѣтствій, представилъ государю обширное стихотворное произведеніе, написанное въ панигирическомъ духѣ, подъ витіеватымъ символическимъ заглавіемъ: „*Орелъ россійскій, Благочестивѣйшему Самодержавнѣйшему Тишайшему Государю Царю и Великому Князю Алексію Михайловичю, всея великія и малыя и бѣлыя россіи самодержцу, въ солнцѣ представленный. И пресвѣтлому его царскому сыну Государю нашему Царевичю и великому князю Алексію Алексѣевичу, яко нововозсіявшему солнцу, Зодій, въ день торжественный всемірно радостнаго проявленія его написанный*“ [1]). При поднесеніи этого произведенія Симеонъ сказалъ предъ государемъ пространную рѣчь, которая, объясняя намъ его побужденія къ написанію книги и самый характеръ ея, представляетъ собою образецъ того риторическаго хитросплетенія, съ какимъ онъ обыкновенно выступалъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ. „О сей всемірной радости“, говоритъ онъ здѣсь между прочимъ, — „и азъ присный богомолецъ пресвѣтлаго твоего царскаго величества, въ нарочитый сей день праздника Вашего, нарочито духомъ торжествуя, вожделѣхъ при рабολѣпномъ моемъ поклоненіи, не тощь яко предъ Господемъ явитися: не имѣя же отъ злата аравитска даровъ, ниже отъ камней честныхъ приношенія, потщахся на гору превыспрня умомъ взыйти Геликона, и оттуду прилѣжно присмотрѣвся яко орелъ россійскій въ солнцѣ сіянія добродѣтелей Вашихъ превесело паритъ нынѣ, увѣщахъ Аполлона и его преславныя мусы, яко да сей радости новой, новую пѣснь своими сладкозвучными взыграютъ гусльми.

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 287, л. 439—460-й.

Орла бо россійска въ солнцѣ сіянія славы добродѣтелей Вашихъ превесело паряща, и мусоначальника Аполлона съ его сладкопѣствыми благовѣщательными Камены въ малѣ сей книзѣ за даръ благодарствія приношу твоему пресвѣтлому царскому величеству, присовокупивъ къ тому *Зодій духовный* тебѣ новоявлшемуся солнцу нашему, благороднѣйшій государю нашъ царевичю и великій княже Алексіе Алексіевичь, яко путь, имъ же тещи ти подобаетъ..." [1]).

20 апрѣля 1669 года Симеонъ поднесъ государю другое стихотворное произведеніе свое, не менѣе обширное по размѣрамъ, но отличавшееся уже совершенно противоположнымъ характеромъ. Это были: „*Ѳрены или плачи всѣхъ сановъ и чиновъ православнороссійска царства о смерти благовѣрныя и христолюбивыя государыни царицы и великія княгини Маріи Илиничны*" [2]). Въ своемъ „посвященіи" государю этого труда Симеонъ объясняетъ свои побужденія къ составленію его слѣдующимъ образомъ: „прихожду къ твоему царскому престолу со слезами, къ пресвѣтлому Ѳрону со Ѳрены и плачемъ.... Отрадно бо есть своея скорби общники имѣти, рече нѣкто отъ премудрыхъ.... Растворихъ сія плачи различныхъ добродѣтелей утѣшеніи, да будутъ яко чаша растворенная возвеселяющая, а не упояющая.... Да просвѣтлѣешь и освѣтишь яко солнце все, *не презирая и моея худости, но призирая милостивымъ окомъ и щадя благоутробнымъ ти милосердіемъ, имъ же единымъ содержимъ, благоохотнѣ внѣ очиныя страны и общанія обители во кровѣ крилу благодати твоея странствую, благодарно присно истинный твой государевъ пребывая рабъ, питомецъ и бого-*

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 287, л. 438-й.
[2]) Тамъ же: л. 467—516-й.

молецъ" [1]). Такимъ образомъ, ловкій стихотворецъ въ произведеніяхъ своего искусства старался гармонировать съ настроеніемъ государя и въ радости его, и въ горѣ и этимъ достигалъ, конечно, выражаемой здѣсь своей ближайшей цѣли — снискать себѣ его милостивое расположеніе.

При вторичномъ бракѣ царя Алексѣя Михайловича съ Наталіей Кирилловной Нарышкиной Симеонъ представилъ довольно обыкновенное стихотворное поздравленіе царю, царицѣ и всѣмъ остальнымъ членамъ царской семьи [2]); но когда отъ этого брака родился царевичъ Петръ Алексѣевичъ, онъ выступилъ предъ государемъ съ замѣчательнымъ стихотворнымъ привѣтствіемъ. Привѣтствіе это было имъ поднесено въ день крещенія царевича 29 іюня 1672 г. и замѣчательно собственно различными предсказаніями относительно будущей судьбы новорожденнаго младенца, впослѣдствіи великаго императора:

Радость велію мѣсяцъ Май нынѣ явилъ есть:
Яко намъ царевичъ Петръ явѣ ся родилъ есть.
Вчера преславный Царьградъ отъ турковъ плѣнися:
Нынѣ избавленіе преславно явися.
Побѣдитель пріиде и хощетъ отмстити,
Царствующій оный градъ нынѣ свободити.
О Константине граде! Зѣло веселися!
И Святая Софія церкве—просвѣтися!
Православный родися нынѣ намъ царевичъ,
Великій князь московскій Петръ Алексѣевичъ;
Тщится благочестіемъ васъ украсити,
И всю бусурманскую мерзость низложити.
И ты, царствующій граде Москво, просвѣтися:
Ибо радость велія въ тя вселися.
Укрѣпи твоя стѣны окрестъ огражденны,
Багрянородный царскъ сынъ, Богомъ возжеланный!

---

1) Рукоп. Синод. библ. № 287, л. 469-й.
2) Тамъ же: л. 401—406-й.

Петръ бо нарицается—камень утвержденный.
Утвердити врата царевичъ нарожденный,
Храбръ и страшенъ явится врагомъ сопротивнымъ;
Окаменованъ въ вѣрѣ именемъ предивнымъ,
Украшеніе царско, утѣха родися;
Родителемъ похвала вѣчно утвердися.....
И ты, плането Аресъ и Зевесъ веселися:
Въ ваше бо сіяніе царевичъ родися.
Во четвертоугольный аспектъ произыде
Царевичъ, царствовати во своя пріиде.
Четвероконечное знамя проявляетъ,
Яко четырма частьми міра обладаетъ.
Отъ Бога сей планетѣ естество дадеся:
Лучши бо прочихъ планетъ въ дѣйствѣ обрѣтеся,
Храбрость, богатство, слава на ней почиваетъ,
И на главѣ царской вѣнецъ полагаетъ [1]).

За это стихотворное поздравленіе Симеонъ въ тотъ же день, послѣ крестиннаго стола во дворцѣ

[1]) Привѣтствіе это не находится въ рукописяхъ Симеона и заимствовано нами изъ принадлежащаго Архимандриту Леониду рукописнаго Лѣтописца, составленнаго по повелѣнію царевны Софіи и продолженнаго въ послѣдствіи до 1705 года. Этотъ почтенный любитель и изслѣдователь старины изъ послѣдняго мѣста въ приведенномъ привѣтствіи заключаетъ, что на рожденіе царевича Петра Симеонъ составлялъ *гороскопъ*, подкрѣпляя это слѣдующими словами изъ извѣстнаго „Сказанія о зачатіи и рожденіи государя императора Петра Перваго“: „Симеонъ Полоцкій 1-го ноября призванъ въ домъ его царскаго величества, и какъ пришелъ и его царское величество о многихъ дѣлахъ имѣлъ съ нимъ разговоръ *и объ оной наукѣ (астрологіи) спрашивалъ, и Полоцкій пространно его величеству доносилъ, что звѣздное теченіе многое и предбудущее, яко настоящее возвѣщаетъ по волѣ Божіей*“ (Древн. и Новая Россія: 1876 годъ, № 4-й, 398 стр.). Какъ это ни странно, но такое заключеніе получаетъ нѣкоторую вѣроятность въ томъ, что и въ другихъ важнѣйшихъ своихъ стихотворныхъ „книжицахъ“, писанныхъ на подобные случаи, Симеонъ вставляетъ обыкновенно особую статью подъ заглавіемъ: „*Бесѣда со планеты*“, а своемъ исчисленіи семи свободныхъ наукъ помѣстилъ, какъ мы видѣли „*астрологію*“.

государя, удостоился получить отъ него знаки особеннаго благосклоннаго вниманія. Въ современной росписи различныхъ сластей, поднесенныхъ почетнѣйшимъ лицамъ въ заключеніе обѣда, значится: „*учителю старцу Симеону* четыре головы сахару, вѣсомъ по три фунта голова; два блюда сахаровъ узорочныхъ, по полуфунту; сахаровъ—леденцовъ и конфектовъ два блюда, по полуфунту; сахаровъ зеренчатыхъ блюдо; ягодъ винныхъ, финиковъ по фунту на блюдѣ; трубочку корички, вѣсомъ *противъ блюдъ Троицкаго и Чюдовскаго архимандритовъ*. Всего восемь блюдъ; да съ Сытнаго полоса арбузная, другая дынная“ [1]). Такая мѣра угощенія служила выраженіемъ особеннаго отличія Симеона; потому что сравнивала его съ архимадритами важнѣйшихъ московскихъ монастырей, не смотря на его скромное званіе іеромонаха.

Около этого же времени окончился постройкою знаменитый коломенскій дворецъ царя Алексѣя Михайловича, заложенный имъ 2-го мая 1667 года. По переселеніи въ него государя, Симеонъ поднесъ ему поздравительное стихотворное привѣтствіе: „*О вселеніи его благополучномъ въ домъ велiимъ иждивенiемъ, предивною хитростiю, пречюдною красотою въ селѣ Коломенскомъ новосозданный*“. [2]) Привѣтствіе это было имъ представлено лѣтомъ 1672 года и замѣчательно тѣмъ, что въ немъ находится цѣнимое археологами довольно полное изображеніе этого дворца, своими различными чудесами дѣйствительно возбуждавшаго удивленіе современниковъ. По словамъ Полоцкаго, это былъ „домъ, иже міру есть удивленіе,

---

[1]) Дворцовые разряды, 4 т., 474 стр.

[2]) Рукоп. Синод. библ. № 287, л. 381—389-й.

.... Домъ зѣло красный, прехитро созданный
Чесности царстѣй лѣпо сготованный.
Красоту его мощно есть равняти
Соломоновой прекрасной полатѣ.
Аще же древо здѣ не есть кедрово,
Но стоитъ за кедръ, истинно то слово.
А злато вездѣ пресвѣтло блистаетъ,
Царскій домъ быти лѣпота являетъ.
Написанія егда возглядаю,
Много исторій чюдныхъ познаваю.
Четыре части міра написаны,
Аки на мѣди хитро изваянны.
Зодій небесный чюдно написася,
Образы свойствъ си лѣпо знаменася.
И части лѣта суть изображены,
Яко достоитъ чинно положены.
И ина многа домъ сей украшаютъ,
Разумы зрящихъ зѣло удивляютъ.
Множество цвѣтовъ живонаписанныхъ,
И острымъ хитро длатомъ изваянныхъ.
Удивлятися всякъ умъ понуждаетъ,
Правый бо цвѣтникъ быти ся являетъ.
Едва свѣтлѣе рай бѣ украшенный,
Иже въ началѣ Богомъ насажденный.
Домъ Соломоновъ тѣмъ славенъ безъ мѣры,
Яко ваяны имѣ въ себѣ звѣри.
И здѣ суть мнози, къ тому и рыкаютъ,
Яко живіи львы гласъ испущаютъ.
Очеса движутъ, зіяютъ устами,
Видится, хощутъ ходити ногами,
Страхъ приступити, тако устроенни,
Аки живіи львы суть посажденни.
Окна, яко звѣздъ въ небѣ сіяетъ,
Драгая слюдва, что сребро блистаетъ.
Множество жилищъ градови ровнится,
Вся же прекрасна, кто не удивится.
А инѣхъ красотъ не лѣть ми вѣщати,
Умъ бо мой худый не можетъ объяти.
Единемъ словомъ, домъ есть совершенный
Царю велику достойнѣ строенный;
По царской чести и домъ зѣло честный,
Нѣсть лучши его, развѣ домъ небесный!

Седьмь дивныхъ вещей древній міръ читаше,
Осмый дивъ сей домъ, время имать наше.

На ряду съ этимъ привѣтствіемъ государю, Симеонъ по тому же поводу представилъ отдѣльныя стихотворныя поздравленія: царицѣ, царевичамъ: Θедору, Іоанну и Петру,—сестрамъ царя: Иринѣ, Аннѣ и Татіанѣ,—царевнамъ: Евдокіи, Марѳѣ, Софіи, Екатеринѣ, Маріи и Θеодосіи. Всѣ они, соединенныя вмѣстѣ, образовали довольно пространную стихотворную „книжицу" и, безъ сомнѣнія, представляли собою новый „*дивъ*" въ дивно устроенномъ царскомъ дворцѣ.

Спустя немного времени, въ новоотстроенномъ Коломенскомъ дворцѣ возникли различныя увеселительныя зрѣлища и между ними особенно выдающееся значеніе получили театральныя представленія, по преимуществу религіознаго характера. Предпріимчивый Симеонъ не замедлилъ воспользоваться столь благопріятнымъ случаемъ и, будучи прекрасно знакомъ съ этого рода произведеніями еще по Кіевской Коллегіи, выступилъ здѣсь въ новой почетной роли придворнаго драматурга. Извѣстны двѣ религіозныя драмы Симеона, написанныя имъ для представленія на сцѣнѣ Коломенскаго дворца, это: „*Комидія притчи о Блудномъ сынѣ*" и драматическая пьеса „*о Навходоносорѣ царѣ, о тѣлѣ златѣ и о тріехъ отроцѣхъ въ пещи не сожженныхъ*" [1]). Драмы эти, судя по ихъ содержанію, были представляемы въ присутствіи самого государя и, конечно, послужили новымъ поводомъ для благосклоннаго отношенія его къ ихъ автору.

Такимъ образомъ, свое учительство царскимъ дѣ-

---

1) Рукоп. Синод. библ. № 287, л. 604—628-й.

тямъ Симеонъ соединялъ съ званіемъ придворнаго стихотворца, піитическимъ художествомъ своимъ придававшаго особенный блескъ различнымъ празднествамъ и увеселеніямъ при дворѣ. По всему видно, что появленіе на нихъ искуснаго виршеслагателя производило на всѣхъ благопріятное впечатлѣніе; такъ что частое повтореніе Симеономъ этого пріема скоро установило здѣсь какъ-бы особый стихотворный обычай. По его иниціативѣ, царевичи, являясь въ торжественныхъ случаяхъ съ поздравленіями къ старшимъ членамъ семьи, обыкновенно произносили предъ ними краткія стихотворныя привѣтствія. Тоже самое дѣлали здѣсь и младшіе члены различныхъ знатныхъ фамилій, имѣвшихъ ближайшія отношенія ко двору. Льстивыя привѣтственныя стихотворенія произносимы были, такъ-же, отъ лица разныхъ депутацій, являвшихся при дворѣ въ дни важнѣйшихъ праздниковъ для поздравленій государя. Даже многіе челядинцы, состоявшіе на придворной сбужбѣ, усвоили себѣ этотъ модный обычай и поздравляли государя не иначе, какъ въ формѣ краткихъ, но затѣйливыхъ стихотвореній. Всѣ эти стихотворенія, во всѣхъ приведенныхъ нами случаяхъ, были составляемы Симеономъ, чѣмъ только и объясняется то чрезвычайно огромное ихъ количество, по которому они никакимъ образомъ не могли быть произнесены имъ однимъ [1]). Словомъ, благодаря иниціативѣ Симеона и его необыкновенной продуктивности въ этомъ направленіи, при дворѣ царя Алексѣя Михайловича образовалась своего рода піитическая атмосфера, обильно насыщенная дутыми хвалебными стихотвореніями, всюду проникавшими и на все налагавшими здѣсь отпеча-

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 287, л. 27, 31, 84, 193—203. Срав. Рукоп. Синод. библ. № 877, л. 70-й.

токъ своеобразной торжественности. Столь широкое ихъ распространенie можно объяснить себѣ не иначе, какъ только возникнувшимъ здѣсь большимъ спросомъ на нихъ: льстивая панегирическая поэзія, распространенная при дворахъ западныхъ государей, очевидно, пришлась по вкусу московскаго двора, при начавшемся проникновеніи въ жизнь и обстановку его западныхъ иноземныхъ обычаевъ. Симеонъ Полоцкій, введшій сюда этотъ наиболѣе утонченный придворный обычай запада, естественно обращалъ на себя всеобщее вниманіе и его необыкновенная плодовитость въ этомъ отношеніи прямо свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ находилъ себѣ поощреніе со стороны государя.

Другимъ не менѣе важнымъ средствомъ къ поддержанію и упроченію придворныхъ связей Симеона послужила его широкая проповѣдническая дѣятельность, которая такъ же какъ и стихотворство, въ значительной степени обусловливалась ближайшими отношеніями его ко двору.—Необходимость живой проповѣди для народа, которая смѣнила бы давно установившійся въ Москвѣ обычай читать въ церкви поученія древнихъ церковныхъ учителей, ясно была сознана на соборѣ 1667 года. Симеонъ Полоцкій явился здѣсь первымъ и необыкновенно ревностнымъ исполнителемъ состоявшагося соборнаго опредѣленія.

Обычай живой проповѣди былъ сильно распространенъ въ мѣстахъ рожденія и воспитанія Симеона и въ этомъ отношеніи онъ явился лишь яркимъ представителемъ того начала, которое составляло одну изъ характерическихъ особенностей юго-западнаго просвѣщенія. Въ юго-западной Руси того времени церковное ораторство было настолько употребительнымъ, что въ монастыряхъ и при соборныхъ

церквахъ существовала даже особая должность проповѣдниковъ, обыкновенно занимаемая духовными лицами, получившими высшее образованіе. Въ самой же Польшѣ, служившей здѣсь образцомъ, церковная проповѣдь имѣла могущественную поддержку со стороны двора: издавна здѣсь были заведены особые оффиціальные проповѣдники, состоявшіе на придворной службѣ. Вѣрный просвѣщенному обычаю своей родины и будучи самъ воспитанъ на риторикѣ, Симеонъ явился въ Москвѣ усерднымъ распространителемъ живаго проповѣдническаго слова, отвѣчавшаго сознанной уже мѣстной потребности и, пользуясь своими придворными отношеніями, скоро пріобрѣлъ здѣсь значеніе постояннаго и какъ-бы оффиціальнаго проповѣдника при московскомъ дворѣ. Въ этой, именно, роли онъ произносилъ, какъ мы уже видѣли, одну изъ своихъ проповѣдей въ присутствіи восточныхъ патріарховъ и даже получилъ полномочія произнести другую отъ ихъ собственнаго имени. Изъ множества проповѣдей Симеона, нѣкоторые были сказаны имъ въ присутствіи государя, другія произнесены были въ дни различныхъ придворныхъ торжествъ, а иныя написаны были по случаю празднованія имянинъ многочисленныхъ членовъ царской семьи. Наконецъ, самое обращеніе къ нему за составленіемъ проповѣдей выдающихся лицъ въ церковной іерархіи свидѣтельствуетъ о столь высокомъ проповѣдническомъ авторитетѣ Симеона, какой всего скорѣе могло доставить ему лишь обаяніе его придворнаго ораторства.

Такимъ почетнымъ положеніемъ Симеона въ качествѣ, какъ-бы, оффиціальнаго придворнаго проповѣдника объясняется, между прочимъ, и то обстоятельство, что онъ нѣкоторую часть своихъ проповѣдей вздумалъ представить на благосклонное воззрѣніе

государя. Въ 1675 году, избравъ изъ написанныхъ имъ до сего времени поученій слова на память святыхъ, тезоименитыхъ членамъ царской семьи, и святителей, наиболѣе почитаемыхъ въ Москвѣ, Симеонъ составилъ изъ нихъ и поднесъ въ даръ государю особую книгу, подъ заглавіемъ: „*Словеса похвальная купноже и нравоучительная на двадесятъ и единъ праздникъ угодниковъ Божіихъ.... народовѣщательная пользы ради всѣхъ христіанъ православныхъ*“ [1]). Книга эта представляетъ первый значительный опытъ собранія важнѣйшихъ поученій, произнесенныхъ Симеономъ въ разное время и выпущенныхъ имъ въ свѣтъ для назидательнаго чтенія. Въ началѣ сборника Симеонъ помѣщаетъ „*Эленхосъ или оглавленіе словъ въ книзѣ содержимыхъ*“, написанный въ формѣ отдѣльныхъ четырехстишій и заключающій въ себѣ кратко выраженную похвалу святымъ, въ память которыхъ составлены поученія: Алексѣю человѣку Божію, Наталіи, Θедору, Іоанну, Ап. Петру, Иринѣ, Аннѣ, Татіанѣ, Евдокіи, Марѳѣ, Софіи, Екатеринѣ, Маріи, Θеодосіи, Наталіи (второе) и Θеодорѣ, — митрополитамъ московскимъ: Петру, Алексѣю, Іонѣ и Филиппу,—чудотворцамъ: Сергію Радонежскому и Саввѣ Звенигородскому. За такимъ оглавленіемъ, представляющимъ довольно курьезное проявленіе піитическаго художества Симеона, слѣдуетъ обширное и ораторски составленное предисловіе, содержащее въ себѣ посвященіе книги государю. Предисловіе это замѣчательно въ томъ отношеніи, что здѣсь Симеонъ излагаетъ свои побужденія къ церковному проповѣдничеству и отчасти касается тѣхъ затрудненій, которыя онъ встрѣчалъ на пути этого рода своей дѣятельности.

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 130, л. 231-й.

Первенствующее значеніе въ этомъ случаѣ имѣли для Симеона побужденія внутреннія, и прежде всего его личное глубокое расположеніе къ труженической жизни. Указавъ на слова изъ книги Притчей о трудолюбіи муравья и пчелы и на изреченіе Ап. Павла къ Тимоѳею о трудѣ, Симеонъ говоритъ здѣсь о себѣ: „Тѣмъ же и азъ недостойный рабъ и воинъ духовный Христа.... на приточниково увѣщаніе ушеса преклоняя, идохъ умомъ моимъ ко мравію и пчелѣ и узрѣвъ его труды непрестанныя усрамихся о лѣпности моей и предложихъ во умѣ, еже трудолюбнѣ житіе мое провождати тяжати духовнѣ плодоношенія ради пищи душевныя, хлѣба слова Божія.... И внушивъ предреченное блаженнаго Павла увѣщаніе, воспріяхъ труды духовныя, начахъ Божіимъ пособіемъ подвизатися писаніемъ поученій слова Божія, общія ради пользы всѣхъ православныхъ христіанъ“. Въ осуществленіи такого намѣренія Симеону пришлось преодолѣть различныя препятствія, поставляемыя ему духомъ времени и личными неблагопріятными обстоятельствами. „И аще отвлекаше мя“, продолжаетъ онъ далѣе, „отъ того душеспасеннаго начинанія вѣжества моего малость, ума недовольство, *трудовъ множество, завистниковъ гажденіе, суемудрствующихъ хуханіе, проповѣдей необычай, словомъ кажемыхъ нетерпѣніе, правдоглаголанія ненависть, любосудій писанія неправедныхъ, славу міра точію ловящихъ, а силы писанія нимало знающихъ неправосудство и скудость нуждныхъ: обаче преодолѣ* усмотрѣніе общія пользы всея церкве и иныя благословныя понудиша вины“ [1]. „Вины“ эти суть: „*грѣхогонзненіе, ума возновленіе и покой утѣшенія внутренняго*“; то есть, опять

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 130. л. 235-й.

таки—внутреннія отличительныя особенности самой личности Симеона, характеризующія его субъективную настроенность къ трудовой, подвижнической жизни.

Съ такимъ личнымъ настроеніемъ Симеона тѣсно было связано здѣсь ясное сознаніе имъ настоятельной потребности живаго проповѣдническаго слова въ русской церкви тогдашняго времени. Отсюда, представленіе той пользы, какую онъ можетъ принести ей своею проповѣдническою дѣятельностію, составляло второе важнѣйшее побужденіе Симеона къ проповѣдничеству и заставило его даже въ настоящемъ случаѣ просить государя отдать подносимую имъ книгу на пользованіе всей церкви. „Пріемь даръ благоутробнѣ“, говоритъ онъ здѣсь,— „*благоволи не въ сокровищѣхъ царскихъ положити, но церкви во прочитаніе отдати:* онамо бо *безполезно истлѣти возможетъ, а въ сей многи плоды принести доволенъ будетъ*..... Егда убо пресвѣтлое твое царское величество довольно обыче Господа Бога и его рабы святыя хранители и защитники тезоименитыя пресвѣтлаго царскаго ти племени сладкопѣніемъ чтити и величати, *да благоволитъ приложити еже бы и проповѣданіемъ слова Божія хвалити я и славити.* Да о нѣхъ житіе непорочное слышаще правовѣрніи людіе, подражатели имъ быти потщатся; овѣхъ лютыхъ томленій довольное терпѣніе разсуждающе, сами всякія скорби Христа ради терпѣливодушнѣ носити научатся. Овѣхъ, наконецъ, грѣхопаденіе знающе, и возстаніе воспареніе разсмотряюще, сами грѣхъ ради своихъ не впадутъ во отчаяніе, но возстанутъ въ покаяніе: яко онымъ подражателіе бяху во грѣсѣ, тако подобницы будутъ въ покаяніи. *Ихъ же всѣхъ пользъ лишаются людіе*

проповѣди не сущей“....[1]). Въ этомъ отношеніи, ближайшее назначеніе всѣхъ вообще проповѣдническихъ трудовъ Симеона состояло въ томъ, чтобы дать возможность лицамъ, призваннымъ къ проповѣданію слова Божія, но не способнымъ къ самостоятельному составленію поученій, имѣть ихъ въ готовомъ видѣ для назидательнаго чтенія народу въ церкви. „А за неже“, продолжаетъ онъ далѣе,— „не всякъ доволенъ есть словомъ въ наученіе и не кождо можетъ изустно поучати, того ради словеса поучительная писаніемъ предаются отъ могущихъ я Божіимъ пособіемъ составляти, да *поне по книгѣ читающе, учатъ народъ наставницы.* Нѣсть же вина предъ Архипастыремъ небеснымъ, еже не изустно учити, но то гнѣва Его достойно, еже всячески молчати, найпаче посланнымъ проповѣдати, еже есть имущимъ врученныя себѣ овцы пасти пищею слова Божія“. О самомъ себѣ, въ этомъ спеціальномъ значеніи церковнаго учителя, Симеонъ говоритъ здѣсь слѣдующее: „Азъ же рабъ Христовъ многогрѣшный,.... аще и нѣсмь посланъ, чесо ради и не имамъ слова о молчаніи воздати Господеви, *обаче не хотя таланта Богомъ дарованнаго ми въ земли закопати, потщахся написати проповѣди слова Божія на вся недѣли, на праздники нарочитыя, да аще не языкомъ, поне перомъ, аще не усты, поне книгою, аще не гласомъ, поне писаніемъ послужу церкви и заслужу благое воздаяніе у Господа:* десятницы двѣ съ единымъ ихъ же словъ.... приношу въ даръ благодарствія, *иже аще пріятенъ и угоденъ явится, то и весь трудъ радостно ускоритъ принестися*“.... [2]).

---

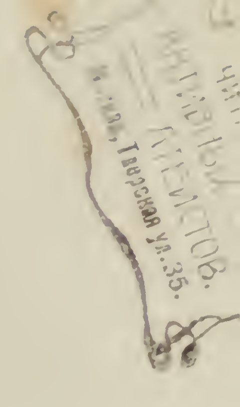
[1]) Рукоп. Синод. библ. № 130. л. 237-й.

[2]) Тамъ же: л. 238-й.

Таковы были ближайшія побужденія Симеона къ составленію церковныхъ поученій, высоко имъ цѣнимыхъ и представляющихъ собою обширную самостоятельную отрасль въ его многосторонней литературной дѣятельности. Съ внутреннимъ глубокимъ настроеніемъ къ труженической жизни въ немъ соединялось здѣсь отчетливое представленіе современныхъ насущныхъ потребностей церкви и живое, дѣятельное стремленіе къ ихъ удовлетворенію. Изъ послѣдняго приведеннаго нами мѣста въ предисловіи поднесеннаго государю сборника проповѣдей открывается, что въ этихъ видахъ, Симеонъ предпринялъ задачу „написати проповѣди слова Божія на вся недѣли и на праздники нарочитыя“. Въ другомъ мѣстѣ того же предисловія онъ выражается объ этомъ подробнѣе и даже сообщаетъ свѣденіе о томъ, что, именно, онъ успѣлъ сдѣлать къ этому времени въ исполненіе своего намѣренія. „Воспріяхъ,“ говоритъ онъ здѣсь, „трудъ сложенія и писанія поученій на вся недѣли времене годищнаго, писанія поученій Господскія и Богородичны и многихъ святыхъ нарочитыхъ. *И Божіимъ пособіемъ на вся недѣли уже написахъ по два слова, на праздники же по единому діалектомъ словенскимъ*“ [1]). Отсюда можно усматривать, что въ это время Симеонъ уже окончилъ свой сборникъ проповѣдей на дни воскресные и занятъ былъ составленіемъ другого своего сборника поученій на праздники господскіе, богородичные и многихъ святыхъ. Но обычное трудолюбіе Симеона и его необыкновенная ревность къ этому дѣлу скоро подвинули къ окончанію и этотъ послѣдній. Уже въ 1676 году, отъ 27-го сентября, Сильвестръ Медвѣдевъ, находившійся въ то время „Путивльскаго уѣзду въ

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 130. л. 236-й.



пустынскомъ Пресвятыя Богородицы монастырѣ," пишетъ Симеону: „ради неизмѣнныя твоея пречестности ко мнѣ отеческія милости, благоволилъ ми еси днесь чрезъ писаніе извѣстно сотворити, *яко предъ воспріятый твоя пречестность трудъ, то есть, поученія воскресныя и праздничныя за помощія вышняго промысла скончалъ еси и оныя началъ еси читати въ церквѣ, имѣюще намѣреніе, аще Богъ одаритъ, въ кійждо недѣлю и во всякій праздникъ народу прочитати*, о чесомъ вѣстъ испытаяй сердца и утробы" [1]).

Изъ этихъ словъ Сильвестра Медвѣдева можно заключать, такъ же, что только съ этого времени Симеонъ возъимѣлъ намѣреніе неупустительно читать въ церкви свои воскресныя и праздничныя поученія народу, въ подражаніе обычаю, распространенному въ церковной практикѣ юго-западной Руси; прежде же онъ, повидимому, этого не дѣлалъ, за исключеніемъ произнесенія проповѣдей по порученію духовнаго начальства и разныхъ придворныхъ случаевъ. И дѣйствительно, послѣдующія слова Медвѣдева въ томъ же письмѣ его къ Симеону содержатъ въ себѣ довольно ясное указаніе на это. „Азъ превеліимъ моимъ душевнымъ веселіемъ возвесилихся," говоритъ здѣсь Сильвестръ,—„и Его Бога всякихъ благъ дателя о таковой ми присножелательной радости благодарихъ, яко сподобивый мя Онъ, дивный во избранныхъ своихъ церковныхъ учителехъ, въ твоемъ преподобіи первую учительскую должность зрѣти и *вторыя, многимъ временемъ ожидаемыя, дожити*.... Твоя же пречестность чрезъ многія лѣта *едину точію учительскую должность совершалъ еси*, читающе писаніе божественное и начастѣ, не погрѣшу аще реку,

[1]) Письма Сильвестра Медвѣдева. Рукоп. Москов. публ. библ. № 793. л. 25-й.

и вину разсуждающе, *вторыя изводства не являлъ еси. Нынѣ же сподобихся слышати, яко Богу твоей пречестности вспомогающу, восхотѣлъ еси прилѣжаніе, о душѣ вещи бесмертнѣй забвеніе, и едва не конечно въ человѣческихъ памятехъ умершее, воскресети и сердца Св. Отецъ въ насъ сыны ихъ образити и впроповѣдати: того ради и вторыя учительскія должности изводство явилъ еси*"…. [1]). Поздравляя Симеона съ окончаніемъ его труда, Сильвестръ Медвѣдевъ выражаетъ здѣсь свой восторгъ по поводу предпринятаго имъ намѣренія вести непрерывное чтеніе церковныхъ поученій народу: этого, очевидно, такъ же, не могло произойти, если бы эти послѣднія и прежде того были для него дѣломъ обычнымъ.—Такъ возникли два огромные сборника воскресныхъ и праздничныхъ поученій Симеона, служащіе какъ бы монументальнымъ выраженіемъ его неутомимаго трудолюбія и необыкновенной церковноучительской ревности. Сборники эти, съ нѣкоторыми исправленіями и дополненіями, въ послѣдствіи были имъ изданы подъ именемъ „*Обѣда душевнаго*" и „*Вечери душевной*" и по нимъ можно весьма обстоятельно судить о талантахъ и заслугахъ Симеона въ этомъ новомъ родѣ его литературной дѣятельности.

Чтоже касается, въ частности, тѣхъ побужденій, которыя руководили Симеономъ при поднесеніи вышепоименованнаго сборника его поученій государю, то въ этомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ такъ изъ чувства благодарности къ послѣднему и въ надеждѣ получить отъ него новыя милости. Въ этомъ не оставляетъ намъ никакого сомнѣнія то мѣсто изъ предисловія Симеона къ этому сборнику, въ которомъ онъ

---

[1]) Письма Сильвестра Медвѣдева. Рукоп. Москов. публ. библ. № 793. л. 26-й.

касается, именно, этого пункта. „Вся словеса,“ говоритъ онъ здѣсь, „*числомъ двадцать одно* (к҃а), *совокупивъ въ книжицу сію, дерзаю, на царскія ти щедроты уповая, твоей царстѣй пресвѣтлости вручити во знаменіе благодарствія моего въ тайныхъ сердца сокровищѣхъ гнѣздящагося о всѣхъ твоихъ яже ко мнѣ благодѣяніяхъ: о препитаніи милостивомъ и о тисѣ и покойнѣ во кровѣ крылу благоутробія ти храненіи*“ [1]). Достойно замѣчанія при этомъ, что представляя свой сборникъ государю, Симеонъ проситъ, чтобы тотъ самъ отдалъ его на разсмотрѣніе избранному имъ компентентному лицу: „твоей царстѣй пресвѣтлости сіе духовное дарованіе приношу, *да вѣдый и имѣяй кому дати подъ разсужденіе, вручити прочести и разсудити*“ [2]). Это означаетъ въ сущности, что онъ выпускалъ свои проповѣди безъ предварительной цензуры высшихъ духовныхъ властей, основываясь единственно на томъ высокомъ ученомъ авторитетѣ своемъ, который онъ пріобрѣлъ въ глазахъ государя. Обстоятельство это, въ связи съ намѣреніемъ Симеона читать рядовыя поученія народу, такъ же опиравшимся, преимущественно, на его придворныя связи, — и послужило, въ послѣдствіи, поводомъ къ обвиненію его со стороны патріарха Іоакима въ томъ, что онъ издавалъ свои сочиненія не только помимо его разрѣшенія, но даже и безъ его вѣдома [3]).

Такимъ образомъ, всѣ сочиненія Симеона Полоцкаго, написанныя въ царствованіе Алексѣя Михайловича, не исключая и значительной части его проповѣдей, имѣли большее или меньшее отношеніе ко

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 130. л. 236-й.
[2]) Тамъ-же, л. 238-й.
[3]) Остенъ. Казань 1865 г. 138 стр.

двору. Одни изъ нихъ написаны были въ удовлетвореніе учебнымъ нуждамъ нѣкоторыхъ членовъ царской семьи; другія появились съ цѣлью воспрославить различные торжественные случаи изъ дворцовой жизни; третія наконецъ, если и не имѣли подобнаго прямаго назначенія, то, по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ образомъ были такъ или иначе связаны съ его исключительнымъ придворнымъ положеніемъ. Правда, кромѣ указанныхъ до сихъ поръ сочиненій, Симеонъ, въ продолженіе этого же времени, предпринималъ и другіе литературные труды, въ которыхъ вовсе уже нельзя усматривать подобнаго отношенія ихъ къ его особенному значенію при дворѣ; но это были лишь мелкія литературныя работы, исполненныя имъ въ промежуткахъ и только, какъбы, въ видѣ отдыха отъ названныхъ его весьма значительныхъ произведеній. Такъ: до 1671 года имъ сдѣланъ былъ литературно обработанный, сводъ прежде бывшихъ сказаній *„объ Иконѣ Божія Матери Владимірскія“* и составлена вся *„служба Нилу Столбенскому“* [1]); въ началѣ 1671 года онъ обработалъ повѣсть объ *„Иконѣ Пресвятыя Богородицы Одигитріи“*, написалъ *„Службу св. Стефану, иже на Махрищѣ“* и придалъ литературную редакпію повѣствованію о его жизни и чудесахъ [2]); въ томъ же 1671 году, отъ 16 января по 5 апрѣля, имъ сдѣланъ былъ переводъ съ латинскаго языка сочиненія Папы Григорія Двоеслова *„о пастырскомъ попеченіи“* [3]); наконецъ, къ 20 октября

---

1) Рукоп. Синод. библ. № 542. л. 1—169-й.

2) Тамъ же: л. 173—478-й. Предъ этими тетрадями на л. 172-мъ рукою Симеона означено: *„Scripsi 1671 Sept. 27“*.

3) Рукоп. Синод. библ. № 663-й автогр. Здѣсь на л. 2 мъ Симеономъ помѣчено: *„начата переводомъ 1671 г. januar 16“* и затѣмъ на л. 88: *„Finivi 1671 Aprilis 6“*.

1676 года онъ составилъ, въ подражаніе Гармоніи Герарда Меркатора, краткій сводъ Евангелистовъ подъ названіемъ: *„Житіе и ученіе Христа Господа и Бога нашего, отъ божественныхъ евангелій собранное и чиномъ расположенное; съ показаніемъ свидѣтельствъ святыхъ евангелистовъ о чесомъ вси 4, или 3, или 2 или точію единъ въ коей главѣ пишетъ“* [1]). Все это, очевидно, были сравнительно легкіе и неважные труды, свидѣтельствующіе только о непрерывныхъ и неустанныхъ занятіяхъ Симеона на излюбленномъ имъ литературномъ поприщѣ.

Понятно теперь то высокое значеніе, которое долженъ былъ пріобрѣсть Симеонъ въ высшихъ придворныхъ сферахъ этими непрерывными трудами своими въ самыхъ разнообразныхъ родахъ литературной дѣятельности, значительная часть которой была исключительно направлена, при томъ, къ удовлетворенію различныхъ потребностей и интересовъ двора. Довѣріе и удивленіе къ его учености, глубокое уваженіе къ его необыкновенному трудолюбію видимо возрастали здѣсь съ каждымъ годомъ и, конечно, отражались соотвѣтствующимъ образомъ на общественномъ вліятельномъ положеніи Симеона. Вотъ почему даже въ сейчасъ упомянутыхъ нами незначительныхъ его литературныхъ произведеніяхъ можно усматривать слѣды его высокаго авторитета въ тогдашнемъ обществѣ, стоящаго въ прямой зависимости отъ его почетнаго придворнаго положенія. Для совершеннаго убѣжденія въ этомъ стоитъ лишь обратить вниманіе на слѣдующія слова изъ стихотворнаго предисловія его къ названному нами переводу книги Григорія Двоеслова *„о пастырскомъ попеченіи“*,

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 289 л. 344 й. Здѣсь помѣчено: *„scripsi annō 1676 8-bris (Octobris) 20“*.

озаглавленнаго имъ: *„Преложитель къ читателю, епископства желателю“:*

....Желаяй Христову пастырь стаду быти,
Долженъ есть первѣе себѣ разсудити,
Имать ли толико ученія въ себѣ
Еже бы въ пастырстѣй служити потребѣ.
Великое бремя есть пастырства дѣло
Знаяй не дерзаетъ того взяти смѣло.
Аще же невѣжда того возжелаеть,
Не пользу во стадѣ, но вредъ содѣваетъ:
Яко неискусный врачь не здраво творитъ,
Но невѣжествомъ си болящія моритъ.
Многое искусство тому подобаетъ,
Иже правовѣрныхъ душъ пастырь бываетъ....
Здѣ ти читателю мощно сразумѣти
Что пастыремъ требѣ знати и умѣти:
Икако достоитъ жити преподобно
Въ образъ православнымъ и Богоугодно.
Изъ сея учися, что долженъ творити
Иже желаеши пастырь стаду быти.
Аще содержимыхъ здѣ не лѣть ти знати,
Не во спасеніе будеши желати [1]).....

Конечно, здѣсь заключается самая первоначальная и здравая мораль; но весьма характеристично, что она преподается со стороны простаго іеромонаха ни болѣе ни менѣе, какъ самимъ епископамъ!

Находясь въ столь близкихъ отношеніяхъ ко двору, Симеонъ естествено пришелъ въ непосредственное соприкосновеніе со многими лицами изъ высшаго свѣтскаго общества того времени и преимуществено съ тѣми, которыя особенно выдавались по своему вліятельному придворному положенію. Учительская дѣятельность Симеона въ государевой семьѣ и его частое появленіе здѣсь въ торжественныхъ случаяхъ и по исполненію разныхъ порученій сами собою

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 662. л. 1-й.

вызывали необходимость его непрерывныхъ сношеній съ ними; исключительность же его положенія, въ особенности въ первое время, прямо вынуждала его позаботиться о пріобрѣтеніи для себя могущественныхъ покровителей и благодѣтелей въ ихъ средѣ. И вотъ мы видимъ, что Симеонъ, съ самаго же начала своей жизни въ Москвѣ, вступаетъ въ ближайшія отношенія со многими выдающимися представителями тогдашняго московскаго общества и этимъ съ обычною ловкостію своею стремится поддержать и упрочить здѣсь свое положеніе.

Въ ряду свѣтскихъ покровителей Симеона первое мѣсто по времени и по своему важному значенію занималъ, безъ сомнѣнія, Окольничій Өедоръ Михайловичъ Ртищевъ, мужъ благочестивый, пользовавшійся особеннымъ довѣріемъ и благосклонностію государя. Съ чертами замѣчательной нравственной возвышенности личность его соединяла въ себѣ особенную ревность къ просвѣщенію и потому естественно, что съ этой стороны онъ явился важнѣйшимъ покровителемъ и благодѣтелемъ Симеона. Домъ Ртищева славился какъ одинъ изъ цертровъ умственной жизни въ Москвѣ, куда собирались лучшія ея интеллигентныя силы для религіозныхъ споровъ и ученой бесѣды. Тогдашнее время, богатое возбужденіемъ жгучихъ вопросовъ и интересовъ въ области религіозной жизни, доставляло обильный матеріалъ для подобныхъ споровъ и несомнѣнно, что ученый и талантливый Симеонъ, заявившій себя литературной полемикой съ расколомъ, занималъ въ нихъ не послѣднее мѣсто. Кромѣ нѣкоторыхъ косвенныхъ указаній, въ бумагахъ Симеона сохранилось письмо его къ Өедору Михайловичу Ртищеву, которымъ широко иллюстрируется особенная близость и общее покровительственное отношеніе къ нему этого вельможи. „Ясно-

вельможный государю мой Θедоръ Михайловичъ", пишетъ здѣсь Симеонъ, — „помняще *премногія твоего благородія яже къ моему убожеству добродѣтельства заступленія и пособства*, не могу до кончины жизни моея въ недостойныхъ моихъ молитвахъ тебе благодѣтеля моего премилостиваго забвенію предати.... Молилъ быхъ и нынѣ, *да изволиши ми въ нуждахъ моихъ пособствовати, обычнымъ ти милосердіемъ;* но за неже отложити вся міра сего попеченія, благословныхъ ради винъ благоволилъ еси, поне о томъ молю, *да речеши о мнѣ доброе и заступное слово Богдану Матвѣевичу* Окольничему и оружейничему пресвѣтлаго царскаго величества, *брату твоему,* [1]) *дабы онъ мнѣ такожде изволилъ милостивъ быти, якоже и твое благоутробіе*". Далѣе Симеонъ объясняетъ и причину, побуждающую его просить подобной рекомендаціи: „Тебѣ, государю моему, *вѣстно есть мое радѣніе и услуги къ царскому величесту, а Богданъ Матвѣичъ ниже мало о нихъ вѣстъ.* Тѣмъ же сторицею припадая къ пречестныма твоима ногама, молю благоутробія твоего, благоволи ему государю моему о мнѣ извѣстити и прошеніе свое сотворити, *чтобы изволилъ ми милостивъ быти....*" [2]) Отсюда видно, что Θедоръ Михайловичъ Ртищевъ, высоко цѣня заслуги Симеона, не только поддерживалъ его своимъ личнымъ благоволеніемъ и милостями, но и могъ доставить ему не менѣе могущественныхъ покровителей въ обширномъ кругу своихъ родныхъ и знакомыхъ.

Сейчасъ приведенное нами письмо Симеона отно-

---

[1]) Богданъ Матвѣевичъ Хитрово называется братомъ Ртищева и въ жизнеописаніи послѣдняго. См. Древн. Росс. Вивл. 18 т. 418 стр.

[2]) Рукоп. Синод. библ. № 130. л. 211-й.

сится приблизительно къ 1670 году; такъ какъ Өедоръ Михайловичъ Ртищевъ, умершій 21-го іюня 1673 года, могъ, именно, около этого времени „отложити вся міра сего попеченія, благословныхъ ради винъ“. Слѣдовательно, съ этихъ поръ приблизительно начинаются и близкія отношенія Симеона къ дому Богдана Матвѣевича Хитрово, другого знаменитаго вельможи, состоявшаго въ непосредственной близости къ государю. Помимо общей склонности своей къ просвѣщенію, Богданъ Матвѣевичъ Хитрово отличался особенною приверженностію къ началамъ и обычаямъ западной образованности: въ его семействѣ, кромѣ разныхъ иноземныхъ нововведеній, распространено было прекрасное знаніе языковъ латинскаго и польскаго. Понятно, что онъ долженъ былъ съ особенною благосклонностію относиться къ Симеону, какъ самому видному представителю и распространителю началъ западнаго образованія въ Москвѣ.

Существуетъ множество данныхъ, свидѣтельствующихъ объ особенной близости къ нему Симеона, и по всему видно, что наибольшее значеніе здѣсь имѣло стихотворное искусство послѣдняго, льстившее самолюбію и западническимъ вкусамъ могущественнаго царедворца. Въ день имянинъ его и на великіе праздники Симеонъ имѣлъ обыкновеніе являться къ нему съ поздравленіемъ и при этомъ произносилъ приличное случаю привѣтственное стихотвореніе, иногда написанное на двухъ (славянскомъ и польскомъ) и даже на трехъ (славянскомъ, польскомъ и латинскомъ) языкахъ. Льстивыя восхваленія добродѣтелей боярина и преувеличенное выраженіе ему различныхъ благожеланій обыкновенно смѣнялись здѣсь просьбами Симеона о покровительствѣ. О содержаніи этихъ просьбъ можно судить по слѣдующему стихотворенію его, написанному смѣшаннымъ языкомъ на имянины

Богдана Матвѣевича Хитрово и едва ли не самому характеристическому въ этомъ родѣ:

Радостію полный день днесь совершаемъ,
Іова свята свѣтло прославляемъ.
Ktorego dal Bog tobie za patrona,
Moy dobrodzieiu on tobie obrona....
Отъ всея души всѣхъ ти благъ желаю,
А себе къ стопамъ твоимъ повергаю:
Zebracy laski bym wniey byl chowany
I za viernego sluzke, poczytany
Азъ бо вседушно хощу ти служити,
И въ числѣ вѣрныхъ твоихъ вмѣненъ быти [1]).

Имѣя свободный доступъ въ домъ этого благодѣтеля своего, Симеонъ естественно сблизился чрезъ это съ кругомъ его многочисленной родни. Здѣсь онъ, такъ же, пускалъ въ ходъ свое „піитическое художество,“ стараясь снискать себѣ различныя милости. Въ его „*Риѳмологіонѣ*“ находится привѣтственное стихотвореніе къ племяннику Богдана Матвѣевича, Іоанну Севастьяновичу Хитрово, сказанное „отъ сына его Авраама Іоанновича, когда возвратился съ пути въ домъ свой“ [2]).

Съ произведеніями стихотворнаго искусства, придававшими особенный блескъ семейнымъ празднествамъ знаменитаго боярина, соединялись здѣсь нѣкоторыя мелкія литературныя работы, исполняемыя по его заказу Симеономъ. Въ черновыхъ бумагахъ послѣдняго сохранилось „предисловіе во книжицу болярина Богдана Матвѣевича Хитрово,“ приготовленную по случаю сдѣланнаго имъ вклада въ „Живоначаль-

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 287. л. 416-й. Срав. рукоп. Синод. библ. № 731. л. 193-й. Здѣсь оно писано польскими буквами.

[2]) Рукоп. Синод. библ. № 287. л. 419-й.

ныя Троицы Лютиковъ монастырь" [1]); а такъ же довольно обширная и ораторски составленная духовная его съ надписаніемъ: „Богдана, по іерейскому нареченію *Іова* Хитрово" [2]). Труды эти, при всей своей незначительности, обнаруживаютъ близость и довѣріе къ Симеону могущественнаго вельможи и, безъ сомнѣнія, не менѣе привѣтственныхъ стихотвореній располагали его къ различнымъ милостямъ и благодѣяніямъ ихъ составителю.

Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ и Богданъ Матвѣевичъ Хитрово были самыми важными и ближайшими благодѣтелями Симеона, покровительственная роль которыхъ въ отношеніи къ нему выступаетъ съ наибольшею ясностію. Но есть основаніе полагать, что Симеонъ имѣлъ и другихъ покровителей въ средѣ выдающихся лицъ тогдашняго свѣтскаго общества, хотя относящіяся сюда данныя и не отличаются надлежащею полнотою и опредѣленностію. Въ числѣ мелкихъ его стихотворныхъ произведеній встрѣчаются: „*утѣшеніе къ боярину князь Григорію Алексіевичу Долгорукому по смерти брата его болярина князь Дмитрія Алексѣевича*" [3]), „*цѣлованіе господина изъ пути пришедша отъ его домочадецъ*" [4]) *и* „*привѣтства въ день собора Св. Іоанна Предтечи къ боярину Іоанну Михайловичу Милославскому*" [5]).

---

1) Рукоп. Синод. библ. № 229. л. 235-й.

2) Тамъ же: л. 296-й.

3) Рукоп. Синод. библ. № 287. л. 316-й. Здѣсь находится *четыре* стихотворенія къ нему въ этомъ родѣ и въ каждомъ изъ нихъ князь называется *благодѣтелемъ*.

4) Тамъ же: л. 319-й. Всѣхъ „*цѣлованій*" этихъ *шесть*; въ третьемъ изъ нихъ господинъ называется Иваномъ Васильевичемъ, а въ четвертомъ онъ представляется возвратившимся изъ Архангельска.

5) Тамъ же: л. 355-й. Здѣсь помѣщено *три* стихотворенія Симеона къ нему.

Кромѣ того въ черновыхъ бумагахъ Симеона находится его поздравительная рѣчь къ боярину Артамону Сергѣевичу Матвѣеву, сказанная по случаю бракосочетанія государя съ воспитанницей его Наталіей Кирилловной Нарышкиной [1]), и ораторское привѣтствіе къ князю Юрію Михайловичу Одоевскому „о новорожденномъ внуцѣ“ [2]). Можно думать, что все это были болѣе или менѣе близкіе благожелатели и покровители Симеона, въ отношеніи къ которымъ онъ считалъ себя обязаннымъ составлять приличныя случаю льстивыя литературныя произведенія. По крайней мѣрѣ, очевидно, что съ своей стороны, Симеонъ стремился къ возможному сближенію съ ними и пользовался своимъ талантомъ оратора и стихотворца, какъ наилучшимъ къ тому средствомъ.

Но и другая отличительная черта личности Симеона, именно, его учительская профессія такъ же могла имѣть важное значеніе для расширенія и упроченія связей его въ кругу лицъ высшаго московскаго общества. При начавшемся возбужденіи въ средѣ этого общества интересовъ къ просвѣщенію, дѣятельности Симеона, какъ ученаго и опытнаго дидаскала, открывалось здѣсь обширное и плодотворное поприще. Съ другой стороны, самое образованіе Симеона, не смотря на свой общій религіозный характеръ, заключало въ себѣ много свѣтскихъ элементовъ и естественно располагало его искать примѣненія своего учительскаго искусства преимущественно въ этой средѣ. По этому весьма вѣроятно, что учительская дѣятельность Симеона, особенно въ первые годы жизни его въ Москвѣ, вовсе не ограничивалась предѣлами одной лишь Спасской школы, но прости-

---

1) Рукоп. Синод. библ. № 229, л. 192-й.
2) Тамъ же: л. 447-й.

ралась и на дома нѣкоторыхъ знатныхъ фамилій въ Москвѣ. Правда, въ бумагахъ Симеона не сохранилось никакихъ прямыхъ указаній на это, но здѣсь имѣются нѣкоторыя второстепенныя данныя, въ извѣстной степени подкрѣпляющія такое предположеніе. Такъ; изъ множества мелкихъ стихотвореній его, помѣщенныхъ въ „*Роѳмологіонъ*,“ иныя имѣютъ на себѣ слѣдующія надписи: *глаголаны Воротынскимъ*“ (къ царевичу) [1]), „*глаголаше сія Гавріилъ Стефановъ сынъ Докторовъ*“ (къ царевнамъ) [2]) „*къ Богдану Матвѣевичу отъ внука его*“ [3]), „*сынъ ко отцу*“ [4]) и тому подобныя. Можно думать, что это были ученики Симеона, въ отношеніи къ которымъ онъ примѣнялъ тотъ же самый пріемъ, какой употреблялъ въ размѣрахъ гораздо обширнѣйшихъ и при своемъ учительствѣ царевичамъ.

Но такъ или иначе — несомнѣнно, что Симеонъ находился въ непосредственной близости со многими вліятельнѣйшими лицами современнаго ему московскаго общества и этимъ естественно пользовался къ расширенію и упроченію здѣсь своего значенія. Уже въ предшествующемъ изложеніи мы не разъ наблюдали слѣды этого значенія его въ придворныхъ и въ высшихъ правящихъ сферахъ Москвы, но съ особенною ясностію оно выступаетъ изъ его отношеній въ это время къ южнорусскимъ ученымъ, знакомство съ которыми началось еще со времени воспитанія его въ Кіевской коллегіи. Это были, какъ мы уже знаемъ: Лазарь Барановичъ, Иннокентій Гизель и Іоанникій Голятовскій. Изъ сношеній ихъ съ Симе-

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 877. л. 70-й.
[2]) Рукоп. Синод. библ. № 287, л. 358-й.
[3]) Тамъ-же: л. 240-й.
[4]) Тамъ-же: л. 106-й.

ономъ не трудно усмотрѣть, что здѣсь имѣла значеніе столько же ихъ прежняя связь по мѣсту ученія, сколько и та польза, которую онъ доставлялъ имъ своимъ обширнымъ вліяніемъ въ Москвѣ. Въ этомъ смыслѣ безъ преувеличенія можно сказать, что ихъ бывшій воспитанникъ, простой іеромонахъ, въ иныхъ случаяхъ, ни болѣе ни менѣе какъ протежировалъ, своимъ прежнимъ наставникамъ, этимъ замѣчательнѣйшимъ людямъ своего времени.

Изъ названныхъ сейчасъ южнорусскихъ ученыхъ, отношенія Симеона къ архіепископу черниговскому Лазарю Барановичу отличались наибольшею близостію, поддерживаемыя ихъ частыми сношеніями, преимущественно, по разнымъ дѣламъ архіепископа. Несомнѣнно, что въ первое время жизни Симеона въ Москвѣ, Лазарь Барановичъ при случаѣ старался поддерживать его своимъ вліяніемъ. Съ этою цѣлію онъ, какъ мы уже видѣли, упоминаетъ о немъ въ письмѣ своемъ къ царскому любимцу Паисію Лигариду, дѣлая здѣсь самый благопріятный отзывъ относительно его учености. Въ 1666 году, когда вышелъ въ свѣтъ сборникъ проповѣдей Лазаря Барановича подъ именемъ: „*Мечь духовный*,“ Симеонъ, познакомившись съ книгой, впервые получилъ возможность обнаружить горячую признательность своему наставнику и другу. Онъ составилъ четыре стихотворныя эпиграммы „*на книгу, именуемую мечь духовный*,“ изъ которыхъ первая, самая обширная и витіеватая, повидимому, была отправлена имъ къ автору. Въ этой эпиграммѣ, похваляя книгу, Симеонъ изъявляетъ свои благожеланія Лазарю Барановичу слѣдующими восторженными стихами:

......Блаженъ дѣлатель его (мечъ) уковавый,
Мечь бо сей святый, мечь се не кровавый.
Язвитъ онъ сердце, слезы источаетъ,

Язвами язвы души исцѣляетъ.
Паки блаженна тебе именую,
О, трудолюбче, за любовь такую.
Лазарь имя ти, убо другъ Христови
Знаю по любви, по семъ Божьемъ словѣ:
Марія, Мароа—богомыслность, труди
Сестрѣ твоѣ, то явѣ вѣдятъ люди.
И тыя Христосъ зѣло въ тебѣ любитъ,
Егда уснеши ихъ ради тя взбудитъ:
Приложитъ овцамъ небеснаго стада,
Тамо за труды будетъ ти отрада.
Пастырю съ овцы зѣло есть прилично,
Барановичю съ агньцомъ есть обычно.
Нѣсть верста́ съ козлы тебѣ ся мѣшати,
Овцамъ ты пастырь со овцами верстати.
По агньцѣ въ небѣ въ слѣдъ выну ходити,
Побѣдную пѣснь ему приносити.
Но мзды вящшія ради потрудися,
Вящше во Церкви, въ болѣзни крѣпися.
Въ немощи твоей можетъ совершити
Силу свою Богъ, здрава сотворити.
Точію речетъ Богъ Слово си слово,
Абіе здравство будетъ ти готово.
Мы его молимъ: о, даждь Христе Боже,
Лазару амвонъ за смутное ложе:
Да велегласно намъ благовѣтствуетъ,
Кая ти полза егда болѣзнуетъ?
Ты животъ Христе и здравія датель,
Живъ, здравъ да будетъ, нашъ мечекователь [1]).

Вскорѣ послѣ этого Лазарь Барановичъ прибылъ въ Москву для участія въ соборѣ по дѣлу патріарха Никона и здѣсь, безъ сомнѣнія, находился въ частыхъ сношеніяхъ съ Симеономъ, имѣвшимъ, какъ мы видѣли, ближайшее отношеніе къ важнѣйшимъ соборнымъ дѣяніямъ. Патріархъ Никонъ, стараясь

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 287, л. 407. Въ 1666 году Лазарь Барановичъ былъ такъ сильно боленъ, что и не надѣялся на выздоровленіе, чѣмъ и объясняются эти настойчивыя пожеланія ему здравія со стороны Симеона.

избѣгнуть осужденія различными обвиненіями предъ царемъ судей своихъ, напалъ, между прочимъ, и на недавно вышедшую книгу Барановича, „*Мечь духовный*“. Имъ былъ составленъ и представленъ государю особый свитокъ обличеній на эту книгу, въ которомъ, указывая на общій ея латинствующій характеръ и многія частныя погрѣшности въ этомъ родѣ, онъ дѣлаетъ неодобрительныя замѣчанія даже относительно внѣшняго вида въ ея изданіи. Принужденный защищаться, Лазарь Барановичъ изготовилъ „*посланіе ко бывшему патріарху Никону, обхуждающему чрезъ писаніе сій книгу именуемую Мечь духовный*“. Въ этомъ посланіи, опровергающемъ возраженія Никона и имѣющемъ видъ докладной записки, онъ представляетъ дѣло на рѣшеніе собора: „аще что есть еретическо,“ говорится здѣсь въ заключеніи, — „да явится, и собору освященному да предложится. Тогда общимъ всѣхъ судомъ та книга или прославится или осудится“. Посланіе это находится въ бумагахъ Симеона и, судя по языку, можно думать, что оно, если и не написано вполнѣ однимъ Симеономъ, то, по крайней мѣрѣ, было обработано имъ относительно окончательной своей редакціи [1]). Кромѣ того, проживая въ Москвѣ, Лазарь Барановичъ въ дни великихъ праздниковъ обыкновенно являлся во дворецъ и по обычаю того времени произносилъ здѣсь привѣтственныя рѣчи предъ государемъ и царевичемъ. Языкъ этихъ рѣчей, безъ сомнѣнія, принадлежитъ самому архіепископу, но нахож-

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 130, л. 213-й. Это сочиненіе Лазаря Барановича дѣйствительно было разсматриваемо на соборѣ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ ученикъ Аввакума, Аврамій: „книга Мечь духовный“, говоритъ онъ, „иже вы нынѣ своимъ соборомъ свидѣтельствовали“. Матер. для исторіи раскола: т. 7, 408 стр.

деніе ихъ въ бумагахъ Симеона ясно свидѣтельствуетъ объ особенной близости, существовавшей въ это время между этими двумя свѣтилами тогдашней южно-русской учености [1]).

По окончаніи соборныхъ засѣданій, Лазарь Барановичъ возвратился къ своей каѳедрѣ; но отношенія его къ Симеону не прекратились, по причинѣ важнѣйшихъ дѣлъ, которыя вскорѣ ему представились въ Москвѣ. Дѣла эти были двоякаго рода: политическія, по внутреннимъ вопросамъ недавно присоединившейся Малороссіи, въ которыхъ Лазарь принималъ самое горячее и дѣятельное участіе, и частныя, по напечатанію въ московской типографіи другого сборника проповѣдей своихъ, извѣстнаго подъ названіемъ „*Трубы словесъ*“. Въ обоихъ случаяхъ Симеонъ явился усерднымъ пособникомъ своего знаменитаго наставника и, пользуясь въ это время уже значительнымъ вліяніемъ въ Москвѣ, дѣйствовалъ здѣсь въ пользу осуществленія его видовъ.

Во внутренней жизни Малороссіи происходили тогда кровавыя смуты главнымъ образомъ по вопросу о введеніи московскихъ воеводъ въ малороссійскихъ городахъ, противъ которыхъ вооружено было казачество и высшее духовенство края, но за которыхъ стояло городское населеніе и бѣлое духовенство, имѣя въ нихъ защиту отъ произвола козацкихъ старшинъ. Усматривая въ этомъ нарушеніе Москвою договора съ Богданомъ Хмѣльницкимъ, козаки, подъ предводительствомъ гетмана Брюховецкаго, подняли знамя бунта, избили воеводъ во всѣхъ своихъ городахъ и, соединившись съ гетманомъ правобережной Украйны Дорошенкомъ, не прочь были даже вовсе отложиться отъ Москвы. Лазарь Барановичъ, стоявшій за соединеніе Малороссіи

---

1) Рукоп. Синод. библ. № 877-й.

съ Москвою, послалъ государю покорную челобитную козаковъ и, ходатайствуя объ ихъ прощеніи, съ своей стороны, такъ же настаивалъ на выводѣ воеводъ изъ малороссійскихъ городовъ. Извѣщая объ этомъ Симеона, Лазарь въ своемъ письмѣ къ нему приглашаетъ его содѣйствовать такой политикѣ: „Посылаю,“ говоритъ онъ, „къ его величеству царю покорную ихъ челобитную, если должно полагаться на волка. О, времена! о, нравы! Посматриваемъ только на спокойное житье твоей пречестности близъ солнца, близъ его величества царя и на всегдашнюю свѣтлую тишину; а мы подъ безпрерывнымъ находимся дождемъ: у насъ по угламъ стоятъ палки, оттого и дождь не перестаетъ.... Честный отецъ Голятовскій прибылъ изъ Литвы въ Черниговъ, точно какъ отъ дождя подъ водосточный жолобъ; онъ, какъ очевидецъ, умѣетъ разсказать объ ужасахъ войны.... *Когда гдѣ случится пречестности твоей быть у благодѣтелей моихъ, то, по обычаю твоему, поддерживай нашу сторону.* Самое дѣло требуетъ, чтобы посланные мои безъ задержанія были отпущены его величествомъ царемъ“.... [1]) Однако жъ, эти посланные, въ дѣйствительности, были слишкомъ долго задержаны въ Москвѣ, и случившаяся проволочка сильно вредила дѣлу, возбуждая нерѣшительность и шаткость въ настроеніи козаковъ. Поэтому Лазарь Барановичъ снова обращается съ письмомъ къ Симеону, прося его доложить объ этомъ кому слѣдуетъ. „Долгая задержка моихъ посланныхъ Черкашанъ,“ пишетъ онъ, „возбуждаетъ ропотъ; выхватываются вотъ съ чѣмъ: что если имъ, на толканіе ихъ, не отворятъ у его царскаго величества, то они, чего Боже сохрани, будутъ толкать въ двери скиѳскія.... Потерявши, По-

[1]) Письма Лазаря Барановича. Черн. 1865 г. 51 стр.

лякъ умудряется и разными способами приманываетъ ихъ къ себѣ; но когда они сами добровольно стремятся къ его царскому величеству, то ихъ не должно отталкивать, потому что для самаго же покумившагося и побратавшагося съ волкомъ сосѣда они стали-бъ опасными. *Поговорите объ этомъ, ваша пречестность, на единѣ съ его милостію, г. Ѳеодоромъ Иртыщемъ* (Ртищевымъ), *какъ съ мужемъ разсудительнымъ.* Воеводъ отнюдь не хотятъ: для козака воевода—великая невзгода".... [1]) Этими же интригами поляковъ Лазарь грозитъ и въ другомъ своемъ письмѣ къ Симеону, очевидно, желая такимъ путемъ добиться отъ Москвы желаемой уступки: „Козаки обратились на татарскія орды, которыхъ у насъ множество.... Ради Господа Іисуса, прошу Васъ, посовѣтуйте гдѣ и кому сами знаете, пусть не раздражаютъ этихъ бѣшеныхъ собакъ, дабы послѣдняя лесть не была горше первой. Изъ Польши безпрестанныя къ нимъ подсылки" [2]).

Между тѣмъ, для усмиренія бунта, въ Малороссію вступили московскія войска подъ предводительствомъ князя Григорія Григорьевича Ромодановскаго. По условіямъ войны того времени они производили страшные поборы съ мѣстныхъ жителей, при чемъ не дѣлали снисхожденія и относительно монастырскихъ имѣній, подаренныхъ самимъ государемъ. Извѣщая объ этомъ Симеона, Лазарь въ письмѣ своемъ жалуется на свое угнетенное состояніе, прося его содѣйствовать къ облегченію переносимаго имъ бремени. „Богоносный Симеонъ," пишетъ онъ, „носи Бога въ сердцѣ, какъ ты на рукахъ его носишъ; носящій же Бога, носитъ бремена

---

1) Письма Лазаря Барановича. Черн. 1865 г. 53 стр.
2) Тамъ же: 64 стр.

одинъ другого; такимъ образомъ и ты исполнишь законъ Христовъ. Здѣсь я упоминаю о томъ бремени, которое мы несемъ; только не объ игѣ Христовомъ, о которомъ сказано: иго мое благо и бремя мое легко есть. Нѣтъ; мы несемъ настоящее бремя,—бремя, котораго нельзя снести, особенно воинамъ легкаго оружія: бояринъ захотѣлъ, чтобы мы изъ наданныхъ отъ его царскаго пресвѣтлаго величества имѣній платили дань на воиновъ"....[1]). Въ причиняемыхъ утѣсненіяхъ особенною суровостію отличался помощникъ Ромодановскаго, князь Константинъ Осиповичъ Щербатовъ, дѣлавшій оскорбительныя выходки даже относительно самого архіепископа. Лазарь Барановичъ снова письменно обращается къ Симеону, надѣясь чрезъ него найти удовлетвореніе въ своей обидѣ. „Козацкая война," жалуется онъ, „показала свойственное ей непостоянство.... У насъ страшный хаосъ: земля необработана и пуста. Князь Константинъ Осиповичъ Щербатовъ такъ насъ ущербилъ, что трехъ въ монастырѣ и между домашними не досчитаемся; похваляется еще на меня: пускай, говоритъ, сосетъ лапы! Слышать это мнѣ.... нестерпимо. Если гдѣ пречестности твоей придется кстати при дворѣ, не оставь, ради дружбы, разсказать о нашей обидѣ"....[2]).—Правда, нѣтъ никакихъ данныхъ для сужденія о томъ, какъ, именно, дѣйствовалъ Симеонъ въ пользу глубоко уважаемаго имъ знаменитаго іерарха; но одно уже это частое повтореніе его обращеній къ нему свидѣтельствуетъ о томъ, что тотъ не оставался глухимъ къ его просьбамъ и былъ въ дѣйствительности ему полезенъ. Несомнѣнно, однако жъ, что старанія

---

[1]) Письма Лазаря Барановича: Черн. 1865 г. 39 стр.

[2]) Тамъ-же: 50 стр.

Симеона не всегда оканчивались успѣхомъ: главная просьба Лазаря Барановича о выводѣ воеводъ изъ малороссійскихъ городовъ, какъ извѣстно, не была уважена. Впрочемъ, это была-бы такая важная политическая уступка со стороны Москвы, что въ этомъ случаѣ, Симеонъ, безъ сомнѣнія, и не могъ ничего сдѣлать.

Другое, частное дѣло Лазаря Барановича—о напечатаніи въ московской типографіи сочиненія его: „*Трубы словесъ*" — такъ же, было ведено при дѣятельномъ посредническомъ участіи Симеона. Приготовивъ къ изданію этотъ сборникъ проповѣдей своихъ и найдя кіево-печерскую типографію слишкомъ занятою, Лазарь Барановичъ обратился къ государю съ просьбою объ изданіи его въ Москвѣ, указывая, при этомъ, на Симеона какъ на компетентнаго ученаго, способнаго руководить всѣмъ дѣломъ. „А свидѣтельства ради православнаго во всей книзѣ содержимаго разума," пишетъ онъ здѣсь, „молю, да повелитъ твое пресвѣтлое царское величество тѣмъ ю прочитати и разсудити, ихъ же имать искуснѣйшихъ писанія божественнаго во своей царской державѣ; между ними же непщую довольна быти ученика моего іеромонаха Симеона Полоцкаго, зане причастися, Божію благодатію, церкви потребнымъ ученіемъ, и желаю, да онъ досмотритъ всего дѣла даже до совершеннаго напечатанія"....[1]). Заручившись согласіемъ государя, Лазарь испрашиваетъ благословенія на то со стороны патріарха Іоасафа и здѣсь снова рекомендуетъ Симеона для занятій предполагаемымъ изданіемъ. „Государь," — пишетъ онъ въ своемъ письмѣ къ нему,—по челобытью моему далъ указъ, да Трубы мои въ его царской типографіи будутъ

---

[1]) Рукоп. Синод. библ, № 130, л. 157-й.

напечатаны.... Смиренно молю благословенія святыни твоей, да сіе Божіе дѣло въ совершеніе пріидетъ.... Честный іеромонахъ Симеонъ Ситіяновичъ, яко искусный въ Богословіи, на сіе дѣло уготованный, да досмотритъ. О благословеніи и поспѣшеніи ему смиренно святыню твою молю"....[1]). Въ отвѣтъ на это отъ патріарха послѣдовала благосклонная разрѣшительная грамата, сохранившаяся въ бумагахъ Симеона: „о вашемъ прошеніи," говорится здѣсь, „еже сотвористе о печатаніи Трубъ есть и благочестивѣйшаго самодержца повелѣніе и наше благословеніе. Точію типографія не усобрашася со всѣми нуждными. Мало потерпи на ны и воздастъ ти ся просимое".... [2]).

Устроивъ, такимъ образомъ, дѣло въ его главныхъ основаніяхъ, Лазарь Барановичъ обращается теперь къ Симеону и въ письмѣ своемъ къ нему отъ 1669 года убѣдительно проситъ его принять на себя труды по этому изданію. „Посылаю въ типографію его царскаго величества," пишетъ онъ здѣсь, „Трубы на праздники нарочитые съ гербомъ его царскаго величества.... Сколь благосклонно принялъ ты *Мечъ*, яко воинъ его царскаго величества, столь снисходительно да приклонится ухо къ трубамъ.... Онѣ вострубили бы намъ, что стараніе и труды твоей пречестности содѣйствовали успѣху дѣла. Постарайся же, другъ мой, яко въ дѣлѣ Божіемъ; да не унываемъ, дѣлая добро...." При этомъ, во вниманіе къ предстоящему труду Симеона, Лазарь считаетъ нужнымъ сдѣлать ему подарокъ: „посылаю Вамъ," говоритъ онъ далѣе, „майской, а слѣдовательно здоровой, полынной водки, приготовленія стараго нашего брат-

---

[1]) Письма Лазаря Барановича. Черн. 1865 г. 63 стр.
[2]) Рукоп. Синод. библ. № 130, л. 62-й.

скаго аптекаря, благочестиваго іерея; думаю, что поправится. Извольте ваша пречестность на здоровье кушать, а Трубъ моихъ охотно слушать" [1]). Симеонъ, конечно, согласился на просьбу своего любимаго архипастыря и въ отвѣтномъ письмѣ къ нему благодаритъ его за „присланіе гостинца сиверскаго" [2]). Однако жъ, и это дѣло, безъ сомнѣнія, по независящимъ отъ Симеона обстоятельствамъ, не состоялось: сначала „мотчаніе въ печати Трубъ учинилось за умаленіемъ бумаги, за неприсылкою отъ архангельскаго города" [3]); затѣмъ онѣ, по неизвѣстной причинѣ, были Лазаремъ взяты обратно и изданы имъ въ кіевской типографіи уже въ 1674 году.

Такимъ образомъ, Симеонъ явился въ Москвѣ устроителемъ важнѣйшихъ дѣлъ своего бывшаго наставника и друга,—знаменитаго архипастыря, котораго онъ въ письмахъ своихъ называетъ не иначе, какъ „отцомъ и благодѣтелемъ своимъ прелюбимымъ." Что касается отношеній его въ это время къ Иннокентію Гизелю и Іоанникію Голятовскому,—другимъ южнорусскимъ ученымъ, такъ же связаннымъ съ нимъ по мѣсту образованія его въ Кіевской коллегіи,—то они уже не отличались столь очевидною близостію и полнотою. Дѣло въ томъ, что ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ такихъ важныхъ и частыхъ сношеній съ Москвою, въ какихъ находился Лазарь Барановичъ, пользовавшійся, кромѣ того, выдающимся значеніемъ, какъ всѣми уважаемый ученый іерархъ и блюститель кіевской митрополіи. Несомнѣнно, однако же, что и съ этими учеными отношенія Симеона никогда не прекращались и имѣли настолько дружественный ха-

---

[1]) Письма Лазаря Барановича. Черн. 1865 г. 87 стр.
[2]) Рукоп. Синод. библ. № 130, л. 86-й.
[3]) Письма Лазаря Барановича. Черн. 1865 г. Пис. 86.

рактеръ, что возбуждали въ немъ всегдашнюю готовность на услуги. Такъ должно полагать, прежде всего, объ отношеніяхъ его къ Иннокентію Гизелю, насколько можно судить о нихъ по дѣлу объ изданной имъ книгѣ: „Миръ съ Богомъ".

По напечатаніи этой книги въ кіево-печерской типографіи въ 1669 году, Иннокентій Гизель представилъ нѣсколько экземпляровъ ея патріарху Іоасафу и въ своемъ письмѣ къ нему просилъ подвергнуть ее разсмотрѣнію и одобренію [1]). Престарѣлый патріархъ поручилъ сдѣлать это Симеону, который, какъ мы видѣли, и одобрилъ книгу, не смотря на то, что въ ней заключались нѣкоторыя мнѣнія, считавшіяся въ Москвѣ неправославными. О характерѣ этого одобренія можно съ совершенною основательностію судить по содержанію отвѣтной патріаршей грамоты, сохранившейся въ бумагахъ Симеона и, безъ сомнѣнія, имъ же самимъ составленной для патріарха. „Лобзаемъ," говорится здѣсь, „Миръ сей и многопотныя труды Ваши блажимъ и похваляемъ, благодарствіе честности вашей приносяще, яко во время браней и мятежа миръ съ Богомъ человѣку устроити попеченіе имѣете.... Наша же мѣрность, вкусивши сладости Мира Вами составленнаго и познавши вино чистое и бездрожное быти, не укоснула есть благочестивѣйшему самодержцу достойнѣ похвалити. И всему міру во здравіе душевное и веселіе духовное черпати не отрече благословенія, во всю землю да изыдетъ вѣщаніе твое и въ концы вселенныя глаголы твои".... [2]). Такъ похваляетъ Симеонъ отъ лица патріарха сочиненія своего стариннаго знако-

---

1) Письмо это находится въ свиткахъ Москов. Синод. библіотеки.

2) Рукоп. Синод. библ. № 130, л. 60-й.

маго, котораго онъ въ надписаніи этой грамоты величаетъ: „преподобнымъ отцемъ, честнѣйшимъ мужемъ, благоговѣйнѣйшимъ любителемъ Бога, истиннымъ святыхъ Отецъ подражателемъ, премудрѣйшимъ и словеснѣйшимъ учителемъ“.

Подобною же скудостію отличаются и свѣдѣнія объ отношеніяхъ Симеона къ Іоанникію Голятовскому, хотя существованіе этихъ отношеній и ихъ общій дружественный характеръ не подлежатъ ни малѣйшему сомнѣнію. О нихъ можно заключать уже изъ приведенной нами просьбы къ Симеону архіепископа Лаврентія относительно передачи чрезъ него какого-то „писаніица“ Іоанникію Голятовскому и изъ упоминанія о послѣднемъ въ письмѣ Лазаря Барановича какъ объ уважаемомъ и хорошо извѣстномъ Симеону человѣкѣ. При этомъ извѣстно, что въ 1671 году Іоаннікій Голятовскій посѣтилъ Москву и здѣсь, безъ сомнѣнія, возобновилъ старыя отношенія свои къ Симеону, установившіяся еще въ Кіевской коллегіи. Послѣднему онъ, можетъ быть, обязанъ тѣмъ, что въ 20-ю недѣлю по Пятидесятницѣ говорилъ при дворѣ проповѣдь и затѣмъ поднесъ ее государю съ привѣтственною рѣчью [1]). Въ бумагахъ Симеона можно находить косвенныя указанія на существованіе между ними дружественныхъ сношеній и въ послѣдующее время. Между прочимъ, въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ произведеніяхъ его находятся слѣды пользованія сочиненіями Іоаннікія Голятовскаго, очевидно, присылаемыми ему этимъ послѣднимъ, по мѣрѣ ихъ выхода [2]).

---

[1]) Митр. Евгеній: Словарь историч. I т. 232 стр.

[2]) Рукоп. Синод. библ. № 289. Въ находящихся здѣсь полемическихъ „бесѣдахъ“ Симеона встрѣчаются ссылки на сочиненіе Голятовскаго „Мессія Правдивый“.

Эти близкія отношенія Симеона къ южнорусскимъ ученымъ могутъ служить, какъ мы сказали, прямымъ доказательствомъ значительнаго вліянія, пріобрѣтеннаго имъ въ Москвѣ; и дѣйствительно, изъ представленія ихъ очевидно, что со стороны послѣднихъ они основывались главнымъ образомъ на сознаніи той пользы, какую онъ чрезъ это вліяніе могъ доставить имъ въ томъ или другомъ отношеніи [1]). Но пользуясь въ Москвѣ силою и значеніемъ, достаточными для содѣйствованія въ предпріятіяхъ давишнихъ друзей своихъ, Симеонъ, несомнѣнно, имѣлъ здѣсь и многихъ недруговъ, съ завистію и недоброжелательствомъ относившихся къ его успѣхамъ и дѣятельно стремившихся подорвать ихъ въ самомъ основаніи. Правда, при извѣстной ловкости его и несомнѣнныхъ заслугахъ, всѣ усилія ихъ въ этомъ отношеніи оказались тщетными; но всетаки, очевидно, что „житье его близь солнца, близь его величества царя“ вовсе не было такимъ свѣтлымъ и тихимъ, какимъ оно представляется доселѣ и какимъ оно казалось даже его ближайшему другу, Лазарю Барановичу. Враги Симеона были многочисленны, и ихъ нетерпимость къ нему была тѣмъ ожесточеннѣе и непримиримѣе,

---

[1]) Доказательствомъ того же могутъ служить и нѣсколько ходатайственныхъ писемъ, сохранившихся въ бумагахъ Симеона, именно: три письма его къ неизвѣстнымъ высокопоставленнымъ лицамъ за какого-то Василія Григорьева сына, повидимому, его земляка, такъ какъ онъ называетъ его здѣсь „бѣднымъ иноземцемъ“ (Рукоп. Синод. библ. № 130, л. 172—173); письмо его также къ неизвѣстному лицу о „помощи въ нуждѣ Косьмѣ Наумову сыну бурмистру Порецкому“ (Порецкое—село Влад. губ. близъ села Боголюбова); письмо къ Аѳанасію Лаврентьевичу Нащокину о пособіи какому-то іеродіакону Аристарху. (Тамъ-же: л. 174). Но эти данныя опущены нами въ виду ихъ незначительности и совершенной неопредѣленности.

что основывалась не на какихъ-либо личныхъ отношеніяхъ и счетахъ, а на радикальной разности образовательныхъ началъ, раздѣлявшихъ здѣсь враждующія стороны.

Не разъ уже было сказано, что Симеонъ явился въ Москвѣ рѣшительнымъ и выдающимся представителемъ латинскаго образованія; но слѣдуетъ вспомнить, что здѣсь былъ многочисленный контингентъ приверженцевъ древнихъ, традиціонныхъ началъ образованія и жизни, съ недовѣріемъ и ненавистію относившихся ко всякой, вообще, новизнѣ,—и что, кромѣ того, здѣсь же находились ученые люди, которые хотя и отрицательно относились къ этимъ невѣжественнымъ фанатикамъ старины, но при этомъ стремились противодѣйствовать имъ распространеніемъ просвѣщенія, основаннаго исключительно на началахъ греческой образованности. Это были, какъ мы уже знаемъ, съ одной стороны, многочисленные ряспространители и послѣдователи раскола, а съ другой—извѣстные ученые того времени, группировавшіеся въ Чудовской школѣ, съ Епифаніемъ Славинецкимъ во главѣ. Совершенная противоположность въ образовательныхъ началахъ естественно порождала здѣсь постоянный антагонизмъ между различными ихъ представителями, переходившій, подъ вліяніемъ религіознаго возбужденія, въ открытое ожесточеніе и ненависть и сильно смущавшій Симеона, при его уравновѣшенномъ и примирительномъ характерѣ.

По всему видно, что Симеону приходилось много терпѣть отъ ожесточенныхъ нападеній и разныхъ „ковотвореній“ своихъ многочисленныхъ враговъ, и потому онъ часто и довольно подробно останавливается на этомъ въ различныхъ своихъ произведеніяхъ. Уже въ предисловіи Симеона къ сборнику

проповѣдей, поднесенныхъ государю, мы встрѣчали его горькія жалобы на „завистниковъ гажденія, на суемудрствующихъ хухнаніе и на любосудій писанія неправедныхъ неправдосудство“, какъ на важныя препятствія, тормозившія его проповѣдническую дѣятельность; въ самыхъ же проповѣдяхъ своихъ онъ касается этого предмета съ очевидною настойчивостію и полнотою. Въ его „*Обѣдѣ*“ и „*Вечери душевной*“ находится множество упоминаній и довольно широкихъ изображеній зависти и клеветы, какъ самыхъ низкихъ и мрачныхъ свойствъ человѣческой души; встрѣчаются прямыя и рѣзкія осужденія клеветниковъ и завистниковъ, которые, по его словамъ, какъ „псы нападаютъ на добрыя и невинныя люди“ [1]. Страстный тонъ его обличеній и сѣтованій въ этихъ случаяхъ не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что всѣ они непосредственно вытекали изъ его личныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и отношеній. Тоже самое и при томъ еще съ большею опредѣленностію можно наблюдать и въ стихотворныхъ произведеніяхъ Симеона. Въ его „*Вертоградѣ многоцвѣтномъ*“ заключается 26 отдѣльныхъ статей о зависти и приблизительно такое же число краткихъ, характеристическихъ замѣчаній о клеветѣ и клеветникахъ. Всѣ они имѣютъ характеръ или остроумныхъ назидательныхъ сентенцій, или же мелкихъ, но колкихъ эпиграммъ, часто съ прямымъ указаніемъ на его личныя отношенія, въ родѣ слѣдующаго:

..... Нынѣ міролюбцы егда созерцаютъ
Яко благочестніи правду соблюдаютъ,
Яко сова на солнце зрятъ на ня косвенно,
Клевещутъ, злѣ толкуютъ дѣло божественно.... [2]).

---

[1]) „Обѣдъ душев.“ 353 л.
[2]) Рукоп. Синод. библ. № 288, л. 186.

Въ „*Риѳмологіонѣ*“, даже въ такомъ панигирическомъ и исключительно торжественномъ произведеніи своемъ, какимъ является „*Орелъ Россійскій*“, Симеонъ не упустилъ случая высказать нѣсколько желчныхъ и ѣдкихъ замѣчаній, направленныхъ, очевидно, по адрессу своихъ враговъ. Представляя здѣсь „*Россійское Солнце*“ проходящимъ всѣ знаки зодіака и подошедши къ „Скорпіону“, онъ дѣлаетъ, между прочимъ, слѣдующую характеристику скорпіоновъ, встрѣчаемыхъ имъ между людьми:

..... Скорпій есть злолютый всякъ, иже ласкатель,
Утаяй правду, на гнѣвъ подвизатель.
Сего рѣчи яко елей умякченны,
Тѣже въ прямъ, суть стрѣлы ядомъ намащенны.
Гробъ отверстъ гортань ихъ, языки прельщаютъ,
Яму неповиннымъ, иже ископаютъ.
Аки лютый змій, языкъ изощряютъ,
Ядомъ устнѣ своѣ смертнымъ исполняютъ... [1]).

Въ частности, особеннымъ ожесточеніемъ въ отношеніи къ Симеону отличались многочисленные послѣдователи раскола,—и можно думать, что именно къ нимъ относится большая часть вышеприведенныхъ жалобъ его на людскую злобу и клевету. Мы уже указали прежде на важное участіе Симеона въ литературной и устной полемикѣ съ расколомъ; теперь естественно обсудить тѣ слѣдствія, какія непосредственно вытекали отсюда для его личныхъ отношеній.—Несомнѣнно, что при устныхъ состязаніяхъ своихъ Симеонъ вообще старался соблюдать свойственную ему осторожность и сдержанность. Въ этомъ отношеніи особенно характеристично то общее наставленіе его относительно поведенія въ спорахъ, которое онъ дѣлаетъ въ своемъ „*Вертоградѣ многоцвѣтномъ*“:

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 287, л. 457-й.

Елма словопрѣніе начинаетъ быти,
Ты же хощеши правый побѣдитель быти,
Побѣди прежде тебе, потщися молчати,
Тако скоро можеши побѣду пріяти:
Вси бо тя мудра, кротка станутъ нарицати,
Спорницы прощенія смиренно желати [1]).

Но такое мудрое правило оказалось, повидимому, вовсе непримѣнимымъ даже со стороны самого Симеона въ случаяхъ его состязаній съ раскольниками,—и мы уже знаемъ, что, напримѣръ, послѣ продолжительнаго спора его съ протопопомъ Аввакумомъ, оба разгоряченные противника „разошлися яко пьяни". Здѣсь встрѣтились два совершенно противоположныя міровоззрѣнія, и не было между ними такой точки соприкосновенія, на которой бы могло установиться болѣе спокойное и здравое обсужденіе предмета. Стоитъ привести лишь нѣкоторыя мѣста изъ упомянутаго нами сборника Аввакума разныхъ отеческихъ изреченій противъ внѣшней мудрости, чтобы видѣть, какая глубокая бездна раздѣляла здѣсь обѣ враждующія стороны. „Христосъ" замѣчаетъ въ немъ отъ себя Аввакумъ, „не училъ насъ діалектики а ни краснорѣчия, потому что риторъ ни философъ не можетъ быти христіанинъ..... Златоустъ называетъ философовъ трапенежными псами, а нынѣшнихъ мы *философовъ* какъ наречемъ ихъ, развѣ песьими сынами" [2]). Приведши мнѣніе Ефрема Сирина о томъ, что „и кромѣ философіи и кромѣ риторики и кромѣ грамматики мощно есть вѣрну сущу препрѣти всѣхъ противящихся истинѣ", онъ прибавляетъ: „и по сему слову вѣры потреба ко спасенію и ко прѣнію противящихся, а не риторики и грамматики,

---

[1]) Рукоп. синод. библ. № 288, л. 393-й.
[2]) Матер. для исторіи раскола: I т. 487 стр.

и прочихъ добродѣтелей христіянскихъ отъ чиста сердца, а не философскаго кичения" [1]).

Съ своей стороны Симеонъ высказывался объ этихъ гонителяхъ науки слѣдующимъ образомъ:

Буйствомъ обдержимін, премудрость хухнаютъ,
Слѣпи суще, свѣтлости оныя не знаютъ [2]).

Относительно же самыхъ расколоучителей онъ въ другомъ мѣстѣ выражается:

Невѣжда пути, вождь да не бываетъ,
Книгъ неискусный, да не поучаетъ [3]).

Легко понять теперь, съ какою непреодолимою антипатіей относились раскольники къ Симеону, ревностному поборнику просвѣщенія, основаннаго, при томъ, исключительно на началахъ западныхъ, латинскихъ.—Антипатія эта естественно перешла въ открытую и ожесточенную ненависть, когда Симеонъ, помимо устныхъ состязаній съ ними, выступилъ съ такимъ капитальнымъ и рѣзкимъ сочиненіемъ противъ раскола, какимъ было его „*Жезлъ Правленія*", одобренный и изданный отъ лица всего освященнаго собора. Въ бумагахъ Симеона сохранилась грамота патріарха Іоасафа, весьма замѣчательная въ томъ отношеніи, что въ ней подробно изображается послѣдовавшее непосредственно за этимъ ужасное смятеніе въ средѣ раскольниковъ, и написанная для него, очевидно, самимъ Симеономъ. О характерѣ ихъ отношеній къ Симеону при такомъ смятеніи можно заключать уже изъ того, что они представляются здѣсь „лающими, яко псн на Жезлъ....." [4]).

---

[1]) Матер. для исторіи раскола: I т. 488 стр.
[2]) Рукоп. Синод. библ. № 288, л. 305-й.
[3]) Тамъ-же: л. 322 й.
[4]) Рукоп. Синод. библ. № 130, л. 206-й,

Вотъ почему и Симеонъ съ своей стороны часто выражаетъ о нихъ столь рѣзкія сужденія, что ихъ едва ли можно объяснять одной его религіозной исключительностію и принципіальной разностію воззрѣній. „Миротворитель", говоритъ онъ, напримѣръ, въ „*Вертоградѣ многоцвѣтномъ*", — „сынъ Бога живаго есть, а раскольникъ чадо врага злаго" [1]; точно такъ-же и въ проповѣдяхъ своихъ, касаясь часто раскольниковъ, онъ представляетъ ихъ не иначе, какъ прямыми исчадіями ада.

Что касается отношеній Симеона къ представителямъ греческаго образованія въ Москвѣ, то при несомнѣнной враждебности, они отличались, всетаки, сравнительно меньшимъ ожесточеніемъ и ненавистію. Здѣсь шелъ вопросъ лишь о томъ или иномъ направленіи въ образованіи, но не было той принціпіальной разности въ воззрѣніяхъ на самое достоинство и необходимость науки, какою проникнуты были въ высшей степени многочисленные представители раскола. Въ особенности умѣреннымъ и сдержаннымъ характеромъ отличались отношенія Симеона къ Епифанію Славинецкому, частію по личной склонности ихъ къ мирной труженической жизни, частію же вслѣдствіе взаимнаго высокаго уваженія къ учености и заслугамъ противника, которое несомнѣнно существовало между ними.

Епифаній Славинецкій, такъ-же какъ и Симеонъ Полоцкій, былъ воспитанникъ Кіевской братской школы, но учился здѣсь еще до преобразованія ея Петромъ Могилою, когда въ ней греческій языкъ былъ преподаваемъ наравнѣ съ латинскимъ. Глубокое изученіе этого языка, основанное на практическомъ знакомствѣ съ греческимъ текстомъ Св. Пи-

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 288, л. 283 й.

санія и сочиненіями греческихъ отцевъ и учителей церкви, легло въ основу образованія Епифанія и сдѣлало его въ Москвѣ ревностнымъ поклонникомъ и защитникомъ такъ называемаго *„греческаго ученія“*. Весьма характеристична въ этомъ отношеніи одна изъ проповѣдей Епифанія Славинецкаго, въ которой онъ распространяется о пользѣ этого ученія вопреки мнѣнію московскихъ книжниковъ, будто греческое православіе повредилось вслѣдствіе завоеванія Турками Константинополя, особенно съ тѣхъ поръ, какъ греческія книги стали печататься на латинскомъ западѣ [1]). „О, како веліе есть благо“, говоритъ онъ здѣсь, „ясная луча греческаго ученія, еюже мрачная невѣденія тьма разрушается, востокъ и западъ озаряется, сѣверъ и югъ просвѣщается и вся вселенная облистана бываетъ. А ненавистный человѣкъ Марко Катонъ, тьмою ненависти ослѣпленъ, тако ясную возненавидѣ ученія греческаго лучу, яко запрети сыну своему, да ею разума своего не озаряетъ... Не бѣ ли слѣпъ сей ненавистникъ? Истинно слѣпъ бѣ, яко не видѣ благополезнаго блага. Но нынѣшнихъ временей вездѣ обрѣтаются мнози ненавистніи человѣци, мрачною ненависти тьмою ослѣплени, иже возлюбивши мракъ невѣденія, ясныя ученія лучи не любятъ, тою озаряющія ненавидятъ, тою озаряющимся завидятъ и тую темнимъ облакомъ ревенія, лести, коварства, оглаголанія, лицемѣрія разрушити и прогнати усильствуютъ“...[2]).

Когда явился въ Москвѣ Симеонъ Полоцкій, Епи-

---

[1]) Мнѣніе это было распространеннымъ въ средѣ раскольниковъ и выражается въ сочиненіяхъ почти всѣхъ современныхъ расколоучителей.

[2]) Опис. рукоп. Синод. библ. II. 3. 202—203 стр.

фаній пользовался здѣсь огромною извѣстностію, какъ ученѣйшій богословъ и философъ. Въ Чудовомъ монастырѣ онъ успѣлъ составить тѣсный кружокъ усердныхъ и преданныхъ ему учениковъ, занимавшихся подъ его руководствомъ преимущественно исправленіемъ богослужебныхъ книгъ и сличеніемъ разныхъ отеческихъ твореній съ древними греческими подлинниками. Въ ученой дѣятельности этого кружка, послѣ самого Епифанія, особенною ревностію и талантами отличался ученикъ его, „честный инокъ Евѳимій", всецѣло проникнутый воззрѣніями своего учителя на достоинство „греческаго ученія" и такъ же явившійся его горячимъ защитникомъ.

Учрежденіе Симеономъ Спасской школы послужило первою причиною явнаго недовѣрія и вражды къ нему въ ученомъ кружкѣ Славинецкаго, тѣмъ болѣе, что школа эта, какъ мы уже видѣли, отличалась совершенно противоположнымъ ему, рѣзкимъ латинствующимъ направленіемъ. Съ этого времени здѣсь началось постоянное наблюденіе образа жизни и успѣховъ Симеона и, въ особенности, ревнивое отношеніе къ постепенно возраставшей его литературной славѣ. Сочиненія, какія время отъ времени выпускалъ въ свѣтъ Симеонъ, становились немедленно предметомъ строгой критики со стороны чудовскихъ ученыхъ, старательно открывавшихъ въ нихъ различныя мнѣнія, непозволительныя съ точки зрѣнія древняго греческаго православія.

Между прочимъ, ревнуя о церковномъ проповѣданіи слова Божія, Симеонъ Полоцкій, въ 1671 году, въ одной изъ проповѣдей своихъ: „о благоговѣйномъ стояніи въ храмѣ Божіемъ", — коснулся вопроса о времени пресуществленія Св. Даровъ въ истинное тѣло и кровь Господню, примѣняя

здѣсь католическое пониманіе этого догмата къ наставленію о поклоненіи Св. Дарамъ на литургіи. Католическое ученіе о пресуществленіи ихъ произнесеніемъ словъ Христа; ,,пріимите, ядите''...., а не особою молитвою священника, было весьма распространеннымъ между малороссійскими учеными тогдашняго времени, и Симеонъ, во всемъ раздѣлявшій ихъ воззрѣнія, явился естественнымъ представителемъ его въ Москвѣ. Одно мѣсто изъ этой проповѣди его, гдѣ онъ приглашаетъ къ себѣ желающихъ ,,на угоднѣйшее мѣсто и свободное время'' для болѣе подробнаго наставленія, ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ велъ здѣсь даже устную пропаганду въ видахъ распространенія этого ученія [1]).

Подобное явленіе, конечно, не могло остаться не замѣченнымъ такими строгими ревнителями греческаго православія, каковы были ученые иноки Чудовской школы, и скоро вызвало съ ихъ стороны попытки къ рѣзкому опроверженію. Въ 1673 году, въ крестовой палатѣ у патріарха Питирима происходило прѣніе между Симеономъ и Епифаніемъ Славинецкимъ о правильномъ пониманіи указаннаго догмата. Въ современной запискѣ, находящейся въ ,,Остенѣ'' и принадлежащей, очевидно, иноку Евѳимію, представляется, что Епифаній не только изоб-

---

[1]) Мѣсто это выпущено въ печатномъ изданіи этого слова, но находится въ его черновомъ спискѣ, при чемъ рукою Медвѣдева противъ него отмѣчено: „*не печатано*“. Въ своемъ полномъ видѣ оно гласитъ слѣдующее: „о семъ пространнѣйшее вѣжество хотящіи имѣти да пріидутъ, молю, къ намъ на угоднѣйшее мѣсто и свободное время и мы Богу поспѣшествующи наставити попечемся“. Время составленія этого слова означено здѣсь же на поляхъ, противъ его заглавія, рукою самого Полоцкаго: 1671 Aug. 3 dla i-mo M. P. (т. е. для митрополита Павла). Рукоп. Синод. библ. № 657, л. 525.

личилъ ложность толкованія Симеона, но указалъ при этомъ и на тотъ общій весьма сомнительный источникъ, откуда оно произошло. Именно, возражая Симеону по поводу указаній его на авторитетъ кіевскихъ ученыхъ, Славинецкій говоритъ здѣсь: „Наши кіевляне училися и учатся точію полатинѣ и чтутъ книги токмо латинскія, и оттуду тако мудрствуютъ, а гречески не училися и книгъ греческихъ не чтутъ и того ради о семъ истины не вѣдаютъ и вельми въ семъ погрѣшили, зане сіе есть ересь латинская; латини бо тако мудрствуютъ, яко и самъ глаголеши, яко западніи учителіе глаголютъ, Христовыми токмо словесы совершатися тѣлу Христову и крови". Съ своей стороны, выражая православное мнѣніе по данному вопросу, Епифаній подкрѣпляетъ его единственно авторитетомъ древней восточной церкви: „Азъ вѣрую, мудрствую и исповѣдую, яко вѣруетъ и проповѣдуетъ святая каѳолическая восточная церковь, въ ничесомъ отметно. Силлогизмомъ же, паче же латинскимъ, аще и доволенъ есмь въ тѣхъ, не послѣдую, ниже вѣрую; бѣгати бо силлогизмовъ, по св. Василію, повелѣваемся яко огня, зане силлогизмы, по св. Григорію Богослову, и вѣры развращеніе и тайны истощеніе"... [1]). Здѣсь выразилась, такимъ образомъ, существенная разность въ научныхъ направленіяхъ Епифанія Славинецкаго и Симеона, — разность, поведшая къ глубокому и рѣзкому разномыслію ихъ въ рѣшеніи важнѣйшихъ богословскихъ вопросовъ.

Но эта устная полемика Славинецкаго едва ли имѣла особенное вліяніе на общій примирительный характеръ его личныхъ отношеній къ Симеону. Оба замѣчательные современники эти, при всей проти-

---

[1]) Остенъ. Казань 1865 г. 71—73 стр.

воположности воззрѣній своихъ по предметамъ первостепенной важности, очевидно, сохраняли рѣдкое возвышенное безпристрастіе къ учености и заслугамъ каждаго,— и можно думать, что добрыя сношенія между ними не прекращались до самой смерти Епифанія, послѣдовавшей 19 ноября 1675 года. Правда, въ 1674 году, занимаясь новымъ переводомъ Библіи на языкъ славянскій, Епифаній Славинецкій совершенно устранилъ Симеона отъ участія въ этомъ важномъ дѣлѣ; но на то имѣлась слишкомъ основательная причина, заключавшаяся въ характерѣ образованія самого Полоцкаго. „Симеону Полотскому", говорится по этому поводу въ современной запискѣ,—„отецъ Епифаній не изволи у дѣла сего быти того ради, зане, *аще и ученъ бѣ и знаяше нѣчто по латински точію; гречески же ниже малѣйше, что либо знаяше*" [1]). За то при смерти своей Епифаній не только не забылъ въ своемъ завѣщаніи Симеона, но оставилъ ему такой денежный подарокъ, который своею цѣнностію превосходилъ даже подарки архимандритамъ важнѣйшихъ московскихъ монастырей [2]).

Съ своей стороны и Симеонъ навсегда сохранилъ подобное же уважительное отношеніе къ возвышенной личности Славинецкаго. По случаю его смерти, онъ написалъ пять стихотворныхъ эпитафій, подъ общимъ заглавіемъ: „*Преподобному отцу Епифанію, богослову и многихъ языкъ мужу искусну*". Та надгробная надпись, которая была изсѣчена надъ могилой Епифанія, представляетъ собою сводъ четвертой и пятой изъ этихъ эпитафій Симеона, помѣ-

---

1) Словарь Историч. 1 т. 180 стр.

2) Сочин. Ундольскаго; „книги и имущество Епифанія Славинецкаго". 73 стр.

щенныхъ въ его „*Вертоградѣ Многоцвѣтномъ*"; она прославляетъ усопшаго, какъ „мудрѣйшаго философа", понесшаго „множайшіи труды въ писаніяхъ, тщанно-мудрословные въ претолкованіихъ" [1]). Симеонъ безпристрастно оцѣнивалъ здѣсь замѣчательную ученость и литературные труды Епифанія; потому что имѣлъ ближайшее знакомство съ ними и даже пользовался нѣкоторыми изъ нихъ для собственныхъ своихъ литературныхъ цѣлей. Между прочимъ, одну изъ полемическихъ статей Епифанія о томъ, что за святыхъ, сущихъ на небесахъ, молиться не должно, составленную „чиномъ риторичнымъ", онъ впослѣдствіи расположилъ въ краткихъ вопросахъ и отвѣтахъ, „ради удобнаго поятія" [2]).

Гораздо менѣе умѣренности и сдержанности проявилъ въ своихъ отношеніяхъ къ Симеону упомянутый нами чудовскій инокъ Евѳимій, преданный ученикъ Епифанія, явившійся послѣ его смерти важнѣйшимъ представителемъ греческаго направленія въ Москвѣ. Горячій сторонникъ „*греческаго ученія*", Евѳимій въ своемъ увлеченіи имъ доходилъ до фанатизма и при такой совершенной исключительности своей естественно чуждъ былъ того спокойнаго примирительнаго настроенія къ Симеону, какимъ, очевидно, отличался его знаменитый учитель. Правда, какъ человѣкъ просвѣщенный, Евѳимій не могъ, конечно, не признавать обширной, хотя и латинской учености Симеона, и были случаи, что онъ даже пользовался его указаніями по предметамъ своихъ ученыхъ занятій [3]). Но при этомъ онъ съ настой-

---

1) Словарь Историч. 1 т. 183 стр. Срав. Рукоп. Синод. библ. № 288, л. 160-й.

2) Рукоп. Синод. библ. № 289, л. 138-й.

3) Опис. рукоп. Синод. библ. II. 2. 67 стр. Здѣсь при не-

чивымъ вниманіемъ слѣдилъ за каждымъ шагомъ учено-литературной дѣятельности своего противника, старательно отмѣчая различныя латинствующія мнѣнія въ его сочиненіяхъ.

Уже на „*Жезлъ Правленія*“ Симеона Евѳимій не утерпѣлъ сдѣлать свои критическія замѣчанія, обличавшія неправославное рѣшеніе въ немъ нѣкоторыхъ богословскихъ вопросовъ,—не смотря на то, что сочиненіе это издано было отъ лица всего освященнаго собора [1]). Когда же появилось сочиненіе Симеона: „*Вѣнецъ вѣры каѳолическія*“, онъ встрѣтилъ его рѣзкою обличительною статьею: „*О апостольскомъ глаголемомъ символѣ*“,—въ которой доказывалъ, что положенный въ его основаніе такъ называемый апостольскій символъ принадлежитъ скорѣе еретикамъ, нежели апостоламъ [2]). Кромѣ того, тщательно провѣривъ частнѣйшее содержаніе этого сочиненія, Евѳимій составилъ изъ него особый сборникъ извлеченій, при чемъ всѣ выписанныя имъ оттуда мѣста разсматривалъ не иначе, какъ „*ереси латинскія и лютерскія*“ [3]).

реводѣ съ греческаго языка поученій Св. Кирилла Іерусалимскаго, Евѳимій въ одномъ сомнительномъ мѣстѣ дѣлаетъ слѣдующую важную замѣтку: „спросить Симеона Полотскаго“. Отсюда видно, что въ извѣстное время мнѣнія Симеона въ богословскихъ вопросахъ общаго характера имѣли для Евѳимія авторитетное значеніе, не смотря на его совершенное незнаніе греческаго языка. Означеннымъ переводомъ Евѳимій занимался, повидимому, не ранѣе 1672 года (см. тамъ же 66 стр.).

[1]) Опис. рукоп. Синод. библ. II. 3. 480 стр. Срав. тамъ же: 418 стр.

[2]) Рукоп. Синод. библ. № 396, л. 28. Срав. тамъ же: л. 42. 77.

[3]) Рукоп. Синод. библ. № 396, л. 20 — 27. Полное заглавіе этого сборника таково: „Написася сіе изъ книги, гла-

Между тѣмъ Симеонъ Полоцкій, устраненный по незнанію греческаго языка отъ участія въ новомъ переводѣ Библіи на славянскій языкъ, позволилъ себѣ нѣкоторые неуважительные отзывы относительно греческаго текста Св. Писанія въ переводѣ семидесяти. Въ отвѣтъ на это, Евѳимій составилъ довольно обширную обличительную статью подъ заглавіемъ: *„на оглагольствующія священную библію преведенную богомудрыми мужи Св. Духа наполненными седмдесятми преводники“*. *„Нѣціи человѣковъ“*, говоритъ онъ здѣсь, разумѣя, очевидно, Симеона,—*„лживо оглаголуютъ святую вивлію греческую.... и отвращаютъ отъ чтенія тоя провославныя человѣки:* поучающе чести библію преведенія Іеронимова съ растлѣнныхъ Еврейскихъ книгъ преведенную на латинскій языкъ и напечатанную полскимъ языкомъ,—и глаголютъ, яко греческая библія ово прилоги непотребныя имать, ово реченій премѣны неприличныя отъ преписующихъ и еретиковъ: *похваляютъ же тіи латинскія и полскія библіи Іеронимова преведенія, не вѣдуще и сами въ нихъ величайшихъ поблужденій“*.... Показавъ эти „поблужденія“ и доказавъ сравнительное превосходство греческой библіи, Евѳимій разсуждаетъ далѣе объ отношеніи къ ней библіи славянской: „И отъ тояже книги седмдесятныхъ преводниковъ преведеся и наша славенская библія. И аще гдѣ что обрящется въ нашей славенстѣй библіи яковое несходство или погрѣшеніе и тое подобаетъ исправляти съ тоя же греческія библіи, *а не съ полскихъ, ниже съ латинскихъ по нѣкіихъ баснословію“*.... Свою обличительную статью

големыя вѣнецъ вѣры, сложеныя по мудрствованію латинскому: восточному же благочестію противныя“. Срав. рукоп. Синод. библ. Неперепл. сборн. № V, л. 308-й.

Евѳимій заключаетъ прямымъ обращеніемъ къ Симеону: *„Зри любочитателю тлетворныхъ латинскихъ и полскихъ книгъ, коль далече отсутствуютъ отъ праваго разума. Лжива суть словеса ихъ яко кривая колеса, и послѣдующаго тымъ далека творятъ отъ пути православнаго знанія: уклонися отъ стезъ ихъ“*...[1]).

Но вопросъ о сравнительномъ достоинствѣ того или иного перевода библіи имѣлъ огромное значеніе для Симеона и въ другомъ отношеніи. Дѣло въ томъ, что въ сочиненіяхъ своихъ и особенно въ проповѣдяхъ Симеонъ имѣлъ странное обыкновеніе пользоваться латинской и даже польской библіей въ ущербъ высокому авторитету библіи славянской и греческаго перевода семидесяти; такимъ образомъ, обличительная статья Евѳимія существенно подрывала православное значеніе богословскихъ трудовъ Симеона и, главнымъ образомъ, ставила подъ сомнѣніе всю его широкую проповѣдническую дѣятельность. Поэтому, когда впослѣдствіи были изданы самые сборники проповѣдей Симеона, Евѳимій поступилъ съ ними точно такъ-же, какъ и съ *„Вѣнцемъ вѣры каѳолическія“*. Выбравъ изъ нихъ нѣкоторыя мѣста, казавшіяся ему сомнительными, онъ противопоставилъ имъ подходящія изреченія изъ книги митрополита Солунскаго, Нила Кавасилы, и соединилъ все это въ особой тетради, подъ общимъ заглавіемъ: *„на силлогизмы латинскія“* [2]).

Вообще видно, что Евѳимій относился совершенно отрицательно къ литературнымъ заслугамъ Симеона и, съ своей стороны, прилагалъ всевозможныя старанія къ тому, чтобы повредить его ученому авто-

---

1) Рукоп. Синод библ. Непереплет. сборникъ № V, 357—365.
2) Рукоп. Синод. библ. № 396, л. 61—66-й

ритету. Не имѣя возможности вовсе отрицать его несомнѣнную ученость, онъ старался изобличить ея неосновательность и односторонность, рѣзко выставляя на видъ ея исключительное латинствующее направленіе. Въ этомъ отношеніи особенно характерно то общее сужденіе объ образованіи Симеона, которое выражаетъ Евѳимій въ одномъ изъ своихъ сочиненій, по сравненію его съ высоко почитаемымъ учителемъ своимъ, Епифаніемъ Славинецкимъ. Сказавъ здѣсь объ этомъ послѣднемъ какъ о человѣкѣ обширной и глубокой учености, онъ продолжаетъ: „бѣ же и инъ нѣкто іеромонахъ, Симеонъ полоцкій зовомый, пришедый отъ града Полотска державы краля полскаго; *и той учивыйся, но не толико, не бо бысть философъ, и то токмо учися.... полатински и попольски, греческаго же писанія ничтоже знаяше*“ [1]). Въ томъ же смыслѣ Евѳимій, едва ли не первый, распространилъ въ Москвѣ слухъ, что Симеонъ учился у іезуитовъ, находя въ этомъ подходящее объясненіе его латинствующихъ воззрѣній. Слухъ этотъ, повидимому, имѣвшій нѣкоторыя основанія, естественно могъ неблагопріятно отразиться на ученой репутаціи знаменитаго придворнаго учителя и проповѣдника; по крайней мѣрѣ извѣстно, что въ глазахъ патріарха Іоакима онъ, впослѣдствіи, послужилъ важнѣйшимъ основаніемъ для совершеннаго запрещенія его богословскихъ и проповѣдническихъ сочиненій [2]).

Но не довольствуясь этимъ, а можетъ быть и въ чувствѣ безсилія причинить существенный ущербъ вліятельному положенію своего противника, Евѳимій вздумалъ набросить неблагопріятную тѣнь на нравственное достоинство самой личности Симеона. Въ

---

[1]) Остенъ. Казань. 1865 г. 70—71 стр.
[2]) Тамъ же 1865 г. 130—140 стр.

числѣ мелкихъ его произведеній до насъ дошло одно сатирическое „слово,“ въ которомъ онъ изображаетъ хитреца, соблазняющаго людей своими льстивыми рѣчами, чтобы удобнѣе ихъ обмануть и погубить. Зная отношенія и завѣтныя стремленія Евѳимія и сопоставляя съ этимъ время написанія „слова,“ нѣтъ возможности сомнѣваться въ томъ, что оно было направлено именно противъ Симеона. Изображаемый здѣсь Евѳиміемъ злой хитрецъ отличается крайнимъ лицемѣріемъ и двоедушіемъ: этотъ человѣкъ „смиренно челомъ бьетъ и кланяется до земли, дабы каменіе собралъ и на главу твою металъ; онъ сказуетъ: виноватъ, а за дверми наготовилъ на тебя семь лопатъ. Смиреніе его волчее, а не овчее“... Поэтому Евѳимій представляетъ далѣе какъ опасно и безразсудно отвѣчать довѣріемъ на льстивыя увѣренія подобныхъ людей. Такіе люди, говоритъ онъ, „словами ласкательными глаголютъ и предъ собою зряще хвалятъ и яко съ любовнымъ бесѣдуютъ, отшедши же уничижаютъ и оклеветаютъ; они устами осклабляются и почнутъ хвалити: какъ премудръ, какъ честенъ, какъ ученъ! головщикъ, читатель, сказатель искусный!... Но никако то правда, обмануетъ, прельщаетъ: потоля тебя хвалитъ, поколя не обманетъ, а какъ обманетъ, абіе тебе аки волкъ потребитъ“.... Въ заключеніе слова Евѳимій не преминулъ бросить саркастическій отблескъ на несостоятельность честолюбивыхъ и заносчивыхъ порывовъ Симеона. Для этого онъ пользуется старинымъ олицетвореніемъ суетнаго и надменнаго тщеславія въ образѣ павлина: „О павѣ повѣдаютъ, ако взирая на перье ошиба своего красное, начнетъ надыматись и гордо ходити: егда же возритъ на ноги своя черныя, абіе умильно вопіетъ и перье опущаетъ, аки бы познавъ свою совѣсть, видя, что не согласуется

красное перье съ ногами черными. Такожде и многіе человѣцы, видяще себе честно аки перьемъ пестрымъ украшенныхъ, начинаютъ напыщатися, иныя охуждающе, аки бы во всемъ были совершенны: егда же нѣкогда пряходяще въ чувство и себе познаютъ и свое оскудѣніе и злобу сразумѣютъ, откидаютъ фарисейское возношеніе и пріемлютъ мытарево смиреніе"…. [1]). Такъ характеризуетъ Евѳимій своего литературнаго противника, питая къ нему, очевидно, сильнѣйшую личную непріязнь, помимо общей совершенной противоположности въ ихъ литературныхъ направленіяхъ. Но и стрѣлы сатиры, которыми облегчалъ свою душу этотъ фанатическій приверженецъ „греческаго ученія," видимо не достигали своей цѣли; по крайней мѣрѣ, намъ ничего неизвѣстно о томъ, чтобы царь Алексѣй Михайловичъ когда-либо измѣнялся въ своемъ милостивомъ расположеніи къ Симеону, неизмѣнно сохранявшему до конца его жизни вліятельное общественное положеніе.

Не трудно видѣть настоящую причину, почему Симеонъ Полоцкій, не смотря на ожесточенныя нападенія многочисленныхъ враговъ своихъ, всетаки, удержалъ за собою почетное положеніе, совершенно исключительное въ его скромномъ званіи простаго іеромонаха. Правда, при этомъ вовсе не должны быть принимаемы въ разсчетъ фанатическіе последователи раскола: своими злостными нареканіями они не могли вредить Симеону уже потому, что являлись

[1]) Тихонравовъ: Лѣтописи русс. литерат. 3 т. 17—19 стр. Въ заглавіи этого слова сказано, что оно написано при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ; изъ отношеній же Евѳимія можно заключать, что оно могло быть направлено только или противъ Симеона, или противъ Сильвестра Медвѣдева, но послѣдній въ это время былъ совершенно незначительнымъ человѣкомъ.

открытыми противниками церковныхъ и правительственныхъ распоряженій того времени. Несомнѣнно даже, что литературная и устная полемика съ ними содѣйствовала большей славѣ Симеона, и если имѣла для него серьезныя неудобства, то лишь въ томъ отношеніи, что нарушала спокойное теченіе его частной труженической жизни. Но тотъ фактъ, что и справедливыя нападенія на него приверженцевъ „греческаго ученія“ остались здѣсь безъ всякаго осязательнаго результата, весьма знаменателенъ и, кромѣ личныхъ особенностей Симеона и его отношеній, имѣетъ несомнѣнную связь съ общимъ культурнымъ настроеніемъ эпохи. Дѣло въ томъ, что обличаемое ими латинствующее или, вообще, западническое направленіе Симеона вовсе не было чѣмъ-то совершенно уже исключительнымъ, чрезвычайнымъ; напротивъ, оно было довольно распространеннымъ въ то время и являлось едва ли не преобладающимъ въ высшихъ сферахъ московскаго общества.

Извѣстно, что еще со времени продолжительной польской войны (1654, 1667 гг.) царь Алексѣй Михайловичъ, побывавшій во многихъ городахъ польско-литовскаго края и лично познакомившійся здѣсь со многими удобствами европейской жизни, пріобрѣлъ и вкусъ болѣе европейскій. Прямымъ послѣдствіемъ этого было появленіе нѣкоторыхъ иноземныхъ нововведеній какъ во внутреннемъ убранствѣ царскаго дворца, такъ и въ личной семейной обстановкѣ государя. „Внутри дворца,“ говоритъ изслѣдователь русской старины, „появились обои (золотыя кожи) и разнаго рода мебель на нѣмецкій и польскій образецъ. Характеръ рѣзьбы по дереву, столько употребительный во всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ украшеніяхъ дворца, такъ-же измѣнился: обыкновенную русскую рѣзьбу, по одной только поверхности де-

рева, замѣнила фигурная нѣмецкая работа во вкусѣ рококо.... Съ особенною тщательностію и въ первый разъ такою рѣзьбою украшены была брусяная столовая изба государя, выстроенная въ 1661 году по *вымыслу* инженера-архитектора Густава Декенпина.... Разныхъ дѣлъ мастера и живописцы, большею частію поляки, призванные въ Москву во время польской войны, съ учениками своими изъ русскихъ, украшали окна, двери и плафонъ этой избы искусной рѣзьбой, которую золотили, а плафонъ расписали. Подобнымъ же образомъ была украшена и новая столовая царевича Алексѣя Алексѣевича, построенная въ 1667 году, а такъ-же, впослѣдствіи, и новыя постельныя хоромы, выстроенныя царемъ въ 1674 году"...[1]). На ряду съ этимъ и во внутреннюю жизнь двора стали проникать различныя чужестранныя диковины, прежде не слыханныя на Руси: появилась въ царскихъ хоромахъ ночная „*игра въ арганы*," устроенъ былъ особый театръ, подъ названіемъ *Потѣшнаго дворца*, гдѣ, между прочимъ, *Магистръ Яганъ Готфридъ*, осенью 1672 года, съ своею труппою *исправлялъ комѣдію* или *комидѣйное дѣйство* [2]). Новые западные обычаи усилились при дворѣ въ особенности послѣ брака государя съ Наталіей Кириловной Нарышкиной, благодаря вліянію здѣсь ея воспитателя, отъявленнаго западника, Артамона Сергѣевича Матвѣева. Они проявились въ устройствѣ и разныхъ затѣяхъ новаго Коломенскаго дворца и начали проникать съ этого времени даже

---

[1]) Забѣлинъ: Домашній бытъ русскихъ царей, I т. 62, 59 стр.

[2]) Тамъ же 60 стр. Въ „выходахъ царей" подъ 2-мъ ноября того же года замѣчено, что въ селѣ Преображенскомъ „ввечеру Великій Государь ходилъ въ комидію, смотрѣть дѣйство, какъ нѣмцы дѣйствовали". См. 563 стр.

въ теремъ царицы. Царскія же дѣти еще ранѣе того стали обучаться „по латинямъ", и это обученіе ихъ было довѣрено іеромонаху, пришлому изъ чужой страны и воспитанному исключительно на началахъ западнаго просвѣщенія.

Одновременно и въ тѣсномъ взаимодѣйствіи съ этимъ новые иноземные обычаи стали распространяться и въ частномъ быту окружавшихъ государя вельможъ. Особенно далеко заходилъ въ этомъ отношеніи новый царскій родственникъ, упомянутый бояринъ Матвѣевъ, заведшій у себя даже домашній театръ, съ труппою актеровъ изъ собственныхъ дворовыхъ людей. По современнымъ извѣстіямъ, сохранившимся въ оффиціальныхъ документахъ, актеры эти, въ соединеніи съ труппою изъ иностранцевъ, устраивали театральныя представленія и въ хоромахъ царскаго дворца [1]). Современный иностранный

[1]) Вотъ относящіяся къ этому любопытныя оффиціальныя данныя: 1674 года, въ ноябрѣ, „была у Великаго Государя, въ селѣ Преображенскомъ, комедія и тѣшили его, Великаго Государя, иноземцы, какъ Алаферна царица царю голову отсѣкла, и по органамъ играли нѣмцы, да люди дворовые боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева"; тогда же „была у Великаго Государя, въ селѣ Преображенскомъ, другая комедія. А съ нимъ Великимъ Государемъ, была государыня царица и государи царевичи и государыни царевны. И тѣшили Великаго Государя нѣмцы-жъ, да люди боярина-жъ Артамона Сергѣевича Матвѣева, какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана по царицыну челобитью и по Мардохеину наученью; и въ арганы играли и на фіолахъ и въ страменты, и танцовали". Въ томъ же году, ноября 4-го, въ селѣ Преображенскомъ „была у Великаго Государя потѣха, а тѣшили его, Великаго Государя, иноземцы нѣмцы, да люди боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева, на арганахъ, и на фіолахъ и на страментахъ, и танцовали, и всякими потѣхами разными". Въ 1675 году, февраля 11-го, въ четвергъ на масляницѣ, „была у Великаго Государя комедія въ 5-мъ часу

писатель о Россіи Рейтенфельсъ приводитъ имена бояръ, близкихъ къ государю и сочуствовавшихъ западному просвѣщенію, — и слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь упоминаются почти всѣ, извѣстные уже намъ, ближайшіе покровители и благодѣтели Симеона. Тотъ же писатель говоритъ о появившемся въ средѣ высшаго московскаго общества новомъ и весьма знаменательномъ обычаѣ—посылать молодыхъ людей для довершенія ихъ образованія заграницу, — указывая при этомъ и на примѣры лицъ, посѣтившихъ съ этою цѣлію всѣ просвѣщеннѣйшія страны Европы [1]). Слѣдуетъ замѣтить, что этотъ обычай былъ, повидимому, сильно распрастраненнымъ; по крайней мѣрѣ, патріархъ Іоакимъ счелъ нужнымъ преслѣдовать его, объясняя имъ, въ числѣ другихъ причинъ, появленіе и распространеніе въ Москвѣ такъ называемой „хлѣбопоклонной ереси“. „Юноши нѣціи“, говоритъ онъ въ своемъ обличеніи послѣдней,—„изъ царствующаго града Москвы восхотѣша отъити въ полское кралевство ради ученія латинскаго. Отшедше и учащеся въ латинскихъ училищахъ.... бывше тамъ нѣкое время и понавыкше латинскимъ писаніемъ и тамошнимъ нравомъ.... возвратишася въ своя домы, повѣдаша нѣкимъ знаемымъ своимъ священноначальникомъ и благороднымъ мужемъ, достоинства великая, церкви въ домѣхъ имущимъ, яко

ночи (т. е. по нашему въ 10-мъ часу вечера); а тѣшили его, Великаго Государя, иноземцы, да люди боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева, всякими разными играми. А отошла комедія у Великаго Государя до свѣта за три часа (по нашему въ 4-мъ часу утра). *М. Д. Хмыровъ*: „Царь Алексѣй Михайловичъ“. Древ. и Нов. Россія: 1875 г. № 12, 309 стр. Срав. *Забѣлинъ*: „Нѣкоторые придворные обряды и обычаи Москов. царей“: Москов. вѣд. 1847 г. № 9, 106— 107 стр.

[1]) Iac. Reutenfels: de rebus moschoviticis, 155, 206 p.

бѣлорусцы христіане и латини въ возглашеніи словесъ Господнихъ „пріимите, ядите“ покланяются тѣлу и крови Христовѣ“ [1]).

Но что здѣсь въ особенности достойно замѣчанія, какъ самое характеристическое проявленіе этого новаго настроенія духа времени, такъ это тотъ несомнѣнный фактъ, что вліяніе западной латинской образованности стало довольно ощутительно проникать и въ область тогдашней церковной жизни. Весьма знаменательно, что представители церкви, принимавшіе самое видное участіе въ умиротвореніи ея отъ тогдашнихъ внутреннихъ нестроеній, были то прямыми воспитанниками западнихъ школъ, то людьми сочувствовавшими въ большей или меньшей степени началамъ западнаго просвѣщенія. Достаточно вспомнить о Паисіѣ Лигаридѣ, человѣкѣ обширной латинской учености, безъ совѣщанія съ которымъ царь Алексѣй Михайловичъ рѣшительно не дѣлалъ ни одного важнаго шага въ церковной политикѣ того времени. Ближайшимъ сторонникомъ и сотрудникомъ Паисія былъ, какъ мы уже знаемъ, Симеонъ, принимавшій не менѣе важное участіе въ современныхъ церковнымъ дѣлахъ. Изъ русскихъ архіереевъ, имѣвшихъ въ этихъ дѣлахъ наиболѣе авторитетное значеніе, явное сочувствіе къ латинскому образованію питали Илларіонъ архіепископъ рязанскій и въ особенности митрополитъ сарскій и подонскій Павелъ. Не даромъ современные расколоучители такъ настойчиво обличали ихъ въ латинствѣ, осуждая, именно, ихъ общее стремленіе къ западному просвѣщенію. „Возненавидѣли они окаянніи“, говоритъ, напримѣръ, діаконъ Ѳеодоръ, — „святыя сіонскія восточныя церкви матере нашея правыя

[1]) Остенъ. Казань. 1865 г. 124 стр.

догматы, и поругали, и попрали; а возлюбили и поцѣловали римскую блудницу... *и пріемлютъ съ честію и слушаютъ съ любовію проклятыхъ и льстивыхъ ея дидаскаловъ, и отъ тѣхъ нечистыхъ духовъ напиваются мутнаго питія*, яко свинія кабацкія барды"....[1]). Возводя частное къ общему и отождествляя характеръ образованія съ религіознымъ направленіемъ, они и всѣхъ вообще современныхъ пастырей церкви признавали „любодѣйствующими со *всенародною блудницею римскою..., латинская оправдающе и похваляюще*, а истину истребляюще"[2]). Съ особенною горечью расколоучители сѣтовали на царя, жалуясь, что въ вопросахъ церковной жизни онъ слѣдовалъ совѣтамъ людей, получившихъ западное, латинское образованіе. „Имѣеши у себя", говоритъ попъ Лазарь, „мудрыхъ философовъ, разсуждающихъ лице небеси и земли, и у звѣздъ хвосты аршиномъ измѣряющихъ[3]); и таковыхъ глаголетъ Спасъ лицемѣрныхъ быти..., а ты, государь, таковыхъ чесныхъ имаши, и различными брашны питаеши и благовонными питіями напояеши, и хощеши внѣшними ихъ плетухами власть свою мирну управити!..."[4]). Въ томъ же смыслѣ, но еще въ болѣе выразительной и рѣзкой формѣ изливаетъ свои жалобы на царя и упомянутый нами діаконъ Θеодоръ: „Единъ бысть православный царь на земли

---

[1]) Матер. для исторіи раскола, 6 т. 252 стр.

[2]) Матер. для исторіи раскола, 6 т. 278 стр.

[3]) Явный намекъ на Симеона, который въ своемъ „*Вѣнцѣ вѣры каѳолическія*" приводитъ довольно подробныя исчисленія разстояній небесныхъ свѣтилъ отъ земли и между собою,—исчисленія дѣйствительно курьёзныя и заслужившія справедливое порицаніе и насмѣшки Евѳимія. См. рукоп. Синод. библ. № 396, л. 20 и далѣе.

[4]) Матер. для исторіи раскола, 4 т. 252 стр.

остался, да и того, невнимающаго себѣ, *западніи еретици, яко облаки темніи, угасили христіанское солнце и свели во тьму многія прелести и погрузили*, да не возникнетъ на истинный свой первый свѣтъ правды“ [1]). Конечно, всѣ эти жалобы расколоучителей слѣдуетъ принимать не иначе, какъ выраженіе ихъ крайняго невѣжества и фанатизма: на томъ лишь основаніи, что элементы новой образованности проникали къ намъ отъ латинствующаго запада, они безусловно отрицали ихъ общее культурное значеніе, равно какъ и возможность плодотворнаго примѣненія ихъ къ религіознымъ интересамъ православія; но тѣмъ очевиднѣе становится здѣсь то обстоятельство, что въ основаніи ихъ сѣтованій лежало дѣйствительное распространеніе въ московскомъ обществѣ того времени началъ западнаго просвѣщенія, ощутительнымъ образомъ отразившееся и на современныхъ представителяхъ церкви.

Таковымъ представляется преобладающее настроеніе высшихъ слоевъ московскаго общества въ эпоху жизни и дѣятельности здѣсь Симеона, и мы подробно распространились объ этомъ потому, что отсюда, именно, получаютъ свое надлежащее освѣщеніе всѣ разнообразныя частности въ его отношеніяхъ и обстановкѣ.—Несомнѣнно, что вящей славѣ Симеона и упроченію его положенія въ Москвѣ содѣйствовало, главнымъ образомъ, то обстоятельство, что всѣ многоразличныя проявленія его талантовъ соотвѣтствовали какъ нельзя болѣе новымъ развившимся здѣсь вкусамъ и потребностямъ. Къ удовлетворенію этихъ послѣднихъ преимущественно и на-

---

1) Сб. сочин. діак. Θеодора, л. 161. См. И. Добротворскій: „Русскій расколъ“. Правосл. Обозр. 1862 г. 7 кн. 385 стр.

правлена была его разнообразная и многотрудная дѣятельность, проходимая имъ съ тѣмъ большею ревностію, что она согласовалась въ тоже время съ отличительными особенностями его личнаго характера и воспитанія. Здѣсь, такимъ образомъ, заключается объяснительная причина общаго почетнаго положенія Симеона и пріобрѣтеннаго имъ огромнаго значенія въ Москвѣ. Этимъ можно объяснять даже и самый внѣшній, чрезвычайно широкій объемъ его дѣятельности: послѣдняя, очевидно, не проявилась бы въ такихъ обширныхъ размѣрахъ и съ такимъ удивительнымъ разнообразіемъ, если бы не находила себѣ постояннаго поощренія въ его непрерывныхъ успѣхахъ.

Понятно, что при такихъ условіяхъ, слишкомъ благопріятствовавшихъ Симеону, съ нимъ трудно было бороться представителямъ „греческаго ученія“ въ Москвѣ. Имъ предстояла борьба не столько противъ отдѣльной личности, сколько противъ общихъ условій ее создавшихъ, то есть, противъ новаго западническаго направленія, неудержимо распространявшагося во всѣхъ высшихъ кругахъ московскаго общества. Но это была уже слишкомъ трудная и, можно сказать, совершенно неравная для нихъ борьба, сомнительная въ своемъ исходѣ тѣмъ болѣе, что въ томъ же настроеніи духа времени заключались многіе признаки вовсе не предвѣщавшіе имъ успѣха.

Дѣло въ томъ, что обаяніе *„греческаго ученія“*, традиціонное и сильное въ древней Руси, ко времени изображаемому нами, совершенно пало или, лучше сказать, само это „греческое ученіе“, перенесенное историческими событіями съ православнаго востока на латинствующій западъ, мало-по-малу утратило здѣсь типическія черты старой византійской учености и постепенно приняло формы латинской науки и образованія, столь антипатичныя духу древ-

не-русскаго человѣка. И вотъ его прежнее уваженіе къ нему утратилось, смѣнившись недовѣріемъ, пренебреженіемъ и даже совершеннымъ отрицаніемъ.

Уже вскорѣ послѣ взятія турками Константинополя, въ русскомъ обществѣ стала распространяться мысль, что восточные христіане „потурчились“, и что греческое православіе, не ограждаемое болѣе политическою властію, потеряло свою исконную неповрежденность. Заблужденіе усилилось, когда ученые греки для довершенія своего образованія, начали ѣздить въ Римъ, и греческія богослужебныя книги стали печататься на латинскомъ западѣ. Утвердилось мнѣніе, что какъ первые, такъ и послѣднія „олатинены“, и что одна только Москва осталась дѣйствительною носительницею и хранительницею истиннаго правовѣрія. Все это накоплялось издавна и постепенно, но въ первый разъ съ особенною рѣзкостію выступило въ знаменитомъ спорѣ Лаврентія Зизанія Тустановскаго съ московскими книжниками, по поводу исправленія Большаго Катехизиса, представленнаго имъ патріарху Филарету. Человѣкъ этотъ явился съ Литвы и потому показался подозрительнымъ; когда же, въ защиту своихъ мнѣній, онъ сослался на греческія книги, то ему прямо сказали, что изъ нихъ должно принимать только тѣ, которыя появились на Руси до митрополита Кипріана включительно. Къ новымъ же греческимъ книгамъ имѣть довѣріе не слѣдуетъ: потому, говорили московскіе книжники, что „греки живутъ нынѣ въ тѣснотѣ великой съ невѣрными и по своихъ воляхъ печатати имъ книгъ не умѣти и для того вводятъ иные вѣры въ переводы греческаго языка, что хотятъ. И намъ такихъ переводовъ греческаго языка, ненадобно“ [1]).

---

[1]) Ан. Смирновъ: Патр. Филаретъ Никитичъ. II ч. 98 стр. Возражателями Лаврентію были здѣсь Богоявленскій игуменъ

Такимъ образомъ, когда патріархъ Никонъ поднялъ дѣло исправленія богослужебныхъ книгъ, то онъ задѣлъ этимъ самое щекотливое, самое чувствительное мѣсто ревниваго къ традиціи, фанатическаго въ своихъ началахъ и исторически сложившагося московскаго книжника. Въ благочестивой ревности къ такому важному дѣлу Никонъ выписалъ отъ современныхъ греческихъ іерарховъ до 200 греческихъ рукописей и болѣе 500 получилъ чрезъ Арсенія Суханова, посланнаго имъ на востокъ для ихъ собиранія. Но это не утишило бури; противъ него заявилась глубоко залегшая идея исключительной чистоты и величія московскаго православія и, какъ ея обратная сторона, уже застарѣвшее недовѣріе къ греческимъ книгамъ: не русскія книги надо править по греческимъ, а послѣднія первыми! Соблазнъ въ обществѣ усилился, когда возвратившійся съ востока Арсеній Сухановъ въ запискахъ своихъ представилъ нѣкоторыя разности въ самыхъ греческихъ церковныхъ уставахъ, а христіанъ—грековъ и въ особенности представителей ихъ іерархіи изобразилъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи въ самыхъ непривлекательныхъ чертахъ. Правда, впослѣдствіи оказалось, что будучи раскольникомъ по существу, онъ подбиралъ здѣсь съ очевиднымъ намѣреніемъ лишь самые исключительные факты, а въ ихъ разрисовкѣ не поскупился на самыя мрачныя краски; но злое сѣмя, брошенное на слишкомъ воспріимчивую почву, скоро успѣло принести недобрый плодъ: въ Москвѣ были случаи (въ 1653 г.), что приходскіе священ-

---

Илья и типографскій справщикъ Гришка; но ту же мысль и еще съ большею рѣзкостію развивалъ и ихъ современникъ, другой знаменитый справщикъ, попъ Иванъ Насѣдка. Опис. рукоп. Синод. библ. II. 3. 375—376 стр.

ники не пускали даже мірскихъ торговыхъ грековъ въ церковь Божію, считая ихъ невѣрными [1]).

Высоко трагическою представляется внѣшняя судьба патріарха Никона, доблестнаго іерарха, рѣшившагося предпринять дѣло словно соразмѣренное по его исполинскимъ нравственнымъ силамъ; но еще печальнѣе и трогательнѣе она является, если разсматривать этого патріарха какъ представителя извѣстной культурно-исторической идеи, выступившаго за нее съ рѣдкимъ самоотверженіемъ, при неравныхъ и, можно сказать, совершенно подавляющихъ условіяхъ борьбы. Правда, предпринятое имъ великое дѣло впослѣдствіи было принято вполнѣ; но вершить его пришлось уже не ему, а, главнымъ образомъ, противникамъ его, сторонникамъ западнаго просвѣщенія. Самъ же Никонъ палъ, потому что, при данныхъ условіяхъ, ему въ сущности было очень трудно не пасть.

Съ небольшимъ кружкомъ замѣчательныхъ, но совершенно отдалившихся отъ жизни ученыхъ, группировавшихся въ Чудовомъ монастырѣ, патріархъ Никонъ несомнѣнно явился ревностнымъ сторонникомъ того традиціоннаго просвѣтительнаго начала на Руси, которое было извѣстно въ то время подъ не разъ уже упомянутымъ нами характеристическимъ названіемъ „греческаго ученія"; но посмотримъ, какова была дѣйствительная обстановка этого, столь рѣзко проводимаго имъ направленія. — „*Греческаго ученія*" не отрицали въ принципѣ и московскіе книжники, но они полагали ему историческій предѣлъ только до паденія Византіи, вовсе устраняя

---

[1]) Муравьевъ: Снош. Россіи съ востокомъ: рукоп. Москов. Д. Акад. III. ч. 909 стр.

не только послѣдующую затѣмъ оригинальную греческую письменность, но и новыя изданія прежнихъ ея высоко чтимыхъ на Руси памятниковъ. Просвѣщенный іерархъ, понятно, не могъ раздѣлять такого узкаго и слишкомъ утрированнаго воззрѣнія, и борьба сторонъ не замедлила открыться. Исправленіе богослужебныхъ книгъ, сразу поставивъ вопросъ на чисто практическую почву, придало дальнѣйшему теченію его острый религіозный характеръ; ожесточеніе противниковъ скоро обнаружило всю глубину раздѣлявшей ихъ пропасти, и наиболѣе фанатическіе изъ книжниковъ, порвавъ всякія связи съ Никономъ, немедленно образовали расколъ. — Не поладивъ съ книжниками, Никонъ возставалъ и противъ появившихся уже въ его время сторонниковъ западнаго просвѣщенія, поддерживавшихъ его въ борьбѣ съ расколомъ, но въ дѣйствительности едва ли не болѣе ему антипатичныхъ. Со свойственною ему энергіей и рѣшительностію онъ преслѣдовалъ различныя западныя нововведенія, появлявшіяся во многихъ боярскихъ домахъ и въ особенности въ высшихъ придворныхъ сферахъ, и этимъ естественно возстановилъ противъ себя какъ тѣ, такъ и другія. Въ необдуманной горячности онъ въ грамотахъ своихъ къ восточнымъ патріархамъ называлъ даже самого царя „латинствующимъ“, а бояръ и всю русскую церковь представлялъ „преклонившимися къ латинскимъ догматамъ“, на томъ лишь основаніи, что судьями его явились преимущественно люди, сочувствовавшіе началамъ западнаго просвѣщенія [1]).—Такимъ образомъ, являясь рѣзкимъ поборникомъ „греческаго ученія“, патріархъ Никонъ долженъ былъ порвать связи съ важнѣйшими направленіями интеллигентныхъ слоевъ

[1]) Митр. Евгеній: словарь историч. 2 т. 127 стр.

современнаго ему русскаго общества и въ дѣятельности своей опираться почти исключительно на небольшой кружокъ чудовскихъ ученыхъ, людей пришлыхъ и потому не имѣвшихъ съ этимъ обществомъ глубочайшихъ нравственныхъ связей. Фактъ замѣчательный, наглядно показывающій, что „греческое ученіе“ потеряло уже традиціонное высокое значеніе свое въ современной русской дѣйствительности.

При извѣстной несокрушимой энергіи этого замѣчательнаго человѣка, стремленія его были бы, конечно, гораздо успѣшнѣе, если бы, по крайней мѣрѣ, внѣ окружавшей его русской дѣйствительности „греческое ученіе“ стояло высоко, въ смыслѣ особой, самостоятельной и широко развитой греческой науки и образованности. Но дѣло въ томъ, что и съ этой стороны онъ оставался почти безъ поддержки. Старая византійская ученость, перемѣстившись на западъ, явилась здѣсь, какъ мы уже сказали, въ новыхъ латинскихъ формахъ, и отрицавшіе ее московскіе книжники, съ своей точки зрѣнія, были совершенно послѣдовательны: ихъ капитальное заблужденіе состояло здѣсь собственно въ томъ, что по невѣжеству своему, смѣшивая форму съ сущностію, они стали разсматривать ее какъ еретическую, доходя въ своемъ отрицаніи, такъ сказать, до геркулесовыхъ столповъ. На мѣстѣ, въ самой Греціи и вообще на православномъ востокѣ замѣчался, напротивъ, даже явный упадокъ просвѣщенія, и, кромѣ остатковъ павшей Византіи, не было почти ничего оригинальнаго и самобытнаго въ области научнаго развитія; такъ что наиболѣе образованные греки стали приходить къ намъ преимущественно съ латинскаго запада. Весьма знаменательно въ этомъ отношеніи, что даже первый сподручникъ патріарха Никона, Арсеній Грекъ былъ, именно, усердный питомецъ

западной науки, принимавшій даже католичество, чтобы быть допущеннымъ только въ ея высшія прославленныя святилища. Смѣнившій его, другой знаменитый сотрудникъ Никона, Епифаній Славинецкій, также былъ выходцемъ съ латинствующаго Кіева, и московскіе книжники, по крайней мѣрѣ въ первые годы жизни его въ Москвѣ при патріархѣ Никонѣ, прямо трактовали его за одно съ латинниками [1]). Но вотъ самому Никону довелось испытать злѣйшую иронію судьбы: его жесточайшимъ противникомъ, наиболѣе содѣйствовавшимъ его паденію, оказался, именно, никто иной, какъ самъ натуральный грекъ, пришедшій къ намъ съ Запада величайшій латинникъ того времени, Паисій Лигаридъ.

Такимъ образомъ, не имѣя достаточной поддержки ни въ современномъ русскомъ обществѣ, ни внѣ его и основываясь единственно почти на высокой исторической традиціи, Никонъ явился дѣятельнымъ поборникомъ въ Москвѣ „греческаго ученія“, и понятно, что при такой исключительности своего стремленія, онъ долженъ былъ рано или поздно потерпѣть здѣсь неудачу. Тщетно въ своей энергической борьбѣ суровый патріархъ расточалъ тяжелые удары направо и налѣво, съ одной стороны, строго преслѣдуя раскольниковъ, а съ другой — отбирая „арганы“ у бояръ: это только ожесточало его многочисленныхъ враговъ. Съ небольшимъ кружкомъ чудовскихъ ученыхъ онъ скоро оказался въ ужасномъ меньшинствѣ; а между тѣмъ неумѣренность его

---

1) Соловьевъ: Исторія Россіи; 10 т. 150 стр. Извѣстно, кромѣ того, что изъ Кіева этотъ замѣчательный ученый ѣздилъ для дополненія своего образованія за границу. Митр. Евгеній: Словарь историч. I. т. 172 стр.

мѣропріятій соединила обѣ противоположныя стороны въ одинаковой къ нему ненависти: такъ что раскольники рукоплескали даже Паисію Лигариду, пока онъ боролся съ Никономъ, и пока, ослѣпленные борьбой, они не разглядѣли, что послѣдній для нихъ никакъ не хуже перваго. — Только слишкомъ сильный человѣкъ, или лучше сказать, человѣкъ слишкомъ довѣряющій своимъ силамъ могъ открыть рѣшительную борьбу при такихъ подавляющихъ условіяхъ и вести ее до самаго конца съ изумительною и неослабною энергіей. Рѣшительность и необыкновенная настойчивость его характера обусловливали въ немъ твердость иниціативы въ такомъ трудномъ дѣлѣ; а предъидущая судьба могла только воспитать въ немъ преувеличенное довѣріе къ собственнымъ силамъ и значенію въ его осуществленіи. Съ другой стороны, замѣчательная прямолинейность его натуры и удивительная цѣльность и крѣпость всего его нравственнаго состава не допускали въ немъ возможности какой-либо сдѣлки, — и вотъ, когда въ одну изъ перипетій борьбы патріархъ въ страстномъ и неразборчивомъ порывѣ вдругъ оставилъ престолъ свой, его печальная участь совершилась [1]).

---

[1]) Какъ бы ни объясняли этотъ рѣзкій поступокъ Никона, его никакимъ образомъ не слѣдуетъ отдѣлять отъ сейчасъ представленной нами затруднительной борьбы этого патріарха, въ которой такъ наглядно выразился непримиримый антагонизмъ выступившихъ тогда на сцену общихъ культурныхъ началъ. Можно думать, что обнаружившееся неблаговоленіе къ нему государя, называвшаго его прежде своимъ „собиннымъ" другомъ и бывшаго за одно съ нимъ, только переполнило чашу его тяжкихъ нравственныхъ страданій, которыхъ не могъ не испытывать этотъ гордый человѣкъ, взволновавшій своими мѣропріятіями и церковь, и общество и относившій все это преимущественно къ самому себѣ. Стоитъ

Съ паденіемъ грекофильствовавшаго Никона, рушилась сильнѣйшая опора провозглашаемаго имъ въ Москвѣ „греческаго ученія“, и положеніе вещей измѣнилось немедленно и самымъ рѣшительнымъ образомъ. Съ нимъ пала величайшая преграда,

---

лишь вообразить намъ его тяжелую и безпокойную дѣятельность, исполненную безпрестанной тревоги и волненія, чтобы допустить естественную послѣдовательность въ немъ такого порыва, когда главнѣйшая опора его, самъ тишайшій государь видимымъ образомъ сталъ отъ него отворачиваться. Замѣчательны въ этомъ отношеніи слова, обращенныя Никономъ къ народу при самомъ отреченіи своемъ отъ престола и, слѣдовательно, въ такой моментъ, когда они должны были вырываться изъ самой глубины его сердца. Въ нихъ несчастный патріархъ, именно, жалуется на распространенную въ обществѣ ненависть къ нему за его рѣшительныя мѣропріятія въ борьбѣ съ указанными противоположными теченіями: „Какъ ходилъ я съ царевичемъ Алексѣемъ Алексѣевичемъ въ Колязинъ монастырь“, говорилъ онъ здѣсь, „въ то время на Москвѣ многіе люди къ лобному мѣсту сбирались *и называли меня иконоборцемъ*, потому что многія иконы я отбиралъ и стиралъ, и *за то меня хотѣли убить*. Но я отбиралъ *иконы Латинскія, писанныя по образцу, какой вывезъ Нѣмецъ изъ своей земли*. Вотъ какимъ образамъ надобно вѣрить и покланяться (при этомъ патріархъ указалъ на *византійскій образъ* Спасителя въ иконостасѣ); а я не иконоборецъ. И послѣ того называли меня *еретикомъ*: *новыя де книги завелъ!* И все это дѣлается ради моихъ грѣховъ. Я вамъ предлагалъ многое поученіе *и свидѣтельство отъ вселенскихъ патріарховъ*, а вы, въ окаменѣніи сердецъ своихъ, хотѣли меня каменіемъ побить; *и чѣмъ вамъ каменіемъ меня побить и еретикомъ называть*, *такъ лучше я вамъ отъ сего времени не буду патріархъ*“. Въ послѣдовавшихъ затѣмъ переговорахъ своихъ съ княземъ Трубецкимъ Никонъ выразилъ между прочимъ: „*да и давно у меня обѣщаніе, что патріархомъ не быть*“. Пожалуй, здѣсь обнаружилось свойственное ему упорство; но очень возможно, что подъ вліяніемъ непрерывныхъ огорченій въ своей дѣятельности, мысль эта дѣйствительно посѣщала его и ранѣе.

сдерживавшая до сего времени распространеніе здѣсь западнаго вліянія, и это послѣднее, разливаясь теперь неудержимымъ потокомъ, стало вдругъ преобладающимъ, какъ мы уже видѣли, не только въ высшихъ придворныхъ и общественныхъ сферахъ, но отразилось и въ области церковной.

Положеніе оставшихся сподвижниковъ Никона видимымъ образомъ сдѣлалось самымъ тяжелымъ: ихъ прежнее преобладающее значеніе вдругъ смѣнилось теперь состояніемъ почти полной безнадежности. Нельзя безъ глубокаго сочувствія внимать ихъ безконечнымъ сѣтованіямъ на новое, совершенно измѣнившееся положеніе вещей; невозможно не проникаться чувствомъ высокаго уваженія и удивленія предъ дружными усиліями ихъ доставить непрерывнымъ научнымъ трудомъ должное преобладаніе своему началу: но всѣ ихъ старанія были безуспѣшны. Тщетно Епифаній Славинецкій въ благороднѣйшемъ энтузіазмѣ провозглашалъ необходимость „яснаго луча греческаго ученія“, подымая на судъ даже тѣнь Катона, извѣстнаго ненавистника эллинизма: дѣйствительность, очевидно, не откликалась на его зовъ. За „греческое ученіе“ здѣсь стояла только великая историческая традиція; на практикѣ же въ самой жизни тогдашняго русскаго общества оно уже потеряло свое прежнее высокое значеніе. Консервативные элементы общества не довѣряли уже, какъ мы видѣли, ни новымъ учителямъ грекамъ, ни даже самимъ греческимъ книгамъ; элементы же прогрессивные предпочитали прямо обращаться къ западу, откуда приходили къ намъ и сами ученые греки. Какъ мы теперь, въ вопросахъ нашей богословской науки, менѣе всего адрессуемся къ современнымъ грекамъ, такъ въ сущности стало это проявляться и тогда: разница лишь та, что то было первоначаль-

ное эмбріоническое состояніе нынѣшняго положенія вещей. Послѣдній и самый рѣшительный разсчетъ съ „греческимъ ученіемъ“ на Руси произведенъ былъ при патріархѣ Никонѣ и вмѣстѣ съ нимъ; съ тѣхъ поръ, до самой реформы Петра, оно уже только спускалось здѣсь съ небольшими колебаніями по наклонной плоскости. Самъ Епифаній Славинецкій въ сущности потому такъ настойчиво провозглашалъ „греческое ученіе“, что побывалъ на Западѣ Европы и тамъ научился цѣнить великое наслѣдіе Византіи; не посѣтившій же запада ученикъ его Евѳимій, при всемъ своемъ усердіи, являлъ лишь блѣдное отраженіе своего знаменитаго учителя. Достоинъ замѣчанія слѣдующій, весьма характеристическій фактъ: плодъ огромной учености Епифанія и его чисто адамантоваго трудолюбія — „*Полный Лексиконъ Греко-Славено-Латинскій*“, въ которомъ великій поборникъ идеи желалъ дать лучшее средство современному русскому человѣку читать греческія книги, — дошелъ до насъ, кромѣ самого черноваго автографа, чуть ли не въ одномъ только спискѣ. Это въ сущности означаетъ, что кромѣ довольно ограниченнаго кружка ученыхъ, трудъ этотъ никому почти не былъ нуженъ. И въ самомъ дѣлѣ: старые памятники Византіи московскій книжникъ прочелъ уже давно и прочелъ довольно исправно, хотя и въ неисправныхъ переводахъ; новыхъ греческихъ книгъ онъ читать не станетъ, западникъ же читаетъ „по латинямъ“.

Но, дѣйствуя въ пользу своего направленія положительнымъ образомъ, посредствомъ ученыхъ трудовъ, возбуждающихъ справедливое удивленіе къ ихъ необыкновенной ревности, представители „греческаго ученія“ въ Москвѣ дѣйствовали здѣсь въ томъ же смыслѣ и отрицательно, путемъ обличенія западныхъ

латинствующихъ воззрѣній, проникавшихъ въ духовную науку и литературу того времени. Въ этомъ отношеніи они такъ же проявили не менѣе замѣчательныя и настойчивыя усилія,—и мы видѣли, что Симеону Полоцкому, широко заявившему свое западническое направленіе въ многочисленныхъ литературныхъ произведеніяхъ, пришлось почти исключительно принимать на себя ихъ основательныя и строгія обвиненія. Правда, этимъ мало занимался самъ Епифаній Славинецкій, замѣчательная ученость котораго преимущественно направлялась къ положительному раскрытію превосходства „греческаго ученія“ и который, какъ воспитанникъ тѣхъ же западныхъ школъ, повидимому, питалъ даже нѣкоторое уваженіе къ несомнѣнной учености своего противника; но за то съ особенною ревностію на этомъ сосредоточивалъ свою дѣятельность ученикъ его, инокъ Евѳимій, для котораго крайне ненавистенъ былъ высокій ученый авторитетъ Симеона и которому утомительное и скрупулезное процѣживаніе въ его сочиненіяхъ „ересей латинскихъ и лютерскихъ“ приходилось какъ нельзя болѣе по вкусу. Но и въ этомъ отношеніи, какъ мы видѣли, старанія ихъ остались безплодны,—и намъ теперь становится совершенно понятнымъ общее историческое основаніе этого новаго и весьма характеристическаго явленія.

Очевидно, что при данныхъ условіяхъ, чудовскіе ученые могли нападать только на нѣкоторыя частныя неправославныя мнѣнія Симеона, происходившія отъ исключительнаго и неумѣреннаго пользованія имъ для своихъ сочиненій латинскими источниками и общія ему со всѣми вообще кіевскими учеными того времени; но они были уже совершенно не въ силахъ пошатнуть его высокое авторитетное значеніе въ высшихъ придворныхъ и правящихъ сфе-

рахъ Москвы. Слабые числомъ и значеніемъ они не въ состояніи были противостоять широкому наплыву въ нравы и обычаи современнаго имъ московскаго общества элементовъ западной образованности; а между тѣмъ въ этомъ, именно, обстоятельствѣ Симеонъ Полоцкій и получалъ, главнымъ образомъ, существенную поддержку для своего почетнаго и выдающагося здѣсь положенія. Лишившись въ патріархѣ Никонѣ своей величайшей опоры и оставаясь въ сторонѣ отъ новаго могущественнаго теченія въ обществѣ, чудовскіе иноки роковымъ образомъ осуждены были на утрату своего прежняго руководящаго значенія; тогда какъ Симеонъ Полоцкій, удовлетворяя своими многочисленными произведеніями новому духу времени въ высшей степени, естественно и съ очевидною постепенностію пріобрѣталъ здѣсь все болѣе важное и вліятельное общественное положеніе. И вотъ мы видимъ, что прямымъ и ближайшимъ слѣдствіемъ всѣхъ нападеній на него чудовскихъ ученыхъ было лишь то, что Симеонъ, при удобномъ случаѣ, жаловался государю на „завистниковъ гажденіе, на суемудрствующихъ хухнаніе“, заранѣе увѣренный, что сочувствіе царственнаго покровителя было здѣсь, именно, на его сторонѣ. Такимъ образомъ, въ то самое время, когда инокъ Евѳимій истощалъ свои усилія въ рѣзкихъ обличеніяхъ и даже въ злостной сатирѣ на него, Симеонъ только прилагалъ старанія къ новымъ произведеніямъ своимъ въ западномъ вкусѣ, достаточно испытавъ уже благосклонное вниманіе къ нимъ государя и даже прямо поднося ихъ ему въ воздаяніе за „препитаніе милостивое“ и за „тихое и покойное въ кровѣ крылу его храненіе“.

Обстановка частной жизни Симеона при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, къ представленію которой мы должны теперь послѣдовательно перейти, подтверж-

даетъ какъ нельзя болѣе всѣ сдѣланныя нами указанія на его общее почетное положеніе въ Москвѣ. Изъ относящихся сюда данныхъ съ несомнѣнностію открывается, что онъ пользовался особенною милостію и покровительствомъ государя и, если сохранялъ здѣсь званіе простаго іеромонаха, то находился въ условіяхъ жизни, совершенно приличныхъ его высокому значенію, какъ придворнаго учителя, проповѣдника и поэта. Совершенно естественно, что государь не скупился въ своихъ щедротахъ человѣку, который, кромѣ этихъ спеціальныхъ заслугъ своихъ въ его семействѣ и при дворѣ, принималъ съ его соизволенія столь выдающееся и полезное въ его видахъ участіе въ важнѣйшихъ текущихъ вопросахъ того времени.

Мы уже видѣли, что тотчасъ по пріѣздѣ Симеона Полоцкаго въ Москву, мѣсто жительства его здѣсь опредѣлено было въ Заиконоспасскомъ монастырѣ: изъ послѣдующихъ данныхъ открывается, что вмѣстѣ съ этимъ онъ былъ назначенъ и начальникомъ, или, какъ онъ самъ подписывался,—„строителемъ" этой обители. Заиконоспасскій монастырь издавна уже носилъ въ Москвѣ названіе „учительскаго", и еще задолго до пріѣзда сюда Симеона, въ немъ былъ строителемъ извѣстный учитель Арсеній Грекъ; съ довольно значительнымъ промежуткомъ времени, Симеонъ Полоцкій, такимъ образомъ, поступилъ здѣсь на его мѣсто: но какова была разница въ направленіяхъ того и другаго учителя!—Какъ начальникъ обители, Симеонъ, безъ сомнѣнія, пользовался здѣсь весьма удовлетворительной обстановкой. Онъ занималъ приличное помѣщеніе, вѣроятно, въ тѣхъ самыхъ „хоромахъ", которыя были выстроены государемъ въ 1665 году; имѣлъ собственную прислугу, состоявшую изъ трехъ человѣкъ, и содержалъ лошадь, назначенную въ

его исключительное пользованіе. Кромѣ того извѣстно, что у Симеона постоянно проживали въ Москвѣ его ближайшіе родные, и всѣ они имѣли здѣсь, по его собственному выраженію, „нескудное, но довольное препитаніе“. Такъ: на его попеченіи находилась здѣсь его престарѣлая мать, повидимому, пріѣхавшая сюда вмѣстѣ съ нимъ, и—оставшійся по смерти брата родной племянникъ его Михаилъ Сильвестровичъ съ своею матерію Ириной Аѳанасьевной; послѣдніе также переѣхали къ нему очень рано и оставались здѣсь до самой его смерти [1]).

Нѣкоторыя средства для своего содержанія Симеонъ получалъ, безъ сомнѣнія. и отъ управляемой имъ обители, правда очень бѣдной и совершенно безвотчинной, но доходы которой онъ могъ увеличить своею обычною предпріимчивостію. Между прочимъ, съ этою цѣлію онъ завелъ „синодикъ обители Всемилостиваго Спаса, сущія за иконнымъ рядомъ“, гдѣ въ пространной рѣчи, достойной его блестящаго ораторскаго таланта, приглашалъ православныхъ къ записыванію въ него душъ умершихъ. Доказавъ подробно изъ Св. Писанія, изъ многочисленныхъ отеческихъ свидѣтельствъ и изъ житій Святыхъ пользу поминовенія умершихъ, Симеонъ заключаетъ здѣсь воззваніемъ: „являйте убо милость умершимъ вашимъ, жертвы святыя о спасеніи душъ ихъ приношеніемъ *и инѣми всяческими благотвореньми:* а они вашимъ пособіемъ помилованіи, умолятъ у Господа Бога милость и жизнь вѣчну душамъ вашимъ“... [2]). Но несомнѣнно, что главныя

---

[1]) Въ черновомъ спискѣ 3-го слова Симеона въ день Благовѣщенія пресв. Богородицы, писаннаго при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, находится подпись: „Siie pouczeniie otca Simeona Polockaho, a moieho diadi; затѣмъ изъ духовнаго завѣщанія Симеона видно, что они жили у него до его кончины.

[2]) Рукоп. Синод. библ. № 229, л. 247-й.

средства для своего жительства въ Москвѣ Симеонъ получалъ, все-таки, изъ государевой казны; такъ какъ мы уже знаемъ, что онъ тотчасъ же по своемъ пріѣздѣ сюда поступилъ на дворцовое содержаніе. Отъ двора ему отпускался „денежный кормъ“ въ размѣрахъ „по 5 алтынъ въ день“, что по тому времени составляло окладъ довольно значительный. Кромѣ того, для прокормленія себя, своей родни и „челяди“ Симеонъ получалъ оттуда же всѣ продукты натурою; дрова ему такъ-же выдавались изъ „государеваго дровяпаго двора“; сѣно для лошади получалось изъ луговъ коломенскихъ, а овесъ изъ двора житнаго. Все это, соединенное вмѣстѣ, обнаруживаетъ особенное благоволеніе государя къ Симеону и представляетъ намъ его домашнюю обстановку въ Москвѣ какъ совершенно обезпеченную.

Однако-жъ кормъ, отпускаемый Симеону какъ деньгами такъ и натурою, не всегда былъ доставляемъ ему исправно; такъ что нерѣдко ему приходилось обращаться съ письменными просьбами относительно его выдачи. Этому обстоятельству мы и обязаны тѣмъ, что въ черновыхъ бумагахъ Симеона до насъ дошли нѣкоторыя частныя данныя, рисующія довольно подробно и совершенно нагляднымъ образомъ его внѣшнее положеніе. „Благодѣтелю мой премилостивый“,—пишетъ онъ, напримѣръ, въ одномъ случаѣ лицу завѣдывавшему выдачей царскаго корма,—„молю твое благоутробіе, яви на мнѣ якоже и прежде милость свою, прикажи государево жалованье *медъ прѣсный* за 6 мѣсяцевъ выдати; азъ же, помня твое ко мнѣ милосердіе, непрестанно имамъ быти молитвенникъ о тебѣ благодѣтелѣ моемъ“ [1]). Въ другомъ случаѣ Симеонъ обращается къ тому же

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 130, л. 175-й.

лицу съ болѣе уже важнымъ прошеніемъ: „молю благоутробіе твое да явивши на мнѣ милость твою прежнюю и повелиши *великаго государя жалованье за прошедшій годъ муки пшенныя двѣ четверти, а ржаныя 8 четвертей, 8 (?) масла коровья за Августъ по памятемъ отпустити*, чтобы мнѣ не убытчитися въ моей скудости и тебѣ бы благодѣтелеви моему къ тому болши не стужати"...[1]).

Но такъ какъ эти прошенія Симеона, повидимому, не всегда оканчивались желательнымъ успѣхомъ, то онъ подавалъ государю особыя челобитныя, испрашивая себѣ продолженія выдачи тѣхъ или иныхъ статей изъ своего дворцоваго содержанія. Челобитныя эти Симеонъ подавалъ чрезъ приближенныхъ къ государю лицъ, которыхъ обыкновенно и предупреждалъ о томъ просьбою своею, въ родѣ слѣдующей: „прошу твое благоутробіе, да время благоугодно усмотрѣвъ, доложиши Великаго Государя о моей челобитной; азъ же, аще твоимъ ходатайствомъ милости Благочестивѣйшаго Самодержца сподобленъ буду, должникъ имамъ быти"... [2]). Обращаться къ государю съ челобитными Симеону приходилось довольно часто, но всякій разъ онъ составлялъ ихъ приблизительно въ одинаковой формѣ, не чуждой, впрочемъ, его общей характеристической манеры.— Въ 1670 году почему-то была прекращена выдача ему денежнаго корма, назначеннаго „по государеву указу и по памяти большаго дворца", — и вотъ Симеонъ обращается къ государю съ просьбою: „пожалуй мене богомольца своего, по своей премногой ко мнѣ милости, вели мнѣ тотъ кормъ денежный по прежнему давать".... [3]). Въ слѣдующій, 1671 годъ,

---

1) Рукоп. Синод. библ. № 130, л. 173-й.
2) Тамъ-же: л. 175-й.
3) Тамъ-же: л. 181-й.

ему перестали выдавать кормъ натурою; по этому случаю Симеонъ снова подаетъ челобитную государю: „пожаловалъ ты, Великій Государь, мене богомольца своего и съ людьми моими треми человѣки кормомъ и питіемъ изъ твоихъ государевыхъ дворцовъ. И то твое Великаго Государя милостивое жалованье отпускано мнѣ до настоящаго 179 году, а въ настоящій годъ 179 отъ перваго числа мѣсяца Септемврія не отпускаютъ. А мнѣ твоему богомольцу пищи и питія и прочихъ нуждныхъ, кромѣ твоего Царскаго милосердія, взяти негдѣ... Пожалуй мене богомольца своего, по своей неизреченной царской милости, для своего многолѣтняго царскаго здравія и душевнаго спасенія. Вели Государево жалованье кормъ и питіе давати мнѣ и *челяди* моей изъ своихъ Государевыхъ дворцовъ по прежнему“...[1]). Однажды случилось, что у Симеона дрова „изошли“; новыхъ не выдаютъ, а „хладъ и мразъ наступаютъ“, и онъ подаетъ о выдачѣ ихъ челобитную своему державному покровителю [2]). Съ челобитною же обращается онъ къ государю и въ томъ случаѣ, когда у него „изошелъ кормъ лошадиный“, мотивируя по обыкновенію просьбу свою тѣмъ, что ему этого корму „взяти, кромѣ царскаго милосердія, негдѣ“ [3]).

Но кромѣ этихъ случаевъ нарушенія въ выдачѣ ему текущаго дворцоваго содержанія, Симеонъ обращался съ челобитными къ государю и по нѣкоторымъ экстреннымъ обстоятельствамъ. Между прочимъ, въ 1669 году „Божіимъ посѣщеніемъ во время пожара погорѣло все покровеніе церкве Всемилостиваго Спаса и отъ великихъ дождевъ своды

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 130, л. 181-й.
[2]) Тамъ-же: л. 182-й.
[3]) Тамъ-же: л. 183-й.

портились; на престолъ Божій и на жертовникъ вода текла; а направити и покрыти нѣтъ чимъ, потому что обитель безъотчинна и вельми скудна, и нѣкоему, кромѣ царскаго милосердія"; поэтому Симеонъ проситъ государя: „вели храмъ Всемилостиваго Спаса, для твоего многолѣтнаго царскаго здравія и душевнаго спасенія, изъ твоея Государевы казны покрыти, чтобы ему отъ дождевъ осенныхъ и отъ непогодъ въ конецъ не разрушитися"... [1]).— Во время этого пожара, повидимому, пострадало и собственное имущество Симеона; по крайней мѣрѣ, такъ можно объяснять то обстоятельство, что ему пожалованъ былъ погребъ „въ городовой стѣнѣ ради сохраненія вещей и ради *безбѣдства отъ пожаровъ*". Но въ погребѣ этомъ не было желѣзныхъ дверей,— и вотъ Симеонъ обращается къ государю съ просьбою: „вели изъ твоея Государевы казны къ тому погребу желѣзныя двери построить, чтобы *мнѣ и всему монастырю защитное было отъ пожаровъ хранилище*"... [2]).—Случилось, что въ томъ же 1669 году „выѣхалъ на Великаго Государя имя изъ Литовскія земли единоутробный братъ Симеона Іоаннъ Емельяновъ сынъ". Живя въ одной келіи съ Симеономъ, онъ, по словамъ послѣдняго, „возлюбилъ во святомъ иноческомъ чинѣ житіе свое проводити и за Великаго Государя многолѣтное здравіе до кончины живота своего Господа Бога молити": на этомъ основаніи Симеонъ проситъ государя, чтобы тотъ пожаловалъ ему на иноческія одѣянія „что извѣститъ Господь Богъ"... [3]). И дѣйствительно, за свой выѣздъ въ Москву братъ Симеона пожалованъ

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 130, л. 182-й.
[2]) Тамъ-же: л. 181-й.
[3]) Тамъ-же: л. 183-й.

былъ единовременно „государевымъ жалованьемъ“; но оставаясь у Симеона и дѣлая „съ нимъ вмѣстѣ всякія государевы дѣла“, онъ не получалъ на себя особаго содержанія, — и вотъ Симеонъ отъ лица его подаетъ государю челобитную, чтобы тотъ велѣлъ указать на него „жалованье изъ дворцовъ поденной кормъ и питіе“ [1]).

Наконецъ, Симеонъ подавалъ государю челобитныя о единовременномъ пособіи и вовсе уже безъ всякаго особеннаго повода, а просто на основаніи лишь своего общаго положенія при дворѣ, предполагавшаго внимательное отношеніе государя къ его нуждамъ. Наступалъ, напримѣръ, праздникъ Рождества Христова, а Симеонъ, „государевъ богомолецъ пребывалъ въ скудости нужнаго пропитанія и не имѣлъ откуду стяжати, кромѣ царскаго милосердія“; поэтому онъ просилъ государя, чтобы тотъ пожаловалъ его „ради плоть пріемшаго насъ дѣля человѣковъ Христа Господа“ [2]).—Слѣдуетъ припомнить, что Симеонъ при различныхъ придворныхъ торжествахъ и при важнѣйшихъ своихъ поздравленіяхъ государю обыкновенно получалъ отъ него особенные подарки; но случалось и такъ, что его при этомъ забывали, и тогда онъ не стѣснялся прямо напоминать объ этомъ своему покровителю. Сохранилась одна челобитная его, написанная по такому, именно, случаю и едва ли не самая характеристическая въ цѣломъ родѣ: „Въ прошломъ государь въ 177 (1669) году, егда изволилъ Господь Богъ блаженныя памяти государиню царицу и великую княгиню Марію Ильичну отъ временныя жизни пресилити во вѣчную, написалъ я твой государевъ холопъ, во похвалу свя-

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 130, л. 183-й.

[2]) Тамъ-же.

таго ея государини житія и во воспоминаніе вѣчное добродѣтелей, вѣчныя памяти достойныхъ, книжицу хитростію піитическаго ученія и вручилъ тебѣ великому государю, ради утоленія печали сердца твоего, и за тотъ мой прилѣжный трудъ отъ тебе великаго государя ничимъ я не пожалованъ. Да и въ настоящемъ государь, во 179 году, егда Господь Богъ изволилъ тебе великаго государя милосердымъ своимъ призрѣти окомъ, и даровати тебѣ супружницу благовѣрную государиню царицу и великую княгиню Наталію Кирилловну, пожаловалъ ты великій государь всякихъ чиновъ людей прещедрымъ, духовныхъ и мірскихъ, твоимъ царскимъ даяніемъ; а я твой государевъ богомолецъ и въ то время ничимъ не пожалованъ, а живу теперь въ большой скудости всѣхъ нуждныхъ, тако самъ, яко и люди мои. А не имѣю ни откуду пособія нищетѣ моей кромѣ твоего царскаго милосердія и того ради молю твое царское благоутробіе.... Пожалуй мене богомольца своего за тыя моея книжицы художное написаніе, и ради всемирныя радости отъ твоего царскаго Богомъ сочетаннаго супружества, во всѣхъ православныхъ сердца́ изливаемыя, во вспоможеніе моея скудости, что тебѣ Господь Богъ извѣститъ о мнѣ. Царь государь, смилуйся пожалуй!“ [1]).

Такимъ образомъ, очевидно, что Симеонъ, благодаря щедротамъ царя Алексѣя Михайловича, пользовался въ своей домашней жизни совершено обезпеченнымъ положеніемъ,—и если онъ въ приведенныхъ челобитныхъ своихъ постоянно упоминалъ о своей скудости, то это, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ принимать только какъ проявленіе обычной манеры того времени, отъ которой были не свободны даже

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 130, л. 184-й.

и богатѣйшіе бояре, испрашивавшіе себѣ государевыхъ милостей. Самъ Симеонъ впослѣдствіи ближайшимъ образомъ характеризовалъ жизнь свою при тишайшемъ государѣ, и его характеристики въ этихъ случаяхъ выражаютъ совершенное довольство ея внѣшней обстановкой, соединенное съ чувствомъ живѣйшей благодарности. Въ своемъ предисловіи къ „*Вертограду многоцвѣтному*" онъ говоритъ, напримѣръ: „по превелицей милости и премногимъ щедротамъ святопочившаго о Господѣ Бозѣ святыя и блаженныя памяти благочестивѣйшаго государя, царя Алексѣя Михайловича, *не скудное*, но довольное по моему чину и званію чрезъ лѣтъ тринадесять имѣя препитаніе, прерадостно въ царствующемъ и богоспасаемомъ градѣ Москвѣ прежихъ, присно ко Господу Богу теплыя моя молитвы о немъ великомъ государѣ возсылая, и труды трудомъ: ово по повелѣнію начальствующихъ, ово по моему свойственному благохотѣнію, да не празденъ жизни моея вотще иждиву время, прилагая" [1]). Еще въ болѣе распространенной и выразительной формѣ онъ свидѣтельствуетъ о томъ-же и въ своемъ стихотворномъ благодареніи царю Өедору Алексѣевичу за созданіе новой келіи. „Азъ", говоритъ здѣсь Симеонъ,—

„отъ милости сею (царя и царицы) быхъ взысканны
И чрезъ лѣтъ тринадесять нескудно питанны.
Аще въ чуждей есмь странѣ далече рожденны,
Но милостію сею близъ есмь сотворенны.
Сверстаста мя съ своими, свѣтло на мя зряху,
Паче службы моея милость ми являху.
Не токмо же мнѣ грѣшну, и на матерь мою
Проявиста щедрую царскую милость свою:

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 288, л. 4-й.

Ибо до смерти ея велѣста питати,
Изъ царскихъ си сокровищъ кормъ щедро
даяти.... [1]).

Такъ благодарный Симеонъ выражалъ впослѣдствіи отрадное воспоминаніе о своихъ царственныхъ покровителяхъ и благодѣтеляхъ, пріютившихъ его при дворѣ своемъ и высоко цѣнившихъ здѣсь его разнообразныя и важныя заслуги.

Въ 1676 году, говоря словами Симеона, „великосвирѣпое преизлиха, и неудобь стерпимое на ковчегъ россійскаго царствія въ день суботній, иже бѣ 29 (въ ночь) Іаннуарія, нападе треволненіе, неожиданная смерть пресвѣтлѣйшаго монарха“ [2]). Кончина милостивѣйшаго изъ государей, поднявшая, по свидѣтельству Рейтенфелса [3]), стонъ не выразимой скорби во всей Москвѣ, коснулась ближайшимъ образомъ и Симеона. Въ чувствѣ печали о горестной утратѣ, онъ написалъ его „Гласъ послѣдній“ и „Плачи“ по немъ; но поднесъ это стихотворное произведеніе свое уже наслѣднику его, царю Ѳеодору Алексѣевичу, при которомъ открылся еще большій просторъ для его завѣтныхъ стремленій и, соотвѣтственно этому, еще болѣе широкое участіе въ царскихъ милостяхъ.

---

1) Рукоп. Синод. библ. № 287, л. 596-й.
2) Тамъ-же: л. 518-й.
3) Iac. Reutenfels: de rebus moschoviticis, 109—110 p.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Жизнь и дѣятельность Симеона Полоцкаго въ Москвѣ при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ.

Особенная близость Симеона къ государю, основанная на его прежнемъ наставничествѣ.—Поднесеніе ему „Гласа послѣдняго“ царя Алексѣя Михайловича и „Плачей“ по немъ.— Вызовъ въ Москву Сильвестра Медвѣдева: преданность его и сотрудничество Симеону.—Распространеніе въ Москвѣ протестантскихъ идей и литературная полемика противъ нихъ Симеона.—Учрежденіе Симеономъ Верхней типографіи: его побужденія къ этому, время ея открытія и примѣненіе ея къ педагогическимъ цѣлямъ. — Первыя изданія Верхней типографіи: „Букварь,“ „Тестаментъ Василія царя греческаго“ и „Повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ“; проявляющіяся въ нихъ педагогическія идеи Симеона.—Заботы объ учрежденіи высшаго училища въ Москвѣ и составленіе Симеономъ „Привиллегіи Славяно-Греко Латинской Академіи“: время ея составленія и общій характеръ предположеннаго въ ней училища.—Общее значеніе Симеона какъ учителя.—Проповѣдничество Симеона: мѣсто проповѣдничества и изданіе его проповѣдническихъ сборниковъ. — Стихотворная дѣятельность Симеона: продолженіе имъ прежнихъ пріемовъ стихотворства; новыя религіозныя стихотворенія Симеона; собраніе „Вертограда многоцвѣтнаго“ и „Риѳмологіона“; составленіе и изданіе „Псалтыри риѳмотворной“. — Общественныя отношенія Симеона: новые покровители его при дворѣ—Лихачевы и Ромодановскіе.—Недоброжелательство къ Симеону патріарха Іоакима и продолженіе вражды къ нему инока Евѳимія.—Отсутствіе друзей у Симеона въ средѣ высшихъ представителей церкви и скудость его сношеній съ южанами.—Обстановка частной жизни Симеона и его попеченія о внѣшнемъ и внутреннемъ благоустройствѣ Заиконоспасскаго монастыря.—Обстоятельства болѣзни и смерти Симеона; его духовное завѣщаніе.—Черты личнаго характера Семеона и общее замѣчаніе о послѣдующей судьбѣ его направленія.

Съ восшествіемъ на престолъ царя Ѳедора Алексѣевича для Симеона Полоцкаго открылось само со-

бою вполнѣ обезпеченное почетное положеніе при дворѣ, явившееся непосредственнымъ слѣдствіемъ извѣстныхъ уже намъ его личныхъ отношеній къ этому государю. Уже въ царствованіе Алексѣя Михайловича Симеонъ находился въ ближайшихъ отношеніяхъ ко двору и даже пользовался особеннымъ вниманіемъ и милостями государя, благодаря непрерывнымъ трудамъ своимъ на придворной службѣ и по исполненію его различныхъ порученій. Совершенно естественно, что значеніе его возвысилось еще болѣе, когда государемъ сдѣлался воспитанникъ его, царь Θеодоръ Алексѣевичъ, вступившій на престолъ въ такихъ юныхъ лѣтахъ (на 15-мъ году), что и самое наставничество ему Семеона едва-ли могло совершенно прекратиться. Имѣется извѣстіе, будто за «*юностію*» и «*чрезмѣрною слабостію*» этого государя при немъ управляли государствомъ нѣкоторыя придворныя лица того времени: между этими лицами упоминается и *царскій учитель Симеонъ Полоцкій* [1]). И хотя къ такому извѣстію, въ особенности по отношенію къ этому послѣднему, нѣтъ возможности относиться съ безусловнымъ довѣріемъ; тѣмъ менѣе очевидно, что единственнымъ основаніемъ его могла послужить только особенная близость Симеона къ новому государю и его общее вліятельное при немъ положеніе.

Дѣйствительно, наблюдая всегдашнее высокое уваженіе юнаго государя къ личности своего знаменитаго наставника, нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ былъ расположенъ прислушиваться съ особен-

---

[1]) Росс. родословный сборникъ, изд. кн. П. Долгоруковымъ. Спб. 1840 г. 3 кн. 110 стр. См. Замысловскій: Царствованіе Θеодора Алексѣевича, 1 ч. 136 стр.

нымъ вниманіемъ и довѣріемъ къ его просвѣщеннымъ внушеніямъ. Если и невозможно допустить, чтобы внушенія эти, при извѣстной осторожности и умѣренности Симеона, имѣли какой-либо односторонній политическій характеръ, то самый фактъ его общаго нравственнаго вліянія на своего царственнаго питомца можно считать совершенно несомнѣннымъ. Естественное и понятное само по себѣ, такое вліяніе его открывается съ полною очевидностію уже изъ упомянутаго нами перваго стихотворнаго произведенія Симеона, поднесеннаго царю Ѳеодору Алексѣевичу по случаю безвременной кончины его родителя. Въ первой части этого произведенія, носящей названіе: «*Гласъ послѣдній свято почившаго о Господѣ благочестивѣйшаго, тишайшаго, пресвѣтлѣйшаго великаго Государя Царя и великаго князя Алексѣя Михайловича*» [1],—заключается 80 «*велѣній*», обращенныхъ со стороны послѣдняго къ своему юному преемнику. «*Велѣнія*» эти, имѣющія видъ общихъ сентенцій, представляютъ собою ничто иное, какъ краткіе назидательные уроки общаго поведенія и государственной мудрости, влагаемые Симеономъ въ уста умирающаго царя съ цѣлію наставленія своего питомца въ новомъ его высокомъ положеніи. Общій тонъ этихъ наставленій, проникнутый искренностію и теплотою чувства, указываетъ на близкое горячее участіе къ нему Симеона; а ихъ чрезвычайное обиліе и открыто морализирующій характеръ ясно свидѣтельствуютъ объ естественности и совершенной умѣстности съ его стороны такого оригинальнаго пріема въ своемъ поэтическомъ изобрѣтеніи.

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 287, л. 517-й.

Такимъ затѣйливымъ стихотворнымъ произведеніемъ Симеонъ постарался встрѣтить вступленіе на престолъ царя Өеодора Алексѣевича; но при его написаніи имъ руководило не одно лишь желаніе дать общія полезныя наставленія своему царственному питомцу. Въ связи съ этимъ частнымъ намѣреніемъ главная цѣль этого произведенія состояла въ томъ, чтобы доставить юному государю извѣстное духовное утѣшеніе въ понесенной имъ горестной утратѣ. «Азъ», говоритъ Симеонъ въ своемъ прозаическомъ посвященіи этого произведенія государю,— «достослезное отшествіе пресвѣтлаго родителя твоего со плачи о немъ общими написати потщахся: *и рыданій утолительная предположихъ*, яже суть гласъ послѣдній, завѣтъ премудрый и кончина христіанская, всѣми убо желаемая, но не всѣми получаемая»... [1]). Мы уже знаемъ, что Симеонъ не въ первый разъ является утѣшителемъ своихъ вѣнценосныхъ покровителей въ постигающихъ ихъ семейныхъ несчастіяхъ. Еще задолго предъ этимъ онъ, точно въ такомъ-же родѣ, явился участникомъ скорби царя Алексѣя Михайловича, по случаю кончины его первой супруги: тѣмъ болѣе эта роль приличествовала ему теперь, при новыхъ совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ.

18-го іюня 1676-го года, когда совершилось вѣнчаніе царя Өеодора Алексѣевича на царство, Симеонъ представилъ государю другое стихотворное произведеніе свое, не менѣе обширное по размѣрамъ, но отличавшееся уже совершенно противоположнымъ, торжественнымъ характеромъ. Произведеніе это, направленное къ прославленію совершившагося радост-

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 287, л. 518-й.

наго событія, носитъ пространное и витіеватое заглавіе: «*Гусль доброгласная, восклицающая желанія всѣхъ сановъ и чиновъ россійскихъ и благопривѣтствія нововоцарившемуся благочестивѣйшему тишайшему пресвѣтлѣйшему великому Государю Царю и великому князю Θеодору Алексіевичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу. Въ день веселія сердца его, въ онже вѣнчаяй Господь милостію и щедротами возложи на главу его вѣнецъ отъ камене честна всесвященными рукама Святѣйшаго и Всеблаженнѣйшаго Великаго Господина Кгръ Іоакима, Патріарха Московскаго и всея Россіи*» [1]). Подобно тому, какъ въ предъидущемъ своемъ стихотворномъ произведеніи Симеонъ Полоцкій старался облегчить и разсѣять глубокую скорбь молодаго государя, такъ точно и въ настоящемъ случаѣ онъ сознательно стремится къ тому, чтобы увеличить его радость. Въ этомъ смыслѣ, въ своемъ посвященіи «*Гусли*», онъ прямо заявляетъ государю: «ея же сладостію да возвеселиши сердце твое, да возрадуеши душу ти праведную, да утѣшишися чувствы твоими царскими» [2]). Достойна замѣчанія при этомъ та общая и весьма характеристическая манера, въ которой ловкій стихотворецъ составилъ и поднесъ государю это новое произведеніе своей панегирической музы: по словамъ Симеона, «*Гусль*» его была «трудолюбіемъ мысленно сооруженная, усердіемъ уструненная, бряцаломъ пера біенная, рачительства десницею и смиренія шуйцею поднесенная» .. [3]).

———

1) Рукоп. Синод. библ. № 287, л. 559-й.
2) Тамъ-же: л. 560-й.
3) Рукоп. Синод. библ. № 287, л. 559-й.

Само собою разумѣется, что эти стихотворныя произведенія Симеона содѣйствовали въ значительной степени укрѣпленію и возвышенію того общаго почетнаго положенія его при дворѣ, которое естественнымъ образомъ возникало изъ прежнихъ наставническихъ отношеній его къ царю Θеодору Алексѣевичу. Конечно, въ сравненіи съ наставничествомъ, они имѣли здѣсь второстепенное значеніе; но все-таки очевидно, что и въ нихъ Симеону представлялось новое и весьма важное средство снискать себѣ особенное милостивое вниманіе и благорасположеніе государя. Несомнѣнно, по крайней мѣрѣ, что такъ разсматривалъ ихъ самъ Симеонъ и при ихъ составленіи, явнымъ образомъ руководился, между прочимъ, и этимъ личнымъ своимъ честолюбивымъ стремленіемъ. Въ своей «*Гусли доброгласной*», оканчивая «желанія всѣхъ сановъ и чиновъ россійскихъ» и переходя къ «благопривѣтствіямъ», Симеонъ, обращаясь къ царю Θеодору Алексѣевичу, заявляетъ:

....Азъ привѣтствія благая вѣщаю.
Гуслію сею любезнѣ звяцаю,
Въ небеси многи старцемъ гусли бяху,
Вси же едину всѣми пѣснь пояху.
Азъ единою многи пѣсни пою,
По числу гуслей ихъ въ честь царску твою.
Желая, да вси вѣрніи ликуютъ,
Царствія тебѣ вѣрно привѣтствуютъ.
Ты же изволи любезно слушати,
Мене въ милости своей соблюдати [1]).

Затѣмъ, окончивъ эти «благопривѣтствія», онъ въ заключеніе всего произведенія, снова повторяетъ государю:

---

[1]) Тамъ-же: л. 567-й.

....Ты же изволи мене соблюдати,
Яко отецъ твой въ своей благодати.
Ей же азъ мене смиренно вручаю,
При семъ привѣтствѣ стопы ти лобзаю [1]).

Зная особенную склонность царя Θеодора Алексѣевича къ стихотворному искусству, развитую въ немъ самимъ Симеономъ и простиравшуюся до личнаго трудолюбиваго въ немъ участія, нельзя сомнѣваться въ томъ, что представленныя произведенія произвели на него въ высшей степени отрадное впечатлѣніе и, безъ сомнѣнія, имѣли извѣстное значеніе въ его общемъ благосклонномъ расположеніи къ знаменитому ихъ составителю. Открытый и отчасти самоувѣренный тонъ приведенныхъ обращеній можетъ свидѣтельствовать даже, что и самъ Симеонъ въ сущности вовсе не сомнѣвался въ этомъ расположеніи и только стремился здѣсь поддержать и оправдать его своими новыми заслугами въ глазахъ государя.

Совершенно естественно, что при такомъ благопріятномъ положеніи личности Симеона Полоцкаго въ царствованіе Θеодора Алексѣевича и разнообразная просвѣщенная дѣятельность его въ это время могла получить болѣе важное значеніе и болѣе свободныя характеристическія проявленія. При глубокой личной настроенности Симеона къ труженической жизни уже напередъ не трудно предвидѣть, какую огромную важность въ этомъ отношеніи имѣла его непосредственная близость къ государю. Съ одной стороны, она доставляла дѣятельности его необходимый просторъ, дѣлая совершенно излишними всѣ употребляемыя имъ доселѣ усилія, чтобы поддержать

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 287 л. 589-й.

и упрочить за собою выгодное положеніе въ Москвѣ; а съ другой—ею заранѣе была обезпечена могущественная поддержка государя во всѣхъ предпринимаемыхъ имъ начинаніяхъ и трудахъ. И вотъ мы видимъ, что при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ Симеонъ дѣйствительно стремится придать дѣятельности своей большую широту и значеніе во всѣхъ извѣстныхъ уже намъ ея направленіяхъ. Правда, кратковременность жизни его при этомъ государѣ не дозволила развиться ей до надлежащихъ размѣровъ; но таковъ несомнѣнно общій характеръ многихъ начинаній Симеона, относящихся къ этому времени.

Однакожъ, прежде чѣмъ приступить къ осуществленію этихъ начинаній и даже ранѣе, чѣмъ нѣкоторыя изъ нихъ могли возникнуть, Симеонъ озаботился вызвать въ Москву извѣстнаго уже намъ, своего ближайшаго ученика и друга, Сильвестра Медвѣдева. Вызовъ этого замѣчательнаго человѣка былъ его первымъ шагомъ при новомъ государѣ и, безъ сомнѣнія, самъ по себѣ представляетъ весьма характеристическое и знаменательное явленіе. Можно думать прежде всего, что при открывшейся возможности къ болѣе значительной и обширной дѣятельности, Симеонъ просто пожелалъ имѣть въ лицѣ его усерднаго и довѣреннаго себѣ сотрудника. Но въ связи съ этимъ, въ немъ также естественно предположить намѣреніе доставить, при помощи своего привиллегированнаго положенія, надлежащій ходъ человѣку одинаковаго съ нимъ направленія и приготовить въ будущемъ дѣятельнаго и даровитаго его защитника, какимъ дѣйствительно и явился впослѣдствіи Сильвестръ Медвѣдевъ.

Мы оставили этого ревностнаго ученика и послѣдователя Симеона еще въ то время, когда онъ слу-

жилъ подъячимъ въ Приказѣ Тайныхъ Дѣлъ и будучи экономическимъ распорядителемъ учрежденной Симеономъ Спасской школы, получалъ изъ Приказа на содержаніе ея деньги включительно до 1668 года. Вскорѣ послѣ этого отправлялось въ Курляндію посольство подъ начальствомъ Ордына-Нащокина и вмѣстѣ съ нимъ велѣно было ѣхать туда Медвѣдеву *«для наученья»* [1]).—По возвращеніи изъ Курляндіи, онъ, подъ вліяніемъ Симеона, задумалъ принять монашество и въ 1672-мъ году отправился для этого въ «Пустынскій Пресвятыя Богородицы монастырь», Курской губерніи, Путивльскаго уѣзда. Медвѣдевъ выѣхалъ туда вмѣстѣ съ возвращавшимся изъ Москвы строителемъ этого монастыря старцемъ Софроніемъ, и тотчасъ по прибытіи на мѣсто не преминулъ извѣстить любимаго имъ учителя о своемъ благополучномъ путешествіи и о своихъ первыхъ впечатлѣніяхъ. «Въ Бозѣ пречестный господине, отче Симеоне, а мнѣ милостивый отче и наставниче»,—писалъ онъ къ нему въ мартѣ мѣсяцѣ этого года,—«Богу поспѣшествующему ми, за твоимъ о мнѣ къ Нему предстательствомъ, купно со пречестнымъ отцемъ Софроніемъ и прочіею братіею, до предпріятаго пути достигохъ въ цѣлости бывшаго моего тѣлеснаго здравія, марта 14 дня, и обрѣтохъ братію, явившихся и являющихся, мнѣ благопріятныхъ, мѣсто красотою, уединеніемъ и изобиліемъ надъ иныя сицевыя мѣста богато: аще бы единъ изъятъ былъ страхъ военный, то со трудностію бы ко благоутишію покоя кому обрѣтати таковое мѣсто....» Усматривая въ этомъ благое попеченіе о немъ Божественнаго промысла, Медвѣдевъ проситъ далѣе Симеона не предать его со-

---

[1]) Соловьевъ: Исторія Россіи, XIV т. 94 стр.

вершенному забвенію и по возможности доставлять о себѣ письменныя сообщенія: «Тебе, во изневѣжествованіе и храненіе мнѣ даннаго любезнѣйшаго милостиваго отца и благодѣтеля, молю, ради того божественнаго промысла, иже мене твоей святости вручи и преискреннюю въ твоемъ сердцѣ ко мнѣ отеческую твою любовь огнемъ благодати своея возже, — не опусти мя... изъ любви твоея... и чрезъ писаніе о твоемъ пребываніи мнѣ желаемаго извѣщенія не лиши мя...» Въ заключеніе письма онъ испрашиваетъ себѣ благословеніе высокопочитаемаго старца и всецѣло ввѣряетъ себя его любви и молитвамъ [1]).

Письмо это особенно важно въ томъ отношеніи, что оно послужило исходнымъ пунктомъ переписки, установившейся между учителемъ и ученикомъ, по случаю ихъ временной разлуки, и рисующей съ совершенною полнотою ихъ сердечныя, дружескія отношенія. Симеонъ Полоцкій, высоко цѣнившій необыкновенныя дарованія своего ученика и никогда не опускавшій его изъ виду, въ скоромъ времени не только удовлетворилъ его естественному желанію относительно письменнаго извѣщенія о себѣ, но и прислалъ ему подарокъ. Сохранилось отвѣтное письмо къ нему Медвѣдева, писанное отъ 25 декабря 1673-го года и заключающее въ себѣ широковѣщательное изъявленіе имъ благодарности своему учителю за то и другое. „Господу Богу благодареніе возсылая," пишетъ онъ здѣсь,—„еже сподобилъ мя чрезъ твое писаніе о твоемъ мнѣ любезнѣйшемъ благомъ пребываніи извѣство воспріяти, при которомъ Того Всеблагаго, объ насъ присно промышляющаго молю,

---

1) Черневыя письма Сильвестра Медвѣдева. Рукоп. Москов. Публич. библ. № 793, л. 53-й.

да не лишитъ и во предтекущее время, по своей божественной воли, о твоемъ на славу его великаго и святаго имени и общую православнымъ ползу живущаго здравія, частнаго извѣствованія, при которомъ моемъ желаніи за присланіе 25 мушкатовыхъ гало (?) рабское поклоненіе отдаю...“ При этомъ благодарный ученикъ не преминулъ почтить Симеона подаркомъ и съ своей стороны. „Къ тебѣ, пречестный господине,“ продолжаетъ онъ, „со отцемъ Софроніемъ, посылаю кадочку малую меда, сотами исполненную, благоволи пріяти и мене съ братомъ во святыхъ твоихъ ко Богу молитвахъ не оставляти“... [1]).

Приведенныя нами письма были писаны Медвѣдевымъ еще до поступленія его въ монашество, что съ очевидностію открывается уже изъ одного того обстоятельства, что онъ подписывалъ ихъ своимъ мірскимъ именемъ — Симеонъ. Такимъ образомъ, если уже въ нихъ обнаруживается благосклонное и чисто отеческое отношеніе къ нему Полоцкаго, то тѣмъ болѣе это должно было послѣдовать позднѣе, когда вскорѣ послѣ этого, онъ принялъ постриженіе и тѣмъ заявилъ свою окончательную рѣшимость неуклонно слѣдовать по стопамъ своего знаменитаго учителя. По всему видно, что съ этого времени между ними установилась самая искренняя дружеская связь, основанная на отеческой любви и вниманіи съ одной стороны и на глубокой преданности и уваженіи — съ другой. Симеонъ Полоцкій, всегда питавшій особенное расположеніе къ своему ученику, сталъ теперь разсматривать его, какъ истинное свое духовное дѣтище и поддерживая съ нимъ преж-

---

[1]) Черневыя письма Сильвестра Медвѣдева. Рукоп. Москов. Публич. библ. № 793, л. 37-й.

нія письменныя сношенія, дѣлалъ въ нихъ довѣрчивыя сообщенія относительно важнѣйшихъ своихъ предначинаній и трудовъ.

Между прочимъ, въ концѣ 1675-го года, онъ письменно сообщилъ Медвѣдеву объ окончаніи давно предпринятаго имъ труда по составленію церковныхъ поученій на дни воскресные и праздничные и о своемъ намѣреніи вести рядовое чтеніе ихъ народу. Въ отвѣтъ на это со стороны Медвѣдева послѣдовало, отъ 27 сентября 1676-го года, обширнѣйшее поздравительное посланіе, обработанное въ витіеватой ораторской формѣ. Кромѣ приведеннаго уже нами широковѣщательнаго поздравленія Симеона съ исполненіемъ его завѣтнаго желанія, посланіе это въ панегирическомъ тонѣ исчисляетъ высокія заслуги его въ пользу церкви и весьма замѣчательно въ томъ отношеніи, что рисуетъ предъ нами въ яркихъ и полныхъ чертахъ чувства удивленія и преданности ученика своему знаменитому учителю.

Медвѣдевъ начинаетъ здѣсь свои изліянія тѣмъ, что сравниваетъ Симеона съ великими свѣтилами Церкви, которыхъ изъ древности посылалъ ей Богъ въ огражденіе отъ внутреннихъ враговъ. „Благодаря благодарю вездѣсущаго и вся силою, присутствіемъ и обладательствомъ исполняющаго и окормляющаго Бога,“ пишетъ онъ, „яко церковь свою святую и въ нынѣшнія позная вѣка не оставляетъ, но благостнымъ премудрости своея дѣйствіемъ онѣй во ея снабдѣніе избранныхъ своихъ возставляетъ, якоже нѣкогда возставляше противъ Арія Аѳанасія, противъ Македонія Григорія Богослова, противъ Несторія Кирилла, противъ Іовиніана и Елвидія Іеронима, противъ Манихеяномъ и Пелагія Августина, противъ Римлянъ на Флоренскомъ соборѣ Марка Ефесскаго, въ Кіевѣ Петра Могилу, и въ Россіи противъ жи-

довству Іосифа Волоколамскаго: тако и нынѣ противъ возмутителей и терзателей цѣлости церковныя и тоя отступниковъ... благоволилъ даровати твое преподобіе, имже мать наша православная Церковь... съ веселіемъ речетъ, якоже о предварившихъ своихъ любезныхъ чадѣхъ... яко имамъ таковое мнѣ любезное чадо, иже живетъ право и весма стоитъ предъ лицемъ Твоимъ, и не себѣ живетъ, но Тебѣ и не своея славы ищетъ но Твоея..." Понятна теперь радость ученика, когда онъ въ письменномъ извѣщеніи Симеона получилъ новое доказательство его отеческой любви къ нему и вниманія. Въ своемъ посланіи Медвѣдевъ выставляетъ это на видъ, изливаясь въ чувствѣ благодарности своему учителю. „Аще мать наша православная Церковь", продолжаетъ онъ, „о твоемъ преподобіи, яко о своемъ любезномъ чадѣ, утѣшается; како же азъ негодный ея нарещися сынъ, твоея же пречестности отеческія любве и милости должникъ, слыша о цѣломъ твоего преподобія мнѣ желаемомъ здравіи, о немъ же вѣдѣти удостоилъ еси, о твоей пречестности не имамъ радоватися и веселитися? И не точію азъ единъ о твоей пречестности радуюся и веселюся, но и весь православія сонмъ тѣшится и веселится; ибо онъ, прославляющихъ его прославляя, усмотрѣвъ по самовластному чистаго твоего сердца благоволенію всеусердствующее къ того угожденію раченіе, къ довольственнѣй своей благодати благоволилъ тебѣ и изводственную даровати"...

Въ послѣднихъ словахъ Медвѣдевъ разумѣетъ, очевидно, недавно полученное Симеономъ разрѣшеніе относительно церковнаго учительства народу, радуясь новому высокому предназначенію горячо любимаго имъ наставника. Касаясь за тѣмъ частнѣйшихъ заслугъ Симеона, стяжавшихъ ему столь важ-

ное по тому времени отличіе, онъ въ восторженныхъ выраженіяхъ распространяется о необычайномъ трудолюбіи его и святости жизни, неуклонно направленной къ достиженію высшихъ духовно-нравственныхъ цѣлей. „Тѣмъ же убо твое преподобіе“, говоритъ онъ между прочимъ, — „ничтоже ино помышляетъ, точію о семъ, что мать нашу церковь увеселяетъ, и ухищряющихъ цѣлость оныя терзати побѣждаетъ, вѣру благочестія умножаетъ и славу Божественнаго имене расширяетъ; ничтоже инаго глаголетъ, токмо то, что благодать слышащимъ намъ дѣтемъ ея дарствуетъ; ничтоже инаго творитъ, точію се, что православныхъ христіанъ и къ созиданію вѣры и къ Богу благодаренію побуждаетъ: якоже о семъ и весь вѣкъ житія твоего благоговѣинства свѣтлѣе лучь солнечныхъ матере нашея многочисленнымъ россійскаго царствія сыновомъ показуетъ и непщую, яко той не обрящетъ во всѣхъ часахъ сицева часа въ житіи твоей пречестности, въ немъ же бы твое преподобіе православію какова дѣла нарочитаго и полезнаго церкви не содѣлало“ . . . Плодомъ этой неутомимой дѣятельности Симеона были, какъ уже извѣстно, многія важныя учено-литературныя произведенія, которыя при этомъ и исчисляетъ Медвѣдевъ, указывая на ихъ высоко религіозно-образовательное значеніе. „Къ тому же и многимъ трудомъ“, продолжаетъ онъ, „четыре книги отъ твоея пречестности: первая *Жезлъ Правленія*, вторая *Вѣнецъ вѣры*, третія *Обѣдъ душевный*, четвертая *Вечеря душевная* свидѣтельствуютъ. Тѣ бо вѣру укрѣпляютъ, надежду утверждаютъ, любовь восперяютъ; тѣ благоговѣинство возбуждаютъ, въ печали утѣшаютъ, усумнѣніе разрѣшаютъ; тѣ чистое отъ нечистаго отдѣляютъ, помощь ко благодѣланію содѣваютъ, отъ преступленія обѣта на свя-

томъ крещеніи и отъ всякаго зла восхищатися научаютъ; тѣ тайныя къ побѣжденію нашему отъ главныхъ трехъ непріятелей ухищряемыя хитрости явственно показуютъ, и тѣхъ на отраженіе намъ удобное орудіе являютъ; тѣ отъ прелестныхъ, суетныхъ, временныхъ и тлѣнныхъ сладостей гонзати совѣщаютъ и Богу работающимъ и скорбная терпящимъ мзду, грѣшнымъ же вѣчную казнь проповѣдуютъ"...

Но выставляя на видъ въ такомъ блестящемъ свѣтѣ разнообразную учено-литературную дѣятельность Симеона, доставившую ему всеобщее уваженіе, Медвѣдевъ не могъ не коснуться въ своемъ посланіи и его личныхъ высокихъ качествъ, безъ сомнѣнія, имѣвшихъ въ этомъ отношеніи не менѣе важное значеніе. Въ этомъ смыслѣ онъ въ дальнѣйшемъ изложеніи посланія подробно изображаетъ необыкновенныя свойства ума и сердца своего учителя, рисуя ихъ въ чертахъ возвышенныхъ, проникнутыхъ силою и искренностію чувства. „Сія вся", говоритъ онъ здѣсь, „и оныя пречестности твоея добродѣтели исчитая: яко разумъ глубочайшій, премудрость чистую, мирную, кроткую, благопокорливую, исполненную милости и плодовъ благихъ, несумнѣнную и нелицемѣрную, постоянство незыблемое, благоговѣинство истинное, совѣсть непорочную, бодрость чудную, въ словеси мѣрность христіанскую, пріемность добропохвальную, увѣтливость удивительную, щедрость богатую, милость велію, помощь усердную, любовь нелицемѣрную, — сердечно веселящеся и еще извѣстную благочестія къ расширенію надежду усматриваю; ибо возрастающимъ твоего преподобія лѣтомъ, восточной церкви вящшія благія плоды возрастати не престанутъ"... Въ заключеніе посланія Медвѣдевъ призываетъ на Симе-

она благословеніе Божіе за его трудовую, подвижническую жизнь, посвященную всецѣло на служеніе важнѣйшимъ духовнымъ потребностямъ и интересамъ православной церкви. И подаждь Боже праведный, заслугъ мздовоздатель", восклицаетъ онъ, „тако великому около хвалы его житіемъ и словомъ тщанію, пречестности твоей, на небеси за Вѣнецъ вѣры пріяти вѣнецъ живота... И за Обѣдъ душевный снѣсти обѣдъ въ царствіи Божіи.... За Вечерю же душевную со убѣжденными на вечерю всякихъ благихъ исполненной сладости ввестися... За Жезлъ Правленія да послетъ ти Господь отъ Сіона жезлъ силы, имже да возгосподствуеши посредѣ врагъ твоихъ... Къ тому же да умножитъ убо Онъ, превысній окормитель всяческихъ, въ крѣпости тѣлесе лѣта святости твоей во утвержденіе и разширеніе христіанскія нашея восточныя вѣры... Намъ же сыномъ ея во откровеніе разума свѣта душевнаго, во умноженіе добра духовнаго, душевнаго и тѣлеснаго и всѣмъ вѣрнымъ во утѣшеніе, дабы пречестность твоя, мой милостивый господинъ, отецъ и благодѣтель, добро церкви умножая должае, большими трудами большій себѣ вѣнецъ заслужилъ"... [1]).

Такъ изображаетъ Сильвестръ Медвѣдевъ личность своего знаменитаго учителя, полный восторга и удивленія къ его неутомимому трудолюбію и къ возвышенной нравственно-религіозной настроенности его характера и образа жизни. Самый тонъ приведенныхъ нами изліяній показываетъ, что выражаемыя въ нихъ чувства ученика дышатъ несомнѣнною искренностію и если отзываются нѣкоторою аффек-

---

[1]) Черн. письма Сильв. Медвѣдева. Рукоп. Москов. Публ. библ. № 793, л. 21—27-й.

таціей, то эта послѣдняя скорѣе составляетъ плодъ его обычнаго энтузіазма и риторической формы выраженія, чѣмъ намѣреннаго льстиваго преувеличенія. Спустя четыре года послѣ этого Медвѣдевъ въ „епистоліи" къ какому-то неизвѣстному „пріятелю" своему, „Іоанну Димитріевичю", изобразилъ „благаго, преподобнаго и святаго мужа, а своего милосердаго отца, учителя и благодѣтеля" въ еще болѣе возвышенныхъ и свѣтлыхъ чертахъ [1]); но это случилось уже послѣ смерти Симеона, когда онъ не только не могъ льстить послѣднему, а напротивъ, былъ расположенъ даже къ извѣстной сдержанности, въ виду пріободрившихся многочисленныхъ противниковъ умершаго.

Понятно, что при такой горячей преданности ученика своему учителю, очевядно, цѣнимой и поддерживаемой въ немъ этимъ послѣднимъ, случившаяся между ними разлука не могла продолжаться долго, и соединеніе друзей должно было послѣдовать немедленно, при первыхъ благопріятныхъ тому обстоятельствахъ. Мы уже знаемъ, что такія обстоятельства наступили тотчасъ же послѣ смерти царя Алексѣя Михайловича, когда со вступленіемъ на престолъ Ѳеодора Алексѣевича, видимымъ образомъ, усилилось внѣшнее положеніе Симеона. И дѣйствительно: коронованіе новаго государя совершилось, какъ мы уже сказали, 18-го іюня 1676-го года, а въ слѣдующемъ іюлѣ мѣсяцѣ того же года Сильвестръ Медвѣдевъ уже находился въ Москвѣ. Сохранилось письмо его къ своему «особному милостивому благодѣтелю», князю Михаилу Григорьевичу Ромодановскому, въ которомъ онъ извѣщаетъ послѣдняго о посѣщеніи въ этотъ день государемъ Спасскаго мо-

---

[1]) Рукоп. библ. гр. Ал. Уварова. № 247-й.

настыря и о его милостивомъ здѣсь обращеніи съ нимъ. «Іюлія въ 13 день», пишетъ въ немъ Медвѣдевъ, «великій государь благоволилъ быти въ Спасскомъ монастырѣ и мене о моемъ постриженіи и чесо ради не восхотѣлъ на Москвѣ жити, самъ разспрашивалъ милостивно; и выслушавъ мой отвѣтъ, благоволилъ неоднократнѣ приказать мнѣ жить на Москвѣ, милостію, во знамя своея государскія ко мнѣ милости, пожаловалъ: приказалъ мнѣ дать на иныхъ всѣхъ, развѣ отца Симеона, богатѣйшую (келлію) и присутствующіи ему вси, еще стоящу ему въ церкви и зрящу, явились ко мнѣ милостивы...» [1]) Нѣтъ сомнѣнія, что эта особенная милость государя къ Медвѣдеву совершилась по рекомендаціи Симеона, имѣвшаго понятный интересъ сблизить путемъ непосредственнаго знакомства двухъ своихъ ближайшихъ и важнѣйшихъ учениковъ.

Помѣстившись для жительства въ Москвѣ въ Заиконо-Спасскомъ монастырѣ, Сильвестръ Медвѣдевъ занималъ здѣсь келлію, устроенную рядомъ съ помѣщеніемъ Симеона и даже имѣвшую съ нимъ прямое внутреннее сообщеніе. Такъ должно заключать, по крайней мѣрѣ, изъ обстоятельствъ болѣзни и смерти Симеона, изображенныхъ самимъ Медвѣдевымъ въ упомянутой «епистоліи» къ своему «пріятелю» [2]); этимъ можно объяснять также и приведенное уже нами выраженіе патріарха Іоакима, будто Медвѣдевъ, находясь въ Москвѣ, жилъ въ одной келліи съ Симеономъ [3]). — Уже это непосредственное сосѣдство показываетъ, что новоприбывшій ученикъ явился пра-

---

[1]) Черн. письма Сильв. Медвѣдева. Рукоп. Москов. Публ. библ. № 793, л. 35-й.

[2]) Рукоп. библ. гр. Ал. Уварова № 247, л 2—3-й.

[3]) Остенъ. Казань, 1865 г., 140 стр.

вою рукою своего знаменитаго учителя, участвуя подъ его руководствомъ въ его различныхъ начинаніяхъ и трудахъ. Дѣйствительно, самъ Медвѣдевъ впослѣдствіи свидѣтельствовалъ, что онъ жилъ здѣсь, «словомъ и дѣломъ присно работая, купно съ своимъ прелюбезнымъ господиномъ, отцемъ Симеономъ» [1]. — Неудивительно поэтому, что Симеонъ Полоцкій, съ своей стороны, высоко цѣнилъ горячую преданность къ нему Медвѣдева, усматривая въ немъ дѣятельнаго и талантливаго представителя своихъ началъ и своихъ завѣтныхъ стремленій. Извѣстно, что умирая, онъ сдѣлалъ его своимъ вторымъ душеприкащикомъ и, между прочими дарами, завѣщалъ ему самое драгоцѣнное свое достояніе: всѣ свои многочисленныя черновыя рукописи [2].

Пріобрѣвъ себѣ въ лицѣ Сильвестра Медвѣдева ревностнаго и даровитаго сотрудника, Симеонъ Полоцкій, при особой благосклонности и покровительствѣ ему государя, приступилъ къ осуществленію своихъ просвѣтительныхъ стремленій съ видимой свободой и рѣшительностію. Но весьма знаменательно при этомъ, что первоначальная дѣятельность его здѣсь, точно такъ же, какъ и при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, получила по преимуществу полемическое направленіе. Какъ въ то время его учено-литературная карьера началась борьбой съ внутренними врагами церкви, направляясь къ опроверженію важнѣйшихъ основоположеній раскола, такъ и въ настоящій разъ онъ прежде всего выступилъ на защиту ея отъ враговъ внѣшнихъ, открывъ обширную полемику съ проникшими въ Москву идеями и обычаями протестанства. И въ томъ и въ другомъ случаѣ съ ясно-

---

[1]) Рукоп. библ. гр. Уварова, № 247, л. 7-й.
[2]) Тамъ-же: л. 15-й.

стію выступаетъ для насъ важное значеніе Симеона какъ выдающагося ученаго богослова своего времени, равнымъ образомъ, какъ и его личная всегдашняя готовность на служеніе высочайшимъ церковнымъ интересамъ.

Литературная полемика Симеона съ протестанствомъ имѣла не менѣе значительные размѣры, чѣмъ и его полемика съ расколомъ, и подобно ей, была необходимою и неотложною по особымъ, исключительнымъ обстоятельствамъ того времени. Мы видѣли уже, что время Симеона Полоцкаго характеризуется широкимъ распространеніемъ въ Москвѣ западныхъ иноземныхъ обычаевъ, знаменующихъ здѣсь близость общественнаго поворота и проникавшихъ сюда преимущественно изъ сосѣдней Польши. Но извѣстно, что тогдашняя католическая Польша была подвержена въ сильнѣйшей степени протестантской пропагандѣ, чуть было не увлекшей за собою все ея высшее интеллигентное общество, пока не появились тамъ для борьбы съ нею знаменитые ученые іезуиты. Неудивительно, поэтому, что вмѣстѣ съ различными иностранными «новшествами» проникали къ намъ въ Москву и идеи современнаго нѣмецкаго протестантства. «Нѣмцы», говоритъ знаменитый современникъ Симеона, сербъ Юрій Крижаничъ, «убѣждаютъ насъ ко всему новому. Хотятъ, чтобы мы, презрѣвши всѣ похвальныя древнія учрежденія и нравы, сообразовались съ ихними извращенными нравами и законами... Они стараются увлечь насъ въ свою школу... выше всего ставятъ проповѣдь или толкованіе Евангелія, увѣряя, что это одно достаточно для спасенія и подстрекая насъ къ спорному разбирательству... Они убѣждаютъ насъ, чтобы мы воспринимали всякую распущенность плоти и презирали жизнь монастырскую, посты, ноч-

ныя молитвы и всякое умерщвленіе плоти... [1]). Подобное же извѣстіе находится и у другаго хорошо извѣстнаго уже намъ современника Симеона, инока Евѳимія: «Діаволъ», говоритъ этотъ строгій ревнитель восточнаго православія, «нача инѣмъ образомъ и паки святую церковь ратовати, смущати и растерзавати... подвплѣжи бо яко зміи ползающыя по земли, лутеры, кальвины,... иже въ началѣ ядъ свой еретическій крыющія до нѣкоего времени, явленно же прельщати нынѣ молчащыя: точію простыми разглаголствы и шутствами по малу наполняютъ, не точію невѣждамъ, слухы своею кійждо ересію, но и мнящымся нѣкіимъ вѣдѣніе закона и писаній имѣти,— осмѣявающе преданія церкви святыя писанная и неписанная, глаголюще, о постѣхъ святыхъ, и о поклоненіи иконамъ святымъ, о монашескомъ устроеніи, и о иныхъ, и глаголюще: сіе чего ради, и сіе откуду взято, и сіе кто предаде, и сіе гдѣ писано....» [2]).

Совершенно естественно, что эти протестантскія идеи могли производить большое смущеніе въ русской церкви того времени, и безъ того потрясенной сильнѣйшими внутренними нестроеніями; они представляли для нея тѣмъ большую опасность, что въ современномъ обществѣ русскомъ господствовалъ ощутительный недостатокъ научнаго богословскаго образованія. «Отъ той ереси лютеранской и кальвинской», говорится въ одной челобитной, читанной на Московскомъ соборѣ 1681-го года,— «въ царствующемъ градѣ происходитъ въ вѣрѣ колебаніе и ея

---

[1]) Русское государство половины XVII в. „Объ искушеніяхъ, коимъ подвергается Русь съ противоположныхъ сторонъ", 172—179 стр.

[2]) Описаніе рукоп. Синод. библ. II. 3, 497—498 стр.

прозябеніе отъ неискусстныхъ нашей вѣры, и римскія, и лютерскія, и кольвинскія книги на польскомъ языкѣ читающихъ, а разсудити праведное отъ неправеднаго не могущихъ»... [1]). Самъ Полоцкій ясно свидѣтельствуетъ о существованіи въ его время отступниковъ отъ православія, совращаемыхъ въ протестантство, по его мнѣнію, сравнительной легкостію его житейскихъ и богослужебныхъ уставовъ. Въ своемъ «*Вертоградѣ Многоцвѣтномъ*» онъ съ грустію размышляетъ:

Мнози отступницы отъ церкве бываютъ,
Не яко внѣ ея вѣру добрѣ знаютъ:
Но яко ихъ-же золъ церковь возбраняетъ,
То онымъ сонмище ино попущаетъ.
Церковь велитъ посты многія хранити,
Тамо волно ясти пресластно и пити.
За грѣхъ канонъ острый церковь налагаетъ,
Тамо скоро всякъ грѣхъ разрѣшенъ бываетъ.
Въ церкви служба долга, досадно стояти,
Тамо нравъ сидѣти, скоро отпущати.
И ина многая церковь возбраняетъ,
А сонмъ отторгшихъ ся все то попущаетъ [2]).

Въ видахъ противодѣйствія злу, онъ въ другомъ мѣстѣ даетъ наставленіе православнымъ избѣгать всякихъ сношеній съ еретиками и, въ особенности, остерегаться какихъ-либо „словопрѣній" съ ними, предоставивъ это людямъ болѣе компетентнымъ и свѣдущимъ въ вопросахъ вѣры. „Общества", говоритъ онъ,—

должно есть гонзати
Съ еретиками, и дѣвъ не поймати.
Ученія ихъ нимало слушати,
Книгъ богомерзкихъ ни въ руцѣ взимати.

---

1) Ив. Соколовъ: „Отношеніе протестантизма къ Россіи." 126 стр.

2) Рукоп. Синод. библ. № 288, л. 506-й.

Словопрѣнія съ ними ты враждаютъ,
Иже отвѣтовъ дати имъ не знаютъ.
Тѣмъ уне тому ту борьбу вручити,
Кто Голіафу Давидъ можетъ быти [1]).

Но изъ современныхъ представителей богословской науки въ Москвѣ никто не могъ дать лучшаго отвѣта протестантамъ, кромѣ самого Симеона. Выдающійся изъ нихъ, ученый противникъ Полоцкаго, инокъ Евѳимій былъ слишкомъ узкій спеціалистъ и его, очевидно, не хватало для успѣшной полемики съ протестантствомъ, требовавшей, кромѣ искусной діалектики, широкаго примѣненія началъ общаго гуманистическаго образованія. Такимъ образованіемъ, изъ всѣхъ ученыхъ того времени, въ особенности отличался Симеонъ и потому, когда проникшія въ Москву протестантскія идеи повергли въ смущеніе русское общество, одинъ только онъ могъ выступить здѣсь на защиту православія съ надлежащимъ успѣхомъ. Повидимому, самъ Симеонъ чувствовалъ такую исключительность своего положенія въ виду неотложной потребности для церкви дать своевременный отпоръ появившейся въ ней инославной пропагандѣ. Въ своемъ „*Вертоградѣ Многоцвѣтномъ*“, въ статьѣ подъ заглавіемъ: „*Отвѣтствовати нужда*“, онъ въ трогательныхъ выраженіяхъ изливаетъ душевную скорбь свою при видѣ всеобщаго нерадѣнія и невѣжества, неспособнаго защитить истину отъ нападенія на нее злыхъ еретиковъ. „Сынове вѣка сего“, говоритъ онъ здѣсь,—

мудрши сыновъ свѣта,
Яко ищутъ на слово всякое отвѣта.
Тщатся неправду свою священнымъ покрыти
Писаніемъ, дабы имъ себе защитити.
Мы же сынове свѣта не тщимся искати,

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 288, л. 116-й.

Дабы сопротивникомъ отвѣтъ крѣпкій дати.
Православныя себѣ именуютъ быти,
А мрачныхъ еретиковъ не можемъ учити.
Сами бо не учимся, избрахомъ лѣжати,
Во тмѣ невѣждествія таинъ почивати.
Осудятъ супостаты Церкве нашу лѣность,
Яко пренебрегаемъ вѣры правды цѣлость.
Они неправость свою тщатся украсити,
Мы-же правды нашея лѣнимся учити.
Свѣтильникъ правды у насъ, а въ свѣтѣ безъ свѣта
Живемъ, яко не знаемъ творити отвѣта
На вопросы супостатъ. Петръ-же увѣщаетъ,
Да на отвѣтъ вопроса всякъ готовъ бываетъ [1]).

Понятно, что при такомъ настроеніи Симеонъ не замедлилъ своей ученой полемикой съ протестантствомъ и открылъ ее въ самомъ началѣ новаго царствованія, сосредоточивъ на ней свою дѣятельность преимущественно въ 1677-мъ году. Въ благочестивой ревности къ такому важному предпріятію онъ проявилъ здѣсь замѣчательную энергію и въ самый короткій срокъ составилъ восемь довольно обширныхъ полемическихъ бесѣдъ, защищая въ нихъ важнѣйшіе пункты православнаго ученія. Это были: „*Бесѣда о душахъ святыхъ*“ [2]), „*Бесѣда о призваніи святыхъ*“ [3]), „*Бесѣда о почитаніи мощей святыхъ*“ [4]), „*Бесѣда о почитаніи иконъ святыхъ*“ [5]);

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 288, л. 504-й.

[2]) Рукоп. Синод. библ. № 289, л. 10—58. Это лучшій списокъ рукописи, сдѣланный Сильвестромъ Медвѣдевымъ.

[3]) Тамъ-же: л. 59—78. Въ черновомъ автографѣ Симеона въ началѣ этой бесѣды помѣчено: „incepi 1677 Iulii 20, finivi 1677 Iulii 28“ (Рукоп. Синод. библ. № 660, л. 45).

[4]) Тамъ-же: л. 79—94. Въ концѣ ея здѣсь помѣщена слѣдующая приписка Медвѣдева, буквально заимствованная изъ автографа Симеона: „писася многогрѣшнымъ Симеономъ Полоцкимъ, Іеромонахомъ недостойнымъ въ лѣто отъ Рождества Господа нашего 1677. Мѣсяца Августа“ (Срав. Рукоп. Синод. библ. № 660, л. 79).

[5]) Тамъ-же: л. 95—111. Въ черновомъ автографѣ Симеона

„Бесѣда о крестѣ честномъ“ [1]*), „Бесѣда о пособіи мертвыхъ“* [2]*), „Бесѣда о преданіихъ церковныхъ“* [3]*)* и, наконецъ, *„Бесѣда о брани“*, написанная по случаю открывшейся тогда войны съ турками и доказывающая, вопреки мнѣніямъ Лютера и Кальвина, что „христіаномъ лѣть есть брань творити со супостаты“ [4]). При этомъ, свой полемическій сборникъ Симеонъ расширилъ прибавленіемъ къ нему другихъ своихъ полемическихъ статей почти исключительно переводнаго содержанія. Въ самомъ началѣ его онъ помѣстилъ *„Бесѣду о святомъ Дусѣ“* [5]), вывезенную имъ изъ Кіевской коллегіи; послѣ-же названныхъ нами бесѣдъ противъ протестантовъ въ немъ слѣдуютъ: *„Бесѣда преизрядная вопросы совѣщающая, словопрѣнія іудейская невѣріемъ исполненная, вѣрою православнокаѳолическою чрезъ отвѣты обличающая“; „Бесѣда, содержащая заданія нѣкоего іудея противу Христу Господу изъ словесъ евангельскихъ и отвѣты христіанскія“*;

въ срединѣ бесѣды (предъ „прилогомъ“) помѣчено: писася въ лѣто 7185, многогрѣшнымъ рабомъ Божіимъ Симеономъ Полоцкимъ, іеромонахомъ недостойнымъ“ (Рукоп. Синод. библ. № 660, л. 92).

1) Рукоп. Синод. библ. № 289, л. 112—128-й.

2) Тамъ-же: л. 139—171. Въ концѣ бесѣды находится слѣдующая приписка Медвѣдева, заимствованная буквально изъ автографа Симеона: написася въ лѣто отъ созданія міра 7186; отъ Рождества же Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа 1677 мѣсяца Ноемврія въ день послѣдній трудолюбіемъ многогрѣшнаго іеромонаха Симеона Полоцкаго (Срав. Рукоп. Синод. библ. № 660, л. 149).

3) Тамъ-же: л. 175—182. Здѣсь находится подобная же приписка Медвѣдева, взятая изъ автографа Симеона,—о томъ, что бесѣда написана въ Августѣ 1677 года (Срав. Рукоп. Синод. бил. № 660, л. 157).

4) Тамъ-же: л. 183—197-й.

5) Тамъ-же: л. 1—9-й.

„Книга Петра Альфонса родомъ евреина, но обратившагося ко Христу Господу и писавшаго противу іудеомъ“; „Тогожде Петра Альфонса, о законѣ сарацинстемъ“,—и наконецъ: *„Иное сказаніе о Махометѣ, и о его беззаконномъ законѣ“* [1]). Но всѣ эти полемическія статьи не имѣютъ, очевидно, никакого особеннаго значенія, представляя собою простые переводы съ латинскаго, лишенные при томъ интереса живой современности раскрываемыхъ въ нихъ предметовъ.

Совсѣмъ иной характеръ и значеніе имѣли, безъ сомнѣнія, полемическія бесѣды Симеона противъ протестантовъ, удовлетворявшія въ извѣстной степени настоятельной духовной потребности своего времени. Въ нихъ этотъ благочестивый и ревностный труженикъ оказалъ величайшую услугу православной церкви, давъ современному обществу возможность встрѣтить и оцѣнить надлежащимъ образомъ нападенія на нее внѣшнихъ враговъ. Поэтому къ прежнимъ заслугамъ Симеона и его высокому обаянію въ Москвѣ, какъ замѣчательнаго ученаго, присоединилась теперь новая и блестящая извѣстность его здѣсь какъ доблестнаго защитника православія. „Отецъ Симеонъ“, отзывается о немъ Павелъ Негребецкій въ своей челобитной,—„познавъ тѣхъ ересей лютеранскихъ про-

---

1) Рукоп. Синод. библ. № 289, л. 198—344-й. Въ автографѣ Симеона послѣ второй изъ этихъ бесѣдъ замѣчено: „писася въ лѣто отъ Рождества дѣвыя 1677 мѣсяца септемврія многогрѣшнымъ іеромонахомъ Симеономъ Полоцкимъ.“ Въ заглавіи третьей значится: „изъ языка латинскаго преведенная на словенскій въ лѣто 7188... трудолюбіемъ многогрѣшнаго во іеромонасѣхъ С. П.“ Въ началѣ послѣдней изъ нихъ въ тѣхъ-же словахъ сказано, что она переведена въ 1679 году (См. Рукоп. Синод. библ. № 660, л. 237, 239 и 266).

зябеніе, съ великимъ трудомъ, ради вѣры нашея и святой церкви защищенія, написалъ противу тѣхъ ересей книгу велію, весьма чести достойную" [1]). Въ этихъ словахъ выражается безусловное одобреніе полемическимъ трудамъ Симеона, равнымъ образомъ, какъ и пріобрѣтенное имъ чрезъ нихъ высокое уваженіе въ средѣ своихъ лучшихъ современниковъ.

Но литературная полемика Симеона съ протестантствомъ, при всей значительности своей, была всетаки только уклоненіемъ его отъ прямыхъ и естественныхъ своихъ стремленій,—уклоненіемъ, вызваннымъ неотложною потребностію времени и объясняемымъ его религіозною ревностію, при необыкновенной разносторонности образованія. Совокупность всей дѣятельности Симеона показываетъ, что онъ всегда стремился главнымъ образомъ къ положительнымъ просвѣтительнымъ задачамъ и трудамъ, дѣйствуя въ этомъ отношеніи въ трехъ основныхъ направленіяхъ: какъ учитель, проповѣдникъ и стихотворецъ. Учительство, проповѣдничество и стихотворство составляли три глубочайшія отличительныя призванія Симеона, непосредственно вытекавшія изъ особенностей его личнаго характера и всегда привлекавшія его, лишь только онъ предоставленъ былъ своимъ естественнымъ наклонностямъ. Поэтому, какъ въ предъидущее время, такъ и теперь, это были три характеристическія стремленія, по которымъ почти исключительно совершалась вся просвѣтительная дѣятельность Симеона и въ которыхъ поэтому она можетъ быть разсматриваема съ наибольшею полнотою и опредѣленностію.

Но обширной дѣятельности Симеона во всѣхъ этихъ

---

[1]) Ив. Соколовъ: Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вв. 131 стр.

направленіяхъ до сихъ поръ не доставало одного важнаго и высоко цѣнимаго имъ преимущества, именно: онъ не имѣлъ возможности пользоваться услугами печатнаго станка. Къ этому времени Симеонъ, какъ мы видѣли, написалъ множество самыхъ разнообразныхъ сочиненій, но почти всѣ они продолжали оставаться у него въ рукописяхъ, не смотря на то, что для большинства изъ нихъ онъ чувствовалъ полезность обнародованія и распространенія посредствомъ печати. Съ другой стороны, при новомъ государѣ ему открывалось поле болѣе широкой и самостоятельной дѣятельности, иныя отрасли которой могли успѣшно развиваться только при помощи печатнаго слова. Между тѣмъ въ Москвѣ имѣлась до сего времени только одна типографія, при томъ совершенно недоступная для Симеона. Она постоянно была занята печатаніемъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ, и главными распорядителями въ ней были тогда его ожесточенные противники. При такихъ побужденіяхъ Симеонъ и вознамѣрился завести для себя особую типографію, пользуясь первыми же благопріятными тому обстоятельствами.

Такія обстоятельства наступили тотчасъ по восшествіи на престолъ царя Ѳеодора Алексѣевича,— и нельзя сомнѣваться въ томъ, что дѣятельный и предпріимчивый Симеонъ не замедлилъ приступить здѣсь къ осуществленію этого сильнѣйшаго своего желанія. Уже при написаніи „*Гусли доброгласной*“, поднесенной въ день вѣнчанія новаго государя, онъ, повидимому, вознамѣрился перейти къ практическому рѣшенію вопроса. Въ черновомъ спискѣ этого произведенія, въ видѣ особаго заключенія, имъ было помѣщено слѣдующее, весьма знаменательное въ этомъ отношеніи стихотвореніе, подъ заглавіемъ—„*Желаніе творца*“:

Желахъ симъ гуслѣмъ печатнымъ быти,
Дабы ими царску славу возгласити
По всей Россіи и гдѣ суть словяне
Въ чюждыхъ далече странахъ христіане.
Да въ книгахъ идетъ слава во вся страны
Царя пресвѣтла, иже Богомъ данны.
И родъ россійскій да ся прославляетъ,
Что стихотворцы свойственны питаетъ.
Ничто бо тако славу разширяетъ,
Якоже печать, та бо разношаетъ
Вездѣ, и вѣкомъ являетъ будущимъ
Во книгахъ многихъ, и за моремъ сущимъ.
Мало словѣйскихъ стихъ доселѣ бяше,
Поне да явитъ тыя время ваше
Въ вашу же славу. Но отчаеваю,
Рачителей бо тоя мало знаю.
Аще же возмнитъ кто се быти убытокъ,
Азъ обѣщаю славу и прибытокъ.
Прибытокъ мимо: слава же благо
Паче сокровищъ честно же и драго....
Ту же типъноситъ. Убо подобаетъ,
Да и Россія славу разширяетъ
Не мечемъ токмо, но и скоротечнымъ
Типомъ, чрезъ книги сущимъ многовѣчнымъ.
Но увы нравовъ! Иже истребляютъ,
Яже честніи трудове раждаютъ.
Не хощемъ съ солнцемъ мірови сіяти,
Во тмѣ незнанія любимъ пребывати [1]).

Понятно, что при особой благосклонности государя Симеону удалось достигнуть своей цѣли: типографія дѣйствительно была имъ открыта „въ государевомъ верху“, отчего и получила свое названіе „типографіи верхней“. Устройство ея, равно какъ и всѣ изданія производились, конечно, на счетъ государя, а царскій учитель сдѣлался въ ней полно-

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 287, л. 591. На полѣ противъ заглавія здѣсь находится приписка: „сіе въ книзѣ врученной нѣсть писано?“

мочнымъ и совершенно безконтрольнымъ распорядителемъ.

Въ частности, что касается вопроса о томъ, въ какое, именно, время совершилось открытіе этой типографіи, то въ этомъ отношеніи не имѣется никакихъ прямыхъ указаній и можно только приблизительно судить, по сопоставленію нѣкоторыхъ второстепенныхъ данныхъ. Съ наибольшею вѣроятностію его слѣдуетъ относить ко второй половинѣ 1678-го года. Съ одной стороны извѣстно, что первое изданіе ея было выпущено отъ 3-го декабря 1679-го года [1]; а съ другой стороны мы уже видѣли, что предъ этимъ, въ 1677-го году, Симеонъ велъ слишкомъ дѣятельную полемику съ протестанствомъ и ему, очевидно, не доставало времени для посторонняго и сложнаго предпріятія. Кромѣ того, въ 1678-го году замѣчается удивительное затишье въ литературной дѣятельности Симеона, какое съ нимъ не случалось въ продолженіе всей его жизни въ Москвѣ: зная о его непрерывномъ трудолюбіи, естественно думать, что въ это время онъ былъ отвлеченъ отъ своихъ обыкновенныхъ занятій, именно, устройствомъ типографіи. Дѣйствительно, въ записной книгѣ дворцоваго приказа, подъ 5-мъ мая 1678-го года, находится слѣдующая отмѣтка:

---

1) „Букварь.“ Моск. публ. библ. № 412. Уже отсюда можно заключать о несостоятельности слѣдующаго мнѣнія Сопикова о времени открытія Верхней типографіи: „Около 1680 года, говоритъ онъ, Симеонъ Полоцкій завелъ при дворѣ особую типографію, называвшуюся *верхнею* и въ ней, кромѣ другихъ книгъ, печаталъ свои сочиненія. Первая книга въ помянутой типографіи 1680 года напечатанная была Тестаментъ Василія Царя Греческаго, послѣ которой въ томъ же году вышла Псалтырь, переведенная стихами Полоцкимъ“ (Опытъ Росс. библіогр. „Предъувѣдомленіе:“ LXXXI—LXXXII стр.).

„велѣно дать съ печатнаго двора Симеону Полоцкому стопу бумаги александрійской, меньшей руки, доброй“ [1]). Можно полагать, что эта экстренная выдача бумаги назначалась въ новооткрытую Симеономъ типографію, для приготовленія къ печати ея первыхъ изданій.

Но, какъ бы то ни было, Симеонъ достигъ новаго и важнаго успѣха на пути своихъ завѣтныхъ стремленій, основавъ при дворѣ типографію, совершенно независимую отъ патріарха и находившуюся въ его полномъ распоряженіи. Явленіе чрезвычайно характеристичное для его личнаго огромнаго вліянія при дворѣ, равно какъ и весьма знаменательное въ общемъ просвѣтительномъ движеніи эпохи!—Само собою разумѣется, что новооткрытая типографія имѣла огромное значеніе для послѣдующей просвѣтительной дѣятельности Симеона, такъ какъ прямое назначеніе ея въ томъ и состояло, чтобы по возможности содѣйствовать ея видамъ. Всѣ указанныя нами стороны этой дѣятельности находились въ болѣе или менѣе тѣсномъ отношеніи къ этому важному учрежденію; но прежде всего и главнымъ образомъ это должно сказать относительно педагогическихъ просвѣтительныхъ начинаній Симеона.

Заботясь о распространеніи просвѣщенія, Симеонъ, какъ мы видѣли, оказывалъ ему практическое содѣйствіе сначала своимъ учительствомъ въ Спасской школѣ, а потомъ дѣятельными стараніями своими объ открытіи въ Москвѣ высшаго училища при церкви св. Іоанна Богослова. Но первая, какъ извѣстно, очень скоро закрылась, а второе, повидимому, и вовсе не осуществилось по независящимъ отъ него обстоя-

---

[1]) А. Е. Викторовъ: „Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ 1584—1725 гг.“ См. въ записной книгѣ подъ № 746-мъ.

тельствамъ. Между тѣмъ педагогическая дѣятельность была любимѣйшимъ занятіемъ Симеона и такъ высоко имъ цѣнилась, что онъ не могъ не чувствовать желанія служить ею на пользу всего общества, помимо частной практики своей во дворцѣ и въ домахъ нѣкоторыхъ знатныхъ вельможъ. Такое желаніе, естественно, еще болѣе усилилось въ немъ, когда съ теченіемъ времени, прекратилось и его придворное учительство. — Такимъ образомъ, будучи учителемъ по профессіи и по своему естественному призванію, Симеонъ Полоцкій не имѣлъ возможности удовлетворять ему непосредственнымъ путемъ и потому сталъ дѣйствовать здѣсь посредствомъ открытой имъ верхней типографіи. Этимъ и объясняется то обстоятельство, что первоначальная дѣятельность этой типографіи совершалась въ этомъ, именно, направленіи; такъ что всѣ изданія, произведенныя въ ней Симеономъ, имѣютъ почти исключительно педагогическій характеръ.

Первымъ и самымъ важнымъ въ этомъ отношеніи изданіемъ его былъ такъ называемый „*Букварь*", представляющій собою не просто азбуку, но родъ учебнаго руководства, назначеннаго для первоначальнаго возраста [1]). Характеризуя педагогическія

---

[1]) Москов. Пуб. библ. № 412. Полное заглавіе его слѣдующее: „Букварь языка словенска, сирѣчь начало ученія дѣтемъ, хотящимъ учитися чтенію писаній: Повелѣніемъ благочестивѣйшаго великаго Государя нашего Царя, и великаго князя Ѳеодора Алексіевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца: Благословеніемъ же въ духовномъ чину отца его и богомольца, великаго Господина Киръ Іоакима, Патріарха Московскаго и всея Россіи: Издадеся въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, въ типографіи верхней: въ лѣто отъ сотворенія міра 7188: отъ рождества же по плоти Бога слова 1679 индикта 3: мѣсяца декемврія."

воззрѣнія и пріемы Симеона, букварь этотъ важенъ и въ томъ отношеніи, что могъ служить учебнымъ руководствомъ Петру Великому, которому во время его изданія было, именно, семь лѣтъ.

Согласно обычаю, усвоенному Симеономъ въ Кіевской коллегіи и неизмѣнно имъ примѣняемому ко всѣмъ своимъ сочиненіямъ, букварь его открывается стихотворнымъ предисловіемъ, обращеннымъ „*къ юношамъ учитися хотящимъ*". Убѣждая ихъ къ ученію, Симеонъ внушаетъ слѣдующее наставленіе:

Отроче юный отъ дѣтства учися,
Письмена знати и разумъ потщися.
Не возлѣнися трудовъ положити,
Имать бо тебѣ польза многа быти.
Аще ся видитъ досадно стужати,
Но сладко плоды трудовъ собирати....

Доказавъ здѣсь пространно, въ общихъ риторическихъ выраженіяхъ, пользу ученія, онъ въ заключеніи предисловія переходитъ къ спеціальному значенію въ этомъ отношеніи своего изданія:

Толики ползы дабы вѣрнымъ взяти,
Повелѣ типомъ сей букварь издати
Царь нашъ Ѳеодоръ, отъ царя рожденный,
Множествомъ царскихъ добротъ украшенный.
Нуждная юнымъ велѣ возмѣстити,
Како всѣмъ вѣру достоитъ хранити.
Да младыхъ лѣта не тще исчезаютъ,
Но писанію да ся научаютъ.
Меньшимъ навыкше, да ко вящшимъ тщатся,
Вѣрни и блази и мудры творятся [1])...

За такимъ предисловіемъ, въ букварѣ излагается „*Благословеніе отрокомъ въ училище учитися священнымъ писаніямъ идущимъ*", составляющее так-

[1]) Москов. Публ. библ. № 412, л. 1-й.

же родъ особеннаго къ нему вступленія. По воззрѣнію Симеона, всякое вообще дѣло должно начинаться молитвою: тѣмъ болѣе ученіе. Поэтому онъ предписываетъ здѣсь: „родителіе, чада своя ученію божественныхъ писаній хотящіи вдати, должны суть отъ церковныхъ молитвъ начинати: о благословеніи бо сѣющіи съ благословеніемъ и пожнутъ. *Сицевому убо святолѣпному и полезному обычаю іереи своя парохіяны должны суть научити*". Сообразно съ этимъ, дитя предъ началомъ ученія должно быть приведено въ церковь, гдѣ священникъ совершаетъ надъ нимъ особую службу, которая при этомъ и излагается Симеономъ въ довольно обширномъ видѣ[1]).

Послѣ такого вступленія слѣдуетъ уже самый букварь, общее содержаніе котораго, судя по характеру входящихъ въ него статей, очень удобно и довольно равномѣрно раздѣляется на три части. Первую часть его можно назвать теоретическою; потому что она исключительно составлена изъ статей, излагающихъ основныя начала христіанской вѣры. Сюда относятся: „*Символъ Никеоцареградскій*", *Символъ преосвященнаго Аѳанасія патріарха Александрійскаго*", „*Исповѣданіе вѣры святыхъ отецъ Амвросія Медіоланскаго и Августина Гиппонскаго епископовъ*", и—„*Бесѣда о православной вѣрѣ краткими вопросы и отвѣты, удобнѣйшаго ради познанія дѣтемъ христіанскимъ*" [2]). Послѣдняя статья представляется здѣсь наиболѣе значительною и характеристическою: она составляетъ нѣчто въ родѣ краткаго катихизиса, въ которомъ «странный вопрошаетъ, православный же отвѣщаетъ»; но статья эта вовсе не самостоятельна и, по

---

[1]) Москов. Публ. библ. № 412, л. 1—20-й.

[2]) Тамъ-же: л. 21—51-й.

мнѣнію Пекарскаго, заимствована Симеономъ изъ виленскаго букваря 1596-го года[1]).—Вторая часть букваря—нравоучительная, такъ какъ въ ней излагаются общія правила, касающіяся христіанской жизни. Въ составъ ея входятъ: „*Десятословіе*", съ присоединеніемъ къ нему двухъ заповѣдей Христа о любви къ Богу и ближнему, «*Шесть христіанскихъ совершенствъ*», «*Девять блаженствъ*», и «*Молитвы повседневныя*" [2]). — Наконецъ, третью столь же отличительную часть составляютъ здѣсь статьи, имѣющія исключительно практическое значеніе. Въ ней заключаются: «*Просодія верхняя или ударенія гласа, яже употребляютъ славяне*», «*Строчная препинанія*», «*Числа* и *Привѣтства*» (10) къ родителю и благодѣтелю на важнѣйшіе праздники. Послѣднія составлены для букваря самимъ Симеономъ и помѣщаются въ одной изъ его рукописей [3]).

Такимъ образомъ, букварь Симеона́ стремится удовлетворить духовнымъ нуждамъ ребенка въ ихъ важнѣйшихъ направленіяхъ, представляя собою общее руководство христіанской вѣры и нравственности въ размѣрахъ краткаго первоначальнаго курса. Онъ полнѣе и совершеннѣе въ этомъ отношеніи всѣхъ бывшихъ до него изданій этого рода, обнаруживая въ общемъ планѣ своемъ и выборѣ статей, предносившійся его составителю идеалъ болѣе или менѣе всесторонняго религіозно-нравственнаго воспитанія.—Неудивительно поэтому, что Симеонъ коснулся здѣсь и внѣшнихъ средствъ старинной системы

---

1) Пекарскій: Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, 170 стр.

2) Букварь. Моск. Публ. биб. № 412, л. 52—75-й.

3) Тамъ-же: л. 76—98. Срав. Рукоп. Синод. библ. № 229, лл. 27, 28, 83, 89, 108, 109, 171 и 172-й.

этого воспитанія, создавшихъ пресловутую извѣстность горькому корню ученія. Средства эти были: розга, бичъ и жезлъ—и Симеонъ въ стихотворномъ „увѣщаніи“, помѣщенномъ въ заключеніи букваря, дѣлаетъ слѣдующее наставленіе относительно ихъ методическаго, послѣдовательнаго примѣненія:

Хощеши чадо благъ разумъ стяжати,
Тщися въ трудѣхъ выну пребывати.
Временемъ раны нужда есть терпѣти,
Ибо тѣхъ кромѣ безчинуютъ дѣти.
Розги малому, бича большимъ требѣ,
А жезлъ подрасшимъ, при нескудномъ хлѣбѣ.
Та орудія глупыхъ исправляютъ,
Плоти цѣлости ничтоже вреждаютъ.
Розга умъ остритъ, память возбуждаетъ
И волю злую къ благу прилагаетъ.
Учитъ Господу Богу ся молити,
И рано въ церковь на службы ходити.
Бичъ возбраняетъ скверно глаголати
И дѣлъ лукавыхъ юнымъ содѣвати.
Жезлъ лѣнивыя къ дѣлу понуждаетъ,
Рождьшихъ слушати во всемъ поучаетъ...

При этомъ въ утѣшеніе учащимся онъ прибавляетъ:

Цѣлуйте розгу, бичъ и жезлъ лобзайте,
Та суть безвинна, тѣхъ не проклинайте:
И рукъ, яже вамъ язвы полагаютъ,
Ибо не зла вамъ, но добра желаютъ [1]). .

За изученіемъ букваря по старинной системѣ первоначальнаго школьнаго образованія слѣдовало изуче-

---

[1]) Букварь. Моск. библ. № 412, л. 101. Срав. рукоп. Синод. библ. № 287, л. 593. За этимъ увѣщаніемъ въ видѣ приложенія къ букварю слѣдуетъ „Наставленіе въ вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ“ Геннадія патр. Константинопольскаго, изложенное въ формѣ 100 правилъ.

ніе часослова; поэтому Симеонъ Полоцкій, позаботившійся объ изданіи перваго, прилагалъ свои старанія и къ изданію втораго. Въ бумагахъ его сохранилось „*Предисловіе въ Часословъ*“, писанное при царѣ Θеодорѣ Алексѣевичѣ и назначавшееся, повидимому, для того самаго часослова, который былъ изданъ въ Москвѣ послѣ смерти Симеона, въ 1681-мъ году [1]). Предисловіе это важно въ томъ отношеніи, что Симеонъ, въ видѣ увѣщанія, излагаетъ здѣсь нѣкоторыя идеи свои относительно первоначальнаго воспитанія юношества. Доказавъ въ началѣ его мысль, что наши юношескія привычки остаются въ насъ до старости, онъ говоритъ о необходимости начинать религіозно-нравственное воспитаніе съ самаго ранняго возраста: „Тѣмъ же вседрилѣжно блюсти православнымъ подобаетъ своя чада, да не сквернословію, срамоглаголанію и суетному велерѣчію отъ младенства научаются яже суть душегубительная. Ниже во тщетныхъ играніихъ златое дѣтства время, никоею возвратимою цѣною, погубляютъ: но, яко во веснѣ жизни своея, нивы сердецъ своихъ ученіемъ тяжутъ, и сѣменъ слова Божія, отъ учителей сѣемая, радостно пріемлютъ, еже бы класы душепитательныя въ жатвы годъ собирати“... Для такой цѣли, именно, и назначалось предполагаемое изданіе часослова; поэтому Симеонъ распространяется далѣе о важности и значеніи его въ этомъ отношеніи: „Се повелѣніемъ благочестивѣйшаго тишайшаго самодержавнѣйшаго великаго государя нашего, царя и великаго князя Θеодора Алексіевича... и благословеніемъ великаго господина святѣйшаго киръ Іоакима, патріарха Московскаго и всея Россіи, во общую

---

[1]) Сопиковъ. Опытъ росс. библіографіи. Спб. 1813 г. 264 стр.

ползу всѣхъ отрокъ православно-христіанскихъ напечатася сія книга, именуемая Часословъ, содержащая въ себѣ молитвы, псалмы и хвалы, повседневно отъ церкви Богу возсылаемыя, и иная во церкви потребная. *Да учащеся дѣти писменъ чтенію, купно обыкнутъ молитися Господу Богу о всяческихъ нуждахъ, и славу ему возсылати о дѣяніи благъ присно творимыхъ, и да обычай сей вглубитъ кореніе си въ сердцахъ ихъ, еже бы оному пребывати въ нихъ до кончины жизни, со прозябеніемъ вѣтвей благоговѣинства и плодоношеніемъ добродѣтелей христіанскихъ*"... Въ заключеніе предисловія онъ обращается съ увѣщаніемъ къ родителямъ и дѣтямъ, убѣждая ихъ относиться съ особеннымъ вниманіемъ къ предлагаемой книгѣ. „Юже книгу", говоритъ онъ, „вы, родителіе благочестивіи, яко началоположеніе житія христіанскаго стяжуще, чадомъ вашимъ вручайте ко ученію, увѣщающеся неусыпно прилѣжати навыкновенію въ ней содержимыхъ. Вы же чада христоименитыя, радостно пріемлюще ю, тщитеся чести и разумѣти напечатанная: да и чтуще молитеся и молящеся чтете, и тако чтите Бога"... [1]). Словомъ, очевидно, что Симеонъ преслѣдовалъ прежде всего идеалъ религіознаго воспитанія въ духѣ православной церкви и приготовляя къ изданію часословъ, настойчиво рекомендовалъ его дѣтямъ, какъ важнѣйшее средство для ознакомленія ихъ съ ея молитвословіями.

Но дѣятельно заботясь о религіозномъ образованіи юношества, Симеонъ Полоцкій, вмѣстѣ съ тѣмъ, стремился сообразовать его и съ началами христіанской нравственности, выражающимися въ бытовыхъ отношеніяхъ правилами общественнаго и частнаго

---

1) Рукоп. Синод. библ. № 229, л. 255-й.

благоповеденія. Въ этомъ отношеніи ближайшею задачею школьнаго воспитанія онъ поставлялъ добронравіе питомцевъ, признавая вообще высшимъ иделомъ просвѣщенія пріобрѣтеніе доброй нравственности. Уже въ букварѣ своемъ онъ видимо обнаруживаетъ такое воззрѣніе, сопоставляя вѣроучительныя статьи его рядомъ съ статьями нравоучительнаго содержанія; но съ особенною ясностію это открывается изъ указаній его, разсѣянныхъ въ „*Вертоградѣ многоцвѣтномъ*“, представляющемъ во многихъ отношеніяхъ сборникъ завѣтныхъ мыслей и желаній Симеона. Такъ: на вопросъ — „*Кто мудръ?*“ — онъ отвѣчаетъ здѣсь:

Нѣсть мудръ, читавый много, видѣвый и знаяй,
Но яже знаетъ, добрѣ тѣхъ употребляяй [1]).

Въ другомъ мѣстѣ онъ развиваетъ туже мысль гораздо пространнѣе и выразительнѣе:

Варварска, неискусна, глупа вся бываютъ
Во градѣ, въ немъ же нравовъ добрыхъ не стяжаютъ.
Что ползуетъ мудрость, злато и родъ славный?
Что устная благодать и домъ міру явный?
Аще тя злонравіе дива звѣря дѣетъ,
Аще житіемъ гнустнымъ вся честь твоя тлѣетъ.
Убо къ даромъ естества тщися приложити
Благи нравы: будеши отрокъ нарочитый [2]).

Естественно, что при такихъ воззрѣніяхъ своихъ на задачу первоначальнаго школьнаго образованія, Симеонъ Полоцкій, проявившій величайшую заботливость о немъ, постарался дать въ руки учащимся полезное назидательное чтеніе. Съ этою цѣлію онъ приготовилъ свои печатныя изданія: „*Те-*

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 288, л. 302-й.
[2]) Тамъ же: л. 485-й.

стаментъ или Завѣтъ Василія царя греческаго къ сыну его Львy Философу" и *„Повѣсть о преподобномъ отцѣ Варлаамѣ пустынножителѣ и Іосафѣ, царѣ Индійстѣмъ"*.—Первая книга, приписываемая императору Василію Македонянину, содержитъ въ себѣ нравоучительныя наставленія, обращенныя имъ къ своему сыну, воспитаннику знаменитаго патріарха Фотія,—и до этого времени была распространена въ юго-западной Россіи въ кіевскомъ изданіи 1646-го года [1]). Симеонъ издалъ ее въ типографіи верхней отъ 3 го января 1680-го года въ подновленномъ видѣ относительно языка и съ присоединеніемъ къ ней стихотворнаго предисловія подъ заглавіемъ: *„Увѣщаніе къ читателю"* [2]). Въ этомъ „увѣщаніи" онъ убѣждаетъ родителей наставлять дѣтей собственнымъ примѣромъ въ правилахъ нравственной жизни и давать имъ предлагаемую книгу для назидательнаго чтенія. „Аще не родомъ", говоритъ онъ здѣсь между прочимъ,—

но весьма съ науки
Добронравіе идетъ изъ рукъ въ руки...
Каждо учися чадо наставляти,

---

[1]) Изданіе это имѣется въ библ. Моск. Дух. Акад. см. № 62-й.

[2]) Полное заглавіе этого изданія таково: „Тестаментъ, или Завѣтъ, Василія, царя Греческаго, къ сыну его Льву Философу, Повелѣніемъ благочестивѣйшаго великаго Государя нашего, царя и великаго князя Θеодора Алексіевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца; благословеніемъ же, въ духовномъ чину отца его и богомольца, великаго господина, святѣйшаго киръ Іоакима, патріарха Московскаго и всея Россіи: издадеся въ царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, въ типографіи верхнѣй, въ лѣто отъ сотворенія міра 7188, отъ рождества же по плоти Бога Слова 1680, индикта 3, мѣсяца іаннуарія." (См. П. Строевъ: Описаніе старопеч. книгъ, 340 стр.).

Образъ и слово по себѣ имъ дати:
Да образъ помнятъ, слово же читаютъ,
Добродѣтели твоя подражаютъ...
Плодъ отъ древа си поблизу падаетъ,
Чадо отъ отца нравы получаетъ...
Ты убо родшій и честная мати
Тщитеся чада ваша соблюдати,
Дабы ничто зло слышати и зрѣти
Тако добріи будутъ ваши дѣти [1]...

Вторая книга представляетъ собою духовную повѣсть объ обращеніи въ христіанство Варлаамомъ пустынникомъ индѣйскаго царевича Іоасафа, приписываемую Іоанну Дамаскину и изобилующую назидательными наставленіями и притчами. Въ славянскомъ переводѣ она издавна была весьма распространенною въ русской письменности; но въ 1637 году снова была переведена на бѣлорусское нарѣчіе іеромонахомъ Іоасафомъ Половко и напечатана имъ въ Кутеинскомъ монастырѣ [2]). На основаніи этого перевода Симеонъ, повидимому, и приготовилъ свое изданіе, очистивъ его со стороны языка и прибавивъ къ нему, по своему обыкновенію, стихотворныя статьи: „*Предисловіе къ читателю*“, „*Стиси краесогласніи въ похвалу преподобнаго отца нашего Іосафа, царя Индійскаго*“, и „*Молитву св. Іосафа, въ пустыню входяща*“ [3]). Однако жъ, при своей жизни онъ не успѣлъ его напечатать: изданіе это выпущено было изъ верхней типографіи 4-го сентября 1681-го года, уже послѣ смерти Симеона [4]).

---

[1]) Сравн. Рукоп. Синод. библ. № 287, л. 435-й.

[2]) В. Сопиковъ: Опытъ росс. библіографіи, 104 стр. Срав. П. Строевъ: Опис. старопеч. книгъ, 198 стр.

[3]) П. Строевъ: Опис. старопеч. книгъ, 342 стр. Срав. Рукоп. Синод. библ. № 287, л. 649-й.

[4]) Полное заглавіе этого изданія слѣдующее: „Во славу Св. Троицы, Отца и Сына и Св. Духа; повелѣніемъ благо-

Такъ выразилась просвѣщенная заботливость Симеона относительно распространенія въ современномъ русскомъ обществѣ первоначальнаго школьнаго образованія.—Сознавая настойчивую потребность въ немъ времени, онъ, какъ человѣкъ слишкомъ высокаго развитія, не могъ конечно удовлетворять ей путемъ своей личной непосредственной дѣятельности и потому избралъ здѣсь путь косвенный, но въ сущности гораздо болѣе дѣйствительный. Въ новооткрытой имъ верхней типографіи онъ издавалъ руководства къ начальному образованію юношества, убѣждая въ каждомъ изъ нихъ родителей и дѣтей въ необходимости стремиться къ ученію и указывая въ ихъ общемъ содержаніи на основной составъ и направленіе этого ученія.—Но труды Симеона на пользу русскаго просвѣщенія этимъ далеко не ограничивались. Заботясь о распространеніи первоначальнаго образованія въ Москвѣ, онъ прилагалъ не меньшія попеченія и относительно образованія высшаго, также находившагося здѣсь въ крайнемъ пренебреженіи. Къ дѣлу распространенія послѣдняго онъ относился съ особеннымъ участіемъ, примыкая къ нему своими личными наклонностями и интересами, какъ всегдашній практическій дѣятель его и какъ обра-

честивѣйшаго великаго государя нашего, царя и великаго князя Ѳеодора Алексіевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца; благословеніемъ же въ духовномъ чину отца его и богомолца, великаго господина, святѣйшаго киръ Іоакима, патріарха Московскаго и всея Россіи: издадеся книга сія, содержащая исторію или повѣсть святаго и преподобнаго отца нашего Іоанна, иже отъ Дамаска, о преподобномъ отцѣ Варлаамѣ пустынножители и Іоасафѣ, царѣ Индійстѣмъ, во царствующемъ великомъ градѣ Москвѣ, въ типографіи верхнѣй, въ лѣто отъ сотворенія міра 7189, отъ рождества же по плоти Бога Слова 1681 индикта 4, мѣсяца сентемврія.“ (П. Строевъ: Опис. старопеч. книгъ, 341 стр.).

зованнѣйшій человѣкъ своего времени. И дѣйствительно, дѣятельность Симеона въ этомъ отношеніи была въ особенности замѣчательна и проявилась въ такомъ важномъ предпріятіи, что получила важное историческое значеніе: мы здѣсь разумѣемъ его новыя старанія объ учрежденіи въ Москвѣ высшаго училища,—старанія такъ рельефно выразившіяся въ составленной имъ знаменитой привиллегіи Славяно-Греко-Латинской Академіи.

Попытки Симеона основать высшее училище въ Москвѣ до сихъ поръ были неудачны; тѣмъ не менѣе, лишь только вступилъ на престолъ царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, его надежды въ этомъ отношеніи видимымъ образомъ оживились. Уже въ своемъ „*Гласѣ послѣднемъ*" царя Алексѣя Михайловича онъ влагаетъ въ уста умирающаго государя слѣдующее „велѣніе" своему юному преемнику относительно распространенія просвѣщенія въ средѣ его подданныхъ:

Мало есть правды, царю мудру быти,
А потчиненныхъ мудрости лишити.
Рѣчки малыя рѣку разширяютъ,
Мудріи рабы царя прославляютъ.
Вели и рабомъ мудрости искати,
И тою тебѣ будутъ работати [1]).

Почти одновременно съ этимъ о томъ-же самомъ предметѣ писалъ къ новому государю и знаменитый Юрій Крижаничъ, недавно возвращенный имъ изъ Сибири, едва ли не по вліянію Симеона. Въ своемъ „*Посланіи*", написанномъ по случаю вѣнчанія царя Ѳеодора Алексѣевича, онъ разсуждаетъ о необходимости распространенія въ русскомъ обществѣ такъ называемой имъ „вѣжественной премудрости". „Вѣжественная премудрость", говоритъ онъ здѣсь,—

[1]) Рукоп Синод. библ. № 287, л. 531-й.

„есть верхъ всѣхъ ученій и царица всѣхъ мудростей... Но гдѣ обрѣтается та вѣжественная мудрость, и отъ кого можетъ кто ея научитися?“ Святые отцы не оставили, по мнѣнію Крижанича, „ни одного писанія“, въ которомъ бы рѣшался этотъ вопросъ, и причина этого „явственна“: „Не восхотѣша бо дѣла передѣлывать дѣланнаго. Еллинстіи бо философы пребильно о той мудрости написаша, паче же Аристотель то политичное ученіе тако свѣтло подробну изъявилъ есть и разсудилъ, яко же ничтоже можетъ вящши вещей ни желати, ни просити“... На этомъ основаніи авторъ въ заключеніи посланія доказываетъ необходимость изученія сочиненій древнихъ философовъ и писателей классическаго міра, защищая ихъ отъ несправедливыхъ обвиненій современныхъ русскихъ книжниковъ [1]).—Но эти просвѣтительныя стремленія, направленныя къ распространенію въ современномъ обществѣ высшаго образованія, не могли имѣть практическаго значенія въ первые годы царствованія Θеодора Алексѣевича: открывшаяся тяжелая война съ Турками поглощала тогда все вниманіе лучшихъ людей общества, и вопросы его внутренней жизни сами собою отошли на задній планъ.

Но лишь только открылись мирные переговоры съ Турціею, здѣсь наступила оживленная внутренняя дѣятельность, при чемъ заботы о просвѣщеніи получили первостепенное значеніе. Между прочимъ, въ 1679 году возвратился въ Россію, послѣ долгаго пребыванія на востокѣ, нѣкто іеромонахъ Тимофей. Представленный государю, онъ разсказалъ ему объ угнетенномъ состояніи тамъ православія, вслѣдствіе крайняго оскудѣнія просвѣщенія. Трогательный раз-

1) Замысловскій: „Царствованіе Θеодора Алексѣевича.“ Ч. 1, 132—133 стр.

сказъ сильно поразилъ государя и побудилъ его обратиться къ патріарху Іоакиму, чтобы тотъ основалъ въ Москвѣ греческое училище для поддержки восточнаго православія. Патріархъ съ радостію принялся за это дѣло: онъ взялъ къ себѣ Тимофея въ крестовые іеромонахи, опредѣлилъ для помѣщенія училища три верхнія палаты въ своей типографіи и собралъ для начала до 30-ти учениковъ „*изъ малыхъ дѣтей*“ разныхъ сословій. Іеромонахъ Тимофей назначенъ былъ ректоромъ этого училища; учить въ немъ греческому языку было поручено жившему тогда въ Москвѣ міряпину, греку Мануилу Левендатову, а по немъ греку-же іеромонаху Іоакиму. „И невозможно изобразить“,—пишетъ бывшій ученикъ этого училища, Θедоръ Поликарповъ,—„какъ заботились о немъ самъ благочестивѣйшій Государь и Патріархъ. Едва не каждую недѣлю приходили они въ типографію и порознь и вмѣстѣ, и явно и тайно, чтобы утѣшаться новымъ и неслыханнымъ дѣломъ; надѣляли учащихся и одеждою и червонцами“... [1]).

Можно думать, что патріархъ Іоакимъ, бывшій сторонникомъ греческаго образованія въ Москвѣ, потому и относился съ особенною ревностію къ устройству и первоначальной дѣятельности этого училища, что надѣялся найти въ немъ нѣкоторый противовѣсъ распространенію здѣсь латинскаго просвѣщенія представляемаго Симеономъ. По крайней мѣрѣ, такъ именно смотрѣлъ на это дѣло извѣщенный имъ объ этомъ училищѣ патріархъ іерусалимскій Досиθей, выразившій свои надежды въ этомъ отно-

---

[1]) „Историч. извѣстіе о Московской Академіи,“ составленное Поликарповымъ. Древ. Росс. Вивл. XVI т., 296—297 стр.

шеніи въ благодарственной грамотѣ къ царю Ѳеодору Алексѣевичу. „Благодаримъ Господу Богу“, писалъ онъ здѣсь,—„яко благоволили есте быти въ царствующемъ градѣ Москвѣ еллинскому училищу. Евангеліе бо и Апостолъ еллинскимъ языкомъ написашася. Еллины быша святіи отцы и еллинскимъ языкомъ написана дѣянія Св. Соборовъ и Св. Отецъ списанія и вси Св. Церковныя книги. *И сіе есть Божественное дѣло, еже учитися христіаномъ еллинскому ученію и знати книги православныя вѣры, како написаны суть, и выразумѣти толкованіе ихъ безтрудно,—и наипаче, тѣмъ Еллинскимъ ученіемъ отдалятися отъ Латинскаго ученія*“... [1]). Такимъ образомъ, съ самаго же начала вопросъ объ открытіи высшаго училища въ Москвѣ явился тѣсно связаннымъ съ довольно уже извѣстною намъ и непрерывно продолжавшеюся здѣсь борьбою „греческаго ученія“ съ латинскимъ, и первоначальная участь дѣла, въ его практической постановкѣ, всецѣло зависѣла отъ преобладанія той или другой стороны.

Открытое типографское училище въ дѣйствительности далеко не было высшимъ. Оно было только первою и важною попыткою въ этомъ направленіи, которая однако же не удовлетворяла ни патріарха, ни—въ особенности—государя. Не считалъ его удовлетворительнымъ для цѣли и патріархъ іерусалимскій Досиѳей, который въ той же грамотѣ своей къ государю убѣдительно просилъ расширить его и упрочить. „Просимъ святое царствіе твое“, писалъ онъ, „тое училище утвердити и впредь распространити, да пребудетъ память твоя вѣчна и безсмертна, яко

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 373, л. 1—5. См. „О духовныхъ училищахъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ.“ Прибавл. къ Твор. Св. отцевъ: 1845 г., 3 кн., 175 стр.

царя Птоломея Филадельфа... Еллинскимъ языкомъ просвѣтиши люди твоя *въ высшее познанiе* истиннаго разумѣнiя, яко прапрадѣдъ царствiя вашего великiй князь россiйскiй Владимiръ, крестивъ народы, сущiя подъ нимъ, *взя учители отъ грекъ и учаше тогда греческимъ ученiемъ*, и пѣнiе во святыхъ церквахъ совершашеся гречески, купно и славенски. *Аще потомъ и оскудѣ ученiе оно еллинское за нѣкыя случаи: но нынѣ желаемъ обновитися и совершитися*"... [1]). Патрiархъ желаетъ здѣсь обновить и возвысить греческое просвѣщенiе на Руси и при томъ,— по той причинѣ, что оно уже совершенно пало на своей родинѣ: желанiе благочестивое, но по обстоятельствамъ времени, какъ мы уже видѣли, трудно осуществимое.—Тѣмъ не менѣе, государь возъимѣлъ мысль основать въ Москвѣ высшее училище, явившуюся и утвердившуюся въ немъ не столько по представленiямъ патрiарховъ, сколько подъ влiянiемъ глубоко уважаемаго имъ и горячо любимаго наставника своего Симеона, который, конечно, не могъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ такого важнаго дѣла, лишь только оно стало возникать. По крайней мѣрѣ извѣстно, что Симеону было поручено государемъ составленiе общаго плана этого училища, что тотъ въ скорости и исполнилъ съ обычнымъ ему трудолюбiемъ и ревностiю.

Велико было смущенiе въ рядахъ приверженцевъ „греческаго ученiя", когда имъ сдѣлалось извѣстнымъ такое порученiе государя, и они увидѣли, что дѣло, начатое по ихъ инициативѣ, попало въ руки главнаго представителя противоположнаго имъ за-

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 373, л. 1—5. См. „О духовныхъ училищахъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ." Прибавл. къ Твор. Св. Отцевъ. 1845 г. 3 кн. 176 стр.

паднаго направленія. Сохранилась весьма характеристическая въ этомъ отношеніи записка одного изъ этихъ приверженцевъ, составленная именно по этому поводу и, очевидно, назначенная для свѣдѣнія Симеона: *„Доводъ, яко ученіе и языкъ Еллино-греческій наипаче нужно-потребный, нежели Латинскій языкъ и ученіе“*. Ссылаясь на русскихъ и польскихъ лѣтописцевъ, неизвѣстный авторъ *„Довода“* указывалъ въ немъ на примѣръ великаго князя Владиміра, заимствовавшаго отъ грековъ православную вѣру и книги; выставлялъ на видъ свидѣтельства самыхъ латинскихъ писателей, Антонія Поссевина и Липсія, о превосходствѣ греческаго языка предъ латинскимъ; утверждалъ, что изученіе греческаго языка гораздо болѣе можетъ содѣйствовать очищенію и обогащенію языка славянскаго, нежели изученіе латинскаго; обращалъ вниманіе на отзывъ Епифанія Славинецкаго о достоинствѣ греческаго ученія и на то уваженіе, которымъ оно пользуется въ различныхъ просвѣщенныхъ странахъ. Имѣя въ виду, что въ училищахъ западной Россіи былъ употребляемъ языкъ латинскій, онъ замѣчаетъ: „хотя *Бѣлоруси* и учатся латинскимъ языкомъ, скудости ради греческаго ученія (кромѣ Львова, что учатся гречески), однакоже припоминати надобно, что малая часть изъ тѣхъ во унію не падаютъ; а и тѣ, что не падаютъ, познаваются въ нихъ останки езувическія“... Наконецъ, въ заключеніе своего разсужденія, онъ сводитъ все сказанное имъ къ слѣдующему положенію: „того ради подобаетъ наипаче учитися гречески, понеже не токмо тѣмъ языкомъ не вредится православная вѣра, яко латинскимъ, но и зѣло исправляется и учити купно съ славенскимъ... а по греческомъ ученіи легче хотящему невредительно учитися и латинскому... *однакоже вручаемъ то дѣло въ*

разсужденіе мудрому учителю“... [1]). Но этотъ мудрый учитель повернулъ дѣло по своему и составилъ общій проектъ высшаго училища сходный по духу своему съ западными учрежденіями подобнаго рода: это и есть извѣстная привиллегія Славяно-Греко-Латинской Академіи.

Что привиллегія эта была написана, именно, Симеономъ, въ этомъ не оставляетъ никакого сомнѣнія совокупность относящихся къ ней внутреннихъ и внѣшнихъ данныхъ.—Прежде всего несомнѣнно, что она была составлена при жизни царя Ѳеодора Алексѣевича и по его непосредственному повелѣнію. Сильвестръ Медвѣдевъ, представляя её впослѣдствіи для утвержденія царевнѣ Софіи въ своемъ стихотворномъ „*врученіи*“, замѣчаетъ:

Академій Привиліи вручаю,
Иже любезнымъ ти братомъ созданъ есть,
Повелѣніемъ чинно написанъ есть [2])...

При извѣстной близости Симеона къ государю и его высокомъ значеніи здѣсь какъ учителя, можно уже напередъ предположить, что такое повелѣніе относилось въ данномъ случаѣ, именно, къ нему. Дѣйствительно, общій характеръ и содержаніе привиллегіи какъ нельзя болѣе подтверждаютъ это. Основной строй предполагаемаго въ ней училища, обширный кругъ и составъ вводимыхъ ею наукъ, равнымъ образомъ, какъ и тѣ права и преимущества, которыя предоставляются въ ней учителямъ и ученикамъ, прямо указываютъ на то, что составитель ея руко-

---

[1]) Рукоп. Москов. Духов, Акад. См. „О духовныхъ училищахъ въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ.“ Прибавл. къ Твор. Св. От. 1845 г., 3 кн., 177 стр.

[2]) Древн. Росс. Вивл. 6 т. 395 стр.

водился образцами подобныхъ учрежденій на западѣ Европы; но такимъ человѣкомъ при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ могъ быть только Симеонъ, который, по окончаніи образованія своего въ Кіевской коллегіи, посѣтилъ, какъ уже извѣстно, западныя школы. Кромѣ того, содержаніе привиллегіи представляетъ явные слѣды пользованія сочиненіями Симеона, до сихъ поръ сохранявшимися только въ его рукописяхъ. Такъ: въ началѣ ея помѣщено указаніе на попеченія царя Соломона о распространеніи премудрости, заимствованное изъ втораго слова его въ день Рождества Пресв. Богородицы [1]); а въ концѣ привиллегіи находится клятва на противниковъ просвѣщенія, выраженная въ грамотѣ восточныхъ патріарховъ, писанной Симеономъ въ 1668-мъ году [2]). Наконецъ, на составленіе привиллегіи Симеономъ указываетъ языкъ ея, несомнѣнно ему принадлежащій,— равнымъ образомъ какъ и то обстоятельство, что помѣщеніе предполагаемаго училища опредѣляется въ ней на мѣстѣ жительства Симеона въ Заиконоспасскомъ монастырѣ, изъ чего прямо слѣдуетъ заключать, что создавая училище, онъ самъ намѣревался быть и его начальникомъ.

Время составленія Симеономъ привиллегіи должно относить не иначе, какъ къ 1680-мъ году. Несомнѣнно, что мысль объ учрежденіи проектируемаго въ ней высшаго училища возникла позднѣе открытія въ Москвѣ типографской греческой школы; а 25-го августа 1680-го года Симеонъ Полоцкій уже умеръ. Кромѣ того, въ черновомъ спискѣ привиллегіи, под-

---

1) Древн. Росс. Вивл. 6 т., 400 стр. Срав. Вечеря Душевная, л. 22-й.

2) Тамъ-же: 420 стр. Срав. Рукоп. Синод. библ. № 130, л. 182-й.

несенной царевнѣ Софьѣ, находится слѣдующая помѣта, сдѣланная рукою Сильвестра Медвѣдева: 7190—1680; при этомъ Новиковъ прибавилъ отъ себя: 1682, соотвѣтственно 7190-му году. Если ученый издатель пожелалъ здѣсь исправить ошибку Медвѣдева противъ простаго вычитанія, то, повидимому, сдѣлалъ это совершенно напрасно. Можно полагать, что выставленный Медвѣдевымъ 7190 (1682) годъ означаетъ здѣсь просто время переписыванія имъ этой привиллегіи для представленія ея государю, послѣ смерти Симеона; тогда какъ 1680 годъ указываетъ, именно, на время написанія того черноваго подлинника ея, съ котораго производилось это списываніе, или, что то-же, на время составленія привиллегіи Симеономъ [1]).

Обращая вниманіе на самое содержаніе привиллегіи, слѣдуетъ замѣтить прежде всего, что она вовсе не представляетъ собою полной программы учреждаемаго ею училища со всѣми подробностями его практической обстановки. Для этой послѣдней цѣли долженъ былъ послѣдовать, въ дополненіе къ ней, особый академическій уставъ, на который и дѣлаются въ ней неоднократныя ссылки. Такъ, въ правилахъ о блюстителѣ училища и объ учителяхъ здѣсь сказано, напримѣръ, что они должны творить крестное цѣлованіе по чину, „иже отъ насъ, великаго Государя, съ совѣтомъ святѣйшаго патріарха *постановленъ и утвержденъ иматъ быти во уставѣ Академискомъ*“ [2]). Тоже самое говорится здѣсь и о судѣ по религіознымъ вопросамъ, который должны совершать „блюститель со учительми во училищѣ и *по Академицкому чину*“ [3]). А въ заключеніи при-

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 44-й.
[2]) Древ. Росс. Вивл. 6 т., 407 стр.
[3]) Тамъ-же: 410 стр.

виллегіи выражено слѣдующее постановленіе: „по сему нашему Царскому вышеизъясненному благоволенію, со всѣми вѣчными наданіи *при совершенномъ и полномъ чинѣ Академіи*,—иже отъ насъ Великаго Государя, съ совѣтомъ свѣтѣйшаго патріарха, по закону святыя восточныя православно-каѳолическія нашея церкви *востановится и утвердится*,—отъ нынѣ во вся послѣдующіе вѣки быти непремѣнно“ [1]). Словомъ, написанная Симеономъ привиллегія заключаетъ въ себѣ лишь общее начертаніе предполагаемаго училища, имѣющее видъ жалованной царской грамоты, каковою она здѣсь прямо и называется [2]).

Тѣмъ не менѣе, грамота эта настолько обширна по своему содержанію и обнимаетъ предметъ свой въ такихъ существенныхъ чертахъ, что по ней можно весьма обстоятельно судить объ общемъ характерѣ и значеніи проектированнаго учрежденія.—Указавъ въ началѣ на общее достоинство и значеніе мудрости „во вещѣхъ гражданскихъ и духовныхъ“, на заботы Соломона и предъидущаго царствованія (грамоты восточныхъ патріарховъ 1668 года) о стяжаніи ея, грамота прежде всего излагаетъ постановленіе относительно мѣста открываемаго училища и общаго состава преподаваемыхъ въ немъ наукъ. Постановленіе это въ особенности знаменательно и сразу указываетъ намъ на обширность задуманнаго предпріятія и его отличительный характеръ: „Благоволимъ въ царствующемъ нашемъ и богоспасаемомъ градѣ Москвѣ *при монастырѣ премудрости и смысла подателя Всемилостиваго Спаса, иже въ Китаѣ на пескахъ, нарицаемомъ Старый* на

---

1) Древн. Росс. Вивл. 6 т., 419 стр.
2) Тамъ-же: 420 стр.

взысканіе юныхъ свободныхъ ученій мудрости, и собранія общаго ради отъ благочестивыхъ и въ писаніи божественномъ благоискусныхъ дидаскаловъ, изощренія разумовъ, *храмы чиномъ Академіи устроити*; и во оныхъ хощемъ сѣмена мудрости, то-есть, *науки гражданскія и духовныя*, *наченше отъ Грамматики*, *Пiитики*, *Риторики*, *Діалектики*, *Философіи разумительной* (умозрительной), *естественной* (Физики) *и нравной* (Ѳтики), *даже до Богословіи*, *учащей вещей божественныхъ* (созерцательной) *и совѣсти очищенія* (нравственной) *постановити*. При томъ-же *и ученію правосудія духовнаго и мірскаго* (право церковное и гражданское) *и прочимъ всѣмъ свободнымъ наукамъ, ими-же цѣлость Академіи составляется*". Къ этому присоединялось еще изученіе языковъ: ученики Академіи, сказано въ другомъ мѣстѣ привиллегіи,—„по грамматической хитрости, изъ различныхъ діалектовъ писаній, наипаче-же *Славенскаго*, *Еллино-Греческаго*, *Польскаго и Латинскаго*, потщатся изыскивати прилѣжно" [1]).— Такой кругъ наукъ былъ не только обширенъ самъ по себѣ, но и превосходилъ своими размѣрами программу преподаванія, существовавшую тогда въ Кіевской коллегіи; ясно, что при его начертаніи Симеонъ имѣлъ въ виду главнымъ образомъ посѣщенные имъ въ юности ученые „вертограды странныхъ идіоматъ".

Столь широкому курсу преподаванія, предположенному привиллегіею, какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ здѣсь и обширность внѣшнихъ средствъ, назначенныхъ государемъ на содержаніе открываемаго училища. Для помѣщенія его предположено было соорудить въ Заиконоспасскомъ монастырѣ осо-

---

1) Древн. Росс. Вивл. 6 т., 401—402 стр.

быя приличныя зданія на счетъ государевой казны. На содержаніе блюстителя, учителей и учениковъ Академіи и, вообще, на удовлетвореніе ея матеріальныхъ потребностей къ ней приписывались здѣсь, кромѣ Спасскаго монастыря, шесть другихъ монастырей и одна пустынь со всѣми ихъ угодьями и отчинами. Это были монастыри: *Богословскій*, въ уѣздѣ Переяславля Рязанскаго; *Андреевскій*, близъ Москвы, для увѣковѣченія памяти царя Алексѣя Михайловича и Окольничаго Ѳеодора Михайловича Ртищева, устроившихъ здѣсь училище; *Даниловскій*— въ Москвѣ, „ради пребыванія новоприходящимъ ученымъ людемъ"; *Стромынскій*, въ Московскимъ уѣздѣ, *Пѣсношскій*, въ Дмитровскомъ; монастырь *Борисоглѣбскій* и *Медвѣдева* пустынь. При этомъ государь пожаловалъ отъ себя въ пользу Академіи цѣлую дворцовую волость—*Вышегородскую*, въ Верейскомъ уѣздѣ, и восемь дворцовыхъ пустошей, въ уѣздѣ Боровскомъ. Сверхъ того, Академіи дозволялось принимать на содержаніе учащихся всякаго рода вклады, съ непремѣннымъ условіемъ, „дабы коликому числу человѣкъ ученикамъ кто дастъ что на пищу и одежду и тому бы числу за его пищею и одеждою всегда непремѣнно въ томъ училищѣ безъ всякаго нарушенія учитися". Наконецъ, въ видѣ необходимаго пособія для ученыхъ занятій Академіи государь благоволилъ уступить ей на вѣчныя времена свою государственную библіотеку.

Опредѣливъ кругъ наукъ въ Академіи и обезпечивъ ея содержаніе, привиллегія переходитъ далѣе къ изложенію правилъ относительно учителей и учениковъ. Отличительную особенность этихъ правилъ составляетъ то, что почти всѣ они направлены къ огражденію интересовъ православія.—Блюститель и учители Академіи должны быть избираемы изъ лю-

дей, рожденныхъ и воспитанныхъ въ православной вѣрѣ. Если это—греки, то они должны представить свидѣтельство о своемъ правовѣріи отъ восточныхъ патріарховъ и въ самой Россіи подвергаются строгому испытанію. Ученые малороссы также не могутъ быть принимаемы въ Академію безъ достовѣрнаго свидѣтельства о нихъ благонадежныхъ людей, даже въ томъ случаѣ, если они представятъ въ доказательство своего православія какое-нибудь богословское сочиненіе: послѣднее можетъ быть написано ими съ лукавствомъ, для достиженія честолюбивыхъ цѣлей. Новообращенные изъ католиковъ, лютеранъ и кальвинистовъ въ Академію вовсе не допускаются. Для большой увѣренности въ соблюденіи строгаго православія, отъ блюстителя Академіи и учителей требуется при поступленіи на службу особая клятва: за послабленія въ дѣлахъ вѣры нарушители этой клятвы подвергаются изверженію; виновные-же въ явномъ хуленіи на православную церковь предаются безъ всякаго милосердія сожженію. Послѣдняя казнь угрожаетъ и тѣмъ, которые станутъ заниматься здѣсь преподаваніемъ возбраняемыхъ церковію наукъ, въ особенности-же „*Магіи естественной*“. Судъ надъ виновными въ указанныхъ преступленіяхъ совершается въ самой Академіи собраніемъ ея учителей, при чемъ для суда надъ блюстителемъ назначаются еще особые довѣренные люди отъ государя и патріарха. Наконецъ, тѣ изъ служащихъ въ Академіи, которые заявили себя долговременными и полезными трудами, въ случаѣ ихъ увольненія, награждаются отъ государя особою пенсіею, подъ условіемъ благопріятнаго отзыва о нихъ блюстителя и учителей.

Въ учреждаемомъ училищѣ дозволяется учиться „людемъ всякаго чина, сана и возраста, точію пра-

вославныя христіанскія Восточныя вѣры“. При этомъ ни въ Москвѣ, ни въ другихъ городахъ не дозволяется, безъ вѣдома блюстителя и учителей Академіи, имѣть частныхъ учителей, въ особенности изъ иностранцевъ: „во ежебы противности каковой-либо Вѣрѣ нашей православной не внестися, и не быти разгласію“. Свобода учениковъ для научныхъ занятій въ Академіи ограждается особыми правилами. Если на комъ-либо изъ нихъ объявятся, напримѣръ, отцовскіе долги, то всякія тяжбы по нимъ отлагаются до полнаго окончанія курса ученія. Всѣ преступленія учениковъ, кромѣ уголовныхъ, разсматриваются судомъ академическимъ,—и даже въ этомъ послѣднемъ случаѣ они могутъ быть взяты изъ Академіи не иначе, какъ съ вѣдома ея блюстителя. Наиболѣе прилежные и выдающіеся изъ учениковъ удостоиваются, во время самаго ученія, особыхъ поощрительныхъ наградъ отъ государя, по представленію о нихъ блюстителя училища и учителей: а по окончаніи ими курса жалуются „въ приличные ихъ разуму чины“. Въ этомъ случаѣ они по служебнымъ правамъ своимъ сравниваются съ лицами благороднаго сословія, — преимущество, котораго нельзя получить „ни за какія дѣла, кромѣ ученія“.

Изложенныя правила, относящіяся къ внутреннему устройству учреждаемаго училища, придаютъ ему видъ какъ-бы особой ученой корпораціи. Корпорація эта располагаетъ самостоятельными матеріальными средствами, имѣетъ собственный судъ, управляется коллегіально и совершенно независимо и пользуется особенными преимуществами по государственной службѣ. Все это составляло, какъ извѣстно, отличительныя особенности высшихъ учебныхъ учрежденій западной Европы и невозможно сомнѣваться въ томъ, что Симеонъ именно ихъ

имѣлъ въ виду при начертаніи этихъ правилъ. Правда, подобное-же устройство имѣла и alma mater Симеона, Кіевская коллегія; но очевидно, что она могла быть здѣсь только примѣромъ для него, а не образцомъ. Посѣтивъ высшія западныя школы, Симеонъ имѣлъ возможность непосредственно обратиться къ самымъ первообразамъ этой коллегіи и, конечно, руководился преимущественно ими при составленіи своей привиллегіи. Предъидущее разсмотрѣніе уже до нѣкоторой степени убѣждаетъ насъ въ этомъ; но съ особенною ясностію это открывается изъ тѣхъ полномочій, которыя Симеонъ усвояетъ своей Академіи относительно внѣшней охраны православія и которыхъ, насколько извѣстно, совсѣмъ не имѣла Кіевская коллегія.

Оградивъ особыми постановленіями строгое соблюденіе православія во внутренней жизни Академіи, Симеонъ предоставляетъ ей обширныя права по наблюденію за его неприкосновенностію въ современномъ русскомъ обществѣ. По его предначертаніямъ, эта высшая носительница православія должна явиться вмѣстѣ съ тѣмъ и его главной внѣшней охранительницей,—чѣмъ-то въ родѣ высшаго судебнаго трибунала по возникающимъ въ обществѣ религіознымъ вопросамъ. — Блюстителю Академіи и учителямъ ея предоставляется право свидѣтельствовать относительно вѣры пріѣзжающихъ въ Россію ученыхъ иностранцевъ: отъ этого свидѣтельства исключительно зависитъ, могутъ-ли они оставаться въ Россіи или-же должны быть немедленно высылаемы за ея предѣлы. Имъ-же вмѣняется въ обязанность наблюдать, чтобы проживающіе въ Россіи иностранцы не производили никакихъ „противностей“ въ вѣрѣ; о всѣхъ случаяхъ подобнаго рода они прямо доносятъ государю, и виновные подвергаются строгому

суду, какъ хулители православной церкви. Всѣ новообращенные къ православной вѣрѣ записываются въ особую книгу, которая отдается въ Академію; послѣдняя обязана наблюдать за строгимъ исполненіемъ съ ихъ стороны церковныхъ установленій: виновные въ ихъ нарушеніи ссылаются въ отдаленные края, а явные хулители ихъ предаются безъ всякаго милосердія сожженію.—Относительно православныхъ русскихъ Академія строго наблюдаетъ, чтобы между ними не было въ обращеніи какихъ-либо волшебныхъ, гадательныхъ и, вообще, богохульныхъ книгъ,—чтобы неученые люди не держали у себя и не читали книгъ еретическихъ, польскихъ, латинскихъ и нѣмецкихъ: въ томъ и другомъ случаѣ книги должны быть доставляемы въ Академію и ею уничтожаются. Виновные въ преступленіяхъ перваго рода, за достовѣрнымъ о нихъ свидѣтельствомъ, подвергаются по суду Академіи сожженію; преступники второй категоріи, смотря по ихъ винѣ, также наказываются „нещадно“.—Наконецъ, Симеонъ, подвизавшійся въ литературной полемикѣ противъ распространенія въ современномъ обществѣ протестантскихъ идей, и въ своей привиллегіи дѣлаетъ относительно ихъ особое постановленіе. Строгому преслѣдованію подвергаются тѣ изъ русскихъ и иностранцевъ, которые будутъ уличены въ хуленіи церковныхъ преданій, въ отрицаніи призыванія Святыхъ, поклоненія святымъ иконамъ и почитанія святыхъ мощей: всѣ они, по суду Академіи, будутъ безъ милосердія сожжены. Предаются сожженію и тѣ, которые изъ православія переходятъ въ иновѣріе; даже лица римско-католическаго вѣроисповѣданія подвергаются ссылкѣ, если они, проживая въ Россіи, перейдутъ въ протестантство.—Словомъ, учреждаемая Симеономъ Академія, по справедливому замѣчанію Со-

ловьева, представляетъ собою какъ-бы цитадель православія [1]) и по обширности своихъ полномочій въ дѣлахъ вѣры, является чѣмъ-то въ родѣ инквизиціонныхъ трибуналовъ западной Европы: ясно, что въ основаніе ея устройства положены были образцы западно-европейскихъ учрежденій.

Составленіемъ привиллегіи Славяно-Греко-Латинской Академіи завершилась многотрудная дѣятельность Симеона, направленная непосредственно къ распространенію просвѣщенія въ современномъ русскомъ обществѣ. Ученый питомецъ западной науки, Симеонъ встрѣтилъ въ Москвѣ совершенное ея отсутствіе и приписывая невѣжеству всѣ происходившія здѣсь нестроенія религіозной жизни, поставилъ ниспроверженіе его своею важнѣйшею задачею. Въ этомъ лежитъ объективное основаніе разсмотрѣнной нами замѣчательной миссіи Симеона. Но особенная сосредоточенность дѣятельности его въ этомъ направленіи, необыкновенная полнота и разнообразіе ея проявленій сами собою уже показываютъ, что для объясненія ея совсѣмъ недостаточно однихъ только внѣшнихъ основаній. Съ внѣшними условіями времени, естественно направлявшими его къ этого рода дѣятельности, здѣсь соединялось, несомнѣнно, глубокое внутреннее расположеніе къ ней Симеона, всегда его отличавшее и непосредственно вытекавшее изъ особенностей его личнаго характера и обстановки.

Въ отношеніи къ личному настроенію Симеона извѣстно, прежде всего, что онъ былъ учителемъ не только по профессіи, но и по своему естественному призванію.—Симеонъ, безъ сомнѣнія, былъ замѣчательнѣйшимъ ученымъ своего времени; но его уче-

---

[1]) С. Соловьевъ: Истор. Росс. XIII т. 330 стр.

ность имѣла чисто энциклопедическій характеръ. Не отличаясь, уже въ силу универсальности своей, достаточною глубиною, она тѣмъ удобнѣе и сильнѣе направлялась къ соотвѣтствующему внѣшнему выраженію и, именно, въ учительствѣ находила самую сродную и подходящую сферу для своихъ проявленій. Вотъ почему этотъ замѣчательный человѣкъ, усвоившій важнѣйшіе элементы западно-европейской образованности, поставлялъ учительство важнѣйшимъ занятіемъ своей жизни, и самъ благоговѣя предъ наукою, даже высшую цѣль знанія полагалъ въ возможности его сообщенія другимъ. Въ своемъ „*Вертоградѣ многоцвѣтномъ*", въ статьѣ подъ заглавіемъ: „*Вѣденіе*", Симеонъ, разсматривая различныя побужденія къ нему, отдаетъ рѣшительное предпочтеніе, именно, учительству:

Благо есть человѣку вѣжество имѣти,
Но како держательно нужда есть умѣти.
Суть бо иже вѣдѣти, да вѣдятъ желаютъ,
Сіи оплазивости порокъ набываютъ.
Суть хотяще вѣжества, да вѣдѣны будутъ,
Сіи тщетна суетства неудобь избудутъ.
Суть и иже вѣдѣти усердно желаютъ,
Да на скверны прибытки даръ той обращаютъ.
Тоже мытоимство есть, предъ Богомъ скаредно,
И душамъ продающимъ вѣжество си вредно.
Но и еще иніи желаютъ вѣдѣти,
Дабы назиданіе духовно имѣти.
Сіе же есть разума, похвально у Бога,
Сицевымъ благодать есть готова премнога.
Напослѣдокъ нѣціи тщатся много знати,
Дабы иныя люди благо назидати,
Сіе дара любве есть, и угодно Богу,
Заслугующее мзду и вѣчну и многу.
Два токмо послѣдняя вѣжества суть честна,
Прочая не полезна, яко суть прелестна [1]...

---

1) Рукоп. Синод. библ., № 288, л. 111-й.

Съ этимъ внутреннимъ глубочайшимъ влеченіемъ Симеона къ учительству вполнѣ гармонировали здѣсь исключительныя особенности его личнаго положенія и обстановки, располагавшія его преимущественно къ этого рода дѣятельности и необыкновенно для нея благопріятныя. Симеонъ былъ царскій учитель, и по всему видно, что ему принадлежало первенство въ вопросѣ объ учрежденіи училищъ, — вопросѣ насущномъ и важнѣйшемъ по исключительнымъ обстоятельствамъ того времени. Онъ былъ самый довѣренный у царя, самый выдающійся и компетентный въ этомъ отношеніи человѣкъ: видимая свобода и необыкновенное богатство его инціативы въ предпріятіяхъ этого рода какъ нельзя болѣе подтверждаютъ это.—Но, что всего важнѣе, учительское званіе въ царской семьѣ придавало необыкновенное обаяніе самому учительству Симеона,—и это не въ придворныхъ только кругахъ, гдѣ все его положеніе преимущественно созидалось на этомъ, но въ средѣ общественной, то-есть, именно тамъ, куда направлялась разсмотрѣнная нами его просвѣтительная дѣятельность.

Общее высокое обаяніе личности Симеона Полоцкаго въ современномъ обществѣ намъ уже достаточно извѣстно; но слѣдуетъ замѣтить, что это обаяніе основывалось здѣсь въ значительной степени, именно, на его учительствѣ. Въ черновыхъ бумагахъ Сильвестра Медвѣдева сохранилось просительное письмо къ Симеону объ учительствѣ одного изъ его учениковъ, писанное отъ 14-го мая 1678-го года и чрезвычайно характеристическое въ этомъ отношеніи.—Послѣ небольшаго вступленія, начатаго „во имя Отца и Сына, и Св. Духа“, письмо переходитъ къ привѣтствіямъ, изливающимъ чувства глубокаго уваженія и удивленія пишущаго къ знаменитому учителю. „Радуйся радостно радоватися достойный“,

пишетъ здѣсь проситель,—„отче святый Іеромонаше Симеоне, преподобный и праведный и Богомъ блаженный пастырю и учителю и любомудрственнѣйшій вождю словесныхъ стада Христова овецъ; радуйся отъ всѣхъ суетъ суетствъ, иже подъ солнцемъ, бѣжавый духомъ, въ малѣ и не со плотію, ко Солнцу незаходимому и присносіяющему свѣту безначальному и безконечному; радуйся, просіявый просіяющею божественною іерейства благодатію, черезъ ея-же присно вечери единороднаго и единосущнаго, за ны воплотившагося Сына Божія неотрочно причащаешися; радуйся сподобивыйся отъ онаго всяческая просвѣщающаго просвѣтитися свѣтомъ разума и благочестія и благовѣрствія и седмію дарованми Пресвятаго и Животворящаго Духа Божія; радуйся источниче наводняяся и вся притекающія ти напояяй богатствы неистлѣвающими: вѣры, надежды и любве, мудрости-же цѣломудрія, правды и мужества и девяторицею плодовъ духъ человѣча, отъ Духа Святаго благодати въ тебѣ раждающимися; радуйся любомудрственнѣйшій грамматече, всепремудрственнѣйшій риторе, витійственнѣйшій логичествомъ, яснозрительнѣйшій философіею и просвѣщаемый богословіемъ тріипостасныя, единосущныя, присноестественныя Троицы“. Только уже послѣ такихъ привѣтствій пишущій приступаетъ къ своей просьбѣ относительно наставничества ему Симеона, излагая ее въ выраженіяхъ глубочайшаго почтенія, проникнутыхъ силою и искренностію чувства. „Молю твое отеческое чадолюбственнѣйшее милосердіе“, пишетъ онъ „его-же ради и приходити къ тебѣ государю желаю, но (дондеже не повелѣнъ буду тобою) не смѣю, да отъ тебе всѣмъ богато разливаемаго всякія божественныя премудрости источника прохлажду знойствіемъ, неразуміемъ жаждущаго ума

моего, да и азъ убогій причастникъ буду твоего отеческаго благословенія и милости, ея-же желаю усердно; да и азъ, аще и недостоинъ есмь, нарекуся ученикомъ твоимъ и совопросникомъ нѣкоихъ обдержащихъ мя нуждъ; да не отринеши мя, отче святый, отъ лица твоего, молютися и мился дѣю, ниже да отвратиши ангелообразное лице твое отъ отрока твоего; да не не будеши ми учитель и вождь и наставникъ, во еже ко спасенію: никтоже, глаголетъ лѣствицеписатель, на теченіе благаго пути наставленъ будетъ, аще благаго наставника не поищетъ. Но азъ тя обрѣтый во благаго ми наставника, во премудраго учителя, во бодраго стража, во неусыпнаго пастыря, желаю быти... твоимъ ученикомъ»... [1]). Такова была блестящая извѣстность Симеона въ Москвѣ какъ замѣчательнаго ученаго наставника и не даромъ самымъ распространеннымъ здѣсь эпитетомъ о немъ было выраженіе: «философъ-дидаскалъ».

Такимъ образомъ, настойчивой потребности времени въ мѣропріятіяхъ на пользу просвѣщенія какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало здѣсь внутреннее глубокое расположеніе къ нимъ Симеона и чрезвычайно благопріятныя условія его личной обстановки. Все это, въ совокупности своей, и поставило его замѣчательнѣйшимъ дѣятелемъ просвѣщенія, который, подымаясь на высоту современныхъ требованій, проявилъ въ этомъ отношеніи необыкновенное разнообразіе и обширность предпріятій, начиная своими трудами по первоначальному образованію и оканчивая составленіемъ плана высшаго училища въ Москвѣ

---

[1]) Черновыя письма Сильвестра Медвѣдева. Рукоп. Публич. Москов. библ. №№ 793, л. 50, 51. На печати этого письма означено: „Благовѣщенскаго попа Іоанна.“

по образцу западно-европейскихъ учрежденій.—Но, какъ извѣстно, Симеону не довелось увидѣть фактическое осуществленіе этого послѣдняго: онъ умеръ, не только не дождавъ открытія проектированной имъ Академіи, но даже не успѣвъ представить разсмотрѣнной нами привиллегіи ея на утвержденіе государя.

Въ сравненіи съ этими важными трудами на пользу просвѣщенія, вторая изъ указанныхъ нами отраслей дѣятельности Симеона, именно, его проповѣдническая дѣятельность, далеко уже не представляетъ такого широкаго развитія. Главная причина этого заключается въ томъ, что уже въ предъидущее время она достигла полнаго выраженія, получивъ совершенную литературную законченность въ проповѣдническихъ сборникахъ Симеона. Именно, въ 1675-мъ году онъ, какъ мы видѣли, составилъ обширный сборникъ поученій своихъ на дни воскресные подъ названіемъ — «*Обѣдъ душевный*»; а въ слѣдующемъ, 1676-мъ году, имъ былъ оконченъ другой сборникъ поученій на годичные праздники подъ именемъ—«*Вечери душевной*». Дѣйствительно, такое-же время составленія этихъ сборниковъ впослѣдствіи означено было и Сильвестромъ Медвѣдевымъ въ ихъ печатныхъ изданіяхъ [1]).—Однако-же, и въ этомъ отношеніи позволительно сдѣлать нѣко-

---

1) См. на ихъ заглавныхъ листахъ. Впрочемъ, относительно „*Обѣда душевнаго*" Сильвестръ Медвѣдевъ допустилъ здѣсь нѣкоторую неточность. Временемъ его составленія онъ такъ-же означаетъ 1676 годъ, тогда какъ въ печатномъ предисловіи Симеона къ составленной имъ въ этотъ годъ „*Вечери душевной*" говорится: „азъ *въ прешедшее лѣто* представивъ вамъ православнымъ христіанамъ Обѣдъ душевный, судихъ въ настоящее лѣто предложити Вечерю душевную" (Веч. душев. л. 3).

торое предположеніе. Изъ приведеннаго нами письма Симеона къ Медвѣдеву извѣстно, что въ то время онъ написалъ «на вся недѣли по два слова, на праздники-же по единому»; между тѣмъ въ его Вечери душевной мы находимъ на иные праздники по два, по три и даже болѣе словъ: можно думать, поэтому, что въ послѣдующее время Симеонъ при случаѣ расширялъ и дополнялъ этотъ сборникъ своихъ праздничныхъ поученій. Впрочемъ, такое предположеніе слѣдуетъ принимать только съ большимъ ограниченіемъ; потому что кратковременность жизни Симеона въ царствованіе Θеодора Алексѣевича, при обширной дѣятельности его въ другихъ направленіяхъ, оставляетъ слишкомъ мало времени для этого.

Но, такъ или иначе, несомнѣнно что Симеонъ Полоцкій, ясно сознавая величайшую потребность въ русской церкви того времени живаго проповѣдническаго слова, никогда не оставлялъ высокаго стремленія своего, по возможности удовлетворять ей путемъ своей личной проповѣднической дѣятельности. Не имѣя достаточно времени для составленія новыхъ проповѣдей, онъ воспользовался въ этомъ отношеніи своими прежними трудами и, именно, съ этого времени открылъ рядовое чтеніе народу своихъ воскресныхъ и праздничныхъ поученій. Таково и было назначеніе составленныхъ имъ проповѣдническихъ сборниковъ. Изъ послѣдующихъ данныхъ открывается, что такое регулярное проповѣдничество было заведено Симеономъ на мѣстѣ своего жительства въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Въ духовномъ завѣщаніи своемъ, отказывая Обѣдъ душевный и Вечерю душевную въ церковь этого монастыря, онъ прибавляетъ между прочимъ: «да и по преставленіи моемъ чтутся въ храмѣ Божіемъ» [1]). — Впослѣдствіи, когда Си-

---

[1]) Рукоп. библ. гр. Ал. Уварова, № 247, л. 15-й.

меонъ Полоцкій умеръ, Сильвестръ Медвѣдевъ, занявшійся по повелѣнію государя приготовленіемъ къ печатному изданію его многочисленныхъ сочиненій, прежде всего обратилъ свое вниманіе на его проповѣди. Въ упомянутомъ нами посланіи къ неизвѣстному пріятелю своему онъ сообщаетъ въ этомъ отношеніи слѣдующее извѣстіе: «Великій государь всѣ книги изданія пречестнаго господина отца Симеона благоволилъ печатати у себе великаго государя въ верхней типографіи. *И нынѣ печатаютъ Обѣдъ душевный*» [1]). Это было писано имъ отъ 3-го декабря 1681-го года; а 5-го октября 1682-го года было уже выпущено изъ верхней типографіи его изданіе [2]). „*Вечеря душевная*" издана была въ той-же типографіи нѣсколько позднѣе, именно, 6-го января 1683-го года [3]).

---

1) Рукоп. библ. гр. Ал. Уварова, № 247, л. 8-й.

2) Въ сообщеніяхъ объ этомъ Медвѣдева снова замѣчается нѣкоторая несообразность. Въ печатномъ изданіи Обѣда душевнаго сказано: „Издадеся... въ лѣто отъ сотворенія міра 7190: отъ рождества же по плоти Бога Слова *1681*, *индикта 5 мѣсяца Октобрія*". Между тѣмъ изъ приведеннаго мѣста посланія Медвѣдева видно, что въ декабрѣ мѣсяцѣ 1681 года онъ еще *печатался*; такимъ образомъ, временемъ изданія Обѣда душевнаго слѣдуетъ принимать 1682 годъ, согласно 7190-му году.

3) До этого времени, изъ всѣхъ проповѣдническихъ трудовъ Симеона было напечатано отдѣльнымъ изданіемъ только три его слова: „Поученіе о благоговѣйномъ стояніи во храмѣ Божіемъ», „Поученіе о благоговѣйномъ стояніи во храмѣ Божіи и слушаніи Божественныя литургіи", и „Поученіе отъ іереовъ сущимъ подъ ними". Сахаровъ полагаетъ, что они были изданы въ 1668 году отъ лица патріарха Іоасафа; между тѣмъ намъ уже извѣстно, что первое и самое важное изъ нихъ было составлено Симеономъ гораздо позднѣе, именно, 3-го Августа 1671 года для митропол. Павла (см. Сахаровъ: Опис. старопеч. книгъ. 308 стр.).

Наконецъ, стихотворное искусство Симеона, составляющее третій и наиболѣе характеристическій родъ дѣятельности его, достигло въ царствованіе Θеодора Алексѣевича своего высшаго развитія. Огромную важность въ этомъ отношеніи имѣла особенная близость Симеона къ этому государю; такъ какъ никакая другая дѣятельность его не находилась въ такой тѣсной зависимости отъ его придворнаго положенія, какъ именно его стихотворное искусство. Правда, кратковременность жизни его при царѣ Θеодорѣ Алексѣевичѣ не дозволила проявиться этому искусству въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, какъ въ предъидущее время; но за то оно получило здѣсь болѣе обширное значеніе и соотвѣтственно этому болѣе широкое и важное примѣненіе.

Прежде всего, исполняя разъ навсегда усвоенную имъ роль придворнаго стихотворца, Симеонъ Полоцкій, по примѣру прежняго времени, старался украшать произведеніями своего искусства различныя придворныя торжества. Въ дни важнѣйшихъ годичныхъ праздниковъ, на имянины государя и другихъ членовъ царской семьи онъ продолжалъ неизмѣнно являться во дворецъ и произносить здѣсь приличныя случаю краткія привѣтственныя стихотворенія. Подобно прежнимъ произведеніямъ его въ этомъ родѣ, стихотворенія эти исполнены преувеличенной лести и напыщеннаго риторическаго воодушевленія; но за то выражаемыя въ нихъ благожеланія отличаются уже болѣе практическимъ и частнымъ характеромъ, вслѣдствіе особенной близости Симеона къ юному государю. Между прочимъ, въ виду крайне слабаго его здоровья, въ нихъ часто слышатся пожеланія ему «крѣпости плоти», испрашивается на него благословеніе Божіе и, вообще, они не рѣдко бываютъ проникнуты тономъ отеческимъ, исполненнымъ живаго и

искренняго участія. — Даже общія благопожеланія, излагаемыя въ нихъ Симеономъ, имѣютъ болѣе реальное значеніе сравнительно съ его прежними изліяніями и представляютъ собою или благочестивыя упованія его относительно умиротворенія православной русской церкви отъ расколовъ и ересей, или же его моленія о побѣдѣ надъ врагами внѣшними, по случаю происходившей тогда тяжелой турецкой войны. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, лучшимъ образцомъ его произведеній можетъ служить поздравительное стихотвореніе на имянины государя, въ день св. великомученика Ѳеодора Стратилата, въ которомъ онъ изливаетъ ему свои пожеланія побѣды надъ Турками слѣдующими замѣчательными стихами:

...Ко Ѳедору молбы (церковь) возсылаетъ,
Ходатай къ Богу за тя да бываетъ:
Дабы изволилъ тя благословити,
Далъ здраву, крѣпку многолѣтно быти.
На змія люта на ны находяща,
Вѣрныя люди снѣдати хотяща,
Да дастъ ти славу еже побѣдити,
И въ плѣнѣ его сущихъ свободити.
О коль премноги во его работѣ,
Трудъ полагаютъ во кровавомъ потѣ
Православніи! А вси воздыхаютъ
Къ Богу щедру о помощь, и чаютъ
Яко орелъ твой имать тому змію
Гордую въ конецъ сокрушити выю
Ихъ же изъ ига тяжка исхитити,
Дабы въ свободѣ христіанстей жити.
Чего блаженства и азъ ти желаю,
Молитвы о немъ ко Богу возсылаю.
Молю, да свѣтъ твой тако расширится,
Нашего Солнца, да сотворится
Турская луна онѣмъ просвѣщенна,
Чрезъ крещенія тайну божественна.
Мрачна ихъ луна невѣрія тмою,
Да просвѣтится во вѣрѣ тобою [1])...

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 287, л. 357-й.

Однако жъ, и въ этихъ поздравительныхъ стихотвореніяхъ, не смотря на ихъ краткость и совершенно частное значеніе, Симеонъ не стѣснялся вплетать своекорыстныя тенденціи, имѣющія отношеніе къ его личному благосостоянію. По примѣру прежняго времени, ловкій стихотворецъ, выражая здѣсь различныя благожеланія государю, искусно присоединялъ къ нимъ свои просьбы объ оказаніи ему особаго царскаго благорасположенія и милости. Просьбы эти обыкновенно были помѣщаемы имъ въ самомъ концѣ привѣтствій и нерѣдко сопровождались указаніями на его усердную и полезную службу, въ подобномъ родѣ:

...Моля, да свѣтлымъ окомъ всегда на мя зриши,
Въ милости царстѣй раба ти храниши,
Иже во *службѣ всяцѣй* имамъ вѣренъ быти,
Донелиже Господь Богъ дастъ ми въ мірѣ жити [1]).

Кромѣ этихъ мелкихъ стихотворныхъ привѣтствій, украшавшихъ обыкновенныя дворцовыя празднества и составлявшихъ здѣсь явленіе совершенно обычное и заурядное, Симеонъ Полоцкій въ случаяхъ особенно торжественныхъ являлся во дворецъ съ болѣе уже значительными произведеніями своими въ этомъ родѣ. И въ этомъ отношеніи, подобно предъидущимъ опытамъ, онъ только слѣдовалъ своему прежнему обыкновенію. Въ ознаменованіе выдающихся печальныхъ или радостныхъ событій въ государевой семьѣ, Симеонъ, по примѣру прежняго времени, составлялъ особыя болѣе или менѣе пространныя стихотворныя книжицы и подносилъ ихъ государю, какъ выраженіе своего глубокаго участія въ его радости и скорби. Мы видѣли уже, что по смерти царя Алексѣя Ми-

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 287, л. 202-й.

хайловича онъ представилъ его преемнику свои стихотворныя „*Плачи*“ по немъ; а когда совершилось вѣнчаніе на царство новаго государя, Симеонъ постарался воспрославить такое радостное событіе въ своей „*Гусли доброгласной*“. Это были самыя обширныя и наиболѣе затѣйливыя стихотворныя произведенія, написанныя имъ въ царствованіе Өеодора Алексѣевича. — Однако-жъ и такими выдающимися опытами стихотворнаго искусства изобрѣтательность Симеона въ этомъ направленіи дѣятельности вовсе не истощилась. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1680-го года, по случаю бракосочетанія государя, онъ поднесъ ему новое стихотворное произведеніе свое, написанное въ томъ-же родѣ, хотя и значительно меньшее по размѣрамъ. Это было: „*Привѣтство Благочестивѣйшему, Тишайшему Самодержавнѣйшему великому Государю Царю и великому князю Өеодору Алексѣевичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержцу о благословенномъ во святое супружество пояліи Благовѣрныя Царицы и великія княгини Агаөіи Семеновны*“. Подносимое стихотворное привѣтствіе Симеонъ украсилъ изображеніями виноградныхъ кистей, какъ эмблемы плодородія, и въ заключеніи его прибавилъ слѣдующее обращеніе къ новобрачной четѣ, имѣющее отношеніе къ самой личности стихотворца:

Внутрь винограда привѣтство есть сіе,
Желаю, да есть выну веселіе
Свѣтлости вашей отъ всякія страны.
Вы же презрите милостиво на ны,
На убогую Спасову обитель,
Въ ней же то писахъ азъ многогрѣшный строитель [1]).

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 287, л. 300-й.

Вѣроятно, произведеніе это показалось самому Симеону не довольно значительнымъ по своимъ размѣрамъ въ виду исключительной важности вызвавшаго его торжественнаго событія; по крайней мѣрѣ, этимъ можно объяснить то обстоятельство, что вскорѣ послѣ бракосочетанія государя онъ, по совершенно заурядному случаю, представилъ ему другую, болѣе важную и обширную стихотворную книжицу. Книжица эта носитъ названіе: *„Стихи въ день происхожденія честнаго и животворящаго креста Господня“* [1]),—и раздѣляется на три равныя части, изъ которыхъ каждая заключаетъ въ себѣ четыре стихотворенія. Въ потокѣ риторическаго воодушевленія, искусный стихотворецъ призываетъ въ нихъ благословеніе Божіе на государя и на „супругу его новосочетанну“; а затѣмъ переходитъ къ различнымъ благожеланіямъ царицѣ Наталіи, царевичамъ Іоанну и Петру, царевнамъ и даже патріарху Іоакиму.—Вообще видно, что Симеонъ Полоцкій, принявъ на себя однажды роль придворнаго стихотворца, относился къ этому дѣлу съ особеннымъ стараніемъ и слѣдуя своему прежнему обыкновенію, не опускалъ ни одного важнаго случая изъ придворной жизни, чтобы не ознаменовать его, съ своей стороны, соотвѣтствующимъ стихотворнымъ произведеніемъ. Само по себѣ, такое поведеніе его совершенно понятно: частое употребленіе стихотворнаго искусства поддерживало непрерывныя ближайшія отношенія его ко двору и при этомъ доставляло ему, какъ мы видѣли, прямой и удобнѣйшій поводъ къ испрашиванію для себя особыхъ государевыхъ милостей.

До сихъ поръ, однако же, мы наблюдали лишь тѣ проявленія піитическаго художества Симеона, кото-

---

[1]) Рукоп. Синод. бил. № 287, л. 291-й.

рыя составляютъ въ сущности только продолженіе его прежнихъ пріемовъ; между тѣмъ его особенная близость ко двору открывала ему возможность давать своему искусству новыя примѣненія, сообразно съ личными вкусами новаго государя. — Извѣстно, между прочимъ, что царь Θеодоръ Алексѣевичъ отличался необыкновенною религіозностію; такъ что принималъ даже личное участіе въ церковныхъ службахъ при дворѣ чтеніемъ и пѣніемъ на клиросѣ. Такая особенность государя, въ соединеніи съ его чрезвычайнымъ уваженіемъ къ стихотворному искусству, подала Симеону поводъ къ составленію стихотворныхъ произведеній въ честь различныхъ святыхъ. Опыты составленія религіозныхъ стихотвореній онъ дѣлалъ, правда, и въ прежнее время [1]), но теперь онъ произносилъ ихъ въ церкви, при различныхъ богослуженіяхъ и въ личномъ присутствіи государя. Повидимому, этого вовсе не случалось ранѣе; потому что самъ Симеонъ, въ своихъ черновыхъ бумагахъ, старательно отмѣтилъ всѣ подобные случаи, какъ изъ ряду выдающіяся событія.

Произнесеніе Симеономъ религіозныхъ стихотвореній въ похвалу празднуемыхъ святыхъ случалось неоднократно и всегда происходило въ придворныхъ церквахъ, безъ сомнѣнія, въ то время, когда онъ самъ совершалъ здѣсь церковную службу. Оно исключительно относится лишь къ двумъ послѣднимъ годамъ жизни Симеона. Именно, въ 1679-мъ году для такой цѣли имъ были составлены слѣдующія произведенія: „*Стиси краесогласніи въ похвалу святыя преподобномученицы Евдокіи*“ „*Метры краесогласніи*

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 287, лл: 10, 303, 304, 307, 313, 314, 327, 329, 331. Срав. Рукоп. Синод. библ. № 731, л. 80 и другіе.

во славу Христа Господа, насъ ради умершаго и погребеннаго" и "*Стиси краесогласніи въ день происхожденія честнаго и животворящаго креста Господня*". Два первыя изъ этихъ произведеній были произнесены имъ "*въ верху во храмѣ св. мученицы Евдокіи*", одно въ день праздника ея, а другое въ великую субботу; послѣднее же произнесено было въ селѣ Коломенскомъ "*во церкви и на водѣ*" [1]).—Въ 1680-мъ году, этого рода произведеній Симеонъ написалъ сравнительно большее количество; это были: "*Стиси краесогласніи во святую великую субботу, во славу Господа нашего Іисуса Христа*", "*Стиси краесогласніи во святую великую субботу во славу Христа Господа, насъ ради умершаго и погребеннаго*", "*Стиси на Воскресеніе Христово ко государинямъ царевнамъ*", *Стиси краесогласніи въ похвалу преподобныя Евдокіи*" и, наконецъ, "*Стиси краесогласніи въ похвалу преподобнаго отца нашего Іоасафа царя Индійскаго*". Послѣдніе стихи были "глаголаны въ селѣ Измайловѣ въ церкви Іоасафа царевича, что у великаго государя на дворѣ, при немъ великомъ государѣ тоя церкви при посвященіи" [2]); а всѣ предъидущіе произнесены были Симеономъ въ придворной церкви св. мученицы Евдокіи, также въ присутствіи государя [3]). Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ названные стихи представляютъ собою довольно значительныя произведенія по своимъ размѣрамъ, состоящія изъ четырехъ, иногда изъ восьми или даже изъ двѣнадцати отдѣльныхъ стихотвореній: это наглядно показываетъ, до какого широкаго развитія доходило здѣсь стихотворное искусство Симеона, подъ

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 287, лл. 628, 632 и 641-й.
[2]) Тамъ-же: л. 649-й.
[3]) Тамъ-же: лл. 183, 185, 229 и 651-й.

покровительствомъ царя Θеодора Алексѣевича,— не говоря уже о самомъ фактѣ такого своеобразнаго и явно утрированнаго его примѣненія.

Легко себѣ представить, какую огромную массу произведеній самыхъ разнообразныхъ по характеру своему и содержанію составила сейчасъ разсмотрѣнная нами стихотворная дѣятельность Симеона въ соединеніи со всѣми его прежними трудами на этомъ поприщѣ. Достаточно вспомнить лишь, что это былъ самый любимый и практически полезный для него родъ литературныхъ занятій, къ которому онъ прибѣгалъ непрестанно и при всевозможныхъ обстоятельствахъ во все продолженіе своей жизни.—Если взять еще во вниманіе при этомъ, что самъ Симеонъ придавалъ своему стихотворному искусству необыкновенно важное значеніе, то для насъ станетъ совершенно яснымъ, почему захотѣлось ему, наконецъ, такъ или иначе разобраться въ этой массѣ и привести все доселѣ имъ написанное въ болѣе или менѣе связный систематическій порядокъ. Такъ объясняется происхожденіе двухъ огромныхъ литературныхъ сборниковъ Симеона, представляющихъ собою сводъ всѣхъ написанныхъ имъ стихотворныхъ произведеній, находившихся до сихъ поръ въ разрозненномъ видѣ въ его черновыхъ тетрадяхъ.

Дѣло собранія своихъ стихотворныхъ произведеній Симеонъ началъ въ 1678-мъ году, то есть, въ то время, когда его стихотворная дѣятельность, какъ мы видѣли, далеко еще не окончилась.—При этомъ, разнообразныя мелкія стихотворенія свои, написанныя имъ въ разное время и составляющія преимущественно плодъ душевныхъ изліяній его по разнымъ теоретическимъ и практическимъ вопросамъ, онъ соединилъ въ особый сборникъ, расположивъ ихъ здѣсь въ алфатитномъ порядкѣ соотвѣтственно ихъ содер-

жанію. Сборнику этому, представляющему такимъ образомъ, пеструю смѣсь безчисленнаго множества самыхъ разнообразныхъ стихотвореній, Симеонъ придалъ и вполнѣ соотвѣтствующее широковѣщательное заглавіе. Онъ озаглавленъ: *„Вертоградъ многоцвѣтный, пользы ради душевныя православныхъ христіанъ Божіимъ наставленіемъ и пособіемъ, а трудолюбіемъ многогрѣшнаго во іеромонасѣхъ Симеона Полоцкаго утяжанный и насажденный въ лѣто отъ созданія міра 7186, а отъ рождества еже по плоти Бога Слова 1678 совершися мѣсяца августа“.*

Весьма характеристичны при этомъ тѣ общія побужденія, которыми руководился Симеонъ при составленіи этого сборника, и которыя онъ излагаетъ здѣсь въ прозаическомъ предисловіи *„къ читателю благочестивому“*. Побужденія эти, какъ и слѣдовало ожидать, имѣютъ непосредственное отношеніе къ общимъ просвѣтительнымъ стремленіямъ Симеона. Сказавъ о томъ, что при посѣщеніи иностранныхъ школъ ему довелось лично испытать услажденіе «ихъ душеполезными цвѣты», онъ прибавляетъ: «тщаніе положихъ многое и трудъ не малый, да и въ домашній мы языкъ славенскій, яко во оплотъ или огражденіе церкве россійскія, оттуду пресажденіе кореней и принесеніе сѣменъ богодухновенно-цвѣтородныхъ содѣю». Въ другомъ мѣстѣ предисловія онъ говоритъ, что трудъ этотъ предпринятъ имъ «того ради, да риѳмотворное писаніе распространяется въ нашемъ славенстѣмъ книжномъ языкѣ, еже во инѣхъ велію честь имать и ублаженіе и творцемъ си достойнаго не лишаетъ отъ Бога и отъ человѣкъ возмездія и славы». При этомъ Симеономъ имѣлось въ виду и удобство болѣе пріятнаго и легкаго усвоенія читателемъ различныхъ назидательныхъ мыслей, когда они выражены въ сосредоточенной стихотворной фор-

мѣ. Цвѣты его «*Вертограда*», говоритъ онъ въ этомъ смыслѣ, — «не витійскаго художества ухищреніемъ насадишася, но піитическаго риѳмотворенія равномѣріемъ слоговъ по различнымъ устроишася родомъ того ради, да присвойственною себѣ сладостію сердцамъ читателей пріятнѣйшіи суще, аки нуждею влекутъ я ко читанію частѣйшему. И яко въ немнозѣ пространствѣ многшая заключающеся, удобнѣе памятію содержатися могутъ и на память изученная, внегда провѣщаются временно, благосладящая суть слухи и сердца слышащихъ» [1]). — Въ этомъ и заключается объяснительная причина, почему стихотвореній этихъ Симеонъ написалъ такое огромное количество, хотя они вовсе не имѣли никакого отношенія ни къ его придворному стихотворству, ни къ личному благосостоянію его вообще.

Другой стихотворный сборникъ Симеона составили тѣ разнообразныя стихотворныя произведенія его, которыя непосредственно относились къ усвоенному имъ званію придворнаго поэта и въ свое время были заявлены при дворѣ или отъ него лично, или со стороны другихъ, большею частію, неизвѣстныхъ лицъ. Произведеній этого рода Симеонъ написалъ, какъ мы видѣли, чрезвычайное множество, а потому и этотъ сборникъ его имѣетъ такіе же огромные размѣры, какъ и „*Вертоградъ многоцвѣтный*“. Подобно этому послѣднему, онъ, также, носитъ широковѣщательное названіе, въ которомъ Симеонъ употребляетъ видимыя усилія обнять его обширное и разнообразное содержаніе. Онъ называется: „*Риѳмологіонъ и стихословъ, содержай въ себѣ стихи равномѣрно и краесогласно сложенныя, различнымъ нуждамъ приличныя: въ славу и честь Бога въ Трои-*

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 288, л. 1—4-й.

цѣ единаго, Пречистыя Божія Матере, Святыхъ угодниковъ Господнихъ, въ пользу юныхъ и старыхъ, духовныхъ и мірскихъ различныхъ сановъ; купно во утѣху и умиленіе, въ благодарствіе, похвалу и привѣтъ и прочая,—трудолюбіемъ многогрѣшнаго во іеромонасѣхъ Симеона Полоцкаго въ различная лѣта и времена сложенныя, потомъ-же во едино собраніе сочетанныя, въ лѣто отъ созданія міра 7187, отъ рождества Бога во плоти 1678" [1]).

При составленіи этого сборника Симеонъ руководился, безъ сомнѣнія, тѣми-же заботами своими о распространеніи „риѳмотворнаго писанія" въ русскомъ обществѣ, что и въ предъидущемъ случаѣ; но при этомъ, важное значеніе имѣли здѣсь и практическія соображенія его совершенно личнаго характера. Къ этому времени Симеонъ началъ чувствовать уже нѣкоторое утомленіе отъ своихъ разнообразныхъ и многотрудныхъ занятій и ему захотѣлось привести въ порядокъ эти стихотворенія свои просто съ тою цѣлію, чтобы можно было удобнѣе пользоваться ими въ послѣдующее время для различныхъ придворныхъ случаевъ. Въ стихотворномъ предисловіи къ „*Риѳмологіону*" онъ прямо заявляетъ въ этомъ смыслѣ:

---

[1]) Здѣсь не совсѣмъ точно указано время составленія „Риѳмологіона"; несомнѣнно, однако же, что имъ слѣдуетъ признавать 1679 годъ, согласно 7187 году. Въ 1678 году Симеонъ занятъ былъ составленіемъ „Вертограда многоцвѣтнаго", которое на половинѣ было прервано сочиненіемъ „Псалтыри риѳмотворной" и было окончено только къ концу этого года въ Августѣ мѣсяцѣ. При томъ въ стихотворномъ предисловіи къ „Риѳмологіону" Симеонъ говоритъ, что во время его составленія ему было 50 лѣтъ, что также падаетъ на 1679 годъ.

От трудовъ готовыхъ мощно будетъ взяти,
Аще ми дастъ Богъ старости дождати [1]).

Этимъ можно объяснить также и то обстоятельство, что въ составъ этого сборника не вошли всѣ бѣлорусскія стихотворенія Симеона, писанныя имъ въ Полоцкѣ; по своему языку они, безъ сомнѣнія, не могли уже имѣть здѣсь никакого практическаго значенія.— Но составивъ этотъ важнѣйшій сборникъ своихъ стихотворныхъ произведеній, Симеонъ, всетаки, не оставилъ вовсе своей стихотворной дѣятельности и въ послѣдніе годы своей жизни дополнялъ его, какъ мы видѣли, своими новыми религіозными стихотвореніями.

Мало того, самое составленіе этихъ сборниковъ и собственно перваго изъ нихъ послужило для Симеона поводомъ къ написанію важнѣйшаго и обширнѣйшаго изъ всѣхъ его стихотворныхъ произведеній,—такъ называемой „*Псалтыри Риѳмотворной*". По сообщенію самого Симеона, помѣщенному въ его прозаическомъ предисловіи къ ней, дѣло это происходило слѣдующимъ образомъ. Составляя „*Вертоградъ многоцвѣтный*, по чину алфавита славенскаго діалекта", онъ подошелъ послѣдовательно къ буквѣ *пси* и написалъ нѣсколько мелкихъ стихотвореній подъ названіемъ—„*Псаломъ*". При этомъ ему пришло на умъ переложить стихотворнымъ размѣромъ покаянные псалмы, что онъ немедленно и исполнилъ. Но занятіе это такъ понравилось Симеону, что онъ рѣшился предпринять подобное-же переложеніе всей Псалтири. „И съ толикимъ трудихся прилежаніемъ", говоритъ онъ объ этомъ,—„яко паче мя нудяше благохотѣніе ко совершенію того дѣла предпріятаго, неже обыкоша лакомо желающіи прибытковъ тлѣнныхъ

---

1) Рукоп. Синод. библ. № 287, л. 6-й.

господіе рабы своя нудити днемъ и нощію ко трудомъ домашнимъ. И Божіимъ пособіемъ въ немнозѣхъ мѣсяцѣхъ дѣло совершеніемъ увѣнчася" [1]). Дѣйствительно, Симеонъ исполнилъ этотъ трудъ свой съ изумительною быстротою: „*начахъ бо*", прибавляетъ онъ въ рукописномъ подлинникѣ этого предисловія,— „*труды сія полагати мѣсяца февруарія въ день 4; совершихъ же мѣсяца марта въ 28 день*" [2]).

По этимъ обстоятельствамъ, поставляющимъ происхожденіе „*Псалтыри риѳмотворной*" во внутреннюю связь съ „*Вертоградомъ многоцвѣтнымъ*", слѣдуетъ заключать, что ея составленіе относится къ одному времени съ этимъ послѣднимъ, то есть, произошло въ томъ же 1678-мъ году. Присоединивъ къ ней впослѣдствіи свое стихотворное переложеніе мѣсяцослова (съ написаніемъ: „*Мѣсяцословъ весь въ стисѣхъ полагаю, Бога и рабы Его прославляю*"),— Симеонъ издалъ ее въ типографіи верхней отъ 3-го апрѣля 1680-го года. Это было первое стихотворное произведеніе, удостоенное имъ печатнаго изданія въ отдѣльномъ видѣ, ради его собственнаго интереса. Дѣйствительно, по своему общему значенію „*Псалтырь риѳмотворная*" вполнѣ заслуживаетъ такого предпочтительнаго вниманія и представляетъ намъ лучшее доказательство, что самъ Симеонъ разсматривалъ свое стихотворное искусство не какъ только модную придворную прикрасу, пригодную для его личнаго честолюбія, но какъ элементъ важный и существенно необходимый въ его общихъ просвѣтительныхъ стремленіяхъ.

---

1) „Псалтырь Риѳмотворная." Моск. акад. библ., № 428, л. 4-й.

2) Рукоп. Синод. библ. № 237, л. 5-й.

Представленіемъ широкаго развитія стихотворнаго искусства Симеона естественныхъ образомъ оканчивается наше разсмотрѣніе разнообразной просвѣтительной дѣятельности его, проявившейся въ царствованіе Θеодора Алексѣевича. Нельзя не замѣтить, безъ сомнѣнія, что дѣятельность эта въ главнѣйшихъ направленіяхъ своихъ отличается необыкновеннымъ богатствомъ личной иниціативы Симеона и характеризуется видимой свободой его во всѣхъ замыслахъ своихъ и ихъ выполненіи. По этой собственно причинѣ она, не смотря на относительную кратковременность свою, достигла здѣсь результатовъ не менѣе важныхъ, чѣмъ и въ предъидущій свой болѣе продолжительный періодъ. Все это слѣдуетъ разсматривать какъ прямое послѣдствіе его особенной близости къ государю, указанной нами въ началѣ.

Переходя теперь къ изображенію общественныхъ отношеній Симеона и его обстановки, мы можемъ найти здѣсь только фактическое подтвержденіе этого общаго заключенія. Мы увидимъ, что Симеонъ Полоцкій находился въ это время въ положеніи совершенно изолированномъ по отношенію къ высшимъ церковнымъ сферамъ и могъ имѣть поддержку для своихъ начинаній только со стороны двора. По сравненію съ предъидущимъ временемъ, отношенія его здѣсь совершенно измѣнились. Въ то время какъ прежде онъ въ дѣятельности своей примыкалъ непосредственно къ текущей церковной политикѣ и находилъ себѣ широкое поощреніе въ средѣ высшихъ и наиболѣе замѣчательныхъ представителей церкви; теперь онъ встрѣчалъ здѣсь лишь одно противодѣйствіе и принужденъ былъ исключительно основываться на своемъ придворномъ положеніи.—Въ этомъ, между прочимъ, заключается объясненіе того

обстоятельства, почему Симеонъ, не смотря на непосредственную близость къ государю, старался снискать себѣ расположеніе окружающихъ его высшихъ придворныхъ лицъ и, по примѣру прежняго времени, имѣлъ здѣсь особыхъ покровителей и благодѣтелей.

Вліятельные вельможи, которыхъ Симеонъ считалъ въ это время своими особенными покровителями, были частію прежніе его благожелатели, частію же лица новыя, пріобрѣвшія свое выдающееся положеніе при дворѣ уже въ царствованіе новаго государя. — Изъ прежнихъ благодѣтелей его здѣсь оставались Богданъ Матвѣевичъ Хитрово и Иванъ Михайловичъ Милославскій, къ которымъ Симеонъ продолжалъ являться со своими поздравленіями на разные случаи, выражая ихъ въ прежнихъ формахъ и въ тѣхъ же пріемахъ. Нѣтъ сомнѣнія что нѣкоторыя изъ указанныхъ нами его привѣтственныхъ стихотвореній къ нимъ были имъ написаны въ это именно время [1]). Изъ новыхъ вельможъ, имѣвшихъ важное значеніе при дворѣ, особенною благосклонностію къ Симеону отличались фамиліи Лихачевыхъ и князей Ромодановскихъ, покровительство которыхъ было ему въ особенности полезно.

Братья Алексѣй и Михаилъ Лихачевы пользовались особенною близостію къ государю. Извѣстно,

[1]) Мы видѣли, что настоящее имя Богдана Матвѣевича Хитрово было Іовъ; поэтому къ нему слѣдуетъ относить всѣ, привѣтственныя стихотворенія Симеона, помѣщенныя съ этимъ именемъ въ „Риомологіонѣ" (см. Рукоп. Синод. библ. № 287, л. 345—349).

что первый изъ нихъ былъ его комнатнымъ стольникомъ. По современнымъ отзывамъ, это были люди „доброй совѣсти, исполненные великаго разума и самаго благочестиваго состоянія“ [1]. —Естественно такимъ образомъ , что Симеону Полоцкому представлялся особенный интересъ снискать себѣ милостивое расположеніе этихъ уважаемыхъ особъ, имѣвшихъ огромное вліяніе въ совѣтахъ государя. Правда, въ его бумагахъ находится всего лишь одно стихотворное „*Привѣтство*“ къ Михаилу Тимоѳеевичу Лихачеву, написанное въ маѣ мѣсяцѣ 1680-го года по случаю „*поятія имъ супруги вторыя*“; но за то привѣтствіе это имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что въ немъ совершенно нагляднымъ образомъ характеризуется ближайшее покровительственное отношеніе къ нему этого вельможи. Въ этомъ смыслѣ весьма знаменательно здѣсь уже самое обращеніе къ нему Симеона: „Благородный и благочестивый господине, государь Михаиле Тимоѳеевичъ“, восклицаетъ онъ, „*ближайшій предстоятелю пресвѣтлаго царскаго величества, а мнѣ зѣло милостивый благодѣтелю*“. Выразивъ затѣмъ въ довольно пространномъ стихотвореніи многочисленныя и разнообразныя благопожеланія новобрачной четѣ, онъ заключаетъ:

...Ихъ же пречестности азъ Вашей желаю,
Самъ ся милости господстей вручаю,
Прося смиренно, изволь мя щадити,
Не престающа Господа молити,
Да тя изволитъ въ своей благодати
Со всѣмъ ти домомъ честнымъ соблюдати;
Азъ же до конца богомолецъ буду
О жизни Вашей, щедротъ не забуду“ [2].

Князья Ромодановскіе, если и не имѣли такого

---

[1]) С. М. Соловьевъ: Исторія Россіи, XIII т., 249 стр.
[2]) Рукоп. Синод. библ. № 287, л. 398-й.

важнаго вліянія при дворѣ, то обращали здѣсь на себя особенное вниманіе, какъ главные предводители русскихъ войскъ въ тяжелую турецкую войну. Симеонъ Полоцкій имѣлъ ближайшее знакомство съ ними и пользовался здѣсь такимъ значеніемъ, что могъ обращаться къ нимъ съ ходатайственными просьбами за нѣкоторыхъ близкихъ ему лицъ. Сохранилось подобное посланіе его къ князю Григорію Григоріевичу Ромодановскому и его сыну Михаилу Григоріевичу, въ которомъ онъ прямо называетъ ихъ своими благодѣтелями. Выразивъ имъ благожеланіе относительно побѣды надъ врагами и готовность свою непрестанно молиться объ этомъ, Симеонъ прибавляетъ: „при семъ моемъ желаніи, яко прежде Ваше благородіе просихъ, тако и нынѣ молю, отъ многихъ лѣтъ мнѣ добраго благодѣтеля, Протасія Ивановича Никифорова, будете милостивы къ сыну его Ѳеодору“ [1])... Кромѣ того, въ „*Риѳмологіонѣ*“ Симеона находится одно поздравительное стихотвореніе къ царю Ѳеодору Алексѣевичу съ надписаніемъ, что оно было предназначено „*князю Ѳеодорѣ Юрьевичю Ромодановскому, съ хлѣбомъ ко государю царю приходящу въ день ангела его*“ [2]).

Вообще видно, что Симеонъ Полоцкій, находясь въ непосредственной близости къ государю, старался поддерживать добрыя отношенія съ окружающими его лицами высшаго придворнаго круга, чтобы ихъ благорасположеніемъ поддержать и упрочить здѣсь собственное вліятельное положеніе.—Важное значеніе въ этомъ отношеніи имѣли, безъ сомнѣнія, и тѣ мелкія поздравительныя стихотворенія, которыми лица

---

[1]) Рукоп. Моск. Публ. библ. № 793, л. 31. Письмо это написано было отъ 13 мая 1678 года.

[2]) Рукоп. Синод. библ. № 287, л. 380-й.

приближенныя къ государю привѣтствовали его въ торжественныхъ случаяхъ, имѣя въ виду его особенную склонность къ стихотворному искусству. Стихотворенія эти обыкновенно были составляемы для нихъ Симеономъ и въ его „*Риѳмологіонѣ*“ ихъ находится довольно значительное количество; но здѣсь вовсе не указано отъ кого, именно, они были произносимы, а по общему характеру ихъ содержанія опредѣлить это совершенно невозможно [1]).

Ближайшія отношенія Симеона къ лицамъ, окружавшимъ государя, представляя намъ совершенно обезпеченнымъ его почетное придворное положеніе, были особенно важны въ томъ отношеніи, что дѣлали его совершенно неуязвимымъ для нападеній непримиримыхъ противниковъ его въ современномъ обществѣ и церкви. Противники эти, какъ и въ прежнее время, были здѣсь довольно многочисленны и принадлежали, также, частію къ послѣдователямъ раскола, частію къ сторонникамъ греческаго образованія. Усматривая въ немъ главнаго представителя одинаково ненавистнаго имъ западнаго направленія, они нападали на него съ прежнимъ ожесточеніемъ, стараясь всячески подорвать его авторитетное значеніе въ обществѣ, какъ выдающагося дѣятеля просвѣщенія. Въ стихотворномъ предисловіи къ своей „*Псалтыри риѳмотворной*“ самъ Симеонъ, обращаясь „*къ читателю благочестивому*“, характеризуетъ ихъ дѣятельность въ этомъ отношеніи слѣдующимъ образомъ:

... Не слушай буихъ и не наказанныхъ.
Во тмѣ невѣжества злобою связанныхъ,
Имъ же обычай все то обхуждати,
Его же Господь не даде имъ знати.
Не буди общникъ *расколы творящимъ*,

1) Рукоп. Синод. библ. № 287, л. 589 и другіе.

Всю мудрость въ себѣ заключенну мнящимъ:
А самомъ дѣлѣ пребезумнымъ сущимъ,
Упоромъ своимъ въ погибель текущимъ.
Ни завидящимъ подражатель буди,
Имъ же чуждіи сердце гризутъ труди.
Иже благая за зависть хулнаютъ
Совѣсть поправше, вся уничижаютъ.
Но буди правый писаній читатель,
Не словъ ловитель, но ума искатель [1]).

Раскольники, не занимавшіе лойяльнаго положенія въ обществѣ, по прежнему не могли быть опасны Симеону; но совсѣмъ иное значеніе въ этомъ отношеніи могли имѣть теперь представители греческаго образованія въ Москвѣ, которыхъ онъ, очевидно, разумѣетъ въ настоящемъ случаѣ подъ именемъ „*завидящихъ*". Въ это время они снова получили здѣсь важное вліяніе, благодаря „тому, что во главѣ ихъ стоялъ теперь самъ высшій представитель церкви, патріархъ Іоакимъ. Дѣйствительно, въ лицѣ этого патріарха Симеонъ Полоцкій встрѣтилъ для себя сильнаго и энергическаго противника, въ отношеніи къ которому долженъ былъ дѣйствовать съ особенною осмотрительностію.

Патріархъ Іоакимъ до своего вступленія на патріаршій престолъ, былъ долгое время (1664—1672 г.) архимандритомъ Чудова монастыря: здѣсь онъ близко сошелся съ Епифаніемъ Славинецкимъ и, подчинившись его вліянію, явился горячимъ поборникомъ идеи объ исключительномъ достоинствѣ „греческаго ученія". — Понятно, что Симеонъ Полоцкій, всецѣло проникнутый началами латинскаго образованія, былъ ему крайне несимпатиченъ, возбуждая въ немъ сильнѣйшія подозрѣнія въ ненадлежащей чистотѣ своего православія. Изъ послѣдующихъ данныхъ открывается,

---

[1]) Псалтырь риѳмотворная: л. 7-й.

что особенную важность въ этомъ отношеніи имѣло посѣщеніе имъ іезуитскихъ коллегій и совершенное незнаніе греческаго языка. Въ „*Словѣ поучательномъ*“, помѣщенномъ въ „*Остенѣ*“, сохранилось весьма характеристическое сужденіе объ этомъ патріарха Іоакима, опредѣляющее его общее воззрѣніе на характеръ и достоинство личности Симеона. „Онъ, Симеонъ“, говоритъ здѣсь патріархъ, — „аще бяше человѣкъ ученъ и добронравенъ, обаче предъувѣщанъ отъ іезуитовъ, папежниковъ сущихъ, и прельщенъ бысть отъ нихъ; къ тому и книги ихъ латинскія чтяше, греческихъ же книгъ чтенію не бяше искусенъ, того ради мудрствоваше латинская новомышленія права быти: у іезуитовъ бо кому учившуся, наипаче токмо латински безъ греческаго, невозможно быти православну весьма, восточныя церкве искреннему сыну; подвлагаютъ бо они, іезуиты, учащыяся у нихъ подъ страшныя клятвы, еже быти имъ послушнымъ папѣ, отцу ихъ, и послѣдователемъ во всемъ и уніатомъ и защитникомъ западнаго костела“. Имѣя такое предубѣжденіе относительно образованія Симеона, патріархъ Іоакимъ разсматривалъ съ этой точки зрѣнія и всю его литературную дѣятельность: „Написа онъ нѣкая писанія“, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ того же слова, — „собирая отъ латинскихъ книгъ, и иная же съ тѣхъ же латинскихъ книгъ готовая преведе. И во всѣхъ тѣхъ своихъ писаніяхъ написа латинскаго зломудрствованія нѣкія ереси: аще отъ неискусства, аще ухищренно, совѣсть его вѣсть, обаче овыя прикровенно и неудопознанно лежаще суть въ писаніихъ его“ [1])...

Между тѣмъ, человѣкъ столь подозрительнаго направленія находился въ совершенной независимости

---

[1]) Остенъ. Казань 1865 г., 130—131 стр.

отъ патріарха. Опираясь на свое исключительное придворное положеніе, Симеонъ Полоцкій во всѣхъ предпріятіяхъ своихъ дѣйствовалъ съ полною самостоятельностію, не только не спрашивая въ нихъ особаго разрѣшенія у Іоакима, но часто выступая совершенно вопреки его личнымъ предначертаніямъ. Обыкновенно, въ этихъ случаяхъ онъ искусно заслонялся авторитетомъ государя, чѣмъ возбуждалъ сильнѣйшее неудовольствіе патріарха, относившагося съ особенною ревностію къ прерогативамъ собственной власти. Такъ: не можетъ быть сомнѣнія, что въ своемъ проектѣ Славяно-Греко-Латинской Академіи Симеонъ дѣйствовалъ въ совершенную противоположность съ намѣреніями Іоакима, которому, также какъ и патріарху Іерусалимскому Досиѳею, желательно было только расширеніе греческаго типографскаго училища. Учрежденіе Симеономъ Верхней типографіи еще менѣе могло нравиться патріарху; потому что создавало просторъ для литературной дѣятельности человѣку противоположнаго съ нимъ направленія. Правда, на изданіяхъ этой типографіи Симеонъ, наряду съ именемъ государя, неизмѣнно выставлялъ имя патріарха; но, съ его стороны, это была только мастерская уловка, приводившая въ крайнее смущеніе Іоакима. Въ послѣдствіи, осуждая общее направленіе Симеона, патріархъ съ особенною горечью жаловался на это: „Толико той Симеонъ освоеволився“, говоритъ онъ, между прочимъ,— „дерзне *за нѣкіимъ попущеніемъ*, яко и печатнымъ тисненіемъ нѣкія своя книги издати, оболгавъ мѣрность нашу, предписа въ нихъ, якобы за нашимъ благословеніемъ тыя его книги печатаны. *Мы же, прежде типикарскаго изданія, тѣхъ книгъ ниже прочитахомъ, ниже яко либо видѣхомъ, но, яже сже печатати, отнюдъ не токмо благословеніе, но*

ниже изволеніе наше бысть" [1].... Мало того: въ Москвѣ носился слухъ, что Симеонъ, пользуясь своимъ вліяніемъ на государя, задумывалъ даже удаленіе самаго патріарха Іоакима. Говорили, будто онъ убѣждалъ своего царственнаго ученика установить въ Россіи четырехъ патріарховъ, на мѣсто бывшихъ здѣсь четырехъ митрополитовъ: въ Новгородѣ, Казани, Ростовѣ и Крутицахъ,—послать Іоакима патріархомъ въ Новгородъ, а Никона возвратить въ Москву и назвать папою [2]. Конечно, этому слуху невозможно придавать серьезнаго значенія; но всетаки онъ весьма характеристиченъ для уясненія исключительнаго положенія Симеона: ясно, что и самому патріарху Іоакиму не совсѣмъ удобно было затрогивать этого привиллегированнаго царскаго любимца.

Затрудненіе его въ этомъ отношеніи усложнялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что Симеонъ Полоцкій, маскируясь въ общихъ начинаніяхъ своихъ распоряженіями государя, въ своихъ частныхъ отношеніяхъ къ патріарху отличался необыкновенною сдержанностію и осмотрительностію, тщательно избѣгая всякаго повода вызывать его на открытую вражду. Вообще это былъ человѣкъ мягкаго и уравновѣшеннаго характера, воспитанный въ условіяхъ западной культуры и отличавшійся такою умѣренностію въ обращеніи, что заслужилъ, какъ мы видѣли, отъ самого патріарха Іоакима названіе „*добронравнаго*". И дѣйствительно, несмотря на явное недоброжелательство къ нему послѣдняго, онъ видимо относился къ нему съ должнымъ почтеніемъ; такъ что даже въ своихъ придворныхъ стихотвореніяхъ, касаясь иногда личности патріарха, онъ наставлялъ молодаго

---

[1]) Остенъ. Казань 1865 г., 138 стр.
[2]) С. М. Соловьевъ: Исторія Россіи. XIII т. 332 стр.

государя оказывать ему надлежащее вниманіе [1]).— Съ другой стороны, зная о крайнемъ предубѣжденіи патріарха Іоакима относительно его образованія, Симеонъ и въ этомъ отношеніи поступалъ съ особенною осторожностію. При жизни своей онъ воздерживался обнародованія тѣхъ своихъ произведеній, въ которыхъ съ особенною яркостію выступало на видъ его исключительное латино-польское направленіе, чтобы только не раздражать патріарха и вообще не давать лишняго оружія противъ себя въ руки враговъ своихъ. Такой образъ дѣйствій Симеона съ наибольшею очевидностію обнаруживается изъ его стихотворнаго предисловія къ „*Риѳмологіону*“, гдѣ онъ выражаетъ свое сокрушеніе объ этомъ слѣдующими знаменательными стихами:

Писахъ книжная, якоже витіи
Пишутъ, и яко отъ витій вящшіи.
Яже возможно будетъ созерцати,
Елма Богъ дастъ я міру показати.
Днесь не являю, ради завидящихъ,
Ихъ же не знаютъ предъ людьми хулящихъ.
Иже въ то время не будутъ хулити.
Егда ми дастъ Богъ міръ духомъ лишити.
Тогда ревность и зависть престанетъ,
А кождо суду Божію предстанетъ [2])...

Однако же, въ данномъ случаѣ Симеонъ сильно ошибался въ своемъ разсчетѣ. Приведенныя нами обличенія со стороны патріарха Іоакима относительно общаго направленія его образованія и сочиненій послѣдовали, именно, послѣ смерти Симеона; тогда какъ при жизни его патріархъ, повидимому, вовсе воздерживался отъ подобныхъ обличеній и, изъ уваженія къ государю, принужденъ былъ уживаться

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 287, л. 522-й.
[2]) Тамъ-же: л. 5—6-й.

съ нимъ такъ или иначе.—Правда, въ его управленіе мы уже не замѣчаемъ прежняго широкаго участія Симеона въ текущей церковной политикѣ; но и въ этомъ отношеніи устраненіе его было не полное. Какъ выдающійся ученый, состоявшій подъ особеннымъ покровительствомъ государя и признаваемый въ такомъ достоинствѣ со стороны самого патріарха Іоакима, Симеонъ Полоцкій и въ это время былъ допускаемъ къ обсужденію церковныхъ вопросовъ, имѣющихъ общее значеніе. Въ его бумагахъ мы находимъ постановленіе московскаго собора относительно *«хода свѣтлаго, въ день цвѣтоносія бывающаго и яжденія на осляти»*,— писанное имъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1678-го года и обработанное въ ораторской формѣ [1]). Кромѣ того, устраненный Епифаніемъ Славинецкимъ въ 1674-мъ году отъ участія въ новомъ переводѣ Библіи на славянскій языкъ, Симеонъ, послѣ его смерти, снова былъ привлеченъ къ этому дѣлу и участвовалъ въ исправленіи славянскаго текста Дѣяній и Посланій Апостольскихъ, происходившемъ въ 1680-мъ году [2]).—Вотъ почему, когда Симеонъ Полоцкій скончался, патріархъ Іоакимъ, несмотря на свое общее нерасположеніе къ нему, счелъ своимъ долгомъ присутствовать на его погребеніи и не могъ осуществить такого намѣренія своего только по независящимъ отъ него обстоятельствамъ. «Святѣйшій патріархъ», сообщаетъ объ этомъ Медвѣдевъ,—«благоволилъ было и самъ на погребеніи быти, точію ради въ той день со кресты хожденія, на погребеніи ему быти было невозможно» [3]).

---

1) Рукоп. Синод. библ. № 229, л. 263—264-й.
2) Правосл. Обозр. 1861 г. № 2, 297 стр.
3) Рукоп. библ. графа Ал. Уварова, № 247, л. 3-й.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ общемъ нерасположеніи патріарха Іоакима къ Симеону имѣли огромное значеніе внушенія ему чудовскаго инока Евѳимія, находившагося въ особенной близости къ нему и пользовавшагося значеніемъ его довѣреннаго совѣтника, въ особенности по вопросамъ научнаго характера. Инокъ Евѳимій, защищая усвоенное имъ греческое направленіе, продолжалъ относиться къ Симеону съ прежнею нетерпимостію, не оставляя излюбленнаго имъ занятія отыскивать и обличать въ его сочиненіяхъ различныя латино-польскія тенденціи. Наиболѣе строгому обличенію съ его стороны подверглась въ это время „*Риѳмотворная Псалтырь*" Симеона, бывшая дѣйствительно прямымъ подражаніемъ стихотворнаго перевода Псалтыри польскаго поэта Яна Кохановскаго. Полагая, что такое обращеніе съ Псалтырью противно духу истиннаго православія, Евѳимій, еще до появленія ея печатнаго изданія, разразился рѣзкими обвиненіями противъ Симеона. Собравъ мнѣнія о ней отцевъ церкви Аѳанасія Александрійскаго и Григорія Богослова, онъ составилъ изъ нихъ особую обличительную записку, сущность которой сводится къ слѣдующему основному положенію: „*хранити подобаетъ, да никто псалмы мірскими красоглаголанія словесы упещряетъ, ниже покусится реченія перемѣняти, или всячески иное, мѣсто иного поставляти, но просто, яко написана суть, да чтетъ и поетъ якоречеся* [1])...

Но нападенія Евѳимія, какъ и въ прежнее время, не производили здѣсь желаемаго дѣйствія. Напротивъ, есть основанія полагать, что теперь Симеонъ Полоцкій относился къ этому противнику своему съ полнымъ пренебреженіемъ и, опираясь въ настоя-

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 396, л. 66-й.

щемъ трудѣ на сочувствіе государя, встрѣтилъ всѣ его возраженія однимъ высокомѣрнымъ презрѣніемъ. Лучшимъ свидѣтельствомъ этого можетъ служить довольно пространное стихотвореніе, помѣщенное имъ въ заключеніи той же „*Псалтыри риѳмотворной*“ и явно направленное противъ указанныхъ обличеній Евѳимія. Упомянувъ въ началѣ его о Зоилѣ, хулителѣ пѣснопѣній Гомера, Симеонъ, сопоставляя съ нимъ современнаго „*гаждателя*“ своего, продолжаетъ:

Мню азъ, яко и нынѣ живетъ Зоилъ въ чадѣхъ
Нрава хулы своея и въ россійскихъ градѣхъ.
Не мню, токмо, но и вѣмъ, ибо еще труди
Сіи свѣта не зрѣша, ни внидоша въ люди,
А уже хулители завистніи слово
Лукавое, имѣша во устѣхъ готово.
Колми паче, узрѣвше потщатся хулити
Трудъ сей: дабы хулою славу получити.
Но злый Зоиле, польза тебѣ о семъ кая?
Зависти, хулительства слава, злому злая.
Конецъ Зоилевъ золъ бѣ, и ты соблюдися,
Да не тожде страждеши: отъ зла отвратися.
Вскую труды моя тщишися судити,
Самъ не хотя, ни могущъ точныхъ положити.
Не разумъ тя, но злоба на то понуждаетъ,
Завистникъ вся, яко сова солнце, обхуждаетъ.
Друже престани зубы твоя изощряти,
Азъ есмъ сынъ церкве вѣрный, а она мнѣ мати.
Аще погрѣшихъ нѣгдѣ, она вѣстъ простити,
И нѣмоту чадъ своихъ вѣстъ мати любити...
Ты вскую любве праздный, идѣже есть право,
Явѣ, да мудръ зришися, судиши лукаво.
Но не сей путь есть славы въ людехъ стяжанія,
Паче вредъ се добраго есть непщеванія.
Аще ти далъ Богъ разумъ, ты самъ потрудися,
Не въ чужыхъ дѣлехъ смысленъ, но въ своихъ явися:
Ибо то буйство паче, не мудрость судится,
Егда кто хуленіемъ чуждыхъ дѣлъ хвалится[1])...

---

[1]) Псалтырь риѳмотворная: л. 139-й.

Очевидно, что только особенная близость къ государю и покровительственное отношеніе лицъ, имѣвшихъ могущественное вліяніе при дворѣ, обезпечивали Симеону эту совершенную безопасность отъ враждебнаго настроенія къ нему выдающихся дѣятелей современной церкви.—Дѣло въ томъ, что, имѣя такихъ сильныхъ враговъ въ области церковнаго управленія, Симеонъ Полоцкій въ это время вовсе не имѣлъ здѣсь сколько-нибудь значительныхъ друзей, которые бы своимъ покровительствомъ ему могли уравновѣшивать до извѣстной степени ихъ враждебное вліяніе. Всѣ извѣстные намъ благодѣтели и покровители его въ средѣ высшихъ представителей церкви сошли уже со сцены; новыхъ подобныхъ друзей не было вовсе, и потому Симеонъ оставался здѣсь совершенно одинокимъ. Изъ всѣхъ прежнихъ благопріятелей его въ живыхъ находился только настоятель Богоявленскаго монастыря, архимандритъ Амвросій, для котораго онъ въ прежнее время составлялъ иногда церковныя поученія и съ которымъ у него поддерживались теперь самыя близкія дружественныя отношенія. Извѣстно, напримѣръ, что этотъ архимандритъ, въ качествѣ ближайшаго друга, присутствовалъ при кончинѣ Симеона и, какъ человѣкъ особенно довѣренный и уважаемый, былъ назначенъ въ его духовномъ завѣщаніи главнымъ „устроителемъ“ оставленнаго имъ „стяжанія“ [1]). Но при этомъ нѣтъ никакихъ основаній предполагать, чтобы архимандритъ Амвросій пользовался какимъ-либо особеннымъ значеніемъ въ современной церкви, а потому и его несомнѣнное дружеское расположеніе къ Симеону ни въ чемъ существенномъ не измѣняло совершенно изолированнаго положенія въ ней этого послѣдняго.

---

[1]) Рукоп. библ. гр. Ал. Уварова, № 247, л. 15-й.

Повидимому, въ связи съ этимъ явнымъ упадкомъ прежняго вліятельнаго положенія Симеона въ сферахъ церковныхъ находилось совершенное прекращеніе въ это время прежнихъ дружественныхъ сношеній его съ южно-русскими учеными. По крайней мѣрѣ, его полная изолированность здѣсь, устранявшая важнѣйшее основаніе къ этимъ сношеніямъ является наиболѣе подходящимъ объясненіемъ этого совершенно темнаго явленія. Въ особенности представляется загадочнымъ совершенное прекращеніе какихъ-либо сношеній Симеона съ архіепископомъ черниговскимъ Лазаремъ Барановичемъ, и сопоставленіе этого обстоятельства съ ихъ прежнею оживленностію можетъ вести даже къ предположенію, что между этими старинными друзьями произошелъ къ этому времени полный разрывъ.

Но, какъ бы то ни было, несомнѣнно, всетаки, что и въ это время Симеонъ Полоцкій продолжалъ питать симпатическія влеченія къ краю, которому былъ обязанъ, по преимуществу, своимъ воспитаніемъ. Помимо этого частнаго и довольно страннаго обстоятельства, его общее духовное сродство съ нимъ никогда не прекращалось и при случаѣ выражалось въ дѣятельномъ покровительствѣ лицамъ, приходившимъ въ Москву изъ Малороссіи. Понятно, что при этомъ Симеонъ долженъ былъ опираться на государя и на своихъ благопріятелей изъ среды знатныхъ вельможъ. Лучшимъ свидѣтельствомъ такого особеннаго покровительства его южанамъ представляетъ намъ сохранившееся въ его бумагахъ посланіе къ игумену и братіи „обители Скитскія", писанное имъ отъ 30-го іюля 1680-го года, уже не задолго до своей кончины. — Скитская обитель, потерпѣвъ конечное раззореніе отъ нашествія турокъ, послала въ Москву нѣкоего отца Варѳоломея съ братіею для сбора пособій. Выслушавъ ихъ печаль-

пую повѣсть, Симеонъ Полоцкій „вельми сердцемъ умилихся, болѣзнуя о томъ плачевномъ посѣщеніи Господнемъ“ и, съ своей стороны, приложилъ старанія къ тому, чтобы посланные „не тощь возвратились во обитель святую“. „Азъ многогрѣшный“, сообщаетъ онъ объ этомъ въ своемъ посланіи,—„елико могохъ, *похваленіемъ обители у вельможъ* пособіе творихъ, чая отъ вашего преподобія воздаянія молитвъ святыхъ о оставленіи согрѣшеній моихъ“... При этомъ Симеонъ и отъ своего лица послалъ въ раззоренную обитель посильныя приношенія: „въ знаменіе же усердія моего къ вашему преподобію“, продолжаетъ онъ далѣе,—„послахъ ими во святую обитель вашу крестъ серебряный позлащенный и десять Псалтырей неувязанныхъ, вѣршами словѣнскими отъ мене грѣшнаго писанныхъ, а повелѣніемъ пресвѣтлаго царскаго величества напечатанныхъ, яже аще во церкви неключимы, обаче въ дары людемъ честнымъ могутъ быти полезны“ [1]).—Не менѣе важныя доказательства того же самаго можно усматривать и въ духовномъ завѣщаніи Симеона, гдѣ онъ значительную часть оставленнаго имъ имущества отказываетъ во многіе южно-русскіе монастыри [2]).

Наконецъ, что касается обстановки частной жизни Симеона при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, то здѣсь съ наибольшею ясностію обнаруживается особенное покровительственное отношеніе къ нему этого государя, при чемъ становится понятнымъ для насъ, почему неблагопріятныя отношенія его въ сферахъ церковныхъ не имѣли существеннаго вліянія на его общее почетное положеніе въ Москвѣ. Правда, относящіяся къ ней данныя отличаются нѣкоторою скудостію

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 130, л. 116-й.
[2]) Рукоп. библ. гр. Ал. Уварова, № 247, л. 12—13-й.

сравнительно съ предъидущимъ періодомъ; но причина этого заключается лишь въ томъ, что Симеонъ Полоцкій, пользуясь въ это время непосредственною близостію къ государю, вовсе не имѣлъ нужды подавать ему особыя челобитныя, въ которыхъ его прежняя обстановка выступала съ такими характеристическими подробностями. Тѣмъ вѣроятнѣе становится для насъ общее довольство частной жизни Симеона при этомъ государѣ,—и дѣйствительно, ея полная обезпеченность здѣсь удостовѣряется прямыми и вѣскими указаніями, сохранившимися въ его бумагахъ.

Мы уже знаемъ, что царь Θеодоръ Алексѣевичъ посѣщалъ иногда своего наставника въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Въ одно изъ этихъ посѣщеній ему показалась неудовлетворительною домашняя обстановка Симеона и потому онъ сдѣлалъ распоряженіе объ устройствѣ для него новаго помѣщенія. Поселившись въ немъ, Симеонъ Полоцкій, въ 1678-мъ году, представилъ государю довольно обширное благодарственное стихотвореніе подъ заглавіемъ: «*Благочестивѣйшему тишайшему самодержавнѣйшему великому государю царю и великому князю Θеодору Алексѣевичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу благодарствіе усердное за созданіе келіи*». Изливая благодарность свою за эту особую милость, Симеонъ коснулся здѣсь и своего общаго положенія при этомъ государѣ, изобразивъ его въ чертахъ свѣтлыхъ, проникнутыхъ чувствомъ живѣйшей и искренней признательности. „Со наслѣдіемъ царскія державы“, говоритъ онъ, между прочимъ,—

Тебѣ оставленъ азъ есмь царю полный славы.
Ты же отца твоего яко царство взяше,
Тако добродѣтелей всѣхъ наслѣдникъ сташе.
И явѣ умножити желаеши тыя,

Да гнѣздо имутъ въ тебѣ доброты святыя
Ко всѣмъ убо человѣкомъ. Еже величаю,
Но изряднѣе яже ко мнѣ, ты лобзаю.
Едва точію царь ты еси нареченны,
Абіе милостію ко мнѣ обращенны.
Не велѣлъ еси пищи отъ мене отъяти,
Но по прежде бывшему звычаю даяти.
Отъ щедротъ превеликихъ едва бѣхъ познанны,
А уже сподобенъ есмь бывати питанны.
Потомъ щедрыхъ даяній царскихъ сподобихся,
Ничесогоже отъ нуждыхъ житію лишихся.
Выше того, идѣ же страшно бѣ глядати,
И недостойно бяше странному бывати,
Тамо мя удостоилъ жертву совершити,
И хваленіе Богу слезно приносити.
Напослѣдокъ, егда азъ щедротамъ дивихся,
Новую царску милость взяти сподобихся:
Жилище имѣвъ худо, не дерзалъ стужати,
Дабы ми непріятна отвѣта не взяти:
И се Господь на сердцѣ твоемъ положилъ есть,
На келію ми очи твои обратилъ есть.
Юже зря обветшавшу, абіе далъ слово,
Да будетъ устроено жилище ми ново.
Еже благодатію Бога совершися,
И твой въ нѐ богомолецъ уже водворися [1])...

Съ этимъ вполнѣ согласуется и другое свидѣтельство Симеона, помѣщенное въ его предисловіи къ „*Вертограду многоцвѣтному*“. Излагая здѣсь свои побужденія къ составленію этого огромнаго сборника стихотвореній, онъ съ видимымъ удовольствіемъ замѣчаетъ, что, благодаря особенному вниманію къ нему царя Θеодора Алексѣевича, ему вовсе нѣтъ нужды руководиться при этомъ своекорыстными матеріальными разсчетами. „Его бо царскимъ благоутробнымъ милосердіемъ“, говоритъ онъ въ этомъ смыслѣ,—„и множествомъ щедротъ, и отценодражательною царскою призрѣнъ есмь милостію и въ рав-

[1]) Рукоп. Синод. библ., № 287, л. 596-й.

номъ бывшему хранимъ довольствѣ, ни въ чесомъ скудости стражду" [1]). — Словомъ, очевидно, что Симеонъ Полоцкій, вслѣдствіе особеннаго попечительнаго участія къ нему государя пользовался въ это время совершеннымъ довольствомъ своей частной обстановки и выражалъ при случаѣ горячую благодарность за это своему державному покровителю. И на самомъ дѣлѣ: оставленное имъ духовное завѣщаніе не допускаетъ въ этомъ отношеніи ни малѣйшаго сомнѣнія, представляя намъ имущество его слишкомъ значительнымъ для его званія простаго іеромонаха.

Само собою разумѣется, что это привилегированное положеніе Симеона въ качествѣ царскаго любимца отразилось соотвѣтствующимъ образомъ и на внѣшнемъ состояніи управляемой имъ Заиконоспасской обители.—Слѣдуетъ замѣтить прежде всего, что съ своей стороны, Симеонъ Полоцкій прилагалъ особенныя попеченія относительно матеріальнаго обезпеченія этой обители и по примѣру прежняго времени составилъ съ этой цѣлію довольно обширное стихотворное произведеніе, подъ заглавіемъ: „*Моленіе увѣщательное и увѣщаніе молительное.*" Въ этомъ стихотвореніи, подробно раскрывая важное чудотворное значеніе находившейся въ заиконоспасскомъ монастырѣ иконы Нерукотвореннаго образа, онъ въ трогательныхъ выраженіяхъ убѣждаетъ православныхъ къ пожертвованіямъ [2]). Но очевидно, что и въ этомъ отношеніи важнѣйшимъ источникомъ для Симеона служили особенныя милости къ нему государя и не даромъ онъ даже въ одномъ изъ своихъ придворныхъ стихотвореній выражалъ ему просьбу

---

1) Рукоп. Синод. библ., № 288, л. 4-й.
2) Рукоп. Синод. библ., № 287, л. 325-й.

обратить свое благосклонное вниманіе *„на убогую Спасову обитель"*.—Есть основанія полагать, что подобныя обращенія Симеона имѣли желаемое дѣйствіе на государя. Сильвестръ Медвѣдевъ въ своемъ письмѣ къ князю Ромодановскому сообщаетъ весьма характерный случай посѣщенія царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ Заиконоспасской обители и пожертвованія имъ сюда Евангелія: „и вѣнецъ на оно Евангеліе", добавляетъ онъ при этомъ, — „въ его государской серебреной палатѣ, серебренъ построенъ, и на немъ то его государское благоволеніе вырѣзано, но и тотъ вѣнецъ былъ присланъ блаженныя памяти ко отцу Симеону, пречестному господину" [1]). Ясно, что такое пожертвованіе совершилось только по особенному благоволенію государя къ своему наставнику и устроенный имъ здѣсь вѣнецъ есть нечто иное, какъ символическое указаніе на важнѣйшее богословское сочиненіе Симеона — *„Вѣнецъ вѣры каѳолическія"*.—Сообразно съ этимъ и въ бумагахъ самаго Симеона встрѣчается извѣстіе, что подчиненная ему заиконоспасская обитель имѣла въ это время полное матеріальное обезпеченіе, именно, благодаря особенному вниманію къ ней государя. Въ одномъ изъ своихъ поученій къ братіи Симеонъ, обличая случаи воровства между нею, предлагаетъ между прочимъ, слѣдующее увѣщаніе: *„отрѣните тое скаредное навыкновеніе, будете довольни оброки вашими, зане милостію всещедраго Бога и призрѣніе благочестивѣйшаго самодержца нуждная имате доволная, тако во препитаніи, яко во одѣяніи"* [2]).

Но, заботясь о матеріальномъ обезпеченіи ввѣренной его управленію Заиконоспасской обители, Симе-

---

[1]) Рукоп. Моск. публ. библ., № 793, л. 49-й.
[2]) Рукоп. Синод. библ., № 229, л. 319-й.

онъ Полоцкій въ то же время прилагалъ особыя попеченія и относительно ея удовлетворительнаго состоянія въ религіозно-нравственномъ отношеніи. Къ этого рода дѣятельности онъ имѣлъ тѣмъ бо́льшія побужденія, что она вполнѣ соотвѣтствовала его глубокому внутреннему расположенію, служа простымъ обнаруженіемъ его личной склонности къ строгому подвижническому образу жизни.—Памятникомъ благочестивой ревности Симеона въ этомъ отношеніи служатъ для насъ сохранившіяся въ его бумагахъ краткія поученія къ братіи, обнаруживающія живое попечительное участіе его къ различнымъ духовно-нравственнымъ ея потребностямъ. Поученія эти заключаютъ въ себѣ не только общія религіозно-нравственныя наставленія, но и строгія обличенія нѣкоторыхъ частнѣйшихъ пороковъ братіи и по своей многочисленности составляютъ немаловажный отдѣлъ въ общей проповѣднической дѣятельности Симеона.

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что Симеонъ Полоцкій предлагалъ своей братіи поученія, имѣвшія отношеніе къ важнѣйшимъ придворнымъ торжествамъ. Дни этихъ торжествъ онъ считалъ особенно знаменательными для своей обители, въ виду высокаго покровительства ей государя и по своему личному придворному положенію; поэтому естественно, что онъ вмѣнялъ себѣ въ обязанность отличать ихъ предъ своею братіею приличными случаю общими нравственными наставленіями. Отсюда возникъ цѣлый особый разрядъ краткихъ торжественныхъ поученій Симеона къ братіи въ день имянинъ государя и всѣхъ прочихъ членовъ царской семьи, озаглавленный въ его бумагахъ подъ общимъ именемъ: „*Привѣтствія и увѣщанія*“ [1]). Содержаніе этихъ поученій неизмѣнно

1) Рукоп. Синод. библ., № 229, л. 356—364-й.

составляетъ общее изображеніе подвиговъ празднуемаго святаго съ надлежащимъ примѣненіемъ его къ данному случаю; а въ заключеніи ихъ обыкновенно излагается приглашеніе братіи къ молитвамъ о здравіи и благоденствіи имянинника. Поученія эти были произносимы Симеономъ за общею трапезою братіи при питіи «заздравной чаши» и представляли такимъ образомъ естественное выраженіе благодарныхъ чувствъ ея къ своимъ высокимъ покровителямъ.

По сравненію съ этимъ, болѣе важный и характеристическій родъ поученій Симеона къ братіи составляютъ тѣ общія благочестивыя назиданія его, которыя онъ предлагалъ ей по нѣкоторымъ случаямъ, имѣющимъ въ религіозной практикѣ особенно торжественное значеніе. Сюда принадлежатъ: „*увѣщаніе ко братіи на постъ къ Рождеству Христову*“ (2), „*увѣщаніе ко братіи на постъ св. четыредесятницы*“, „*увѣщаніе на постъ св. Ап. Петра и Павла*“, „*увѣщаніе на постъ ко Успенію*“ (2), „*увѣщаніе ко братіи еже каятися о грѣсѣхъ*“ (2), „*увѣщаніе ко братіи предъ причастіемъ*“ (3) и, наконецъ, „*увѣщаніе ко всей братіи*“ [1]).—Поученія эти представляютъ собою приличные случаю краткіе назидательные уроки общаго христіанскаго благочестія; но при этомъ правоученіе ихъ все-таки не вращается исключительно въ области одной отвлеченной морали. Напротивъ, отправляясь отъ дѣйствительныхъ недостатковъ братіи, оно всегда имѣетъ здѣсь совершенно практическій характеръ и подъ покровомъ общихъ обличеній и наставленій неизмѣнно отражаетъ въ себѣ дѣйствительное нравственное состояніе обители.

---

[1]) Рукоп. Синод. библ., № 229, л. 324, 326—331, 338—342-й.

Но въ этомъ отношеніи несравненно болѣе важное значеніе имѣютъ для насъ тѣ краткія поученія Симеона къ братіи, которыя были имъ исключительно направлены къ обличенію въ ней различныхъ частныхъ пороковъ. Къ нимъ относятся: *„увѣщаніе ко братіи о еже къ началу служенія приходити“* (2), *„увѣщаніе ко братіи о еже во храмъ Божій ходити“*, *„увѣщаніе ко крадущимъ“* (3), *„увѣщаніе къ гордящимся и ропчущимъ“* (2), *„увѣщаніе къ бѣгающимъ изъ монастыря“* (3), *„увѣщаніе ко братіи упивающейся“* (3) и, наконецъ, *„увѣщаніе ко священникомъ ко исповѣди частѣй“*, гдѣ онъ обличаетъ подвѣдомыхъ ему іеромонаховъ и іеродіаконовъ за ихъ обыкновеніе служить Божественную литургію безъ надлежащаго приготовленія [1]). Поученія эти полны самыхъ реальныхъ изображеній и по сравнительной многочисленности своей составляютъ драгоцѣнный матеріалъ для характеристики не только общаго религіозно-нравственнаго состоянія обители, но и личныхъ частныхъ отношеній въ ней Симеона. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ наиболѣе характеристическое значеніе имѣетъ здѣсь одно изъ поученій Симеона „гордящимся и ропчущимъ“, гдѣ онъ обращается къ своей братіи съ слѣдующимъ знаменательнымъ увѣщаніемъ: „что Господь о книжницѣхъ и фарисеѣхъ лицемѣрныхъ глаголаше, то намъ нынѣ лѣть есть во правду о тѣхъ иноцѣхъ святыя обители сія провѣщати, ихже умякнуша словеса паче елея, но та суть стрѣлы тайно сердце пронзающія. И иже мягкая постланія обѣты своими стелютъ, но жестоко на нихъ почивати. Иже благовонныя шипки отъ устъ произносятъ, но рукама лестныма острободущее подаютъ терніе. Овчаго сми-

---

1) Рукоп. Синод. библ. № 229, л. 316 — 323, 332—337, 341-й.

ренія извнѣ кожу появствуютъ, но внутрь ихъ волкъ гордости таится, *умѣяй начальничую добрую славу лютѣ терзати, ово злымъ ославленіемъ, ово роптаніемъ непрестаннымъ;* кто сицевъ есть во святѣй обители нашей, азъ ни перстомъ показую, ни именемъ сказую, ибо аще злобы ихъ ненавижу, но лица ихъ зѣло любезны имамъ и желаю имъ отъ Господа Бога благодати во исправленіе, тѣмъ же и увѣщаніе сіе предлагаю“ [1])....

Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ разнообразными и важными трудами на пользу просвѣщенія, направленными почти исключительно къ удовлетворенію общихъ потребностей времени, Симеонъ Полоцкій неизмѣнно соединялъ здѣсь свои частныя ревностныя попеченія относительно матеріальнаго благосостоянія Заикоспасской обители и еще болѣе, повидимому,— касательно религіозно-нравственнаго усовершенствованія подчиненной ему братіи. Все это, соединенное вмѣстѣ, даетъ высокое понятіе о безпрерывномъ и неустанномъ его труженичествѣ, представляя намъ дѣятельность его по истинѣ изумительною по своей полнотѣ и разнообразію.—Такое заключеніе еще болѣе усиливается, если принять во вниманіе, что наряду съ этимъ Симеонъ Полоцкій написалъ въ это же время довольно значительное количество разнообразныхъ мелкихъ статей и производилъ, кромѣ того, нѣкоторыя немаловажныя работы по случайнымъ порученіямъ государя. Въ первомъ случаѣ достойна особеннаго вниманія его историческая повѣсть, подъ заглавіемъ: „*Сказаніе о нашествіи на обитель святаго чудотворца Макарія, бывшемъ отъ воровъ и измѣнниковъ*“ [2]). Повѣсть эта подробно изображаетъ одинъ

---

[1]) Рукоп. Синод. библ., № 229, л. 323-й.

[2]) Тамъ-же: л. 257—262-й.

изъ эпизодовъ кроваваго бунта Стеньки Разина и замѣчательна по содержанію въ себѣ нѣкоторыхъ частныхъ свѣдѣній о второстепенныхъ его сподручникахъ.—Во второмъ случаѣ слѣдуетъ указать на критическое разсмотрѣніе Симеономъ *„зерцала Богословіи“* Кирилла Транквилліона, произведенное имъ по порученію государя въ октябрѣ мѣсяцѣ 1680-го года. Выписавъ изъ этой книги *„кая суть въ ней погрѣшенія“*, Симеонъ снабдилъ каждое изъ нихъ особыми критическими замѣчаніями и представилъ государю со слѣдующимъ общимъ заключеніемъ: *„суть и ина многа погрѣшенія, яже сокращенія дѣля оставихъ не выписана, яко меньшая суть. Сочиненіе же зельми не доброе“* [1]).

Совершенно естественно, что при такой усиленной и многосторонней дѣятельности своей Симеонъ Полоцкій почувствовалъ, наконецъ, утомленіе,—и результатомъ этого постояннаго напряженія силъ явился преждевременный конецъ его жизненнаго поприща. Обладая необыковенно крѣпкимъ здоровьемъ, онъ въ продолженіе всей своей жизни никогда не болѣлъ серьёзно; но въ послѣднее время физическія силы его начали замѣтнымъ образомъ ослабѣвать и его иногда посѣщало какое-то смутное предощущеніе близкой кончины. Весьма замѣчательно въ этомъ отношеніи одно стихотвореніе Симеона, писанное имъ не задолго до своей смерти и потому не внесенное ни въ одинъ изъ его стихотворныхъ сборниковъ:

Обаче всуе мятется всякъ человѣкъ,
Понеже краткій его на свѣтѣ вѣкъ.
Богатство, слава, сила, все преходитъ
Ничтоже твердое въ мірѣ ся находитъ.
Человѣкъ яко трава и яко цвѣтъ увядаетъ,

---

1) Рукоп. Синод. библ., № 130, л. 245—250-й

Нагъ родится, нагъ и умираетъ.
Егда бы кто не имѣлъ лекарей на свою хворобу.
Но на смерть нѣтъ лекарства: отдается гробу[1])...

Тѣмъ не менѣе, предсмертная болѣзнь Симеона ни ему самому, ни для окружающихъ его вовсе не представлялась опасною и его преждевременная кончина послѣдовала для всѣхъ совершенно неожиданно.—Сильвестръ Медвѣдевъ, въ своей „епистоліи“ къ неизвѣстному намъ „пріятелю“ своему „Іоанну Дмитріевичу“ сообщаетъ подробныя свѣдѣнія объ обстоятельствахъ болѣзни, и смерти Симеона и въ его умилительномъ разсказѣ нагляднымъ образомъ рисуется предъ нами вся эта трогательная и скорбная картина. Разсказъ этотъ излагается отъ лица „самовидца“ и самъ по себѣ такъ характеристиченъ, что необходимо привести его цѣликомъ, во вниманіе къ совершенной новости этого важнаго документа. —„Претекшаго лѣта отъ созданія міра 7188“,—начинаетъ свою повѣсть Медвѣдевъ, послѣ небольшаго риторическаго вступленія,—„августа въ 15 и 16 дни, со исповѣданіемъ у отца духовнаго своихъ грѣховъ, безкровную жертву Симеонъ совершаше. Ибо онъ никакоже святыя литургіи безъ исповѣди служити дерзаше. Подъ осмый же на десять день въ нощи, скорбь къ нему приступивши, нача по малу день дне возрастати и здравіе его растлѣвати Но обаче онъ весьма крѣпляшеся и правила своего и въ церковь хожденія не оставляше, даже до 24 дня. Въ двадесять же пятый день, аще и крѣплѣе нача изнемогати, обаче не весьма себе вдаяше на одрѣ лежанію. И ко осьмому того дня часу тяжцѣ нача изнемогати. И во оно время посѣщающу его отцу Филарету Твердикову, въ бесѣдѣ

---

[1]) Внѣ каталога: изъ свитковъ Синод. библіотеки.

своей ко отцу Симеону, нача съ жалостію о краткости жизни человѣческія предлагати; ему же пречестный господинъ отецъ Симеонъ, уже на одрѣ лежай, отвѣща: отче святый, вѣмъ азъ и о седмидесятихъ и осмидесятихъ лѣтехъ. Но аще и седмьдесятъ или и осмьдесятъ лѣтъ доживше, и тогда умирати же. Воля Господня во всемъ да будетъ, яко тогда, тако и нынѣ умирати же. И по бесѣдѣ, отходящу отцу Филарету, возставъ отъ одра своего, отца Филарета проводи даже до дверей келліи, и другъ друга благословивше и поцѣловавшеся, простишася. И потомъ, мало посидѣвъ въ креслахъ, возляже на одръ свой, и абіе къ небу пріиде отецъ его духовный. И соверша яже подобаетъ ко очищенію человѣческія совѣсти, *отъ него изъ чулана изыде къ намъ въ келлію*. Таже вскорѣ пріиде и Богоявленскаго монастыря, что за ветошнымъ рядомъ, архимандритъ Амвросій. Видяще же мы его (аще оному глаголющу, яко онъ въ себѣ тяжкія къ смерти болѣзни не чювствуетъ) зѣло въ лицѣ измѣняема, послахомъ по священники и діаконы, ради елеемъ святымъ освященія. Онъ же, лежа на одрѣ, по малой бесѣдѣ съ племянникомъ своимъ Михаиломъ, перекрестися трижды. Мы же надѣющеся, яко онъ хощетъ сну вдатися, покой ему дахомъ. И егдаже собрахуся ко малосвятію, азъ же начахъ его звати: отче Симеоне, до трижды; онъ же ничтоже отвѣща, точію очима зритъ прямо. Видяще мы, яко кончина жизни его пріиде, отецъ духовный его нача молитвы ко исходу души читати и канонъ на исходъ души. И егда ѻна вся совершишася, абіе мнѣ ему присѣдящу, испусти духъ. И тогожде дне тѣло его изнесохомъ въ храмъ“ [1]).—Такъ неожиданно скончалъ Симеонъ

---

[1]) Рукоп. библ. гр. Ал. Уварова, № 247, л. 1—3-й.

Полоцкій свое многотрудное поприще, послѣ кратковременной и легкой болѣзни,—и нельзя не замѣтить, безъ сомнѣнія, что это была въ собственномъ смыслѣ христіанская и мирная кончина.

Послѣ смерти Симеона Полоцкаго осталось составленное имъ, довольно обширное духовное завѣщаніе, которое при жизни своей онъ всегда держалъ у себя въ запасѣ изъ понятныхъ благочестивыхъ побужденій: „къ смерти той мужъ блаженный", говоритъ о немъ Медвѣдевъ,—„присно готовымъ быти тщися, того ради и духовная у него всегда бѣ готова" [1]). Въ особомъ приложеніи къ сейчасъ упомянутой нами „епистоліи" своей Сильвестръ Медвѣдевъ излагаетъ это духовное завѣщаніе въ подлинномъ видѣ, разсматривая его какъ образецъ христіанскаго смиренія полезный для назиданія своего „пріятеля". „Надежду имамъ, говоритъ онъ здѣсь въ этомъ смыслѣ,—„яко отъ него велію ползу имаши воспріимати. И познаеши, како онъ, вѣрный рабъ Великаго Бога, о себѣ смиренная вѣщаетъ и всѣхъ хуждше себе быти являетъ. И помня глаголъ Господень, — еже рече: аще и все сотворите, рцыте, яко непотребни есмы раби,—аще и много трудися, весьма себе непотребна, смрадна и окаянна нарицаетъ быти" [2]). Дѣйствительно, духовное завѣщаніе Симеона есть искреннее выраженіе его внутренняго глубоко-религіознаго настроенія и, помимо своего частнаго значенія, представляетъ собою довольно поучительный памятникъ общехристіанскаго благочестиваго духа.

Основное содержаніе духовнаго завѣщанія Симеона Полоцкаго, безъ сомнѣнія, составляетъ подробное распредѣленіе оставленнаго имъ имущества; но этому

---

[1]) Рукоп. библ. гр. Ал. Уварова, № 247, л. 4-й.
[2]) Тамъ-же: л. 8-й.

распредѣленію онъ предпосылаетъ здѣсь нѣкоторыя благочестивыя изліянія, имѣющія видъ какъ-бы общаго вступленія къ нему. Вступленіе это обработано въ ораторскомъ патетическомъ родѣ и настолько обширно и отличительно, что его можно разсматривать какъ особую общую часть всего духовнаго завѣщанія. Здѣсь Симеонъ излагаетъ свои внутреннія побужденія къ его составленію и изливаетъ общія благочестивыя чувствованія, приличныя такому торжественному случаю.

Въ ряду этихъ побужденій и чувствованій первенствующее значеніе, какъ и слѣдовало ожидать, имѣло благочестивое сознаніе имъ суетности всего земнаго, грѣховности излишнихъ попеченій о немъ, въ чемъ особенно долженъ раскаяваться человѣкъ, приготовляющійся къ смерти. Поэтому, въ самомъ началѣ своего завѣщанія, Симеонъ Полоцкій въ патетическихъ выраженіяхъ изливаетъ сердечное сокрушеніе свое о томъ, что онъ вовсе не былъ свободенъ отъ пристрастія къ мірскимъ благамъ и погрѣшалъ въ этомъ отношеніи, несмотря на свои монашескіе обѣты. „Помянухъ пророка", говоритъ онъ здѣсь,— „вопіюща: азъ есмь земля и пепелъ,—и онаго глаголюща: яко цвѣтъ увядаетъ и яко кринъ мимо грядетъ и разрушается всякъ человѣкъ; абіе возмутихся умомъ и страхъ смерти нападе на мя, трепетъ и ужасъ объятъ сердце мое, яко не поминахъ послѣднихъ, смерти, суда, геенны и неба, и жихъ аки никогдаже долга смерти имѣяй воздати, и иждихъ вся дни живота моего во сластехъ и страстехъ, забывъ реченнаго къ богатому Авраамомъ: чадо воспріялъ еси благая въ животѣ твоемъ, — и блаженнымъ Августиномъ вѣчной преданнаго памяти изреченія онаго: нѣсть лѣть чрево въ мірѣ сластьми исполняти и въ небѣ царствія вѣчнаго сподоблену быти.

Заблудихъ, яко овча погибшее въ пустыни міра сего, приложихся скотомъ несмысленнымъ и уподобихся имъ скотскимъ моимъ житіемъ. Презрѣхъ званіе мое монашеское, о многѣмъ имѣній пекохся: аще нищету при постриженіи власовъ главы моея выну хранити обѣщахся".

Но при столь живомъ сознаніи своей грѣховности, Симеонъ, все-таки, не отчаявается въ своемъ прощеніи; напротивъ, изливъ здѣсь чувство покаянія, онъ далѣе выражаетъ свои благочестивыя упованія на Божественное милосердіе. „Согрѣшихъ Господеви моему", — продолжаетъ онъ непосредственно за этимъ, — „беззаконія моя азъ знаю и грѣхъ мой предо мною есть выну; обаче не отчаяваюся ради бездны грѣховъ моихъ, взираю бо на бездну милосердія Божія, иже сниде съ высоты небесныя во еже бы грѣшныя призвати къ покаянію, и вижду яко силенъ есть и хощетъ вящшая простити, неже азъ вѣдехъ и могохъ согрѣшити. Уповаю убо на Его Божественное благоутробіе и неисповѣдимое милосердіе и чаю, яко согрѣшивша мя паче числа песка морскаго, кающажеся отъ всея души моея яко давшіи намъ образъ покаянія каяхуся: Давидъ, Манасій, мытарь, блудница и прочіи, — не отринетъ отъ наслѣдія небеснаго, но части спасаемыхъ общника сотворитъ". — Такая благочестивая увѣренность Симеона въ милосердіи Божіемъ, именно, и придала ему смѣлость составить свое духовное завѣщаніе съ тѣмъ, чтобы распредѣлить надлежащимъ образомъ оставляемое имъ имущество. Вслѣдъ за предъидущимъ онъ заявляетъ въ этомъ смыслѣ: „Тѣмъ-же азъ многогрѣшный рабъ Божій Симеонъ Петровскій Ситняновичъ, іеромонахъ монастыря полотцкаго святыхъ Богоявленій Господнихъ, здравъ сый милосердіемъ Божіимъ и разума цѣлое и совершенное имѣя

употребленіе, прежде смерти, смерти наипаче внезапныя и напрасныя умноженія ради моихъ беззаконій бояся: умыслихъ написати сію духовницу, или тестаментъ рукою моею. Да не како аще и неправедное мое есть собраніе, неправедно погибнетъ, не стяжавшу ми друговъ, пособити могущихъ во вѣчныя кровы".

Общую часть своего духовнаго завѣщанія Симеонъ Полоцкій заключаетъ краткимъ исповѣданіемъ неизмѣнной вѣрности своей ученію православной церкви и молитвеннымъ обращеніемъ къ Богу о спасеніи! „Во первыхъ убо извѣствую симъ моимъ добровольнымъ тестаментомъ", говоритъ онъ здѣсь— „яко вѣрую въ Бога въ Троицѣ святѣй единаго, по наученію самого Христа Спасителя и Бога нашего, по проповѣданію святыхъ Апостоловъ, и яко-же святіи отцы на седми святыхъ вселенскихъ соборехъ, Духомъ Святымъ собраніи и наставленіи, научиша, ничесоже дерзая приложити или отъяти, стою вѣрою до послѣдняго издыханія моего, пребываю яко истинный сынъ святыя, восточныя, соборныя и апостольскія церкве. А внегда же грѣшная моя душа разрѣшитися отъ союза плоти сея, вручаю ону премилосерднаго Бога, создавшаго ю, непобѣдимому благоутробію, да пріиметъ ю милостивно въ божественныя си руцѣ, яко дѣло свое; тѣло же мое окаянное и за множество грѣховъ и скаредствъ моихъ паче пса согнившаго мерзкое и смердящее, предаю матери всѣхъ, изъ нея же взято бысть, чая оттуду во послѣднее трубоглашеніе возстати. О, даждь Христе Боже во твое срѣтеніе на воздусѣ со всѣми святыми твоими" [1])!

За этимъ общимъ вступленіемъ въ духовное за-

---

[1]) Рукоп. библ. гр. Ал. Уварова, № 247, л. 9—11-й.

вѣщаніе, характеризующимъ личное благочестивое настроеніе Симеона, непосредственно слѣдуетъ здѣсь другая не менѣе особенная и самостоятельная часть его, которую въ отличіе отъ предъидущей можно назвать частною. Она заключаетъ въ себѣ частнѣйшія посмертныя распоряженія Симеона, относящіяся главнымъ образомъ къ распредѣленію оставленнаго имъ, довольно значительнаго имущества. Распредѣленіе это преимущественно назначается здѣсь на различные монастыри и нѣкоторыми особенностями своими служитъ наглядной иллюстраціей общихъ жизненныхъ отношеній Симеона.

Жизнь и дѣятельность Симеона Полоцкаго сосредоточивалась, какъ извѣстно, въ трехъ главныхъ центрахъ: въ Москвѣ, въ Полоцкѣ и въ Кіевѣ. Это существеннымъ образомъ отразилось и въ его духовномъ завѣщаніи. Здѣсь, вслѣдъ за распоряженіемъ относительно мѣста погребенія и расходовъ на поминовеніе, имъ опредѣляются пожертвованія прежде всего въ слѣдующіе монастыри: „въ монастырь Всемилостиваго Спаса, что за иконнымъ рядомъ“, „въ монастырь Полоцкій святыхъ Богоявленій“ („*тамо бо постригохся*“, прибавляетъ онъ при этомъ) и въ Кіевъ—въ монастыри Печерскій и Братскій. Во всѣ эти монастыри Симеонъ назначаетъ самыя крупныя пожертвованія и при томъ не только деньгами, но также вещами и книгами. При этомъ книги—*Обѣдъ душевный* и *Вечерю душевную* онъ отписываетъ въ церковь Заиконоспасскаго монастыря, книги польскія и русскія опредѣляетъ въ полоцкій Богоявленскій монастырь, а латинскія—въ кіевскій Братскій «во вивліоѳеку» [1]).

Сообразно съ этимъ, и въ дальнѣйшемъ распре-

---

[1]) Рукоп. библ. гр. Ал. Уварова, № 247, л. 11, 12-й.

дѣленіи своихъ пожертвованій на монастыри Симеонъ Полоцкій видимымъ образомъ придерживается этихъ краевъ Россіи, отмѣченныхъ его личнымъ пребываніемъ.—Прежде всего онъ обращаетъ здѣсь свое вниманіе на южные малороссійскіе монастыри, оказывая имъ явное предпочтеніе назначеніемъ въ нихъ болѣе крупныхъ денежныхъ взносовъ. Взносы эти, кромѣ десяти мелкихъ кіевскихъ монастырей, опредѣляются здѣсь въ монастыри: Межигорскій, Мгарскій, Густынскій, Кутеинскій мужской и Кутеинскій женскій.— Нѣсколько меньшія денежныя пожертвованія Симеонъ назначаетъ въ западные бѣлорусскіе монастыри: Марковскій въ Витебскѣ, Святодуховскій въ Вильнѣ, Петропавловскій въ Минскѣ, Дисенскій и Міорскій.— Наконецъ, самыя меньшія денежныя суммы онъ жертвуетъ великорусскимъ монастырямъ, ограничиваясь здѣсь лишь одною Москвою,—именно: Никольскому монастырю, „идѣже обитаютъ грекове", Новодѣвичьему и другимъ десяти московскимъ монастырямъ не поименованнымъ. Безъ сомнѣнія, въ такомъ распредѣленіи пожертвованій, помимо всякихъ другихъ соображеній, слѣдуетъ усматривать прежде всего отраженіе личныхъ симпатій Симеона. — Распредѣливъ довольно значительную сумму денегъ между этими монастырями, предъусмотрительный Симеонъ дѣлаетъ общее распоряженіе и относительно ихъ безопаснаго доставленія по назначенію. „Вся яже въ Кіевъ отчетше", пишетъ онъ,—„послати кимъ извѣстнымъ преподобнѣйшему господину, отцу архимандриту печерскому и просити его преподобіе да по роспискѣ изволитъ роздати. А яже въ Литву и на Бѣлую Россію, та вся отдати преподобнѣйшему отцу игумену монастыря полоцкаго Богоявленскаго, и молити его преподобіе, да потщится роздати противу росписки" [1]).

[1]) Рукоп. библ. гр. Ал. Уварова, № 247, л. 13-й.

Покончивъ дѣло съ монастырями, Симеонъ Полоцкій переходитъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи къ нѣкоторымъ общественнымъ учрежденіямъ и частнымъ лицамъ. — Опредѣливъ небольшую сумму денегъ для раздачи на богадѣльни и тюрьмы, онъ приступаетъ здѣсь къ распредѣленію денежныхъ подарковъ между своими ближайшими родными и знакомыми. „Брату моему родному", пишетъ онъ, — „Іоанну Петровскому, иже обитаетъ въ Ковнѣ, червонныхъ золотыхъ сто. Брату же моему родному Лукѣ Перовскому, писарю града Полоцка, червонныхъ золотыхъ сто. Племяннику моему Михаилу Сильвестровичю, при мнѣ жившему рублевъ сто; ему же лошадь со всѣмъ, мѣдь и цына (оловянная посуда) вся, и килимы два, и сребро что ся останетъ. Матери его Иринѣ Аѳонасовнѣ рублевъ десять... Отцу моему духовному Ипполиту рублевъ десять и мантія лутчая... Челяди моей выше заслуженнаго по рублю... Устроителю сего стяжанія моего преподобнѣйшему господину отцу Амвросію, архимандриту Богоявленскому отписую рублевъ тридесять и шубу свою куню. Второму устроителю, честному отцу Сильвестру Агаѳониковичю, возлюбленному ученику моему, рублевъ тридесять и шубу лисью и письма моя... Книга моихъ трудовъ *Вѣнецъ вѣры* да вручится преподобнѣйшему отцу Сильвестру архимандриту Савинскому, ему же червонныхъ золотыхъ десять".—При этомъ Симеонъ обозначаетъ и общую сумму денегъ, накопленную имъ въ продолженіе своей жизни и предназначаемыхъ на всѣ доселѣ исчисленныя пожертвованія. „*На вся же раздаянія*", говоритъ онъ,— „*обрѣтается у мене денегъ готовыхъ: червонныхъ золотыхъ шестьсотъ, копейками рублевъ седмьсотъ. Особно росхожихъ мѣшокъ не цѣлый: вынялъ изъ него рублевъ четыредесятъ*" [1]).

[1]) Рукоп. библ. гр. Ал. Уварова, № 247, л. 14—15-й.

Распредѣливъ, такимъ образомъ, оставленное имъ имущество, Симеонъ Полоцкій обращается, наконецъ, къ своимъ душеприказчикамъ съ просьбою позаботиться о точномъ исполненіи всего имъ прописаннаго и съ запрещеніемъ кому бы то ни было поставлять въ этомъ отношеніи какія-либо препятствія. „Сице убо о моемъ стяжаніи", говоритъ онъ здѣсь,— „устроеніе, по моемъ отъ сего міра отшествіи, имѣти желая, молю возлюбленнаго благодѣтеля моего, преподобнѣйшаго господина отца Амвросія архимандрита Богоявленскаго и прелюбезнаго *сожителя* и ученика моего Сильвестра Агаѳониковича, да якоже живу мнѣ бывшу любовь свою являли: тако и по преставленіи моемъ не отрекутъ ея, паче же совершатъ ради самаго Бога и спасенія души своея, и да благоволятъ сіе мое имѣнійце, получившее благословеніе отъ святѣйшаго патріарха, пріяти во строеніе свое и раздаяти по моему послѣднія воли написанію... Аще же кто дерзнетъ препятіе нѣкое исполненію воли моея творити, или коимъ либо обычаемъ пакостити, да мститъ ему десница Вышняго въ семъ и будущемъ вѣцѣ".—Свое духовное завѣщаніе Симеонъ заключаетъ умилительною просьбою къ окружающимъ о прощеніи, вмѣстѣ съ пожеланіемъ имъ „многихъ лѣтъ и здравія"; а въ послѣднихъ словахъ его объявляетъ, что въ своей окончательной редакціи оно было приготовлено имъ отъ 14 марта 1679-го года [1]).

Погребеніе Симеона Полоцкаго совершалось на другой день послѣ его смерти въ трапезной церкви Заиконоспасскаго монастыря и по всему видно, что оно происходило весьма торжественно. „Въ 26 день (августа)", сообщаетъ Медвѣдевъ, — „погребохомъ

---

1) Рукоп. библ. гр. Ал. Уварова, № 247, л. 16—17-й.

его честно, а на погребеній быша суздальскій владыка Маркеллъ, и архимандриты, и игумены, и священницы и діакони“ [1]). Самъ патріархъ Іоакимъ, какъ мы уже знаемъ, имѣлъ желаніе быть на погребеніи Симеона и не участвовалъ въ немъ только по особому, извѣстному уже намъ обстоятельству.

Неудивительно, что царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, горячо любившій своего наставника, былъ глубоко тронутъ его кончиною и пожелалъ почтить память усопшаго надгробнымъ надписаніемъ, соотвѣтствующимъ его заслугамъ. „Егоже богомольца своего“, разсказываетъ объ этомъ Сильвестръ Медвѣдевъ,— „яко жива суща по премногу жалуя, великій государь царь и великій князь Ѳеодоръ Алексіевичъ, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержецъ: тако и по смерти его благоволи къ нему особную свою царскую милость проявити, повелѣлъ бо, во знамя своея къ нему милости, ученику его монаху Сильвестру надгробная разнообразно написати“ [2]).—Дѣйствительно, во исполненіе порученія государя, Сильвестръ Мевѣдевъ написалъ четырнадцать краткихъ стихотворныхъ эпитафій; но „сихъ надгробныхъ надписаній“, передаетъ онъ,—„великій государь слушавъ, быть имъ не указалъ, а указалъ написати... ино надгробное, 12 статей, въ кійждо статьѣ по два вѣрша“ [3]). Наконецъ, Медвѣдеву удалось удовлетворить требованіямъ государя и представить ему эпитафію, которая, при обширности своей, обнимала не только разнообразную литературную дѣятельность Симеона,

---

[1]) Рукоп. библ. гр. А. Уварова, л. 3-й.

[2]) Рукоп. Синод. библ., № 130, л. 241-й; Срав. Рукоп. библ. гр. Ал. Уварова, № 241, л. 18-й.

[3]) Рукоп. Синод. библ., № 130, л. 242 обор. Срав. Рукоп. библ, гр. Ал. Уварова, № 247, л. 21-й.

но и выдающіяся черты его личнаго характера. Эта эпитафія, знаменитая уже тѣмъ, что въ ней отразилось общее воззрѣніе государя на характеръ и значеніе личности умершаго,—въ цѣломъ видѣ своемъ представляетъ слѣдующее:

Зряй человѣче сей гробъ, сердцемъ умилися,
О смерти учителя славна прослезися:
Учитель бо здѣ токмо единъ таковъ бывый,
Богословъ правый, церкве догмата хранивый.

***

Мужъ благовѣрный, *церкви* и *царству* потребный,
Проповѣдію слова народу полезный.
Симеонъ Петровскій, отъ всѣхъ вѣрныхъ любимый,
За смиренномудріе преудивляемый.

***

Имъ же полза вѣрныя люди наслаждала,
Незлобіе же, тихость, кротость удивляла.
Вь немъ же вѣра, надежда, любы пребываше,
Молитва, милостыня, постъ ся водворяше.

***

Мудрость со правдою имъ бысть зѣло храненна,
Мѣрность же и мужество опасно блюденна.
Многими дары Богомъ бѣ преодаренный;
Непамятозлобіемъ весьма украшенный.

***

Іеремонахъ честный, чистоты любитель,
Воздержанія въ словѣ и въ дѣлѣ хранитель,
Ни о чесомъ же иномъ оный промышляше,
Но еже церковь нашу мать увеселяше.

***

Не хотѣ ино Божій рабъ что глаголати,
Токмо что ползу можетъ ближнимъ созидати.
Ни чесого же ина творити любяше,
Точію еже Богу не противно бяше.

***

Иже труды си многи книги написалъ есть,
И подъ разсужденіе церковное далъ есть:
Съ церковію бо хотѣ согласенъ онъ быти,
А ничто же противно церкве мудрствовати.

***

Ибо тоя поборникъ и сынъ вѣрный бяше,
Ученіемъ правымъ то міру показаше.
Въ защищеніе церкве книгу Жезлъ создалъ есть,
Въ ея же ползу Вѣнецъ и Обѣдъ издалъ есть.

*
* *

Вечерю, Псалтырь стихи, со Риѳмословіемъ,
Вертоградъ многоцвѣтный съ бесѣдословіемъ.
Вся оны книги мудрый онъ мужъ сотворивый,
Въ наученіе роду россійску явивый.

*
* *

Обаче и сего смерть отъ насъ похитила,
Церковь и царство ползы велія лишила.
Его же ползы нынѣ людіе лишены,
Зри сего въ гробѣ семъ кости положенны.

*
* *

Душу же вручилъ въ руцѣ Богу всемогущу,
Иже благоволилъ ю дати вездѣ сущу
Да пріиметъ ю, яко святое созданіе,
И исполнитъ вѣчныхъ его благъ желаніе.

*
* *

Тѣломъ со избранными дастъ ему возстати,
Съ ними же въ деснѣй странѣ въ веселіи стати
И внити во вѣчную небесную радость,
Неизглаголанную тамо присно сладость [1]).

По сообщенію Сильвестра Медвѣдева, „сіе надгробное надписаніе великій государь указалъ на двухъ каменныхъ таблицахъ вырѣзать, позлатить и устроить надъ гробомъ іеромонаха Симеона своею государскою казною, изъ приказа каменныхъ дѣлъ“ [2]).— Такимъ образомъ, здѣсь выразилось особенное сердечное расположеніе государя къ почившему, признаніе его великихъ заслугъ на пользу церкви и государства и желаніе увѣковѣчить и за гробомъ свою всегдашнюю глубокую къ нему благодарность. Все это, безъ сомнѣнія, развивалось и укрѣплялось на

---

[1]) Рукоп. Синод. библ., № 130, л. 242, 243. Срав. Рукоп. библ. гр. Ал. Уварова, № 247, л. 18—21-й.

[2]) Тамъ-же.

почвѣ ихъ непосредственныхъ взаимныхъ отношеній и потому бросаетъ соотвѣтствующее ретроспективное освѣщеніе на всю жизненную карьеру Симеона при этомъ государѣ.—Дѣйствительно, эта огромная эпитафія имѣла здѣсь значеніе какъ исключительный даръ государя, служившій выраженіемъ именно его личнаго внутренняго настроенія; потому что, кромѣ нея, на могильномъ камнѣ Симеона вырѣзана была слѣдующая общая надпись:

Великаго Бога рабъ вѣрный
Симеонъ Петровскій Ситняновичь Полоцкій.
Іеремонахъ честный, богословъ извѣстный,
И слова Божія проповѣдникъ.
Преставися
Въ лѣто отъ созданія міра 7188.
Мѣсяца августа, въ 25 день.
Отъ Рождества же Спасителева 1680.
въ 51 лѣто возраста
своего, въ 9 мѣсяцъ.

Оглядываясь теперь на жизненное поприще, пройденное Симеономъ, нельзя не остановиться съ удивленіемъ предъ его общей совершенно исключительной судьбою.—Простой іеромонахъ, не имѣвшій коренныхъ связей въ Москвѣ и всегда чувствовавшій себя „страннимъ пришельцемъ“ въ чуждой ему странѣ, въ короткое время достигаетъ здѣсь сильнаго вліятельнаго положенія и, опираясь преимущественно на свое частное званіе учителя въ царской семьѣ, пріобрѣтаетъ значеніе одного изъ первостепенныхъ дѣятелей въ важнѣйшихъ церковно-историческихъ событіяхъ. Явленіе высоко-знаменательное и полное глубокаго историческаго смысла! — Намъ уже достаточно извѣстно, какъ это явленіе съ необходимостію возникало изъ общихъ историческихъ основаній, — изъ глубокаго соотвѣтствія разнообразныхъ личныхъ та-

лантовъ Симеона новому духу времени въ Москвѣ и открывшимся здѣсь новымъ образовательнымъ стремленіямъ. На этомъ собственно и утверждалась вся его замѣчательная и разнообразная дѣятельность, представляющая собою только наиболѣе характеристическое проявленіе этого новаго западническаго направленія.—Но въ ряду выдающихся успѣховъ Симеона немаловажное значеніе имѣли, безъ сомнѣнія, и общія черты его личнаго характера, возбуждавшія высокое уваженіе къ нему въ средѣ его современниковъ, даже со стороны его личныхъ враговъ. Дѣйствительно, по своему личному характеру, Симеонъ Полоцкій былъ человѣкомъ не совсѣмъ обыкновеннымъ, и несомнѣнно, что здѣсь заключаются нѣкоторыя частнѣйшія причины, послужившія дальнѣйшимъ основаніемъ всей его замѣчательной жизненной карьеры.

Самую основную и наиболѣе характеристическую черту личности Симеона, безъ сомнѣнія, составляло его необыкновенное благочестіе и соединенная съ нимъ замѣчательная строгость жизни, исполненной непрерывнаго религіознаго подвижничества. Сильвестръ Медвѣдевъ, въ замѣчательной «епистоліи» своей, подробно останавливается на этой выдающейся чертѣ въ личномъ характерѣ своего наставника и, съ цѣлію назиданія „пріятеля“ своего, рисуетъ полную и высокопоучительную картину возвышенной благочестивой настроенности его духа.—Послѣ приведеннаго уже нами извѣстія объ обстоятельствахъ болѣзни и смерти Симеона, онъ, переходя къ краткому изображенію его частной жизни, сообщаетъ въ этомъ отношеніи слѣдующія подробности: «Въ монашескій святый образъ облечеся Симеонъ въ 27 лѣто возраста его, въ градѣ Полоцку, въ Богоявленскомъ монастырѣ. Въ монашествѣ поживе 24 лѣта: правило

бѣ его келейное на всякій день, развѣ церковнаго, и утреннихъ и на сонъ грядущій молитвъ, по три акаѳиста—первый Іисусу Сладкому, вторый—Пресвятой Богородицѣ, третій—дневный, да четвертый канонъ за Единоумершаго. Въ недѣлю въ прибавку канонъ Духу Святому и нѣкогда читовалъ и канонъ на исходъ души. И таковое онъ правило держа во вся дни своего въ монашествѣ пребыванія неизмѣнно, даже до самыя смерти. А въ великій постъ еще ко оному правилу въ приданіе имѣ чтеніе Псалтыри... И на всякій годъ дванадесятью, то есть во всякій мѣсяцъ, бѣ у его преподобія постановленіе исповѣдь святую у отца духовнаго совершати. И всячески промышляше и тщася паче душевныя своя язвы врачевати, нежели тѣлесныя, вѣдя, что тѣлесныя язвы благодати Божія отъ насъ не отдаляютъ, но, иже благодатно терпятъ, и умножаютъ; а язвы душевныя, то есть грѣхи смертныя, благодать Божію отъ насъ отдаляютъ и чюжди любве Божія сотворяютъ. Того ради пречестный господинъ отецъ Симеонъ, желая усердно, аще бы возможно, никакоже не токмо смертными, но и простимыми грѣхи грѣшити, частократнѣ оно святыхъ отецъ глаголаніе воспоминая, глаголаше: желалъ бы лучше тысящь кратъ умрети, нежели аще и зѣло мало Бога прогнѣвати“.

При столь благочестивомъ общемъ настроеніи своемъ, Симеонъ Полоцкій и самую человѣческую жизнь разсматривалъ какъ только временное многотрудное странствованіе, отъ котораго смерть освобождаетъ человѣка, переводя его въ лучшій міръ. Въ этомъ смыслѣ Сильвестръ Медвѣдевъ, характеризуя глубочайшія чаянія своего учителя, продолжаетъ въ томъ же мѣстѣ: „Жизни же своей онъ никогда же обѣща долгой быти, но вскорѣ чая отъ міра сего отъити къ Богу. И не жителя себе въ семъ мірѣ признава

быти, но странника и пришельца, житіе же свое зная въ небесѣхъ быти, желаше въ нихъ жити, того дѣля присно о твореніи воли Божія тщаніе имѣ со усердіемъ и во всемъ выну благодаренъ Богу бяше,— божественныя благодати надеждею всегда веселяшеся, яко та въ душѣ его крѣпцѣ пребываше, еже будущихъ благъ онъ лишенъ не будетъ. Долгихъ лѣтъ себѣ никогда же желаше, но все весьма на волю Божію полагаше. И частократнѣ сіе слово глагола: Боже мой не прошу у тебе многихъ лѣтъ, точію отпущенія моихъ предъ тобою согрѣшеній и благодати твоея улученія; и когда твоя святая мене хощетъ воля отъ здѣ взяти, тогда мя и да возметъ, токмо дабы во оставленіи моихъ грѣховъ и въ благодати твоей: а міръ сей и въ немъ житіе человѣческое уже видѣхъ, и впредь въ немъ за наше неприлѣжное къ добру тщаніе, и яко міръ сей къ кончинѣ приближается, лучшаго жительства не надѣюся".

Наконецъ, Медвѣдевъ заключаетъ свою характеристику патетическимъ восхваленіемъ общей религіозной ревности Симеона и даже внѣшней, почтенной и внушительной наружности. „Здравіе его бяше отмѣнное", говоритъ онъ здѣсь,— „ибо отъ малыхъ своихъ лѣтъ никогда же скорбѣ, бодрость дивная, мѣрность чюдная, опаство въ житіи достойное похваленію, услажденіе въ служеніи Богу удивительное, о славѣ Божіей тщаніе присное. И яко же нѣкогда древніи философы къ вопрошающимъ ихъ— коль часто Бога подобаетъ воспоминати — отвѣщаша: единъ повѣда частѣе Бога подобаетъ воспоминати, нежели ѣсти, другій рѣче: частѣе Бога подобаетъ воспоминати нежели дыхати; ибо безъ его благодати невозможно есть человѣку и дыхати. Тако пречестный отецъ Симеонъ, аще бы мощно было, весма бы хотѣлъ частѣе Бога, за Его ему многая да-

рованія, благодарити, нежели дыхати. Весма бо его Вышній всѣмъ одарилъ бяше: возрастомъ доволнымъ, лицемъ свѣтлымъ, брадою и власами украшенными, доволствомъ нуждныхъ нескуднымъ, разумомъ и ученіемъ совершеннымъ, покоемъ не мятежнымъ и къ Нему Вышнему Творцу горячестію любве присною; тако яко на частѣ и во снѣ, аки стоя предъ Царемъ Небеснымъ, милосердіе его ему (намъ при немъ будущымъ всѣмъ во услышаніе) умоляти и о отпущеніи согрѣшеній своихъ молити, и надеждею Его вѣчныя благодати себе надежна являти [1]...“ Все это, очевидно, представляетъ черты живой и подлинной дѣйствительности, дышетъ непосредственностію продолжительнаго личнаго наблюденія, — и легко понять, что такое изображеніе Симеона Сильвестромъ Медвѣдевымъ было бы вовсе не поучительнымъ для его „пріятеля“, если бы оно не было совершенно правдивымъ.

Съ чертами этой возвышенной религіозной ревности и необыкновенно строгаго христіанскаго благочестія естественно соединялись въ Симеонѣ соотвѣтствующія имъ свойства личнаго нравственнаго характера, какъ необходимое отраженіе его общаго богобоязненнаго настроенія. — Общая нравственная чистота личнаго характера Симеона не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію и наиболѣе полнымъ характеристическимъ изображеніемъ его служатъ для насъ начальныя строки государевой эпитафіи, гдѣ исчисляются его смиренномудріе, незлобіе, тихость, кротость, любовь, правдивость, мѣрность и мужество. Конечно, для всякой эпитафіи существуютъ извѣстнаго рода условныя требованія, по которымъ похвала умершему составляетъ ея необходимую принадлежность; но въ

---

[1]) Рукоп. библ. гр. Ал. Уварова № 247, л. 3—6-й.

данномъ случаѣ всѣ исчисленныя свойства, несомнѣнно близко подходили къ дѣйствительности, потому что эпитафія эта исходила отъ государя, хорошо знавшаго Симеона и не имѣвшаго никакихъ основаній поступать неискренно. При томъ, совершенно искреннее и болѣе или менѣе отчетливое выраженіе этихъ качествъ можно находить въ жизни и произведеніяхъ Симеона: они проявляются въ его общихъ проповѣдяхъ и преимущественно въ частныхъ поученіяхъ его своей братіи, отражаются въ его письменныхъ и личныхъ сношеніяхъ и, въ особенности, составляютъ предметъ многочисленныхъ стихотворныхъ изліяній въ его „*Вертоградѣ многоцвѣтномъ*“.

Но слѣдуетъ замѣтить, что эти почтенныя черты нравственнаго характера Симеона, въ его различныхъ отношеніяхъ къ окружающей средѣ, неизмѣнно сохраняли на себѣ отпечатокъ усвоенной имъ, болѣе утонченной западной культуры и въ общежитіи выражались въ свойственной его родному краю льстивой и вкрадчивой манерѣ въ обращеніи. Это неизбѣжно вносило во всѣ его личныя сношенія извѣстнаго рода условную неискренность и сдержанность,—дѣлало его крайне подозрительнымъ въ глазахъ его враговъ; такъ что Евѳимій прямо причислялъ его къ людямъ, которые только „словами ласкательными глаголютъ“. — Подобный же, совершенно условный характеръ, безъ сомнѣнія, слѣдуетъ приписывать здѣсь и обширному панегирическому стихотворству Симеона, которое своею напыщенною хвалебностію и поддѣльнымъ риторическимъ воодушевленіемъ, въ особенности, способно поставить весь его нравственный характеръ въ двухсмысленное и колеблющееся освѣщеніе. Здѣсь необходимо припомнить только одинокое и совершенно исключительное положеніе Симеона въ чуждой ему средѣ, заставлявшее его

поневолѣ искать себѣ поддержки въ личномъ вниманіи къ нему государя и окружающихъ его знатнѣйшихъ вельможъ. Кромѣ того, къ пріобрѣтенію этой поддержки естественно побуждало Симеона и его законное честолюбіе, какъ человѣка талантливаго, искавшаго себѣ необходимаго простора для дѣятельности и основательно усматривавшаго въ своихъ придворныхъ отношеніяхъ самое надежное ея основаніе. Слѣдуетъ замѣтить, также, что надутыя хвалебныя стихотворенія составляли тогда самое модное украшеніе всякихъ придворныхъ торжествъ,—и что, если Симеонъ былъ здѣсь стихотворцемъ по профессіи, то отдавался своему искусству совершенно искренно, придавая ему высокое общеобразовательное значеніе. Что же касается, наконецъ, поддѣльнаго воодушевленія его стихотвореній и ихъ преувеличенной лести, то несомнѣнно, что здѣсь многое относится лишь къ общимъ свойствамъ тогдашней панегирической поэзіи, которая, разъ усвоивъ себѣ хвалебный тонъ, не останавливалась въ своихъ изліяніяхъ до тѣхъ поръ, пока не истощались совершенно всѣ ея наличные рессурсы.

Конечно, не подлежитъ сомнѣнію, что въ своихъ придворныхъ отношеніяхъ Симеонъ Полоцкій нерѣдко заявлялъ себя необыкновенно ловкимъ и предпріимчивымъ человѣкомъ; но и здѣсь собственно выражался только его замѣчательный практическій тактъ, вовсе не допускающій подозрѣній относительно общей нравственной чистоты его стремленій. Ближайшія отношенія его ко двору всегда опирались, какъ извѣстно, на его дѣйствительныя и важныя заслуги, а пріобрѣтенное имъ отсюда огромное вліяніе также было имъ употребляемо для самыхъ высокихъ и общеполезныхъ начинаній. — При томъ, пользуясь вниманіемъ государей, онъ не только заслуживалъ

его своими трудами, но и оправдывалъ всецѣло своимъ общимъ благоприличнымъ поведеніемъ. Въ этомъ отношеніи слѣдуетъ замѣтить, что Симеонъ велъ себя здѣсь совершенно безукоризненно, всегда наблюдая величайшую осторожность и старательно избѣгая всего, что могло бы его компрометировать въ какомъ-бы то ни было отношеніи:

Близь царя еси—честь ти сотворися,
Но точію вины всякія блюдися:
Ибо тяжко оттуду падати,
И неудобно есть паки возстати [1]).

Точно также и въ своихъ отношеніяхъ къ знаменитѣйшимъ вельможамъ Симеонъ Полоцкій, заискивая себѣ ихъ расположеніе, все-таки, никогда не унижался здѣсь до низкаго пресмыкальства, а напротивъ, всегда заботился объ огражденіи нравственнаго достоинства собственной личности. При частомъ обращеніи своемъ съ ними, онъ обыкновенно придерживался золотой середины и, чтобы заслужить ихъ вниманіе, не рискуя собственнымъ достоинствомъ, старался ни отдаляться отъ нихъ совершенно, ни слишкомъ сближаться. Характеристическимъ изображеніемъ его житейскаго искусства въ этомъ отношеніи можетъ служить, между прочимъ, слѣдующее его наставленіе:

Аще у мужъ вельможныхъ есть благодать тебѣ,
Употребляти ея всеопасно требѣ:
Яко со огнемъ, съ ними есть полезно жити,
Ниже ся удаляти, ни велми близъ быти.
Огня удаляяйся ознобленъ бываетъ,
А близь зѣло сущыя, самъ огнь опаляетъ.
Тако иже отъ господъ себе удаляютъ:
Презрѣнни и безчестни у онѣхъ бываютъ.

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 288, л. 47-й.

Иже паки дерзают близитися зѣло
Мало за дерзость свою до конца суть цѣло.
Средство убо въ житіи семъ хранити требѣ.
Иже хощетъ безъ бѣдства дружбы ихъ себѣ[1])...

Здѣсь, очевидно, дѣйствовало въ Симеонѣ всегда присущее ему сознаніе своихъ высокихъ дарованій и личныхъ, всѣми признанныхъ заслугъ,—и потому несомнѣнно, что онъ основывалъ свои отношенія къ вельможамъ не столько на льстивомъ угодничествѣ имъ, сколько на пріобрѣтеніи ихъ уваженія къ его собственной личности. При необыкновенной и разнообразной дѣятельности Симеона, при извѣстныхъ его талантахъ и учености ихъ высокое уваженіе и удивленіе къ нему возникало само собою, и ему оставалось только поддерживать это своимъ постояннымъ вниманіемъ къ нимъ и возможными съ его стороны услугами. Дѣлать это Симеону было совсѣмъ не трудно; потому что въ своемъ родномъ краю онъ научился общему пріятному обращенію, а его личная склонность къ стихотворному искусству давала ему частное, слишкомъ дешевое для него, но модное и важное въ то время средство. При томъ, покровительство вельможъ было для него чрезвычайно важно лишь въ самое первоначальное время: впослѣдствіи онъ своими трудами достигъ такого значенія, что могъ быть полезнымъ человѣкомъ и для самихъ вельможъ.—Вотъ почему Симеонъ Полоцкій, основывавшій свою карьеру преимущественно на собственныхъ силахъ и непрерывномъ трудѣ, всегда чувствовалъ въ своихъ придворныхъ отношеніяхъ относительную нравственную независимость и предавалъ жестокому порицанію и осмѣянію тѣхъ, которые исключительно „во благодати человѣческой

---

[1]) Рукоп. Синод. библ. № 288, л. 279-й.

уповаютъ" и, забывая собственное достоинство, живутъ на послугахъ вельможъ:

На трости руцѣ свои утверждаютъ,
Кто въ человѣцѣхъ сильныхъ уповаетъ.
Трость сокрушится, падетъ утвержденный,
Умретъ вельможа, онъ будетъ прельщенный ...
Обаче мнози въ нихъ уповаютъ,
Вся въ нихъ надежды своя полагаютъ.
Въ то время мнятся блаженни и святи,
Егда общницы суть ихъ благодати,
Заповѣдь Бога жива призѣраютъ,
Да ихъ лукавѣй воли угождаютъ.
За слово онѣхъ готовы умрети,
А за Божіе ни мало терпѣти.
Не тщатся Богу тако угодити,
Яко вельможнымъ послугу явити.
И аще у нихъ милость обрѣтаютъ,
То гордостію сердца исполняютъ.
Суть яко говоръ на водѣ надменный,
И ходятъ, яко павлинъ напыщенный [1])...

Такимъ образомъ, Симеонъ Полоцкій, при различныхъ отношеніяхъ своихъ, всегда сохранялъ въ себѣ живое средоточіе опредѣленнаго нравственнаго характера и, не смотря на совершенную исключительность своего положенія, стремился никогда не дѣлать уступокъ въ своемъ личномъ нравственномъ достоинствѣ. Вращаясь постоянно въ придворной средѣ, то есть, находясь на самой подвижной и скользкой почвѣ и самъ, при томъ, имѣя чрезвычайно живой и предпріимчивый темпераментъ,—Симеонъ стоялъ здѣсь, все-таки, какъ высокая нравственная сила, не погрязшая въ суетѣ и никогда не отклонявшаяся отъ своихъ завѣтныхъ стремленій и своего общаго высокаго предназначенія. Безъ сомнѣнія, много помогали ему здѣсь благочестивая настроенность его ду-

---

[1]) Рукоп. Синод. библ., № 288, л. 44-й.

ха и неуклонное избѣжаніе имъ всякихъ соблазновъ, открывавшія мѣсто для постоянной сосредоточенности его въ направленіи къ высшимъ цѣлямъ жизни. Такъ разсматривали Симеона и его лучшіе современники, окружая его чрезвычайнымъ уваженіемъ,—и мы знаемъ уже, что даже самъ могущественный противникъ его, патріархъ Іоакимъ, не могъ не цѣнить этой общей возвышенности его нравственнаго характера, называя его не только ученымъ, но и „*добронравнымъ*".

Представленіе личнаго характера Симеона Полоцкаго, безъ сомнѣнія, не было бы полнымъ, если бы мы при этомъ не вспомнили еще о необычайномъ его трудолюбіи, послужившемъ важнѣйшимъ практическимъ основаніемъ его жизненныхъ успѣховъ. Трудолюбіе Симеона, какъ извѣстно, было непрерывное и неустанное, проявлялось въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ и въ каждомъ изъ нихъ достигало размѣровъ необыкновенныхъ. Коренясь въ глубочайшихъ основахъ его личнаго настроенія, оно составляло самую отличительную и выдающуюся черту его жизни, такъ часто обращавшую на себя вниманіе въ различныхъ частныхъ случаяхъ, что все наше разсмотрѣніе, нѣкоторымъ образомъ, можетъ служить ея обширною иллюстраціею. Теперь слѣдуетъ замѣтить только отъ чего это, собственно, происходило и какимъ образомъ Симеонъ, при своемъ учительствѣ и многочисленныхъ порученіяхъ, настолько успѣвалъ въ своихъ занятіяхъ, что оставилъ намъ такую массу учено-литературныхъ произведеній.

Здѣсь оказывается, что учено-литературный трудъ входилъ въ составъ повседневнаго правила Симеона, исполняемаго имъ въ продолженіе всей своей жизни, въ силу своихъ монашескихъ обѣтовъ. Сильвестръ Медвѣдевъ, послѣ приведеннаго уже нами

свѣденія объ ежедневныхъ благочестивыхъ подвигахъ его, сообщаетъ въ этомъ отношеніи слѣдующее извѣстіе: „Къ тому присно прилѣжалъ Симеонъ чтенію и писанію. На всякій же день имѣ залогъ писати въ полъдесть по полу тетрати, а писаніе его бѣ зѣло мѣлко и уписисто. И пребывая на Москвѣ 16 лѣтъ, написа своею рукою разныхъ книгъ по исчисленію прологовъ съ десять, или и вящше, о нихъ же азъ, Богу мнѣ вспомогающу, тщуся, да соберутся всѣ въ книги и міру да явятся“ [1]).

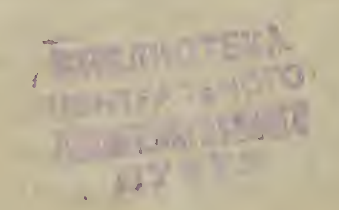
Неудивительно, такимъ образомъ, что Симеонъ Полоцкій, въ продолженіе всей своей жизни, пользовался замѣчательнымъ успѣхомъ въ Москвѣ и не только всегда удерживалъ здѣсь свое личное почетное положеніе, но и придалъ величайшую силу рѣзко проводимому имъ западническому направленію. Съ этой точки зрѣнія дѣятельность его, по своимъ размѣрамъ и общему вліянію на умы, имѣетъ важный историческій характеръ и составляетъ естественную подготовительную ступень къ послѣдовавшему за тѣмъ рѣшительному повороту нашей образованности къ Западу Европы.—Правда, въ послѣдніе годы жизни Симеона и въ особенности послѣ его смерти, въ этомъ отношеніи здѣсь произошла нѣкоторая задержка. Патріархъ Іоакимъ, какъ сторонникъ „греческаго ученія“, употреблялъ зависѣвшія отъ него мѣры къ распространенію его въ Москвѣ, — и это отразилось, ближайшимъ образомъ, на первоначальной судьбѣ проэктированной Симеономъ Славяно-Греко-Латинской Академіи. Не желая видѣть во главѣ этого учрежденія ученика его Сильвестра Медвѣдева, онъ вызвалъ сюда братьевъ Лихудовъ; но, какъ представители „греческаго уче-

---

[1]) Рукоп. библ. гр. Ал. Уварова, № 247, л. 4-й.

нія“, эти ученые были здѣсь уже послѣдними дѣятелями. При томъ дѣятельность Лихудовъ была слишкомъ кратковременна и преподаваніе ихъ производилось если и на греческомъ языкѣ, то въ духѣ западныхъ латинскихъ школъ, такъ что вызвало даже строгія обличенія въ этомъ со стороны патріарха Іерусалимскаго Досиѳея [1]).—Съ появленіемъ Палладія Роговскаго Славяно-Греко-Латинская Академія выступила уже рѣшительно на путь латинской учености, а съ наступленіемъ реформы Петра, эта ученость распространилась на всѣ духовныя школы сѣверо-восточной Россіи и съ тѣхъ поръ, утвердившись здѣсь, господствовала почти безраздѣльно до сравнительно очень недавняго времени.

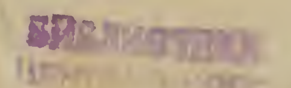
І. Татарскій.



1) Прибавл. къ твореніямъ Св. Отцевъ, 1845 г. 3 кн. 182—192 стр.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Стр.:	*Строки*:		*Напечатано*:	*Слѣдуетъ читать*:
„ 4	„ 4	сверху	О преемникѣ	О второмъ преемникѣ
„ 4	„ 13	„	расколо-учителей	расколоучителей
„ 6	„ 1	„	религіозноправствен-ный	религіозно-нравствен-ный
„ 13	„ 1	„	ничего	нечего
„ 14	„ 14	„	безсомнѣнія	безъ сомнѣнія
„ 19	„ 9	„	единоправіе	единонравіе
„ 31	„ 11	„	Кіево-Могиланской	Кіево-Могилянской
„ 30	„ 4	снизу	безсомнѣнія	безъ сомнѣнія
„ 36	„ 11	сверху	Проектированную	Проэктированную
„ 40	„ 4	снизу	унаслѣдованныя	унаслѣдованныя
„ 46	„ 14	сверху	безсомнѣнія	безъ сомнѣнія
„ 50	„ 2	снизу	чуждаю	чуждаго
„ 51	„ 17	„	безсомнѣнія	безъ сомнѣнія
„ 52	„ 16	сверху	безсомнѣнія	безъ сомнѣнія
„ 53	„ 13	„	Кназя	Князя
„ 58	„ 11	»	*юже во свяшыхъ*	*иже во святыхъ*
„ 58	„ 9	снизу	безсомнѣнія	безъ сомнѣнія
„ 65	„ 4	сверху	рукописся	рукописяхъ
„ 76	„ 11	„	Явился,	Явился
„ 88	„ 9	снизу	о Христѣ	о Христе
„ 97	„ 4	сверху	Семенъ	Симеонъ
„ 110	„ 5	снизу	(20-го іюня)	(29-го іюня)
„ 117	„ 8	сверху	, намъ	намъ,
„ 121	„ 5	„	,послѣдняго	послѣдняго
„ 142	„ 5	снизу	редакпію	редакцію
„ 145	„ 14	„	цертровъ	центровъ
„ 157	„ 5	сверху	вонкомъ	волкомъ
„ 164	„ 10	„	давишнихъ	давнишнихъ
„ 168	„ 12	снизу	ззмѣчаетъ	замѣчаетъ
„ 184	„ 3	сверху	украшены	украшена
„ 228	„ 15	„	Превысній	Превышній
„ 242	„ 13	„	въ 1677-го году	въ 1677-мъ году
„ 242	„ 16	„	въ 1678-го году	въ 1678-мъ году
„ 291	„ 11	„	*Бертоградомъ*	*Вертоградомъ*
„ 311	„ 16	„	нечто	ничто
„ 320	„ 8	„	побужденін	побужденія
„ 322	„ 12	„	спасенін!	спасенін.
„ 323	„ 3	снизу	моныстыря	монастыря



UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 16 09 08 02 009 9